

Г. Шмитц

ПРОБЛЕМЫ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

Karl Marx

F. Engels

ИЗ РАБОТ И ПИСЕМ
К.МАРКСА И Ф.ЭНГЕЛЬСА

Г. Шмитц

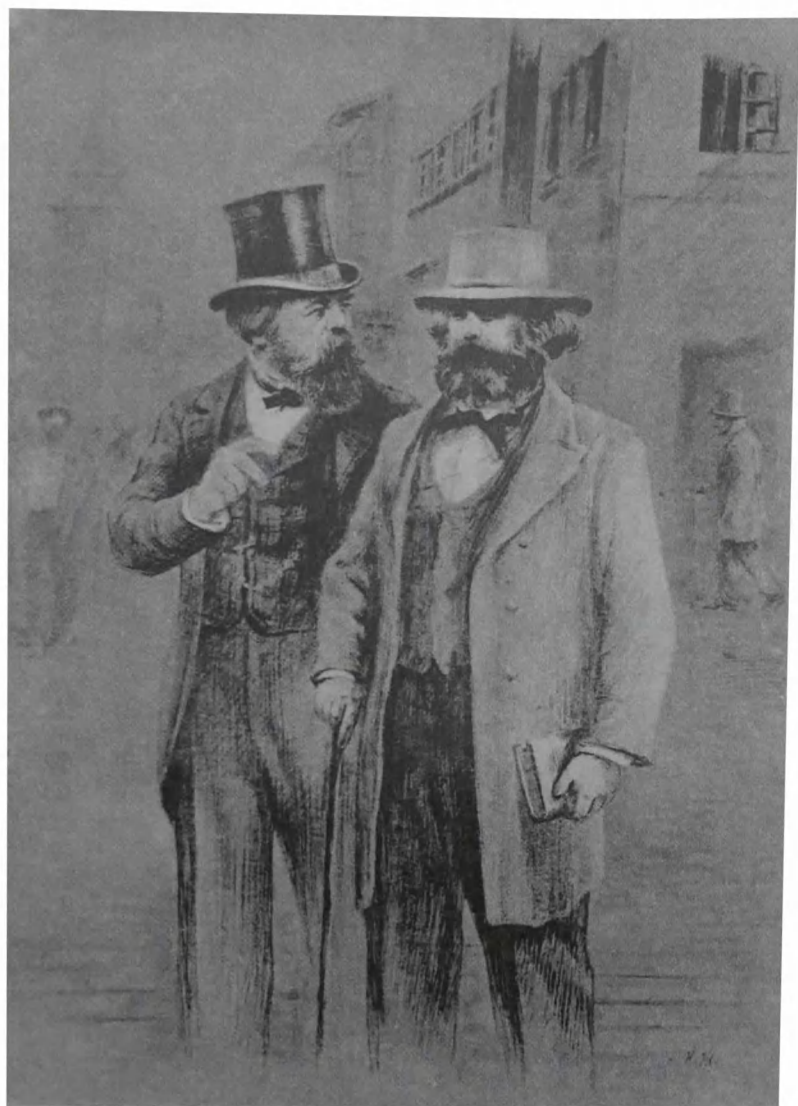
ПРОБЛЕМЫ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

ИЗ РАБОТ И ПИСЕМ
К.МАРКСА И Ф.ЭНГЕЛЬСА

**ПРОБЛЕМЫ
АРХИТЕКТУРЫ
И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА**

**ИЗ РАБОТ И ПИСЕМ
К.МАРКСА И Ф.ЭНГЕЛЬСА**

Г. Шмитц

ПРОБЛЕМЫ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

ИЗ РАБОТ И ПИСЕМ
К.МАРКСА И Ф.ЭНГЕЛЬСА

Перевод с немецкого Д.Г. Копелянского
Под редакцией
д-ра филос. наук В.И. Раббиновича
и д-ра экон. наук Л.А. Булочниковой

МОСКВА
СТРОЙИЗДАТ • 1988

Рекомендовано к изданию МАрХИ
Рецензент д-р экон. наук Б. С. Бушуев
Составитель д-р филос. наук В. И. Рабинович

Шмитц Г. Проблемы архитектуры и градостроительства: Из работ и писем К. Маркса и Ф. Энгельса / Пер. с нем. Д. Г. Копелянского; Сост. В. И. Рабинович; Под ред. В. И. Рабиновича и Л. А. Булочниковой. — М.: Стройиздат, 1988. — 303 с., ил. — Перевод изд.: Wohnung — Siedlung — Lebensweise/G. Schmitz. — VEB Verlag für Bauwesen, Berlin
ISBN-274-00706-6

На основе работ и писем К. Маркса и Ф. Энгельса автором из ГДР проанализированы коренные социальные и художественные проблемы архитектуры и градостроительства. В основу положены высказывания, почерпнутые из собрания сочинений классиков марксизма, дополненные сносками и примечаниями автора книги и редактора перевода. Материал иллюстрирован зарисовками исторических мест, связанных с именами К. Маркса и Ф. Энгельса, путевыми рисунками Ф. Энгельса, выполненными им в различные годы жизни.

Для архитекторов и проектировщиков.

Ил. 43

Ш $\frac{4902010000-572}{047(01)-88}$ 236-87

ISBN-274-00706-6

© 1980 by VEB Verlag für Bauwesen Berlin

© Предисловие к русскому изданию. Послесловие. Библиография. Перевод на русский язык. Стройиздат, 1988

Книга профессора Герхарда Шмитца, вышедшая в Германской Демократической Республике, актуальна и с архитектурной, и с идеологической точек зрения.

Существо идей К. Маркса и Ф. Энгельса не утрачивает своей жизненной силы, более того, практический их резонанс все возрастает.

В чем причина жизненности этих положений, сформулированных не одно десятилетие тому назад? Конечно же, в точности объективной истинности марксистского анализа, сила которого состоит в том, что он не ограничивался констатацией быстро изменяющихся явлений, а проникал в их глубину, отражая существо явлений и закономерности развития процессов. Сущность же и закономерность — это устойчивое, постоянное, непреходящее в явлениях. Общая теория социального развития отражает закономерности общественного прогресса, десятилетиями действующие в многообразных, противоречивых и все усложняющихся формах. Существо же общей творчески развивающейся и обогащающейся диалектико-материалистической методологии марксизма-ленинизма остается верным на века.

Гениальность К. Маркса и Ф. Энгельса сказалась не только в глубине анализа явлений общественного развития, но в широте и многогранности их интересов. Касаясь своеобразных проблем архитектуры, мы можем воспользоваться не только теми или иными отдельными замечаниями, но, как убедительно показывает в своей книге проф. Г. Шмитц, принципиальным и системным решением К. Марксом и Ф. Энгельсом ряда социально-экономических проблем архитектуры и строительства, которые служат нам отправными точками в исследовании проблем и задач архитектуры,

снабжают нас эффективным методологическим оружием для более полного раскрытия объективных законов развития, противоречий архитектуры при капитализме и при социализме. Это чрезвычайно важно для всех общественных наук, а значит и для теории архитектуры.

Именно такие объективные истины, «решенные давно и однозначно» К. Марксом и Ф. Энгельсом в отношении социально-экономических проблем архитектуры, широко излагаются в представленной книге.

Четкая методологичность, логичность изложения сочетаются с живостью и остротой заглавий и самых кратких комментариев. Вместе с тем у автора имеется свой политэкономический ракурс анализа очень интересно подобранных им высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса об архитектуре.

Следует сказать, что тема — К. Маркс, Ф. Энгельс и В.И. Ленин об архитектуре и строительстве — давно, с 20-30-х годов, привлекает внимание советских исследователей, показавших в ряде опубликованных статей и брошюр значимость данного классиками марксизма-ленинизма анализа коренных социальных и художественных проблем архитектуры и градостроительства. В советских публикациях охарактеризованы взгляды основоположников марксизма-ленинизма как на политэкономические, так и на философско-социологические, художественные и прогностические вопросы архитектуры. Так, дан подробный анализ очень интересных взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на социальную природу таких специфических явлений, как архитектура и градостроительство, а также художественных проблем зодчества. Очень интересными оказались результаты анализа высказываний классиков марксизма-ленинизма по теме «Архитектура и социализм»: у К. Маркса и Ф. Энгельса, а особенно у В.И. Ленина имеются не только «отдельные примеры» (о которых говорит автор в своем «Предисловии»), но и достаточно развитая система характеристик задач архитектуры после социалистической революции, многие из которых актуальны и поныне.

Все эти проблемы по-прежнему очень интересуют советского читателя, и мы вынуждены будем хотя бы очень кратко сказать о их наличии в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса и об их сути в Послесловии к русскому изданию книги Г. Шмитца.

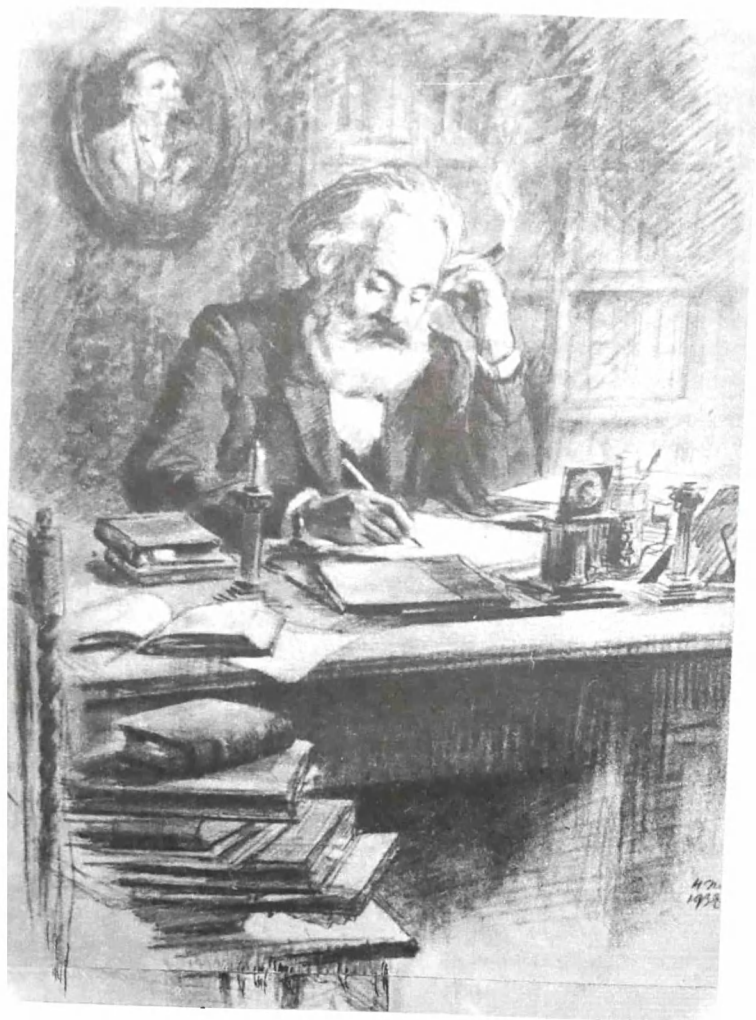
В Библиографию к русскому изданию книги включен и ряд не получивших отражения в немецком издании социологических

оценок К. Марксом и Ф. Энгельсом архитектуры и градостроительства. Это не только целесообразно, поскольку будет стимулировать стремление читателей обратиться к оригиналу, но и просто необходимо, ибо ряд этих положений введен в научный обиход опубликованными в СССР теоретико-архитектурными работами и, более того, обозначен в «Предметном указателе ко второму изданию Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса» (М.: Политиздат, 1978, ч. I и II) в рубриках «Архитектура», «Город», «Жилищный вопрос», «Земельная рента со строительного участка», «Противоположность между городом и деревней».

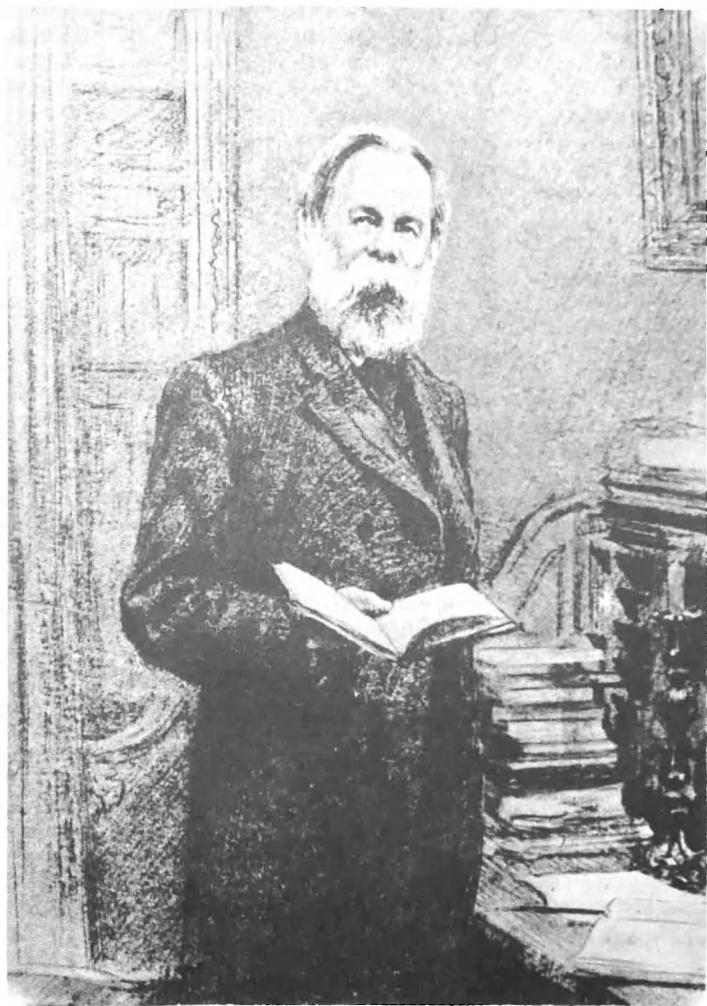
Следует отметить, что книга оказалась столь изобилующей политэкономическим и архитектурным материалом, что Стройиздату пришлось, с любезного согласия автора, сократить некоторые из позиций настоящего издания, имеющих лишь политэкономическое содержание и не выходящих на архитектурно-градостроительные проблемы. Такое сокращение только усилило профилизацию книги на советскую архитектурную аудиторию.

в целом же книга проф. Герхарда Шмитца уверенно может быть оценена как вклад в общее дело изучения и популяризации идей К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина об архитектуре и строительстве.

В.И. РАБИНОВИЧ, ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК

Karl Marx

F. Engels

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник представляет собой подборку ряда положений, касающихся проблем жилища, расселения и образа жизни, нашедших отражение в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса. Данной книге предшествовала аналогичная работа, опубликованная в 1974 г. в выпуске № 20 «Трудов Веймарской высшей школы архитектуры и строительства»¹. Отзывы об этой работе послужили поводом для ее переиздания в полностью переработанном виде. Новая концепция книги заключается в более представительном охвате материала и концентрации внимания на тематике преодоления противоречия между городом и деревней, а также на проблемах образа жизни.

Четыре раздела книги содержат высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса, затрагивающие прямо или косвенно область строительства и архитектуры. Изучая труды К. Маркса и Ф. Энгельса, зачастую наталкиваешься (даже там, где это трудно предположить) на мысли, наблюдения, аналитические выводы, представляющие собой блестящие примеры применения метода исторического материализма и политической экономии к освещению вопросов градостроительства и жилищного строительства, сооружения дорог, социальной сути архитектуры и строительной деятельности и т.п.

Особенно показателен в этом отношении второй раздел, в котором исследуются экономические законы градостроительства и жилищного строительства в капиталистическом обществе, суть земельной ренты и зависимость величины квартирной платы от законов капиталистического товарного производства. Этот раздел чрезвычайно актуален. Обратимся к современной статистике, свидетельствующей о постоянном росте стоимости жилищного строительства в капиталистических странах, что влечет за собой либо соответствующее возрастание квартирной платы, либо — если

¹ Karl Marx, Friedrich Engels, "Über den Einfluß der Produktionsweise auf die Lebensweise der Menschen, auf den Zustand von Wohnungen und Siedlungen und auf das Verhältnis von Stadt und Land". Weimar, 1977.

это временно затруднено экономическими и политическими соображениями — обуславливает нерентабельность эксплуатации жилищного фонда и уменьшение объемов жилищного строительства. По Энгельсу, квартирная плата представляет собой постепенную продажу квартиры, и при рассмотрении данной категории следует учитывать рост производительности труда в различных отраслях производства, изменения в скорости оборота капитала, инфляцию и динамику цен на земельные участки. Необходимо, следовательно, обратиться к проблемам, которые К. Маркс анализирует в трех томах «Капитала» и в «Теории прибавочной стоимости».

Неподготовленному читателю некоторые места в сочинениях К. Маркса могут казаться сложными. Но тот, кто своим упорным трудом достигнет понимания той или иной проблемы, будет несомненно вознагражден счастьем познания. Напомним в этой связи знаменитое изречение Маркса: «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т.23, с. 25).

Мы убеждены, что указание на возможные трудности не отпугнет читателя, а, наоборот, будет стимулировать его стремление обратиться к оригиналу. Ведь данная работа не может заменить изучение произведений классиков марксизма, а является, как нам представляется, некоторым подсобным материалом в деле марксистского освещения определенной архитектурно-строительной тематики.

Изучение приведенной подборки из трудов К. Маркса и Ф. Энгельса имеет и другую сторону. Мы приводим великолепные примеры полемики, чувство юмора в которых направлено на опровержение примитивных вульгарных представлений. Таково, например, полемическое высказывание Энгельса против одного немецкого прудониста, который с торжественным видом прокламировал отмену наемной платы (Mietzins) путем отмены выплаты процентов на капитал (Kapitalzins). Ф. Энгельс сравнивает наивное суждение о том, что наемная плата и выплата процентов на капитал есть одно и то же, с эпизодом своей службы в качестве вольноопределяющегося в Берлине, когда простак-майор пригласил доктора философии лечить свою супругу и кучу детей, решив, что доктор и есть доктор. Ф. Энгельс лаконично добавляет к этому эпизоду: «Так и с нашим прудонистом: наемная ли плата или процент на капитал — это для него безразлично, выплата есть выплата, доктор есть доктор» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т.18, с. 224—225).

Аналогичные примеры многочисленны. При выборе текстов мы учитывали юмор, иронию, сатиру и художественную выразительность слова, столь свойственные классикам марксизма, находя в их трудах замечательное умение пользоваться родной речью, отличающееся от скучного запутанного стиля, высмеянного Ф. Эн-

гельсом в первых строках его труда «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии». Это тот самый способ выражения, который был сатирически именован Г. Гейне «стилем оберточной бумаги». Читатель будет иметь возможность убедиться в том, что наука способна пользоваться живым юмористическим словом и что ирония и сатира могут значительно усилить доходчивость научного исследования.

В ответ на правомерный вопрос о степени соответствия содержания данной книги актуальным задачам современности ограничимся следующими замечаниями.

Современная эпоха содержит огромное число параллелей с рассмотренными К. Марксом и Ф. Энгельсом проблемами организованного в жилище быта и образа жизни. Разумеется, положение развитых капиталистических стран в 1978 г. отличалось от их состояния в 1878 г. Изменилось соотношение сил в мире, и современное положение рабочего класса несравнимо с ситуацией столетней давности. И тем не менее существуют те самые ужасные условия, которые бичевали К. Маркс и Ф. Энгельс (например, Ф. Энгельс в труде «Положение рабочего класса в Англии»). При этом нет необходимости отсылать читателя к трущобному быту трудящихся в Латинской Америке. Сошлемся только на обстоятельный рассказ итальянского социального реформатора Данило Дольчи в книге «Опрос в Палермо», подтверждающий актуальность социологического исследования, произведенного Ф. Энгельсом.

Как же отнестись к тому факту, что в развитых капиталистических странах сравнительно с прошлым столетием улучшились бытовые условия жизни трудящихся? Может быть природа капиталистического способа производства изменилась в такой степени, что уже прекратилось действие свойственных ему экономических законов? Такой вывод абсолютно неверен и противоречит во всех отношениях марксистскому мировоззрению. Любая честная статистика доказывает, что по-прежнему в силе открытый К. Марксом общий закон капиталистического накопления, обуславливающий концентрацию власти и богатства на одном полюсе и относительное и абсолютное ухудшение положения рабочего класса — на другом. Существо этого закона, однако, не означает беззащитность рабочего класса от его воздействия. Напротив, чем лучше рабочий класс осознает механизм капиталистического способа производства, тем с большим успехом он ему противостоит. Таким образом, теория К. Маркса и Ф. Энгельса, а в наше время наличие социалистического лагеря и его успехи помогают трудящимся в их борьбе за улучшение условий жизни.

Если в результате действия экономических законов капитализма, с одной стороны, существует постоянная угроза ухудшения условий жизни трудящихся, а с другой — наблюдается несомненное улучшение безопасности жилья по сравнению с XIX в., то, следовательно, налицо противоречивый процесс. Как расценивать подобные противоречия с позиций марксизма? Образцовый

пример мы находим у Ф. Энгельса в предисловии к немецкому изданию «Положения рабочего класса в Англии» (1892 г.). Энгельс говорит о том, какие недостатки были устранены на улицах Манчестера сравнительно с 1844 г. и почему это произошло. Он лаконично заключает свои замечания словами: «Буржуазия достигла дальнейших успехов в искусстве скрывать бедствия рабочего класса» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.22, с. 330).

Несомненно, что после 1892 г. буржуазия еще более преуспела в этом деле. К. Маркс и Ф. Энгельс учат не только верно оценивать происходящие изменения, но и задавать вопрос: не появились ли на месте исчезнувших или же «смягченных» бед новые тяготы для трудящихся?

Конечно, квартира в современном жилом массиве выглядит привлекательней жилищ, с которыми нас познакомил Ф. Энгельс. Можно ли, однако, говорить о решении жилищной проблемы, если иметь в виду стоимость одного квадратного метра в так называемом «социальном жилом фонде» и неизбежность дальнейшего роста квартирной платы.

Напршивается мысль, что хотя жилищные условия многих людей в капиталистических странах улучшены (оставляя в стороне вопрос о степени соответствия улучшений изменившимся социальным условиям), экономический пресс, испытываемый трудящимися, достиг размеров, которые вряд ли могут себе представить граждане социалистических стран. Таково одно из последствий капитализма, меняющего лишь формы своего проявления.

Обратимся к волнующим нас проблемам социалистического общества. К. Маркс и Ф. Энгельс воздерживались от пояснений, как конкретно надо будет решать ту или иную проблему в условиях социализма. Высказанные ими взгляды на некоторые вопросы организации социалистического или коммунистического общества не облекаются в форму догматически сформулированного императива. Однако изучение их высказываний представляет не только научный, но и практический интерес.

Наше общество вышло из исторического прошлого, когда воззрения людей формировались преимущественно на базе частной собственности на средства производства. Много ли таких представлений сохранило свою жизнеспособность сейчас? В нашем обществе продолжают сохраняться товарно-денежные отношения. Ценностные представления выражаются в денежной форме. Но разве в этом состоит все общественное и личное богатство? Часто размышляют: капитализм бесконечно развивает производство, но то же самое происходит и при социализме; так не завершим ли мы развитие в обществе потребления? На этот вопрос мы найдем исчерпывающий ответ в четвертом разделе книги:

«Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является *нашим*...когда мы им обладаем... когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т.д., од-

ним словом, когда мы его *потребляем*) (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.42, с.120).

Разве К. Маркс не смог бы повторить эту мысль и сегодня? Размышления над такими или аналогичными высказываниями могут привести к более глубокому осознанию перемен, обусловленных этапом социализма. Читателей, знакомых только с «обязательным» курсом марксистской теории, может быть, поразят высказывания К. Маркса о необходимости повышения способности человека к наслаждению, а также его язвительные замечания в адрес ультра-левых «аскетов» и сторонников якобы подлинно социалистического образа жизни. Эти замечания не менее саркастичны, чем его издевка над закоренелыми буржуазными взглядами, согласно которым только капиталистическое общество гарантирует свободное развитие личности.

Сказанного выше, вероятно, достаточно, чтобы ввести читателей в круг намерений автора данного труда. Предлагаемая книга не единоличный вклад, ее концепция основана на многочисленных консультациях и собеседованиях. Считаю своим долгом выразить благодарность в первую очередь консультантам Издательства по строительству за помощь и многие ценные указания, а также экспертам за их глубокие заключения. Благодарю также руководство Веймарской высшей школы архитектуры и строительства, а также товарищей и коллег из Института марксизма-ленинизма за советы по различным аспектам данного труда.

Таким образом, книга — продукт коллективного труда, что позволяет мне надеяться на то, что она, говоря языком политэконома, представляет собой определенную потребительную стоимость.

ПРОФЕССОР ГЕРХАРД ШМИТЦ

1. ОБЩЕСТВО И ИСКУССТВЕННАЯ СРЕДА ОБИТАНИЯ

1.1. ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НА АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНУЮ СРЕДУ

Фабричные города

В массовой истории не было никаких *фабричных городов* до появления *фабрик*. В критической же истории, где сын порождает своего отца, как это уже имело место у Гегеля, — в этой истории *Манчестер*, *Болтон* и *Престон* представляли собой процветающие фабричные города в то время, когда никто еще и не думал о фабриках.

К. Маркс и Ф. Энгельс. *Немецкая идеология*.
Соч., т. 2, с. 12-13¹

Условия производства и быта до промышленной революции

До введения машин превращение сырья в пряжу и затем в ткань совершалось на дому у рабочего. Жена и дочери пряли пряжу, которую отец семейства превращал в ткань; если он сам ее не обрабатывал, пряжа продавалась. Эти семьи ткачей жили большей частью в деревне, близ городов, и могли неплохо существовать на свой заработок, так как местный рынок все еще был в смысле спроса на ткани решающим и даже почти единственным рынком, а всеисилие конкуренции, проложившей себе дорогу впоследствии в связи с завоеванием иностранных рынков и расширением торговли, не оказывало еще заметного действия на заработную плату. К этому присоединялось еще постоянное увеличение спроса на местном рынке, которое шло в ногу с медленным ростом населения и обеспечивало работой всех рабочих; к тому же сильная конкуренция между ними была невозможна вследствие разбросанности их жилищ в сельской местности. Таким образом, ткач

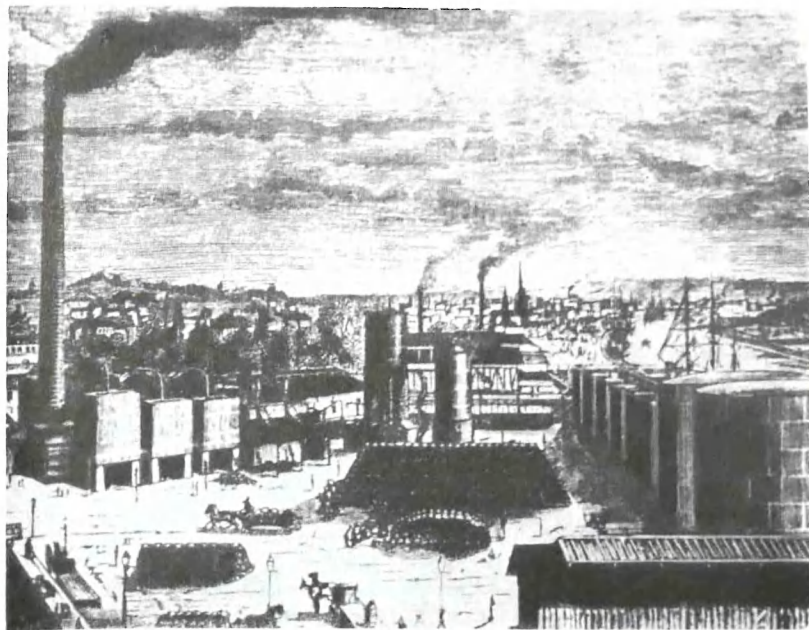
¹ При указании источников во всех нижеследующих случаях (за исключением оговоренных) будут даваться ссылки на Сочинения К.Маркса и Ф.Энгельса. Для удобства пользования библиографическими списками при всех ссылках на работы К.Маркса или Ф.Энгельса или на их совместные труды в данной книге издание: К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., 2-е изд., тт.1—50, будет обозначаться как «Соч». (Примеч. ред.).

большней частью был даже в состоянии кое-что откладывать и арендовать небольшой участок земли, который он обрабатывал в часы досуга, а их у него было сколько угодно, так как он мог ткать когда и сколько ему хотелось. Правда, земледелец он был плохой, его хозяйство велось небрежно и не приносило существенного дохода; но, по крайней мере, он не был пролетарием, он вбил, как выражаются англичане, столб в родную землю, он был оседлым человеком и в обществе стоял на одну ступень выше, чем теперешний английский рабочий.

Так рабочие вели растительное и уютное существование, жили честно и спокойно, в мире и почете, и материальное их положение было значительно лучше положения их потомков; им не приходилось переутомляться, они работали ровно столько, сколько им хотелось, и все же зарабатывали, они им было пужно; у них был досуг для здоровой работы в саду или в поле — работы, которая сама уже была для них отдыхом, — и кроме того они имели еще возможность принимать участие в развлечениях и играх соседей; а все эти игры в кегли, в мяч и т.п. содействовали сохранению здоровья и укреплению тела. Это были большей частью люди сильные, крепкие, своим телосложением мало или даже вовсе не отличавшиеся от окрестных крестьян. Дети росли на здоровом деревенском воздухе, и если им и случалось помогать в работе своим родителям, то это все же бывало лишь время от времени, и, конечно, о восьми- или двенадцатичасовом рабочем дне не было и речи.

Легко себе представить, каков был моральный и интеллектуальный уровень этого класса. Отрезанные от городов, где они никогда не бывали, так как пряжу и ткань они сдавали разъездным агентам, от которых получали заработную плату, — отрезанные до такой степени, что старики, проживавшие в непосредственном соседстве с городом, никогда не бывали там, пока, наконец, машины, отняв у них их заработок, не привели их туда в поисках работы, — они в моральном и интеллектуальном отношении стояли на уровне крестьян, с которыми они большей частью были и непосредственно связаны благодаря своему участку арендованной земли. В своем *скайре* — наиболее значительном из местных землевладельцев — они видели своего «естественного повелителя», искали у него совета, делали его судьей в своих мелких спорах и проявляли к нему ту почтительность, которая обуславливается такими патриархальными отношениями. Они были людьми «почтенными» и хорошими отцами семейств, вели нравственную жизнь, поскольку у них отсутствовали и поводы к безнравственной жизни — кабаков и притонов поблизости не было, а трактирщик, у которого они временами утоляли жажду, сам был человек почтенный и большей частью крупный арендатор, торговал хорошим пивом, любил строгий порядок и по вечерам рано закрывал свое заведение. Дети целый день проводили дома с родителями и воспитывались в повиновении к ним и в страхе божием. Патриархаль-

ные семейные отношения не нарушались до свадьбы детей. Молодые люди росли в идиллической простоте и доверии вместе со своими товарищами по играм до самой свадьбы, и хотя половые сношения до брака были почти обычным явлением, но происходило это только тогда, когда обе стороны признавали за собой мо-

Фабрика фирмы «Дойч и сыновья» в г. Берлине, 1881 г.

ральное обязательство к вступлению в брак, и состоявшаяся свадьба снова приводила все в порядок. Одним словом, тогдашние английские промышленные рабочие жили и мыслили так, как живут еще и теперь кое-где в Германии, замкнуто и обособленно, без духовной деятельности и без резких колебаний в условиях своей жизни. Они редко умели читать и еще реже писать, аккуратно посещали церковь, не занимались политикой, не устраивали заговоров, не размышляли, увлекались физическими упражнениями, с благочестием, привитым с детства, слушали чтение библии и в своем неприязнательном смирении прекрасно уживались с более привилегированными классами общества. Но зато в духовном отношении они были мертвы, жили только своими мелкими частными интересами, своим ткацким станком и садиком, и не знали ничего о том мощном движении, которым за пределами их деревень было охвачено

все человечество. Они чувствовали себя хорошо в своей тихой растительной жизни и, не будь промышленной революции, они никогда не расстались бы с этим образом жизни, правда, весьма романтическим и уютным, но все же недостойным человека. Они и не были людьми, а были лишь рабочими машинами на службе немногих аристократов, которые до того времени вершили историю. Промышленная революция лишь довела дело до конца, полностью превратив рабочих в простые машины и лишив их последнего остатка самостоятельной деятельности, но она тем самым заставила их думать, заставила их добиваться положения, достойного человека. Как во Франции политика, так в Англии промышленность и вообще движение гражданского общества вовлекли в поток истории последние классы, оставшиеся еще равнодушными к общим интересам человечества.

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. Соч., т. 2, с. 243—245

Значение промышленной революции и ее последствия

Промышленная революция имеет такое же значение для Англии, как политическая революция — для Франции, как философская революция — для Германии. И различие между Англией 1760 г. и Англией 1844 г. по меньшей мере так же велико, как между Францией при *ancien régime*¹ и Францией июльской революции. Но самым важным детищем этого промышленного переворота является английский пролетариат.

Мы уже видели, как введение машин вызвало к жизни пролетариат. Быстрое развитие промышленности создало потребность в рабочих руках; заработная плата повысилась, и вследствие этого толпы рабочих устремились из сельскохозяйственных округов в города. Население росло с невероятной быстротой, и почти весь прирост приходился на рабочий класс. К тому же Ирландия только в начале XVIII века была приведена в состояние спокойствия; и здесь население, которое уменьшилось больше чем на одну десятую в результате жестокостей англичан во время предшествовавших волнений, быстро стало увеличиваться, в особенности с тех пор как расцвет промышленности стал привлекать множество ирландцев в Англию. Так возникли большие фабричные и торговые города Великобритании, в которых по меньшей мере три четверти населения принадлежат к рабочему классу, а мелкая буржуазия состоит только из лавочников и очень, очень немногочисленных ремесленников. Но возникшая промышленность лишь потому так разрослась, что она заменила инструменты машинами, мастерские фабриками и тем самым превратила трудовые элементы среднего класса в рабо-

чих пролетариев, а прежних крупных торговцев в фабрикантов; она вытеснила мелкую буржуазию и свела все различия населения к противоположности между рабочими и капиталистами. И за пределами промышленности в узком смысле слова, в области ремесла и даже торговли произошло то же самое.

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. Соч., т. 2, с. 256 – 257

Центроформирующая тенденция промышленности

Но централизующая тенденция промышленности этим не ограничивается. Население так же централизуется, как и капитал; и это вполне естественно, ведь в промышленности человек, рабочий, рассматривается лишь как своего рода капитал, который сам себе предоставляет в пользование фабриканту, за что тот платит ему проценты под названием заработной платы. Крупное промышленное предприятие требует совместного труда многих рабочих в одном помещении; эти рабочие должны жить поблизости: даже при небольшой фабрике они образуют целый поселок. У них есть известные потребности, для удовлетворения которых нужны еще люди: ремесленники, портные, саножники, пекари, каменщики, столяры селятся тут же. Население поселка, в особенности молодое поколение, приучается к работе на фабрике, свыкается с ней; когда первая фабрика уже не может, что вполне естественно, обеспечить работой всех желающих, заработная плата падает, и результатом является обоснование в данной местности новых фабрикантов. Так поселок превращается в городок, а городок в большой город. Чем больше город, тем выгоднее в нем обосноваться: тут и железная дорога, и каналы, и шоссе; выбор обученных рабочих становится все больше; благодаря конкуренции в строительном деле и в производстве машин организация новых предприятий тут, где все под рукой, обходится дешевле, чем в более отдаленных местностях, куда нужно предварительно доставить не только строительный материал и машины, но и строительных и фабричных рабочих; тут рынок, биржа, где встречаются покупатели; тут есть непосредственная связь с рынками сырья и сбыта готовых товаров. Этим обусловливается поразительно быстрый рост больших фабричных городов. — Правда, деревня, в свою очередь, имеет перед городом то преимущество, что там обычно можно дешевле нанять рабочих. Таким образом, конкуренция между деревней и фабричным городом не прекращается, и если сегодня преимущество на стороне города, то завтра заработная плата в деревне упадет настолько низко, что станет более выгодным строить новые фабрики в деревне. Но централизующая тенденция промышленности остается при этом в полной силе, и каждая новая фаб-

рика, построенная в деревне, носит в себе зародыш фабричного города. Если бы эта бешеная гонок промышленности могла так продолжаться еще сотню лет, каждый из промышленных округов Англии превратился бы в один громадный фабричный город, и Манчестер и Ливерпуль встретились бы где-нибудь возле Уоррингтона или Ньютона. Эта централизация населения идет тем же путем и в торговле, и потому несколько больших гаваней, как Ливерпуль, Бристоль, Гулль и Лондон, монополизируют почти всю морскую торговлю Великобритании.

Так как в этих больших городах промышленность и торговля наиболее развиты, то последствия этого развития по отношению к пролетариату здесь наиболее ясно выступают наружу. Здесь централизация собственности достигает своего апогея; здесь нравы и отношения доброго старого времени наиболее радикально уничтожены...

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. Соч., т. 2, с. 261–262

Производство и общество

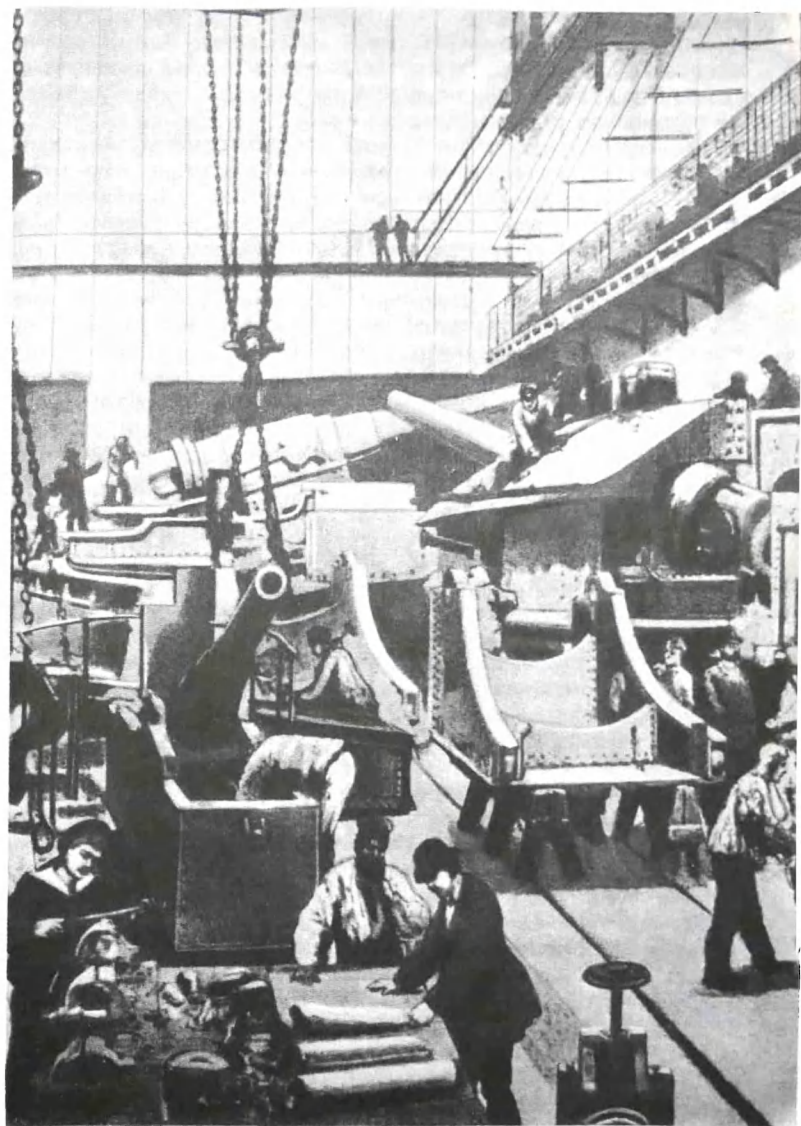
Предпосылки, с которых мы начинаем, — не произвольны, они — не догмы; это — действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем.

Первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов¹...

Это производство начинается впервые с *ростом населения*. Само оно опять-таки предполагает *общение* (*Verkehr*) индивидов между собой. Форма этого общения, в свою очередь, обуславливается производством.

Взаимоотношения между различными нациями зависят от того, насколько каждая из них развила свои производительные силы, разделение труда и внутреннее общение. Это положение общепризнанно. Но не только отношение одной нации к другим, но и вся внутренняя структура самой нации зависит от ступени развития ее производства и ее внутреннего и внешнего общения. Уровень развития производительных сил нации обнаруживается всего на-

¹ Далее в рукописи: «Первый исторический акт этих индивидов, благодаря которому они отличаются от животных, состоит не в том, что они мыслят, а в том, что они начинают производить необходимые им средства к жизни». *Ред.*

На оружейном заводе Круппа в г. Эссен

гляднее в том, в какой степени развито у нее разделение труда. Всякая новая производительная сила, — поскольку это не просто количественное расширение известных уже до того производительных сил (например, возделывание новых земель), — влечет за собой дальнейшее развитие разделения труда.

Разделение труда в пределах той или иной нации приводит прежде всего к отделению промышленного и торгового труда от труда сельскохозяйственного и, тем самым, к отделению *города* от *деревни* и к противоположности их интересов. Дальнейшее развитие разделения труда приводит к обособлению торгового труда от промышленного. Одновременно, благодаря разделению труда внутри этих различных отраслей, развиваются, в свою очередь, различные подразделения индивидов, сотрудничающих в той или иной отрасли труда. Соотношение этих различных подразделений обуславливается способом применения сельскохозяйственного, промышленного и торгового труда (патриархализм, рабство, сословия, классы). При более развитом общении те же отношения обнаруживаются и во взаимоотношениях между различными нациями.

Различные ступени в развитии разделения труда являются вместе с тем и различными формами собственности, т.е. каждая ступень разделения труда определяет также и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда.

Первая форма собственности, это — племенная собственность. Она соответствует неразвитой стадии производства, когда люди живут охотой и рыболовством, скотоводством или, самое большее, земледелием. В последнем случае она предполагает огромную массу еще неосвоенной земли. На этой стадии разделение труда развито еще очень слабо и ограничивается дальнейшим расширением существующего в семье естественно возникшего разделения труда...

Вторая форма собственности, это — античная общинная и государственная собственность, которая возникает благодаря объединению — путем договора или завоевания — нескольких племен в один *город* и при которой сохраняется рабство. Наряду с общинной собственностью развивается уже и движимая, а впоследствии и недвижимая, частная собственность, но как отклоняющаяся от нормы и подчиненная общинной собственности форма. Граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации. Поэтому вся основывающаяся на этом фундаменте структура общества, а вместе с ней и народовластие, приходит в упадок в той же мере, в какой именно развивается недвижимая частная собственность. Разделение труда имеет уже более развитый характер. Мы встречаем уже противоположность между городом и деревней, впоследствии — противоположность между государствами, из которых одни представляют городские,

а другие — сельские интересы; внутри же городов имеет место противоположность между промышленностью и морской торговлей. Классовые отношения между гражданами и рабами уже достигли своего полного развития...

Третья форма, это — феодальная или сословная собственность. Если для античности исходным пунктом служит *город* и его небольшая округа, то для средневековья исходным пунктом служила *деревня*. Эта перемена исходного пункта была обусловлена редкостью и рассеянностью по обширной площади первоначального населения, которое приток завоевателей не увеличивал сколько-нибудь значительно. Поэтому, в противоположность Греции и Риму, феодальное развитие начинается на гораздо более широкой территории, подготовленной римскими завоеваниями и связанным с ними вначале распространением земледелия. Последние века приходящей в упадок Римской империи и самое завоевание ее варварами разрушили массу производительных сил; земледелие пришло в упадок, промышленность, из-за отсутствия сбыта, захирела, торговля замерла или была насильственно прервана, сельское и городское население убыло. Имевшиеся налицо отношения и обусловленный ими способ осуществления завоевания развили под влиянием военного строя германцев, феодальную собственность. Подобно племенной и общинной собственности, она также покоится на известной общности, которой, однако, противостоят, в качестве непосредственно производящего класса, не рабы, как в античном мире, а мелкие крепостные крестьяне. Вместе с полным развитием феодализма появляется и антагонизм по отношению к городам. Иерархическая структура землевладения и связанная с ней система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными. Эта феодальная структура, как и античная общинная собственность, была ассоциацией, направленной против поработленного, производящего класса; различны были лишь форма ассоциации и отношение к непосредственным производителям, ибо налицо были различные условия производства.

Этой феодальной структуре землевладения соответствовала в *городах* корпоративная собственность, феодальная организация ремесла. Собственность заключалась здесь главным образом в труде каждого отдельного индивида. Необходимость объединения против объединенного разбойничьего дворянства, потребность в общих рыночных помещениях в период, когда промышленник был одновременно и купцом, рост конкуренции со стороны беглых крепостных, которые стекались в расцветавшие тогда города, феодальная структура всей страны — все это породило *цехи*; благодаря тому, что отдельные лица среди ремесленников; число которых оставалось неизменным при растущем населении, постепенно накапливали, путем сбережений, небольшие капиталы, — развилась система подмастерьев и учеников, создавшая в городах иерархию, подобную иерархии сельского населения.

Таким образом, главной формой собственности в феодальную

эпоху была, с одной стороны, земельная собственность, вместе с прикованным к ней трудом крепостных, а с другой — собственный труд при наличии мелкого капитала, господствующего над трудом подмастерьев. Структура обоих этих видов собственности обуславливалась ограниченными отношениями производства — слабой и примитивной обработкой земли и ремесленным типом промышленности. В эпоху расцвета феодализма разделение труда было незначительно. В каждой стране существовала противоположность между городом и деревней; сословная структура имела, правда, резко выраженный характер, но, помимо разделения на князей, дворянство, духовенство и крестьян в деревне и на мастеров, подмастерьев, учеников, а вскоре также и плетеев-поденщиков в городах, не было сколько-нибудь значительного разделения труда. В земледелии оно затруднялось парцеллярной обработкой земли, наряду с которой возникла домашняя промышленность самих крестьян; в промышленности же, внутри отдельных ремесел, вовсе не существовало разделения труда, а между отдельными ремеслами оно было лишь очень незначительным. Разделение между промышленностью и торговлей в более старых городах имело уже раньше; в более новых оно развилось лишь впоследствии, когда города вступили во взаимоотношения друг с другом.

*К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Соч., т. 3, с. 18—24*

Разделение труда между городами

Ближайшим следствием разделения труда между различными городами было возникновение мануфактур, отраслей производства, переросших рамки цехового строя. Исторической предпосылкой первого расцвета мануфактур — в Италии, а позже во Фландрии — были сношения с зарубежными нациями. В других странах — например, в Англии и Франции — мануфактуры первоначально ограничивались внутренним рынком. Кроме указанных предпосылок возникновение мануфактур было обусловлено также возросшей концентрацией населения, в особенности деревенского, и капитала, который начал скопляться в отдельных руках — отчасти в цехах, вопреки цеховым законам, отчасти у купцов.

Тот вид труда, который с самого начала был связан с машиной, хотя бы еще самой примитивной, обнаружил вскоре наибольшую способность к развитию. Ткачество, которым до того крестьяне занимались между делом, чтобы изготовить себе необходимую одежду, было первым видом труда, получившим благодаря расширению сношений толчок к дальнейшему развитию. Ткачество было первой из мануфактур и оставалось главной из них ... Наряду с ткацкими для собственного потребления крестьянами, которые

продолжали — и поныне продолжают — это делать, в городах возник новый класс ткачей, ткани которых были предназначены для всего внутреннего рынка, а по большей части также и для внешних рынков.

Ткачество — эта разновидность труда, которая в большинстве случаев не требует большого искусства и вскоре распадается на бесчисленное множество отраслей, — в силу всей своей внутренней природы противилось цеховым путам. Поэтому ткачеством занимались большей частью вне рамок цеховой организации в деревнях и местечках, которые постепенно превратились в города и притом вскоре в самые цветущие города каждой страны.

*К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Соч., т. 3, с. 54—55*

Господство буржуазии в городах

Расширение торговли и мануфактуры ускорило накопление движимого капитала, между тем как в цехах, не получивших никакого стимула к расширению производства, естественно сложившийся капитал оставался неизменным или даже убывал. Торговля и мануфактура создали крупную буржуазию; в цехах же концентрировалась мелкая буржуазия, которая теперь, в отличие от прежнего, уже не господствовала в городах и должна была склониться перед господством крупных кунцов и владельцев мануфактур¹. Отсюда упадок цехов, как только они пришли в соприкосновение с мануфактурой.

*К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Соч., т. 3, с. 57.*

Торговые и фабричные города

Именно кунцы, и в особенности судовладельцы, больше всех настаивали на государственной охране и монополиях; правда, и владельцы мануфактур требовали — и добивались — охраны, но в смысле политического значения они всегда уступали кунцам. Торговые города, особенно приморские, достигли некоторой цивилизованности и приобрели крупнобуржуазный характер, тогда как в фабричных городах продолжала царить мелкобуржуазная стихия.

*К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Соч., т. 3, с. 59*

¹ Пометка Маркса на полях: «Мелкая буржуазия, среднее сословие, крупная буржуазия». *Ред.*

Преобразование городов крупной индустрией

Несмотря на эти охранительные меры, крупная промышленность сделала конкуренцию универсальной (последняя представляет собой практическую свободу торговли; покровительственные пошлины являются в ней только паллиативом, оборонительным оружием *в пределах* свободы торговли), создала средства сообщения и современный мировой рынок, подчинила себе торговлю, превратила весь капитал в промышленный капитал и породила таким образом быстрое обращение (развитую денежную систему) и централизацию капиталов. При помощи универсальной конкуренции она поставила всех индивидов перед необходимостью крайнего напряжения всей своей энергии. Где только могла, она уничтожила идеологию, религию, мораль и т. д., а там, где она этого не сумела добиться, она превратила их в явную ложь. Она впервые создала всемирную историю, поскольку поставила удовлетворение потребностей каждой цивилизованной страны и каждого индивида в ней в зависимость от всего мира и поскольку уничтожила прежнюю, естественно сложившуюся обособленность отдельных стран. Она подчинила естествознание капиталу и лишила разделение труда последних следов его естественного характера. Она уничтожила вообще естественно сложившиеся отношения — поскольку это возможно в рамках труда; она превратила их в отношения денежные. Вместо прежних естественно выросших городов она создала современные крупные промышленные города, выраставшие с молниеносной быстротой. Повсюду, куда она проникала, она разрушала ремесло и вообще все прежние ступени промышленности. Она завершила победу торгового города над деревней.

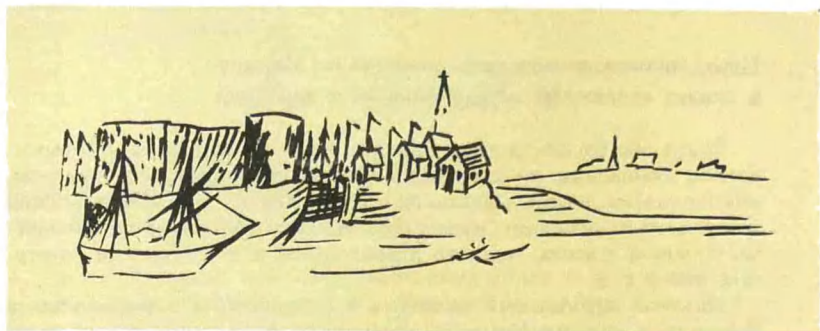
*К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Соч., т. 3, с. 60*

Города Германии и Англии в XVI в.

Однако рост национального производства Германии все еще отставал от роста производства других стран. Немецкое земледелие значительно уступало английскому и нидерландскому; немецкая промышленность стояла далеко позади итальянской, фламандской и английской, а в морской торговле англичане и особенно голландцы начали вытеснять немцев. Население все еще оставалось очень редким. Цивилизация в Германии существовала лишь местами, сосредоточиваясь вокруг отдельных промышленных и торговых центров; интересы даже этих отдельных центров сильно расходились; лишь кое-где едва обнаруживались точки соприкосновения. Юг имел совершенно иные торговые связи и рынки сбыта, чем север; между востоком и западом почти вовсе не существо-

вало обмена. Ни один город не мог сделаться промышленным и торговым центром всей страны, каким для Англии был, например, уже Лондон.

*Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии
Соч., т. 7, с. 347.*

Вид Бремсхавена. Рисунок Ф. Энгельса. 1840 г.

Подъем промышленности и городов в Германии

Уничтожение феодализма, выраженное в положительной форме, означает установление буржуазного строя. По мере того как отпадают привилегии дворянства, законодательство обуржуазивается. И здесь мы подходим к основному моменту в отношении немецкой буржуазии к правительству... Буржуазия покупает свое постепенное общественное освобождение ценой немедленного отказа от собственной политической власти. Разумеется, главным побудительным мотивом, делающим для буржуазии приемлемым такое соглашение, является не страх перед правительством, а страх перед пролетариатом.

Как не жалки выступления нашей буржуазии в области политики, нельзя, однако, отрицать, что в отношении промышленности и торговли она, наконец, стала выполнять свои обязанности. Подъем промышленности и торговли, отмеченный мной в предисловии ко второму изданию, продолжался с тех пор с еще большей энергией. То, что происходило в этом отношении в Рейнско-Вестфальском промышленном районе с 1869 г., прямо-таки неслыханно для Германии и напоминает расцвет английских фабричных округов в начале этого столетия. То же самое произошло в Саксонии и Верхней Силезии, в Берлине, Ганновере и приморских городах. Мы обрели, наконец, мировую торговлю, настоящую крупную

промышленность, настоящую современную буржуазию; но зато у нас имел место и настоящий кризис, а также сложился настоящий, мощный пролетариат.

*Ф. Энгельс. Добавление к предисловию 1870 г.
к «Крестьянской войне в Германии». Соч.,
т. 18, с. 496—497*

Метод политэкономического анализа по Марксу и анализ отношений между городом и деревней

Когда мы рассматриваем данную страну в политико-экономическом отношении, то мы начинаем с ее населения, его разделения на классы, распределения населения между городом, деревней и морскими промыслами, между различными отраслями производства, с вывоза и ввоза, годового производства и потребления, товарных цен и т. д.

Кажется правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например в политической экономии, с населения, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства. Между тем при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население — это абстракция, если я оставлю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю основ, на которых они покоятся, например наемного труда, капитала и т. д. Эти последние предполагают обмен, разделение труда, цены и т. д. Капитал, например, — ничто без наемного труда, без стоимости, денег, цены и т. д. Таким образом, если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более близких определений я аналитически подходил бы ко все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более и более точным абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями. Первый путь — это тот, по которому политическая экономия исторически следовала в период своего возникновения... Последний метод есть, очевидно, правильный в научном отношении. Конкретное поэтому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления... Целое, как оно представляется в голове в качестве мыслимого целого, есть продукт мыслящей головы, которая осваи-

вает мир исключительно ей присущим образом — образом, отличающимся от художественного, религиозного, практически-духовного освоения этого мира. Реальный субъект остается, как и прежде, вне головы, существуя как нечто самостоятельное, и именно до тех пор, пока голова относится к нему лишь умозрительно, лишь теоретически. Поэтому и при теоретическом методе субъект, общество, должен постоянно витать в нашем представлении как предпосылка.

*К. Маркс. Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов).
Соч., т. 12, с. 726–728*

Первые идеи в области «планировки городов и областей»

Петти раскрыл значение *разделения труда* и как производительной силы, и притом в более обширном плане, чем Адам Смит. См. «An Essay concerning the multiplication of mankind etc.» 3 edition, 1686, p. 35—36 («Очерк об увеличении численности рода человеческого и т. д.», 3-е издание, 1686, стр. 35—36). Он показывает здесь преимущества разделения труда для производства не только на примере фабрики карманных часов, как позднее А. Смит это сделал на примере фабрики булавок, но также в масштабе города и целой страны, рассматриваемых в качестве крупных фабричных предприятий... Его гениальная смелость обнаруживается, например, в предложении перевести всех жителей Ирландии и горной Шотландии вместе с их движимым имуществом в свободную часть Великобритании. Тем самым сберегалось бы рабочее время, увеличилась бы производительная сила труда, и «король и его подданные стали бы богаче и сильнее».

*К. Маркс. К критике политической экономии.
Соч., т. 13, с. 39 (примечание)*

Превращение фабричных сел в фабричные города. Рост больших городов

Научив нас превращать, в технических целях, молекулярное движение, осуществимое более или менее везде, в движение масс, крупная промышленность в значительной степени освободила промышленное производство от местных рамок. Сила воды была связана с данным местом, сила пара — свободна. Если сила воды обязана по необходимости с деревней, то сила пара отнюдь не обязательно связана с городом. Только капиталистическое применение последней сосредоточивает ее преимущественно в городах и превращает фабричные села в фабричные города. Но этим самым

оно в то же время подрывает условия нормального хода производства. Первая потребность паровой машины и главная потребность почти всех отраслей крупной промышленности — это наличие сравнительно чистой воды. Между тем фабричный город превращает всякую воду в воющую жижу. Поэтому в той же мере, в какой концентрация в городах является основным условием капиталистического производства, в той же мере каждый промышленный капиталист в отдельности постоянно стремится перенести свое предприятие из больших городов, неизбежно создаваемых капиталистическим производством, в сельскую местность. Этот процесс можно детально изучить в текстильных округах Ланкашира и Йоркшира; капиталистическая крупная промышленность непрерывно создает там новые большие города тем, что она постоянно устремляется из города в деревню. То же самое происходит в округах металлообрабатывающей промышленности, где те же результаты порождаются отчасти другими причинами.

*Ф. Энгельс. Анти-Дюринг.
Соч., т. 20, с. 307*

Жилищная нужда в условиях роста крупных городов

Материалистическая концепция истории. Место в ней жилищная

Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двойного рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилищная и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода.

*Ф. Энгельс. Предисловие к первому изданию
книжки «Происхождение семьи, частной собственности
и государства». Соч., т. 21, с. 25 - 26*

Время, когда старая культурная страна совершает подобный, к тому же еще ускоренный столь благоприятными обстоятельствами переход от мануфактуры и мелкого производства к крупной промышленности, преимущественно бывает также и временем «жилищной нужды». С одной стороны, массы рабочих из деревень неожиданно оказываются стянутыми в крупные города, которые развиваются в промышленные центры; с другой стороны, планировка этих старых городов не соответствует больше условиям новой крупной промышленности и вызванному ею уличному движению; поэтому расширяют и прокладывают новые улицы, через города про-

водят железные дороги. Как раз тогда, когда рабочие потоками устремляются в города, там происходит массовый спос рабочих жилищ. Отсюда взвзашная жилищная пужда у рабочих, а также у мелких торговцев и ремесленников, клиентуру которых составляют рабочие. В городах, которые с самого начала возникли как промышленные центры, эта жилищная пужда почти неизвестна. Таковы Манчестер, Лидс, Брадфорд, Бармен-Эльберфельд. Напротив, в Лондоне, Париже, Берлине, Вене жилищная пужда приобретает в свое время острые формы и большей частью продолжает носить хронический характер.

Именно эта острая жилищная пужда, этот симптом совершавшейся в Германии промышленной революции, вызвала тогда в прессе широкое обсуждение «жилищного вопроса» и послужила поводом для разного рода социального шарлатанства.

Ф. Энгельс. Предисловие ко второму изданию книги «К жилищному вопросу».
Соч., т. 21, с. 334—335

Промышленный бум и усиленная концентрация рабочей силы в гигантских городах

Для Англии последствия этого господства промышленных капиталистов сначала были поразительны. Промышленность вновь ожила и стала развиваться с быстротой, неслыханной даже для этой колыбели современной индустрии. Все прежние изумительные успехи, достигнутые благодаря применению пара и машин, совершенно бледнели в сравнении с мощным подъемом производства за двадцать лет, от 1850 до 1870 г., с колоссальными цифрами вывоза и ввоза, с несметным количеством богатств, накопившихся в руках капиталистов, и человеческой рабочей силы, сконцентрированной в гигантских городах. Этот подъем, правда, прерывался, как и раньше, кризисами, повторявшимися каждые десять лет: в 1857 г., а также в 1866 году; но эти рецидивы считались теперь естественными неизбежными явлениями, через которые приходится пройти, но после которых, в конце концов, все возвращается в прежнее колено.

Каково же было положение рабочего класса в этот период? Порой наступало улучшение, даже для широких масс. Но это улучшение каждый раз опять сводилось на нет притоком огромного числа людей из резерва безработных, непрерывным вытеснением рабочих новыми машинами и приливом сельскохозяйственных рабочих, которые также все более и более вытеснялись теперь машинами.

Ф. Энгельс. Предисловие ко второму немецкому изданию «Положение рабочего класса в Англии» 1892 года. Соч., т. 22, с. 335

К генезису капиталистического способа производства в городах

Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого.

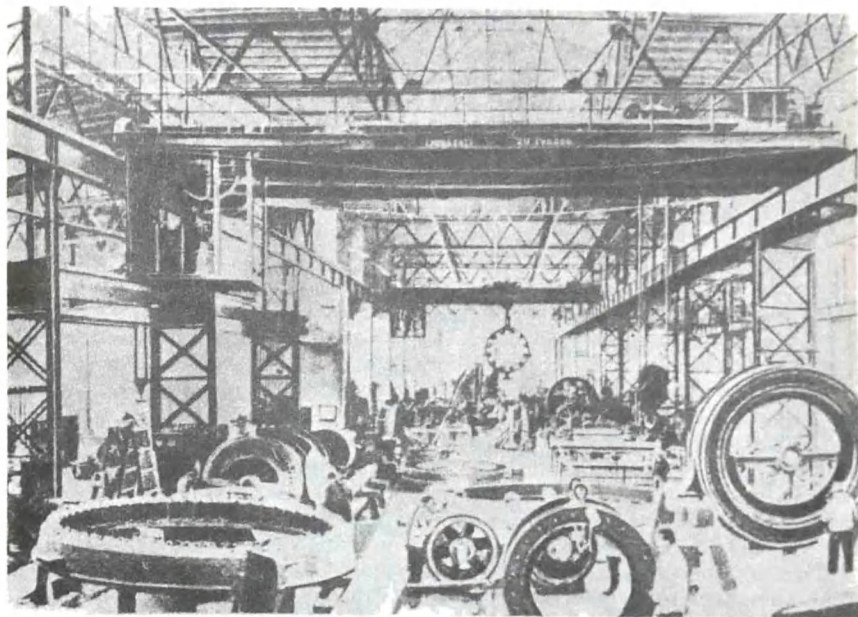
Непосредственный производитель, рабочий, лишь тогда получает возможность распоряжаться своей личностью, когда прекращаются его прикрепление к земле и его крепостная или феодальная зависимость от другого лица. Далее, чтобы стать свободным продавцом рабочей силы, который несет свой товар туда, где имеется на него спрос, рабочий должен был избавиться от господства цехов, от цеховых уставов об учениках и подмастерьях и от прочих стеснительных предписаний относительно труда. Итак, исторический процесс, который превращает производителей в наемных рабочих, выступает, с одной стороны, как их освобождение от феодальных повинностей и цехового принуждения; и только эта одна сторона существует для наших буржуазных историков. Но, с другой стороны, освобождаемые лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями. И история этой их экспроприации вписана в летописи человечества пламенеющим языком крови и огня.

Промышленные капиталисты, эти новые властители, должны были, со своей стороны, вытеснить не только цеховых мастеров, но и феодалов, владеющих источниками богатства. С этой стороны их возвышение представляется как плод победоносной борьбы против феодальной власти с ее возмутительными привилегиями, а также и против цехов и тех оков, которые налагают цехи на свободное развитие производства и свободную эксплуатацию человека человеком. Однако рыцарям промышленности удалось вытеснить рыцарей меча лишь благодаря тому, что они использовали события, к которым они сами были совершенно непричастны. Они возвысились, пользуясь теми же грязными средствами, которые некогда давали возможность римским вольноотпущенникам становиться господами своих патронов.

Исходным пунктом развития, создавшего как наемного рабочего, так и капиталиста, было рабство рабочего. Развитие это состояло в изменении формы его порабощения, в превращении феодальной эксплуатации в капиталистическую. Для того чтобы понять ход этого процесса, нам нет надобности забираться слишком далеко в прошлое. Хотя первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию. Там,

где она наступает, уже давно уничтожено крепостное право и поблекла блестящая страница средневековья — вольные города.

*К. Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т. 23, с. 727—728*

Турбинный зал фирмы «АЭГ» в Берлине

Разделение труда и противоположность между городом и деревней

Г-н Прудон так далек от понимания вопроса о разделении труда, что даже не упоминает об отделении города от деревни, которое в Германии, например, происходило в IX—XII столетиях. Поэтому для г-на Прудона это отделение есть вечный закон, ибо он не знает ни его происхождения, ни его развития. На протяжении всей своей книги он рассуждает так, будто бы этот продукт определенного способа производства будет продолжать существовать до скончания века.

*К. Маркс. — П. В. Анисимову, 28 декабря 1846 г.
Соч., т. 27, с. 404*

Развитие промышленности в городских центрах и рабочее движение

Но вот что любопытно. Успеху нашего дела особенно способствует именно промышленная отсталость Германии. В Англии и Франции переход к крупной промышленности почти закончен. Условия, в которых находится пролетариат, теперь уже устойчивы; ... буржуазное, капиталистическое развитие оказалось сильнее, чем революционное противодействие; для нового выступления против капиталистического производства потребовался бы новый, более мощный толчок — например, лишение Англии ее теперешнего господства на мировом рынке или какое-либо особое революционное событие во Франции.

В Германии, напротив, развитие крупной промышленности началось лишь в 1848 г. и является самым значительным наследием этого года. Промышленный переворот все еще продолжается, и притом в самых неблагоприятных условиях. Домашняя промышленность, опирающаяся на мелкое, свободное или арендаторское землевладение, все еще борется против машины и пара; погибающий мелкий крестьянин цепляется за домашнюю промышленность как за последний якорь спасения; но едва только он втягивается в промышленность, как его снова подавляют машины и пар. Побочный доход от земледелия, возвращенный собственными руками картофель, становится в руках капиталистов сильнейшим средством снижения заработной платы; капиталист теперь приносит в дар иностранному покупателю всю нормальную прибавочную стоимость и только таким способом остается конкурентоспособным на мировом рынке, а для себя извлекает всю прибыль путем снижения нормальной заработной платы. При этом — полный переворот во всех условиях жизни в промышленных центрах благодаря мощному развитию крупной промышленности. Так вся Германия, за исключением разве только юнкерского северо-востока, втягивается в общественную революцию, мелкий крестьянин вовлекается в промышленность, самые патриархальные районы захватываются этим движением, и поэтому вся Германия революционизируется гораздо основательнее, чем Англия или Франция.

*Ф. Энгельс — К. Каутскому, 8 ноября 1884 г.
Соч., т. 36, с. 198—199*

О развитии капиталистической крупной промышленности в России

Милостивый государь!

Итак, мы согласны пока в этом одном пункте: что Россия в 1892 г. не могла бы существовать как чисто сельскохозяйственная страна, что ее сельскохозяйственное производство должно быть дополнено производством промышленным.

Lettres de Frédéric Engels sur la Russie.

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛИЗМА

Серія II. — Выпускъ III.

ФРИДРИХЪ ЭНГЕЛЬСЪ О РОССИИ

1) Отвѣтъ П. Н. Ткачеву (1875 г.)

2) Послѣсловіе къ нему (1894 г.)

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

В. ЗАСУЛИЧЪ

ЖЕНЕВА

Типографія „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА“, Route de Lancy, 6

1894

Титульный лист брошюры «Фридрих Энгельс о России»

Так вот я утверждаю, что промышленное производство в наше время означает крупную промышленность, пар, электричество, сельфакторы, механические ткацкие станки и, наконец, машины для производства машинного оборудования. С того дня, когда Россия ввела у себя железные дороги, введение этих современных средств производства было предрешиено. Вы *должны* быть в состоянии ремонтировать ваши собственные паровозы, вагоны, железные дороги, а это можно сделать дешево только в том случае, если вы в состоянии *строить* у себя в стране все то, что вы намереваетесь ремонтировать. С того момента как военное дело стало одной из отраслей крупной промышленности (броненосные суда, нарезная артиллерия, скорострельные орудия, магазинные винтовки, пули со стальной оболочкой, бездымный порох и т. д.), крупная промышленность, без которой все это не может быть изготовлено, стала политической необходимостью. Все это нельзя производить без высокоразвитой металлообрабатывающей промышленности, а эта промышленность не может существовать без соответствующего развития всех других отраслей промышленности, особенно текстильной.

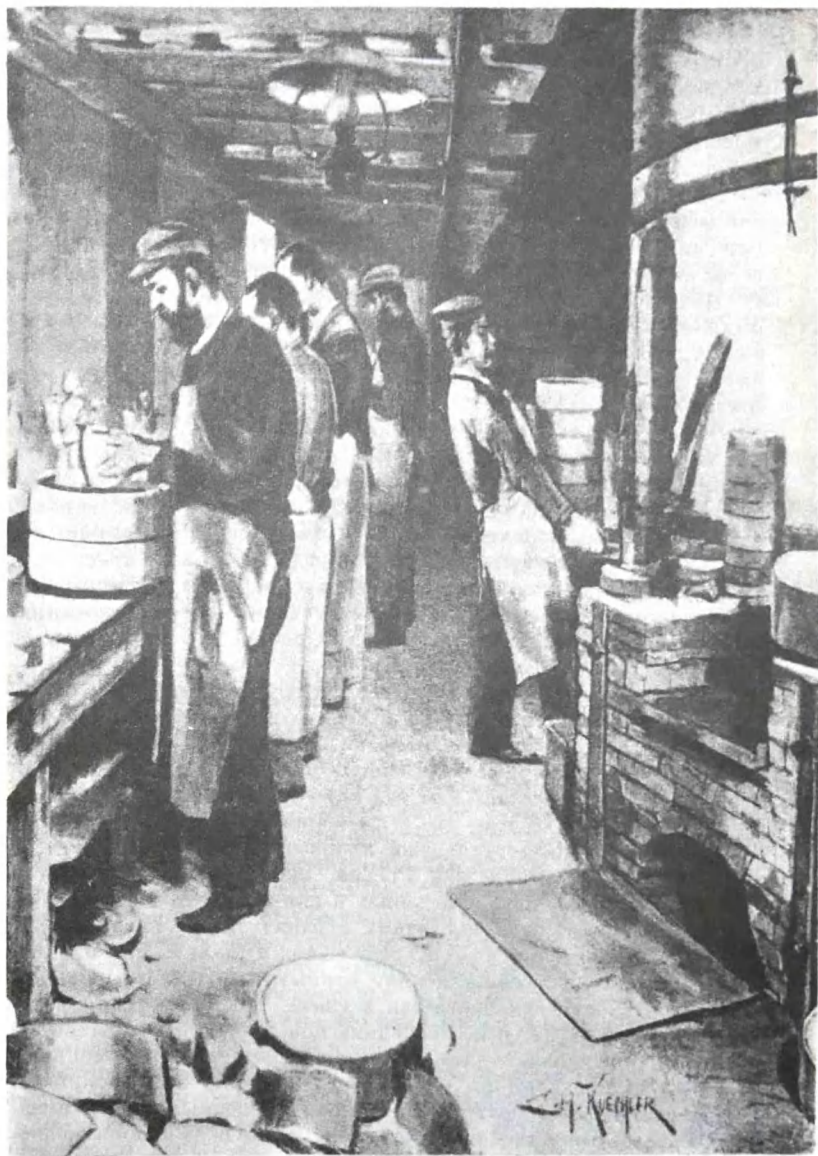
Я совершенно согласен с Вами, что начало новой промышленной эры для вашей страны следует отнести приблизительно к 1861 году. Крымскую войну характеризовала именно безнадежная борьба нации с примитивными формами производства против наций с современным производством. Русский народ прекрасно понял это, и отсюда его переход к современным формам, — переход, ставший окончательным после акта об освобождении 1861 года.

Раз уж признана эта необходимость перехода от примитивных методов производства, преобладавших в 1854 г., к современным методам, начинающим преобладать теперь, то становится второстепенным вопрос, был ли этот тепличный процесс поощрения промышленной революции путем покровительственных и запретительных пошлин выгодным, или даже необходимым, или наоборот.

Эта тепличная атмосфера в области промышленности убыстряет процесс, который в противном случае мог бы носить более затяжной характер. Она втискивает в какие-нибудь двадцать лет процесс, который при других условиях занял бы шестьдесят лет или более. Но это не влияет на самую природу этого процесса, который, как Вы сами говорите, ведет свое начало с 1861 года.

Несомненно одно: если Россия действительно нуждалась в своей собственной крупной промышленности и решила иметь ее, то она не могла создать ее иначе, как посредством хотя бы *известной* степени протекционизма, — это Вы допускаете. В таком случае с этой точки зрения и вопрос о протекционизме становится только вопросом *степени*, а не принципа; самый же принцип был неизбежен.

И еще одно несомненно: если Россия после Крымской войны нуждалась в своей собственной крупной промышленности, то она могла иметь ее лишь в одной форме: *в капиталистической форме.*

На фабрике фарфора в Германии (90-е годы)

Ну, а вместе с этой формой она должна была принять и все те последствия, которые сопровождают капиталистическую крупную промышленность во всех других странах.

Но я не вижу, чтобы результаты промышленной революции, совершающейся на наших глазах в России, отличались чем-нибудь от того, что происходит или происходило в Англии, Германии, Америке. ...

Ваш подсчет, что общий объем текстильной продукции крупной и домашней промышленности не возрастает, а остается неизменным или даже сокращается, — не только совершенно правилен, но было бы неправильным, если бы Вы пришли к другому результату. Пока русская промышленность ограничена своим внутренним рынком, ее продукты могут только покрывать внутреннее потребление. А последнее может возрасти лишь медленно и, как мне кажется, при нынешних условиях в России скорее должно было бы сокращаться.

Ведь одно из необходимых последствий крупной промышленности заключается в том, что она *разрушает* свой собственный внутренний рынок в ходе того самого процесса, посредством которого она его *создает*. Она создает рынок, разрушая основу крестьянской домашней промышленности. Но без домашней промышленности крестьяне не могут существовать. Они разоряются *как крестьяне*: их покупательная способность сводится к минимуму, и пока они, *как пролетарии*, не освоятся с новыми условиями существования, они будут представлять весьма скудный рынок для вновь возникших промышленных предприятий.

Капиталистическое производство, будучи преходящей экономической фазой, преисполнено внутренних противоречий, которые развиваются и становятся явными по мере его развития. Эта тенденция — разрушать свой собственный рынок одновременно с его созданием — представляет как раз одно из таких противоречий. Другое противоречие это — то безвыходное положение¹, к которому приводит капиталистическое производство и которое в стране без внешнего рынка, как Россия, наступает скорее, чем в странах, более или менее способных к конкуренции на открытом мировом рынке. В этих последних странах такое, казалось бы, безвыходное положение находит себе выход в сильнейших изменениях в торговле, в насильственном открытии новых рынков. Однако и в этих случаях бросается в глаза, что они попали в тупик. Взгляните на Англию. Последний новый рынок, открытие которого для английской торговли могло бы привести к временному возрождению процветания, это — Китай. Поэтому английский капитал и настаивает на постройке китайских железных дорог. Но китайские железные дороги означают разрушение всей основы мелкого китайского сельского хозяйства и домашней промышленности:

а так как там даже не будет противовеса в виде китайской крупной промышленности, то сотни миллионов населения будут поставлены в условия, невозможные для жизни. Последствием этого будет такая массовая эмиграция, какой свет еще не видывал, — она затопит Америку, Азию и Европу ненавистными китайцами, которые начнут конкурировать на рынке труда с американским, австралийским и европейским рабочим на основе китайского уровня жизни, самого низкого из всех; и если к тому времени вся система производства еще не будет изменена в Европе, то тогда ее необходимо будет изменить.

Капиталистическое производство готовит свою собственную гибель, и Вы можете быть уверены, что так будет и в России. Оно может вызвать, и если просуществует достаточно долго, то непременно вызовет коренную аграрную революцию, — я имею в виду революцию в условиях земельной собственности, которая разорит и помещика¹, и мужика¹ и заменит их новым классом крупных земельных собственников, вышедших из деревенских кулаков¹ и из городских буржуа-спекулянтов. Во всяком случае, я убежден, что консерваторы, насаждавшие в России капитализм, будут в один прекрасный день потрясены последствиями своих собственных дел.

Ф. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 22 сентября
1892 г. Соч., т. 38, с. 397—401

Капитал как форма развития и как оковы для развития производительных сил

Если подойти к делу ближе, то прежде всего *имеется предел, присущий не производству вообще, а производству, основанному на капитале*. Этот предел — двоякий, или, точнее, это один и тот же предел, но рассматриваемый в двух направлениях. Показать здесь, что капитал содержит в себе *особое* ограничение производства, — ограничение, противоречащее всеобщей тенденции капитала переступать всякую границу производства, — будет достаточно для того, чтобы обнаружить основу *перепроизводства*, основное противоречие развитого капитала; для того, чтобы вообще обнаружить, что капитал представляет собой не *абсолютную* форму развития производительных сил, как это полагают экономисты, что капитал так же не является абсолютной формой развития производительных сил, как не является он и такой формой богатства, которая абсолютно совпадала бы с развитием производительных сил.

Те ступени развития производства, которые предшествуют ка-

¹ Это слово написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

питаду, с точки зрения капитала выступают как оковы для развития производительных сил. Сам же капитал, будучи правильно понят, выступает как условие развития производительных сил до тех пор, пока последние нуждаются во внешнем припиривании, которое вместе с тем является их обуздыванием: дисциплинирование производительных сил, которое на известной ступени их развития становится столь же излишним и обременительным, как [в свое время средневековые] корпорации и т. д. ... Вместе с тем это ставит перед капиталом задачу на более высоком уровне развития производительных сил и т. д. все снова и снова пытаться [осуществить этот выход за свои собственные пределы], каждый раз со все большим крушением его как *капитала*. Поэтому ясно, что чем выше развитие капитала, тем в большей степени он оказывается пределом производства, — а потому также и пределом потребления, — не говоря уже о других противоречиях, которые делают капитал обременительным пределом для производства и общения.

К. Маркс. Критика политической экономии
(Черновой набросок 1857 — 1858 годов).
Соч., т. 46, ч. 1, с. 392—394

Строительство дорог

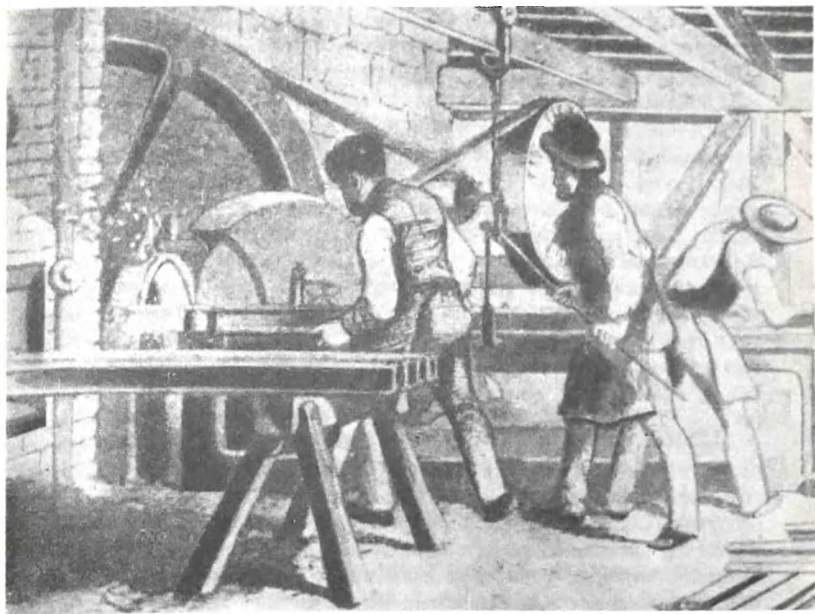
в докапиталистический период и при капитализме

С другой стороны, сухопутные пути сообщения находились первоначально в ведении общин, а затем в течение долгого времени — в ведении правительств; они представляли собой чистый вычет из произведенного продукта, погашаемый из совокупного прибавочного продукта страны, но не составляющий источника богатства страны, т. е. не покрывающий свои издержки производства.

В первоначальных азиатских самодовлеющих общинах, с одной стороны, не существует потребности в дорогах; с другой стороны, отсутствие дорог закрепляет замкнутость этих общин и поэтому составляет существенный момент их неизменного длительного существования (как в Индии). Дорожное строительство посредством барщинного труда или, в иной форме, посредством налогов есть принудительное превращение части прибавочного труда или прибавочного продукта страны в дороги. Для того чтобы отдельный капитал взял это на себя, т. е. создавал бы такие условия процесса производства, которые находятся за рамками непосредственного процесса *производства*, — труд [затрачиваемый на строительство дорог] должен приносить прибыль.

Пусть имеется некоторая дорога, соединяющая пункт *A* с пунктом *B* (пусть при этом земля ничего не стоит), тогда в ней содержится [$V-21$] лишь определенное количество труда, т. е.

стоимости. Безразлично, построил ли дорогу капиталист или же государство. Выигрывает ли здесь капиталист, создавая себе прибавочный труд, а стало быть и прибавочную стоимость? Прежде всего, следует отбросить с дороги все то, что вызывает затруднения и протекает из ее природы как основного капитала.

Разрезка рельсового проката на заводе в Авейрон-во Франции

Представим себе, что дорогу можно продать сразу, как сюртук или тонну железа. Если, скажем, на сооружение дороги было затрачено 12 месяцев, то ее стоимость равна 12 месяцам. Если общий уровень труда таков, что рабочий может, скажем, прожить в течение года на 6 месяцев объективированного труда, то, следовательно, если он построил всю дорогу, он мог бы создать для себя прибавочную стоимость, равную 6 месяцам труда; или же, если дорогу строит община, а рабочий желает работать лишь необходимое время, пришлось бы привлечь другого рабочего, который проработал бы 6 месяцев. Капиталист же, напротив, заставляет одного рабочего работать 12 месяцев, а оплачивает ему 6. Та часть стоимости дороги, которая содержит в себе его прибавочный труд, образует прибыль капиталиста. Та вещественная

форма, в которой выступает продукт, совершенно не должна мешать обоснованию теории стоимости посредством объективированного рабочего времени.

К. Маркс. Критика политической экономии
(Черновой набросок 1857—1858 годов).
Соч., т. 46, ч. II, с. 16—17

Передача невыгодного капиталу производства государству

Какая-нибудь страна, например Соединенные Штаты, может даже в производственном отношении ощущать необходимость железных дорог: несмотря на это, непосредственная выгода. [V—24] извлекаемая производством из существования железной дороги, может быть настолько ничтожна, что авансирование для этой цели капитала было бы не чем иным, как *потерей денег*. Тогда капитал перекладывает эти расходы на плечи государства, или же государство, там, где оно по традиции все еще занимает господствующее положение по отношению к капиталу, располагает привилегиями и властью для того, чтобы заставить всех капиталистов отдавать часть их *доходов*, но не их капитала, на такие общепользные работы, которые являются вместе с тем *всеобщими* условиями производства и которые поэтому не являются *особенным* условием для какого-нибудь отдельного капиталиста; и до тех пор, пока капитал не принял форму акционерного общества, он стремится всегда лишь к достижению *особенных* условий увеличения своей стоимости, а *общие для всех* условия он в качестве национальных потребностей взваливает на всю страну. Капитал предпринимает только *выгодные*—с его точки зрения—операции.

К. Маркс. Критика политической экономии
(Черновой набросок 1857—1858 годов).
Соч., т. 46, ч. II, с. 23

Капиталистическая городская промышленность как предпосылка нового способа производства

Несмотря на то что капитал ограничен по самой своей природе, он стремится к универсальному развитию производительных сил и таким образом становится предпосылкой нового способа производства, основанного на развитии производительных сил не для воспроизводства определенного состояния или в лучшем случае — для его расширения, но такого способа производства, при котором свободное, ничем не стесненное, прогрессивное и универсальное развитие производительных сил само составляет предпосылку общества, а потому и его воспроизводства; такого спо-

соба производства, единственной предпосылкой которого является выход за пределы исходного пункта. Эта тенденция, которую имеет капитал, но которая вместе с тем противоречит ему как ограниченной форме производства и поэтому толкает его к гибели, — отличает капитал от всех прежних способов производства и вместе с тем содержит в себе то, что капитал является всего лишь переходным пунктом. Все прежние формы общества [V—28] погибали с развитием богатства, или, что одно и то же, — с развитием общественных производительных сил. Поэтому у древних, сознававших это, богатство прямо обличалось как разложение общества. Феодальный строй, в свою очередь, погубили городская промышленность, торговля, современное земледелие (и даже отдельные изобретения, такие, как порох и печатный станок).

*К. Маркс. Критика политической экономики
(Черновой набросок 1857—1858 годов).
Соч., т. 46, ч. II, с. 32—33*

Переход капитала от конкуренции к монополии и проблема свободы личности

До тех пор пока капитал слаб, он сам еще ищет опору в прошлых или исчезающих с его появлением способах производства. Когда он чувствует себя сильным, он отбрасывает эти костыли и движется соответственно своим собственным законам. Когда он начинает ощущать самого себя пределом для развития и когда его начинают рассматривать как такой подлежащий преодолению предел, он ищет прибежище в таких формах, которые, хотя они кажутся завершением господства капитала, вместе с тем, в результате обуздания свободной конкуренции, являются провозвестниками его разложения и разложения покоящегося на нем способа производства. ...

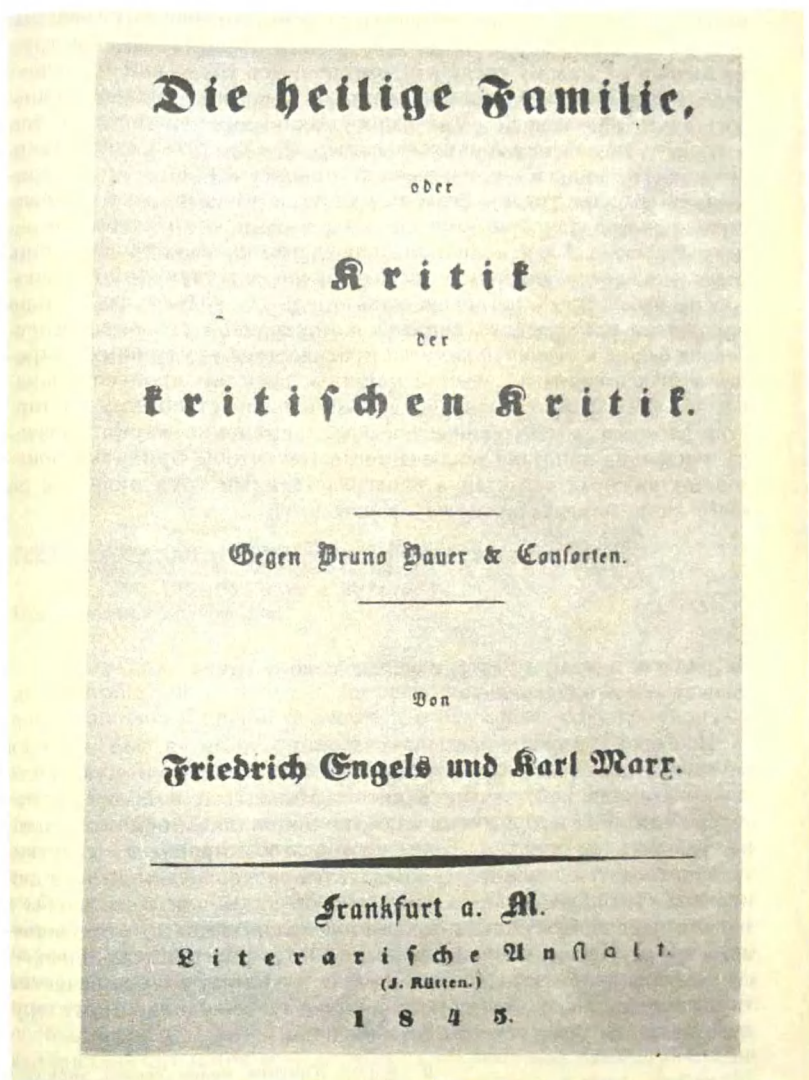
Отсюда, с другой стороны, происходит та неленость, что свободную конкуренцию рассматривают как конечное развитие человеческой свободы, а отрицание свободной конкуренции отождествляют с отрицанием индивидуальной свободы и основанного на индивидуальной свободе общественного производства. Это есть лишь свободное развитие на ограниченной основе — на основе господства капитала. Поэтому этот вид индивидуальной свободы есть вместе с тем полнейшее упрямство всякой индивидуальной свободы и полное порабощение индивидуальности такими общественными условиями, которые принимают форму вещных сил и даже сверхмощных вещей — вещей, независимых от самих индивидов, вступающих в те или иные отношения друг к другу.

*К. Маркс. Критика политической экономики
(Черновой набросок 1857—1858 годов).
Соч., т. 46, ч. II с. 155—156.*

Автоматика — последняя метаморфоза средств труда

Однако будучи включено в процесс производства капитала, средство труда проходит через различные метаморфозы, из которых последним является *машина* или, вернее, *автоматическая система машин* (система машин, являющаяся *автоматической*, есть лишь наиболее завершенная, наиболее адекватная форма системы машин, и только она превращает машины в систему), приводимая в движение автоматом, такой движущей силой, которая сама себя приводит в движение. Эта автоматическая фабрика состоит из множества механических и интеллектуальных органов, так что сами рабочие определяются только как сознательные ее члены. ...

Машина ни в каком отношении не выступает как средство труда отдельного рабочего. Ее *differentia specifica*¹ заключается вовсе не в том, чтобы, как это имеет место у средства труда отдельного рабочего, опосредствовать деятельность рабочего, направленную на объект; наоборот, деятельность рабочего определена таким образом, что она уже только опосредствует работу машины, ее воздействие на сырой материал — наблюдает за машиной и предохраняет ее от помех в ее работе. Здесь дело обстоит не так, как в отношении орудия, которое рабочий превращает в орган своего тела, одушевляя его своим собственным мастерством и своей собственной деятельностью, и умение владеть которым зависит поэтому от виртуозности рабочего. Теперь, наоборот, машина, обладающая вместо рабочего умением и силой, сама является тем виртуозом, который имеет собственную душу в виде действующих в машине механических законов и для своего постоянного самодвижения потребляет уголь, смазочное масло и т.д. (вспомогательные материалы), подобно тому как рабочий потребляет предметы питания. Деятельность рабочего, сводящаяся к простой абстракции деятельности, всесторонне определяется и регулируется движением машин, а не наоборот. Наука, заставляющая неодушевленные члены системы машин посредством ее конструкции действовать целесообразно как автомат, не существует в сознании рабочего, а посредством машины воздействует на него как чуждая ему сила, как сила самой машины. ... Процесс производства перестал быть процессом труда в том смысле, что труд перестал охватывать процесс производства в качестве господствующего над ним единого начала. Наоборот, труд выступает теперь лишь как сознательный орган, рассеянный по множеству точек механической системы в виде отдельных живых рабочих и подчиненный совокупному процессу самой системы машин, как фактор, являющийся лишь одним из звеньев системы, единство которой существует не в живых рабочих, а в живой (активной) системе машин, выступающей по отношению к единичной

Титульный лист первого издания «Святое семейство»

незначительной деятельности рабочего, в противовес ему, как могущественный организм. В системе машин овеществленный труд противостоит живому труду в самом процессе труда как господствующая над ним сила, каковою капитал в качестве присвоения живого труда является по своей форме. Включение процесса труда в процесс увеличения стоимости капитала в качестве всего лишь его момента также и с вещественной стороны обусловлено превращением средства труда в систему машин, а живого труда — всего лишь в живой придаток этой системы машин, в средство для ее деятельности. ... Итак, полное развитие капитала имеет место лишь тогда — или капитал лишь тогда создает соответствующий ему способ производства, — когда средство труда не только формально определено как *основной капитал*, но устранена его непосредственная форма и *основной капитал* противостоит труду внутри процесса производства в качестве машины, весь же процесс производства выступает не как подчиненный непосредственному мастерству рабочего, а как технологическое применение науки. Поэтому тенденция капитала заключается в том, чтобы придать производству научный характер, а непосредственный труд низвести до всего лишь момента процесса производства.

К. Маркс. Критика политической экономики
(Черновой набросок 1857—1858 годов).
Соч., т. 46, ч. II, с. 203—204, 206

Сведение к минимуму затрат человеческого труда — условие его освобождения

Наоборот, капитал применяет машину лишь в той мере, в какой она дает рабочему возможность более значительную часть своего времени работать на капитал, относиться к более значительной части своего времени как к не принадлежащей ему, больше работать на другого. Посредством этого процесса, действительно, сводится к минимуму количество труда, необходимого для производства определенного предмета, но лишь для того, чтобы в максимуме подобных предметов реализовался максимум прибавочного труда. Первая сторона важна потому, что капитал здесь — совершенно непреднамеренно — сводит к минимуму человеческий труд, затрату силы. Это пойдет на пользу освобожденному труду и является условием его освобождения.

К. Маркс. Критика политической экономики
(Черновой набросок 1857—1858 годов).
Соч., т. 46, ч. II, с. 209

Наука на службе капитала.

Применение науки к непосредственному производству

С одной стороны, именно проистекающий непосредственно из науки анализ и применение механических и химических законов делают машину способной выполнять ту же самую работу, которую раньше выполняли рабочие. Однако развитие системы машин на этом пути начинается лишь тогда, когда крупная промышленность уже достигла более высокой ступени развития и все науки поставлены на службу капиталу, а уже имеющаяся система машин сама обладает большими ресурсами. Изобретения становятся тогда особой профессией, а применение науки к непосредственному производству само становится для нее одним из определяющих и побуждающих моментов.

*К. Маркс. Критика политической экономии
(Черновой набросок 1857—1858 годов)
Соч., т. 46, ч. II, с. 212*

1.2. Классовая структура общества в городах

Средневековые города

В городах, которые средневековые не получили в готовом виде из прошлой истории, а которые заново были образованы освободившимися крепостными, — в этих городах единственной собственностью каждого индивида, если не считать принесенного им с собой небольшого капитала, который весь почти заключался в самых необходимых ремесленных инструментах, был особый вид труда данного индивида. Конкуренция постоянно прибывавших в город беглых крепостных; непрерывная война деревни против города, а следовательно, и необходимость организации городской военной силы; узы общей собственности на определенную специальность; необходимость в общих зданиях для продажи своих товаров — ремесленники были в ту пору одновременно и торговцами — и связанное с этим недопущение в эти здания посторонних; противоположность интересов отдельных ремесел между собой; необходимость охраны с таким трудом усвоенного ремесла; феодальная организация всей страны — таковы были причины объединения работников каждого отдельного ремесла в цехи. Мы не будем здесь подробно останавливаться на многочисленных видоизменениях цехового строя, вызванных позднейшим историческим развитием. В течение всего средневековья непрерывно продолжается бегство крепостных в города. Эти крепостные, преследуемые в деревнях своими господами, приходили поодиночке в города, где они заставляли организованную общину, по отношению к

которой они были беспомощны и в рамках которой они вынуждены были подчиниться тому их положению, которое определялось потребностью в их труде и интересами их организованных городских конкурентов. Эти работники, приходившие поодиночке в город, никогда не смогли стать силой, так как в том случае, когда их труд носил цеховой характер и требовал выучки, цеховые мастера подчиняли их себе и организовывали согласно своим интересам; если же этот труд не требовал выучки и поэтому носил не цеховой, а поденный характер, то работники не могли организоваться и навсегда оставались неорганизованными плебеями. Нужда городов в поденной работе создала плебеи.

*К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология
Соч., т. 3, с. 50—51*

Характер средневековых городов

Города эти были настоящими «союзами», порожденными непосредственными потребностями, заботой об охране собственности и об умножении средств производства и средств защиты отдельных членов. Плебеи в этих городах были совершенно бессильны вследствие того, что он состоял из чуждых друг другу, пришедших туда поодиночке индивидов, которые неорганизованно противостояли организованной, по-воински снаряженной и ревниво следившей за ними силе. Подмастерья и ученики были организованы в каждом ремесле так, как это наилучшим образом соответствовало интересам мастеров; патриархальные отношения между ними и мастерами придавали последним двойную силу: во-первых, мастера оказывали непосредственное влияние на всю жизнь подмастерьев, и, во-вторых, работа подмастерьев у одного и того же мастера была действительной связью, объединявшей их против подмастерьев других мастеров и обособлявшей их от последних; наконец, подмастерья были связаны с существующим строем уже в силу своей заинтересованности в том, чтобы самим стать мастерами. Поэтому если плебеи и поднимали иногда мятежи против всего этого городского строя, — мятежи, которые, впрочем, вследствие бессилия этих плебеев не приводили ни к какому результату, — то подмастерья не шли дальше мелких столкновений в рамках отдельных цехов, столкновений, неразрывно связанных с самим существованием цехового строя. Все крупные восстания средневековья исходили из деревни ...

Разделение труда в городах между отдельными цехами было еще [совершенно примитивным], а внутри самих цехов между отдельными работниками и вовсе не проводилось. Каждый работник должен был знать целый ряд работ, должен был уметь делать все, что полагалось делать при помощи его инструментов; ограниченность торговли и слабая связь отдельных городов между

собой, скудость населения и ограниченность потребностей препятствовали дальнейшему разделению труда, и поэтому каждый, кто желал стать мастером, должен был овладеть своим ремеслом во всей его полноте. Вот почему у средневековых ремесленников еще имеет место известный интерес к своей специальной работе и к умелому ее выполнению, интерес, который мог подниматься до степени примитивного художественного вкуса. Но по этой же причине каждый средневековый ремесленник был целиком поглощен своей работой, относился к ней с рабской преданностью и был гораздо более подчинен ей, чем современный рабочий, равнодушно относящийся к своей работе.

*К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Соч., т. 3, с. 51—52*

Купцы в городах

Следующее расширение, которое получило разделение труда, заключалось в обособлении торговли от производства, в образовании особого класса купцов, — обособлении, которое было унаследовано в сохранившихся от исторического прошлого городах (между прочим, с еврейским населением) и очень скоро появилось во вновь возникших городах. Этим создавалась возможность торговой связи, выходящей за пределы ближайшей округи, — возможность, осуществление которой зависело от существующих средств сообщения, от обусловленного политическими отношениями состояния общественной безопасности на дорогах (как известно, в течение всего средневековья купцы передвигались вооруженными караванами) и от обусловленного соответствующей ступенью культуры большего или меньшего развития потребностей, имеющих место в доступных сношениям областях.

*К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Соч., т. 3, с. 52—53*

Специализация производства в городах

Вместе с концентрацией торговых сношений в руках особого класса и с тем расширением, которое — благодаря купцам — получила торговля, вышедшая за пределы ближайших окрестностей города, тотчас возникает и взаимодействие между производством и торговлей. Города вступают в связь друг с другом, из одного города в другой привозятся новые орудия труда, и разделение между производством и торговлей вскоре вызывает новое разделение производства между отдельными городами, в каждом из которых преобладает своя особая отрасль промышленности. Мало-помалу начинает исчезать первоначальная местная ограниченность.

*К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Соч., т. 3, с. 53*

Зарождение буржуазии как класса

В средние века горожане в каждом городе вынуждены были для защиты своей жизни объединяться против сельского дворянства; расширение торговли и установление путей сообщения дали возможность отдельным городам узнать о других городах, отстаивавших те же интересы в борьбе против того же противника. Из многих местных объединений жителей отдельных городов лишь весьма постепенно возник класс горожан. Условия жизни отдельных горожан, в силу их противоположности существующим отношениям и обусловленному ими способу труда, стали условиями, общими для них всех и независимыми от каждого в отдельности. Горожане создали эти условия, поскольку они оторвались от феодальных связей, и в свою очередь были созданы этими условиями, поскольку горожане были обусловлены своей противоположностью имевшемуся налицо феодализму. С возникновением связи между отдельными городами эти общие для них всех условия развились в классовые условия. Одни и те же условия, одна и та же противоположность, одни и те же интересы должны были в общем повсюду создать также одни и те же права. Сама буржуазия развивается лишь постепенно, вместе с условиями своего существования, снова распадаясь в зависимости от разделения труда на различные группы, и, в конце концов, поглощает все существовавшие до нее имущие классы ...

*К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Соч., т. 3, с. 53*

Крупные промышленные города и объединение рабочего класса

Конкуренция изолирует друг от друга индивидов — не только буржуа, но еще более пролетариев, несмотря на то, что она сводит их вместе. Поэтому проходит не мало времени, пока эти индивиды сумеют объединиться, не говоря уже о том, что для этого объединения, — если ему не предстоит остаться лишь местным, — крупная индустрия должна сперва создать необходимые средства, а именно крупные промышленные города и дешевые, быстрые пути сообщения. Поэтому лишь после долгой борьбы можно победить всякую организованную власть, противостоящую этим изолированным индивидам, живущим в условиях, которые ежедневно воспроизводят эту изолированность. Требовать противоположного равносильно требованию, чтобы в эту определенную историческую эпоху не существовало конкуренции или чтобы индивиды выкинули из головы отношения, над которыми они вследствие своей изолированности не имеют никакого контроля.

*К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Соч., т. 3, с. 61 (примечание)*

Только в городах может зародиться коммунистическое движение

Санчо сам себя делает посмешищем для всей Германии, утверждая, что эти крестьяне должны были перескочить через ступень парцеллирования, которой тогда еще не существовало и которая была для них тогда единственно революционной формой, должны были одним прыжком очутиться в его царстве согласного с собой эгоизма. Не говоря уже о том, что это вообще бессмыслица, крестьяне эти не были в состоянии организовать коммунистически, так как у них отсутствовали все средства, необходимые для осуществления первого условия коммунистической ассоциации, а именно — коллективного ведения хозяйства; к тому же парцеллирование было скорее лишь одним из условий, вызвавших впоследствии потребность в подобной ассоциации. Вообще коммунистическое движение никогда не может исходить из деревни, а всегда только из городов.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3, с. 350

Буржуазия и господство города над деревней

Status quo в Германии таков.

В то время как во Франции и в Англии буржуазия оказалась достаточно сильной для того, чтобы свергнуть дворянство и возвыситься до положения господствующего класса в государстве, немецкая буржуазия до сих пор еще не обладала такой силой. Хотя она оказывает некоторое влияние на правительство, однако во всех случаях, когда интересы сталкиваются, это влияние должно отступать на задний план перед влиянием дворян-землевладельцев. В то время как во Франции и в Англии *город* господствует над *деревней*, в Германии деревня господствует над городом, земледелие — над торговлей и промышленностью ...

Причина этого состоит в том, что, по сравнению с западными странами, Германия находится на более отсталой ступени цивилизации ...

Политическим представителем земледелия в Германии, как и в большинстве европейских стран, является *дворянство*, класс крупных землевладельцев. Политическим строем, соответствующим безраздельному господству дворянства, является феодальная система. Феодальная система везде приходила в упадок в той мере, в какой земледелие переставало быть решающей отраслью производства страны, в какой наряду с земледельческим классом образовывался класс, занимающийся промышленностью, наряду с деревнями возникали города.

Ф. Энгельс. Конституционный вопрос в Германии. Соч., т. 4, с. 46

Интересы мелкой и крупной буржуазии

Буржуазия во всех странах вышла из рядов мелкой буржуазии, возникнув вместе с развитием мировой торговли и крупной промышленности, вместе с вызванной благодаря им к жизни свободной конкуренцией и централизацией собственности. Мелкий буржуа представляет внутреннюю и прибрежную торговлю, ремесло, мануфактуру, в основе которой лежит ручной труд, — отрасли хозяйства, развивающиеся на ограниченной территории, требующие небольших капиталов, оборот которых совершается медленно, и порождающие лишь местную и вялую конкуренцию. Буржуа представляет мировую торговлю, непосредственный обмен продуктами между всеми частями света, торговлю деньгами, крупную фабричную промышленность, в основе которой лежит машинный труд, — отрасли хозяйства, требующие возможно большей территории, наиболее крупных и наиболее быстро оборачивающихся капиталов и порождающие всеобщую и бурную конкуренцию. Мелкий буржуа представляет *местные*, буржуа — *всеобщие* интересы. Мелкий буржуа находит, что его положение достаточно обеспечено, если при косвенном влиянии на государственное законодательство он непосредственно принимает участие в провинциальном управлении и является хозяином своего местного муниципального управления. Буржуа не может обеспечить свои интересы без непосредственного, постоянного контроля над центральным управлением, внешней политикой и законодательством своего государства. Классическим творением мелкого буржуа были немецкие имперские города: классическим творением буржуа является французское представительное государство. Мелкий буржуа консервативен, коль скоро господствующий класс делает ему хоть какие-нибудь уступки; буржуа революционен, пока он сам не станет господствовать.

Ф. Энгельс. Конституционный вопрос в Германии. Соч., т. 4, с. 47—48

Классы-импотенты в городах и деревнях Германии середины XIX в.

В самом деле, с возвышением буржуазии и с ростом ее влияния связано все более увеличивающееся бессилие до сих пор официально господствующих классов. Дворянство со времени Наполеона все более беднеет и его задолженность все возрастает. Выкуп барщинных повинностей вызвал повышение издержек производства его зерна и создал для него конкурента в лице нового класса независимых мелких крестьян. Ущерб от этого дворянство отнюдь не могло возместить, на сколько-нибудь длительное время, тем, что оно обобрало крестьян при выкупе. Русская и американская конкуренция ограничивает для дворянства сбыт зерна.

австралийская, а в иные годы и южно-русская конкуренция ограничивает для него сбыт шерсти. И чем более возрастали издержки производства и конкуренция, тем яснее обнаруживалась неспособность дворянства с выгодой обрабатывать свои имения, применять у себя новейшие достижения в области земледелия. Подобно французскому и английскому дворянству прошлого века, оно пользовалось развитием цивилизации лишь для того, чтобы по-барски весело проматывать в больших городах свое состояние. Между дворянством и буржуазией началась та конкуренция в области общественного и интеллектуального образования, то соперничество в богатстве и тратах, которое везде предшествует политическому господству буржуазии и которое, как и всякая иная конкуренция, оканчивается победой более богатой стороны. Провинциальное дворянство превращалось в придворное дворянство, чтобы тем скорее и вернее разориться. Три процента, составлявшие доходы дворянства, не выдержали борьбы против пятнадцати процентов, составлявших прибыль буржуазии; три процента прибегли к ссудам под залог недвижимого имущества, к дворянским кредитным кассам и т.д., чтобы иметь возможность производить расходы, приличествующие их сословию, и этим только ускоряли свое разорение. Немногие провинциальные юнкеры, которые оказались достаточно ловкими, чтобы избежать разорения, составили вместе с новоявленными буржуазными помещиками новый класс *землеладельцев-предпринимателей*. Этот класс занимается земледелием без иллюзий, свойственных феодалам, и без дворянской небрежности; он занимается им как деловым предприятием, как промышленностью, прибегая к буржуазным средствам — капиталу, знанию дела и труду. Он настолько хорошо уживается с господством буржуазии, что во Франции совершенно спокойно существует наряду с ней и принимает участие в ее господстве соответственно своему богатству. Это — часть буржуазии, эксплуатирующая земледелие.

Итак, дворянство стало настолько бессильным, что частично уже само перешло в ряды буржуазии.

Мелкие буржуа были слабы уже по сравнению с дворянством: еще гораздо менее могут они устоять против буржуазии. Мелкая буржуазия является, наряду с крестьянами, самым жалким классом, когда-либо оставившим свой след в истории. Со своими мелкими местными интересами она даже в наиславнейшие свои времена, в период позднего средневековья, сумела создать лишь местные организации, вести лишь местную борьбу и достигнуть лишь местных успехов, т.е. того, что ее существование рядом с дворянством только *терпели*; но она нигде не достигла всеобщего политического господства. С возникновением буржуазии она теряет даже и *видимость* исторической инициативы. Зажатая в тиски между дворянством и буржуазией, одинаково подавленная как политическим преобладанием первого, так и конкуренцией солидных капиталов последней, она распадается на две час-

ти. Одна часть, состоящая из более богатых мелких буржуа, живущих в больших городах, более или менее робко присоединяется к революционной буржуазии, другая часть, рекрутируемая из более бедных мещан, преимущественно мелких провинциальных городов, цепляется за существующие порядки и поддерживает дворянство со всей свойственной ей силой инерции. Чем больше развивается буржуазия, тем хуже становится положение мелких буржуа. Мало-помалу и эта вторая часть мелких буржуа начинает понимать, что при существующих условиях ее разорение неизбежно ...

Крестьяне, под которыми мы здесь имеем в виду лишь мелких сельских хозяев, арендаторов или собственников, исключая поденщиков и батраков, — крестьяне составляют такой же беснормочный класс, как и мелкие буржуа, от которых они, однако, выгодно отличаются тем, что превосходят их мужеством. Но зато они оказываются совершенно неспособными к какой бы то ни было исторической инициативе. Даже их освобождение от цепей крепостничества совершается только под эгидой буржуазии. Там, где отсутствие дворянства и буржуазии делает возможным их господство, как, например, в горных кантонах Швейцарии и в Норвегии, вместе с ними господствуют дофеодалное варварство, местная ограниченность, тупое, фанатическое ханжество, слепая преданность и добропорядочность. Там, где, как, например, в Германии, наряду с крестьянами продолжает существовать дворянство, они, совершенно так же, как и мелкие буржуа, оказываются зажатými между дворянством и буржуазией. Чтобы защищать интересы земледелия от все возрастающей мощи торговли и промышленности, они должны присоединиться к дворянству. Чтобы оградить себя от подавляющей их конкуренции дворянства и в особенности буржуазных землевладельцев, они должны присоединиться к буржуазии. К какой стороне они окончательно примкнут, зависит от характера их владения. Зажиточные крестьяне восточной Германии, которые сами пользуются некоторой феодальной властью над своими батраками, слишком связаны всеми своими интересами с дворянством, чтобы они могли всерьез отречься от него. Мелкие землевладельцы на западе, появившиеся в результате раздробления дворянских имений, и мелкие крестьяне на востоке, подчиненные вотчинной юрисдикции и частично еще обязанные нести барщину, чересчур непосредственно угнетаются дворянством, либо же между ними и дворянством существует чересчур острая противоположность, чтобы они не стали на сторону буржуазии. Что это действительно так, доказывают прусские провинциальные ландтаги.

Итак, к счастью, немилыми и господство крестьян. Сами крестьяне так мало думают об этом, что они уже теперь большей частью предоставили себя в распоряжение буржуазии.

А неимущие, *vulgo*¹ — рабочие классы? Вскоре нам придет-

ся поговорить о них подробнее; пока же достаточно указать на их раздробленность. Уже это разделение на батраков, поденщиков, подмастерьев, фабричных рабочих и люмпен-пролетариат, наряду с распыленностью их на огромной территории с редким населением, немногими слабыми центрами, делает для них невозможным взаимное выяснение общности своих интересов, соглашение, организацию в *единый* класс. В силу этой раздробленности и распыленности им не остается ничего другого, как ограничиться лишь ближайшими повседневными интересами, стремлением получать хорошую плату за хорошую работу. Иными словами, это делает рабочих настолько ограниченными, что в их глазах их интересы совпадают с интересами их работодателей, и, таким образом, каждая отдельная часть рабочих становится всомогательным войском для занимающего ее класса. Батрак и поденщик поддерживают интересы дворянина или крестьянина, на земле которого они работают. Подмастерье в интеллектуальном и политическом отношении находится в зависимости от своего мастера. Фабричный рабочий дает фабриканту использовать себя в агитации за покровительственные пошлины. Босьяк за пару талеров пускает в ход свои кулаки ради разрешения мелких споров между буржуазией, дворянством и полицией. И там, где двум классам работодателей приходится отстаивать противоположные интересы, между занимаемыми ими группами рабочих происходит такая же борьба.

Ф. Энгельс. Конституционный вопрос в Германии. Соч., т. 4, с. 49—53

Антагонизм интересов пролетариата и буржуазии

Буржуазия начинает свое историческое развитие с таким пролетариатом, который, в свою очередь, является остатком пролетариата¹ феодальных времен. В ходе своего исторического развития буржуазия неизбежно развивает своей антагонистический характер, который вначале более или менее замаскирован, существует лишь в скрытом состоянии. По мере развития буржуазии в недрах ее развивается новый пролетариат, современный пролетариат; между классом пролетариев и классом буржуазии развертывается борьба, которая, прежде чем обе стороны ее почувствовали, заметили, оценили, поняли, признали и открыто провозгласили, проявляется на первых порах лишь в частичных и кратковременных конфликтах, в отдельных актах разрушения. С другой стороны, если все члены современной буржуазии имеют один и

¹ В экземпляре, подаренном Н. Утиной, пометка — «трудящегося класса».

тот же интерес, поскольку они образуют один класс, противостоящий другому классу, то интересы их противоположны, antagonистичны, поскольку они противостоят друг другу. Эта противоположность интересов вытекает из экономических условий их буржуазной жизни. Таким образом, с каждым днем становится все более и более очевидным, что характер тех производственных отношений, в рамках которых совершается движение буржуазии, отличается двойственностью, а вовсе не единством и простотой: что в рамках тех же самых отношений, в которых производится богатство, производится также и нищета; что в рамках тех же самых отношений, в которых совершается развитие производительных сил, развивается также и сила, производящая угнетение; что эти отношения создают *буржуазное богатство*, т.е. богатство класса буржуазии, лишь при условии непрерывного уничтожения богатства отдельных членов этого класса и образования постоянно растущего пролетариата.

К. Маркс. Нищета философии
Соч., т. 4, с. 114

Крупная промышленность и объединение рабочего класса

Первые попытки рабочих к объединению всегда принимают форму коалиций.

Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к их хозяину, объединяет их одной общей идеей сопротивления, *коалиции*. Таким образом, коалиция всегда имеет двойную цель: прекратить конкуренцию между рабочими, чтобы они были в состоянии общими силами конкурировать с капиталистом. Если первой целью сопротивления являлась лишь охрана заработной платы, то потом, по мере того как идея обуздания рабочих в свою очередь объединяет капиталистов, коалиции, вначале изолированные, формируются в группы, и охрана рабочими их союзов против постоянно объединенного капитала становится для них более необходимой, чем охрана заработной платы. До какой степени это верно, показывает тот факт, что рабочие, к крайнему удивлению английских экономистов, жертвуют значительной частью своей заработной платы в пользу союзов, основанных, по мнению этих экономистов, лишь ради заработной платы. В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Достигши этого пункта, коалиция принимает политический характер.

Обложка книги «Манифест Коммунистической партии». Лондон, 1848 г.

Фазы развития пролетариата

Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе, намеченной нами лишь в некоторых ее фазах, эта масса сплывается, она конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба класса против класса есть борьба политическая.

*К. Маркс. Ниццета философии.
Соч., т. 4, с. 183*

Условие освобождения рабочего класса

Условие освобождения рабочего класса есть уничтожение всех классов; точно так же, как условием освобождения третьего сословия, буржуазии, было уничтожение всех и всяческих сословий¹.

Рабочий класс поставит, в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой собственно политической власти, ибо именно политическая власть есть официальное выражение противоположности классов внутри буржуазного общества.

*К. Маркс. Ниццета философии.
Соч., т. 4, с. 184*

Что такое пролетариат?

Пролетариатом называется тот общественный класс, который добывает средства в жизни исключительно путем продажи своего труда, а не живет за счет прибыли с какого-нибудь капитала, — класс, счастье и горе, жизнь и смерть, все существование которого зависит от спроса на труд, т.е. от смены хорошего и плохого состояния дел, от колебаний ничем не сдерживаемой конкуренции.

*Ф. Энгельс. Принципы коммунизма.
Соч., т. 4, с. 322*

¹ О сословиях здесь говорится в историческом смысле, как о сословиях феодального государства, сословиях с определенными и строго ограниченными привилегиями. Буржуазная революция уничтожила сословия вместе с их привилегиями. Буржуазное общество знает только *классы*. Поэтому тот, кто называет пролетариат «четвертым сословием», впадает в полнейшее противоречие с историей. Ф.Э. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1885 г.)

Крупная промышленность и поляризация буржуазии и пролетариата

В результате, мы приняли теперь к тому, что в цивилизованных странах почти во всех отраслях труда утвердилось фабричное производство и почти во всех этих отраслях ремесло и мануфактура вытеснены крупной промышленностью. — Вследствие этого прежнее среднее сословие, в особенности мелкие ремесленные мастера, все более разоряется, прежнее положение работника совершенно меняется и создаются два новых класса, которые постепенно поглощают все прочие.

*Ф. Энгельс. Принципы коммунизма.
Соч., т. 4, с. 323*

Чем отличается пролетариат от крепостного?

Во владении и пользовании крепостного находится орудие производства, клочок земли, и за это он отдает часть своего дохода или выполняет ряд работ. Пролетарий же работает орудиями производства, принадлежащими другому, и производит работу в пользу этого другого, получая взамен часть дохода. Крепостной отдает, пролетарию дают. Существование крепостного обеспечено, существование пролетария не обеспечено. Крепостной стоит вне конкуренции, пролетарий находится в условиях конкуренции. Крепостной освобождает себя либо тем, что убегает в город и становится там ремесленником, либо тем, что доставляет своему помещику вместо работы или продуктов деньги, становясь свободным арендатором, либо тем, что он прогоняет своего феодала, сам становясь собственником. Словом, он освобождает себя тем, что так или иначе входит в ряды класса, владеющего собственностью, и вступает в сферу конкуренции. Пролетарий же освобождает себя тем, что уничтожает конкуренцию, частную собственность и все классовые различия.

*Ф. Энгельс. Принципы коммунизма.
Соч., т. 4, с. 325—326*

Чем отличается пролетарий от мануфактурного рабочего?

Мануфактурный рабочий XVI-XVIII веков почти повсюду владел еще орудиями производства: своим ткацким станком, прялкой для своей семьи и маленьким участком земли, который он возделывал в свободные от работы часы. У пролетария ничего этого нет. Мануфактурный рабочий живет почти всегда в деревне и находится в более или менее патриархальных отношениях со своим помещиком или работодателем. Пролетарий большей частью живет в

больших городах и с работодателем его связывают чисто денежные отношения. Крупная промышленность вырывает мануфактурного рабочего из его патриархальных условий; он теряет последнее имущество, каким еще обладал, и только тогда превращается в силу этого в пролетария.

*Ф. Энгельс. Принципы коммунизма. Соч., т. 4
с. 326*

Общество раскалывается на буржуазию и пролетариат

В предшествующие исторические эпохи мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, — целую лестницу различных общественных положений. В Древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев, рабов; в средние века — феодальных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев, крепостных, и к тому же почти в каждом из этих классов — еще особые градации.

Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых.

Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два больших, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат. <...>

Низшие слои среднего сословия: мелкие промышленники, мелкие торговцы и рантье, ремесленники и крестьяне — все эти классы опускаются в ряды пролетариата, частью оттого, что их маленького капитала недостаточно для ведения крупных промышленных предприятий и он не выдерживает конкуренции с более крупными капиталистами, частью потому, что их профессиональное мастерство обесценивается в результате введения новых методов производства. Так рекрутируется пролетариат из всех классов населения.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4, с. 424-425, 431

Политическая ориентация средних сословий

Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад

колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы ...

К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4, с. 434

Люмпен-пролетариат

Люмпен-пролетариат, этот пассивный продукт гниения самых низших слоев старого общества, местами вовлекается пролетарской революцией в движение, но в силу всего своего жизненного положения он гораздо более склонен продавать себя для реакционных козней.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4, с. 434

Буржуазное понимание отношений между людьми

Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой.

Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников.

Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4, с. 426-427

Общественные классы — необходимые и излишние

Часто задавали вопрос: в какой степени полезны или даже необходимы различные классы общества? И ответ, конечно, был различен для различных исторических эпох. Несомненно, было время, когда земельная аристократия была неизбежным и необходимым элементом общества. Это, однако, было очень, очень давно. Затем было время, когда капиталистический средний класс, *буржуазия*, как называют ее французы, класс, возникший со столь же неизбежной необходимостью, вступил в борьбу против земельной аристократии, сокрушил ее политическую власть и, в свою очередь, получил экономическое и политическое господство. Но никогда, с тех пор как возникли классы, не было такого времени, когда общество могло бы обходиться без рабочего класса. Название, социальное положение этого класса изменялось; место раба занял крепостной, которого в свою очередь сменил свободный рабочий — свободный от крепостной зависимости, но свободный также и от обладания чем бы то ни было на земле, кроме своей собственной рабочей силы. Но всякому ясно: какие бы изменения ни происходили в высших, производящих слоях общества, общество не может существовать без класса производителей. Следовательно, этот класс необходим при всяких условиях, хотя должно прийти время, когда он не будет уже больше классом, когда он будет охватывать собой все общество.

Так вот, насколько же необходимо в настоящее время существование каждого из этих трех классов?

Землевладельческая аристократия в Англии — по меньшей мере экономически бесполезна, между тем как в Ирландии и в Шотландии она стала положительно вредной из-за своего стремления обезлюдить страну. Заставить население либо переселиться за океан, либо умирать с голоду и заменять его овцами или дичью — вот и все заслуги, которыми могут похвалиться ирландские и шотландские лендлорды. А стоит еще немного усилиться конкуренции американских растительных и животных продуктов, — и точно так же поступят и английские земельные аристократы, по крайней мере те из них, которые в состоянии это сделать, обладая в городах значительной недвижимой собственностью, к помощи которой они могут прибегнуть. Он остальных же нас скоро избавит конкуренция американских продуктов потребления. И хорошо, что избавит, потому что их политическая деятельность — будь то их выступления в палате лордов или в палате общин — подлинное национальное бедствие.

Но как быть с капиталистическим классом, с тем просвещенным и либеральным классом, который основал британскую колониальную империю и установил британскую свободу? С тем классом, который реформировал парламент в 1831 г., отменил хлебные законы и снижал одну пошлину за другой? С тем классом, который создал в Англии гигантские фабрики и продолжает управлять ими,

который создал огромный торговый флот и все растущую железнодорожную сеть? Вероятно, этот класс должен быть по крайней мере столь же необходимым, как и рабочий класс, которым он управляет, ведя от успеха к успеху.

Экономическая функция капиталистического класса заключалась действительно в том, чтобы создать современную систему паровых фабрик и паровых путей сообщения и сокрушить все экономические и политические препятствия, замедлявшие или тормозившие развитие этой системы. Не подлежит сомнению, что, пока капиталистический класс выполнял эту функцию, он был при тех условиях необходимым классом. Но так ли обстоит дело еще и теперь? Продолжает ли он выполнять свою важную функцию руководителя общественного производства, расширяющего его в интересах всего общества в целом? Посмотрим.

Начнем со средств сообщения. Телеграф находится в руках государства. Железные дороги и значительная часть морских пароходов принадлежат не отдельным капиталистам, которые сами ведут свои дела, а акционерным компаниям, дела которых ведут за них *наемные лица* — служащие, положение которых в сущности одинаково с положением привилегированных, лучше оплачиваемых рабочих. Что же касается директоров и держателей акций, то и те и другие знают, что чем менее первые вмешиваются в управление, а последние — в наблюдение, тем лучше для предприятия. Слабое и большей частью небрежное наблюдение является, в самом деле, единственной функцией, остающейся в руках владельцев предприятий. Итак, мы видим, что в действительности капиталисты, собственники этих огромных предприятий, не выполняют никакого другого дела, кроме получения каждые полгода денег по купонам на дивиденды. Социальная функция капиталиста перешла здесь в руки служащих, получающих заработную плату; а капиталист продолжает класть в карман в виде дивидендов вознаграждение за эти функции, хотя он перестал их выполнять.

Но если огромные размеры предприятий, о которых идет речь, заставили капиталиста «уйти в отставку» от руководства ими, то у него осталась еще одна функция. И функция эта состоит в том, чтобы спекулировать своими акциями на бирже. За отсутствием лучшего занятия, наши «ушедшие в отставку» или, в сущности, вытесненные капиталисты вволю предаются в этом храме мамоны биржевой игре. Они отправляются туда с сознательной целью присвоить деньги, делая вид, что зарабатывают их; они, впрочем, говорят, что началом всякой собственности является труд и сбережение, — возможно началом, но отнюдь не концом. Какое лицемерие — насильственно закрывать мелкие игорные дома, когда наше капиталистическое общество не может обойтись, в качестве своего подлинного центра, без огромного игорного дома, в котором проигрываются и выигрываются миллионы за миллионы! Тут уж, конечно, существование «ушедшего в отставку»

акционера-капиталиста становится не только излишним, но и совершенно вредным.

То, что верно для железных дорог и пароходства, с каждым днем становится все более и более верным для всех крупных промышленных и торговых предприятий. Учреждение акционерных компаний — превращение крупных частных предприятий в общества с ограниченной ответственностью стало лозунгом дня в последнее десятилетие и даже раньше. От больших складов манчестерских товаров в Сити до железодельных заводов и каменнотугольных копей в Уэльсе и в Северной Англии и до фабрик в Ланкашире — все превратилось или превращается в акционерные компании. Во всем Олдеме вряд ли хоть одна хлопчатобумажная фабрика осталась в руках частных лиц: даже розничные торговцы все более и более вытесняются «кооперативными магазинами», большая часть которых только называется кооперативными, — но об этом в другой раз. Итак, мы видим, что, вследствие развития самой системы капиталистического производства, капиталист вытесняется точно так же, как ткач, работавший на ручном станке, с той, однако, разницей, что ткач обречен на медленную смерть от голода, а вытесняемый капиталист — на медленную смерть от оборотства. Но положение того и другого обычно сходно в том отношении, что ни один из них не знает, что ему делать с самим собой.

Результат, стало быть, таков: экономическое развитие нашего современного общества все более и более ведет к концентрации, к обобществлению производства в огромных предприятиях, которыми уже не могут более руководить отдельные капиталисты. Всякий вздор о «хозяйском глазе» и о создаваемых им чудесах превращается в явную бессмыслицу, как только предприятие достигает определенных размеров. Представьте себе «хозяйский глаз» на Лондонской и Северо-Западной железных дорогах! Но то, чего хозяин сделать не может, то рабочие, наемные служащие компании, с успехом *могут* делать и делают.

Итак, капиталист уж больше не может предъявлять права на свою прибыль как на «заработную плату за руководство», так как он ничем не руководит. Надо помнить об этом, когда защитники капитала трезвонят, повторяя эту пустую фразу.

Но в нашей статье на прошлой неделе¹ мы попытались показать, что класс капиталистов стал не способен также управлять огромной системой производительных сил нашей страны; что капиталисты, с одной стороны, так расширяли производство, что периодически наводняли продукцией все рынки, а с другой стороны, становились все менее и менее способными выдержать иностранную конкуренцию. Таким образом, мы приходим к тому выводу, что не только можем отлично управиться в крупных отраслях промышленности

нашей страны без вмешательства класса капиталистов, но что их вмешательство становится все более и более вредным.

Мы снова заявляем им: «Отойдите прочь! Предоставьте рабочему классу вас сменить».

Ф. Энгельс. Общественные классы – необходимые и излишние. Соч., т. 19, с. 296-299

Кёльн и Берлин в середине XIX в.

Когда мы приехали в Кёльн, там демократами, а отчасти и коммунистами, уже велась подготовка к созданию большой газеты. Ее хотели сделать узкоместной, кёльнской, а нас сослать в Берлин. Но мы в 24 часа, главным образом благодаря Марксу, завоевали позиции; газета стала нашей; зато мы сделали уступку, включив в состав редакции *Генриха Бюргера*. Последний написал (в № 2) *одну* статью, за которой никакой другой так и не последовало.

Нам нужен был именно Кёльн, а не Берлин. Во-первых, Кёльн был центром Рейнской провинции, которая пережила французскую революцию, усвоила через кодексы Наполеона *современное* правосознание, развила у себя наиболее крупную промышленность и вообще во всех отношениях была тогда самой передовой частью Германии. Мы по собственным наблюдениям слишком хорошо знали тогдашний Берлин с его едва зарождавшейся буржуазией, с его наглым на словах, но на деле трусливым и раболопным менщанством, с его еще совершенно неразвитыми рабочими, с его бесчисленными бюрократами, придворной и дворянской челядью, со всеми его особенностями города, представлявшего собой только «резиденцию». Но решающее значение имел тот факт, что в Берлине господствовало жалкое прусское право ...

Ф. Энгельс. Маркс и «Neue Rheinische Zeitung» (1848–1849). Соч., т. 21, с. 16-17

Берлин в конце XIX в.

Теперь это большой столичный город с населением почти в два миллиона человек, существующий за счет промышленности; пусть сегодня двор, аристократия, гарнизон и чиновники пересудят в другое место, — Берлин все-таки останется Берлином.

Ф. Энгельс. Речь на социал-демократическом собрании в Берлине 22 сентября 1893 года. Соч., т. 22, с. 429

Изменение структуры населения Германии в XIX в.

При жизни прошлого поколения Германия была сельскохозяйственной страной, в которой две трети населения состояло из сельских жителей; теперь это промышленная страна первого ранга, и вдоль всего Рейна, от голландской до швейцарской границ, я не нашел ни одного уголка, откуда не были бы видны дымящиеся фабричные трубы. На первый взгляд это касается как будто одних только капиталистов. Но капиталисты, развивая промышленность, создают тем самым не только прибавочную стоимость, они создают и пролетариев, они разоряют мелкобуржуазные и мелкокрестьянские средние слои, они доводят до крайности классовый антагонизм между буржуазией и пролетариатом, а кто создает пролетариев, тот создает и социал-демократов. Буржуазия поражается неудержимому росту социал-демократических голосов при каждых новых выборах в рейхстаг, она задает вопрос: откуда это? Будь у нее побольше ума, она должна была бы понять, что это — дело ее собственных рук!

Ф. Энгельс. Речь на социал-демократическом собрании в Берлине 22 сентября 1893 года. Соч., т. 22, с. 430

Ф. Энгельс о «демографическом взрыве»

Между прочим, Ява служит доказательством того, что население нигде и никогда не размножается так быстро, как при системе не слишком тяжелого подневольного труда: в 1755 г. — 2 млн., 1826 — 5 1/2 млн., 1850 — 9 млн., 1878 — 19 млн. — за 125 лет почти удесятилось; это единственный пример, приближающийся к мальтусовской прогрессии. Уберите голландских эксплуататоров, и население станет более или менее стабильным.

Ф. Энгельс — К. Каутскому, 18 сентября 1883 г. Соч., т. 36, с. 54

«Домашняя промышленность» и «язва бродяжничества»

Филистеры странным образом не понимают, что столь оплакиваемая «язва бродяжничества» является неизбежным продуктом развития крупной промышленности при сложившихся в Германии условиях земледелия и ремесла и что развитие именно этой крупной промышленности, — поскольку Германия повсюду оказывается последней, — может происходить только под постоянным давлением плохого экономического положения. Ибо немцы способны выдерживать конкуренцию лишь при условии более низкой, сведенной до нищенского уровня заработной платы и все более сил.

ной эксплуатации домашней промышленности, находящейся на задворках фабричной промышленности. Превращение ремесла в домашнюю промышленность и постепенное превращение последней, поскольку это окупается, в фабричную и машинную промышленность, — таков процесс развития в Германии. Подлинно крупная промышленность существует у нас пока только в черной металлургии, в текстильной же промышленности все еще господствует ручной ткацкий станок благодаря нищенской заработной плате ткачей и их картофельным огородам.

Ф. Энгельс — А. Бебелю, 18 января 1884 г.
Соч., т. 36, с. 77-78

Ф. Энгельс об образчиках «государственного социализма» и «общинного коммунизма»

Если хочешь изучить образчик государственного социализма, примером тебе может послужить *Ява*. Там голландское правительство на основе древних коммунистических сельских общин так недурно «социалистически» организовало все производство и так ловко взяло в свои руки продажу всех продуктов, что, кроме приблизительно 100 млн. марок на жалование чиновникам и армии, ему ежегодно остается около 70 млн. марок чистого дохода для уплаты процентов несчастным государственным кредиторам Голландии. В сравнении с этим Бисмарк — сущий младенец!

Ф. Энгельс — А. Бебелю, 18 января 1884 г.
Соч., т. 36, с. 78-79

Следовало бы кому-нибудь взять на себя труд разоблачить распространяющийся, как зараза, государственный социализм, воспользовавшись его образчиком на *Яве*, где он процветает на практике. Весь материал имеется в книге адвоката Дж. У. Б. Мани: «Ява, или Как управлять колонией». Лондон, 1861 2 тома. Из этой книги видно, как голландцы на основе древнего общинного коммунизма организовали производство на государственных началах и обеспечили людям вполне удобное, по своим понятиям, существование; результат: народ удерживают на ступени первобытной ограниченности, а в пользу голландской государственной казны поступает 70 млн. марок ежегодно (теперь, наверное, больше). Случай в высшей степени интересный, и из него легко извлечь практические уроки. Между прочим, это доказательство того, что первобытный коммунизм на Яве, как и в Индии и в России, образует в настоящее время великолепную и самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма (пока его не встряхнет стихия современного коммунизма). В условиях современного

общества он оказывается столь же кричащим анахронизмом (который либо должен быть устранен, либо же получить дальнейшее развитие), как и независимая община-марка старых кантонов.

*Ф. Энгельс — К. Каутскому, 16 февраля 1884 г.
Соч., т. 36, с. 96-97*

Ф. Энгельс о дефиците ремесленников, занятых ремонтом квартир

Я, вероятно, пробуду здесь еще две-три недели, если дождь будет лить не слишком уж сильно, ибо

Домой я тоже не могу.

Дело в том, что там орудуют белильщики, обойщики, маляры и прочие, сделавшие квартиру на три четверти непригодной для жилья, а уж если эти люди попадут в дом, никто не знает, когда удастся от них отделаться. Это происходит оттого, что в Англии крупная промышленность разрушила ремесло, но ничем не смогла его заменить.

*Ф. Энгельс — Г. Энгельсу, 22 августа 1889 г.
Соч., т. 37, с. 219*

Рост организованности рабочих и некоторое улучшение их положения

Старая история: при благоприятной конъюнктуре спрос на труд вынуждает этих господ к уступчивости, а в период плохой конъюнктуры они используют чрезмерное предложение труда, чтобы от всех этих уступок отказаться. Но в целом с ростом организованности рабочих растет и их сопротивление, так что общее положение рабочих — в среднем — несколько улучшается, и никакой кризис не может снова свести его на продолжительное время *ниже* или даже только *до* исходного пункта, то есть до того *самого низкого уровня*, к которому оно было низведено предыдущим кризисом. Однако трудно сказать, что будет, если нам когда-нибудь придется пережить длительный хронический, *всеобщий* промышленный кризис продолжительностью в пять-шесть лет.

*Ф. Энгельс — М. Оппенгейму, 24 марта 1891 г.
Соч., т. 38, с. 50*

Огромная разница в жизненном уровне рабочих в США

Для вас в Америке большим препятствием, как мне кажется, является исключительное положение коренных американских рабочих. До 1848 г. о постоянном, коренном рабочем классе можно

было говорить только как об исключении: его немногочисленные первые представители в городах на востоке в то время все еще могли надеяться превратиться в крестьян или буржуа. Теперь такой класс уже развился и большей частью организован в тред-юнионы. Но он все еще занимает аристократическое положение и предоставляет — имея на это возможность — не требующую квалификации низкооплачиваемую работу иммигрантам, из которых лишь очень немногие вступают в аристократические тред-юнионы. Но эти иммигранты разделены на бесчисленное множество национальностей и не понимают друг друга, а в большинстве случаев не знают и языка страны. А ваша буржуазия умеет гораздо лучше, чем австрийское правительство, натравливать одну национальность на другую — евреев, итальянцев, чехов и т.д. на немцев и ирландцев и каждого из них на всех остальных; так что, я думаю, в Нью-Йорке существует такая разница в жизненном уровне рабочих, о которой в других местах и не услышишь. И к этому присоединяется еще полное равнодушие общества, развившегося на чисто капиталистической основе, без всякого идиллического феодального фона, к погибающим в борьбе за существование человеческим жизням; их-де и так полно, больше, чем нам нужно, этих проклятых «голландцев»¹, ирландцев, итальянцев, евреев и венгров, а тут еще на заднем плане стоит китаец Джон², который далеко превосходит всех остальных своей способностью жить, питаясь всякой дрянью.

*Ф. Энгельс — Г. Шютеру, 30 марта 1892 г.
Соч., т. 38, с. 273-274*

Различные виды услуг в капиталистических городах

Труд как всего лишь обслуживание, направленное на удовлетворение непосредственных потребностей, не имеет никакого отношения к капиталу, так как последний ищет не его. Если капиталист велит нарубить себе дров, чтобы зажарить своего барана, то не только отношение дровосека к нему, но и его отношение к дровосеку сводится к отношению простого обмена. Дровосек доставляет ему свою услугу, — потребительную стоимость, которая не увеличивает капитала, но, напротив, посредством которой капитал потребляется, — а капиталист дает дровосеку взамен другой товар в форме денег. Так обстоит дело со всеми теми услугами, которые рабочие непосредственно обменивают на деньги других лиц и которые потребляются этими лицами. Это есть потребление не капитала, а дохода, обмен которого как таковой всегда относится

¹ «Голландцами» в США называли немцев. *Ред.*

² — прозвище китайцев в США. *Ред.*

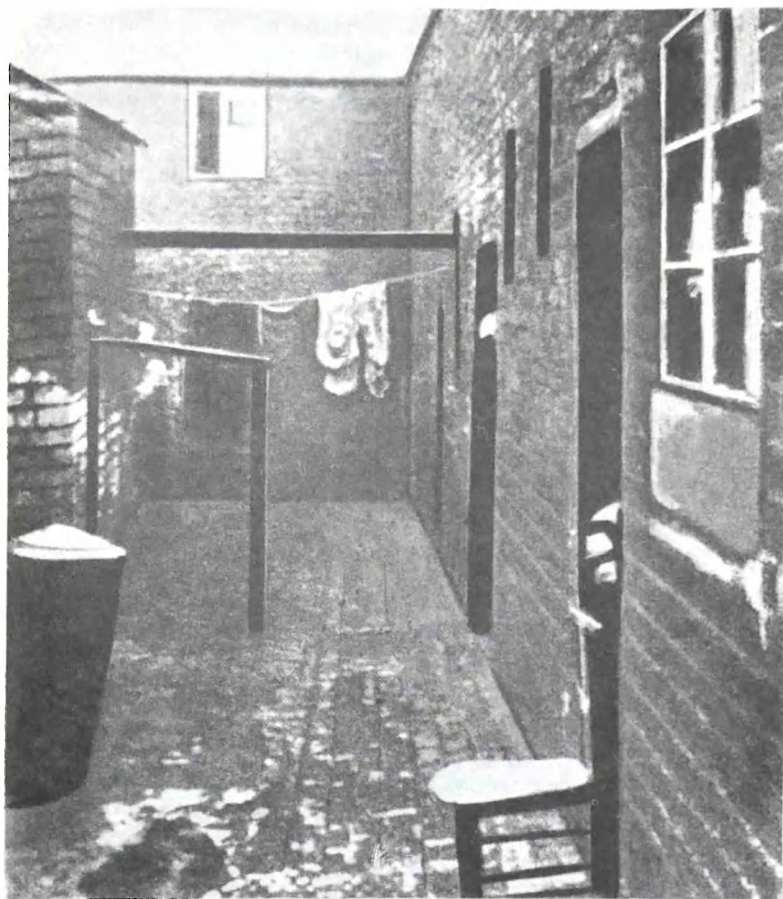
к простому обращению. Так как один из контрагентов противостоит другому не как капиталист, то эта работа прислуги не может быть отнесена к категории производительного труда. Есть много подобного сброда, начиная от проститутки и кончая папой. Но сюда относится также и честный и «трудящийся» люмпен-пролетариат; например, многочисленная банда предлагающих свою помощь носильщиков и т.п. в портовых городах, и т.д. Лицу, являющемуся представителем денег, услуга носильщика требуется лишь ради ее потребительной стоимости, которая для него сразу же и исчезает; а носильщику требуются деньги, и так как того, кто дает деньги, интересует товар, носильщика же, доставляющего товар, интересуют деньги, то оба они представляют по отношению друг к другу лишь две стороны простого обращения; во всяком случае ясно, что носильщик, которому нужны деньги, т.е. непосредственно всеобщая форма богатства, хочет обогатиться за счет своего импровизированного труда, а это тем сильнее огорчает последнего как черствого калькулятора, что эта услуга, в которой он теперь нуждается, должна быть просто приписана его общечеловеческой слабости и отнюдь не нужна ему как капиталисту.

*К. Маркс. Критика политической экономии
(Черновой набросок 1857-1858 годов).
Соч., т. 46, ч. 1, с. 214*

1.3. Жилищное строительство и градостроительство

Большие города

Такой город, как Лондон, по которому бродишь часами, не видя ему конца и не встречая ни малейшего признака того, что где-нибудь поблизости начинается открытое поле, — такой город представляет из себя нечто совсем особенное. Эта колоссальная централизация, это скопление двух с половиной миллионов людей в одном месте умножили силы этих двух с половиной миллионов людей в сотню раз; они превратили Лондон в торговую столицу мира, создали гигантские доки и собрали те тысячи кораблей, которые всегда покрывают Темзу. Я не знаю ничего более внушительного, чем вид Темзы, когда с моря подъезжаешь к Лондонскому мосту. Эти массы домов, верфи с обеих сторон и в особенности со стороны Вулиджа, бесчисленное множество судов вдоль обоих берегов, все плотнее и плотнее смыкающихся и под конец оставляющих лишь узенькое пространство посередине реки, по которому постоянно снуют сотни пароходов, — все это столь величественно, столь грандиозно, что не можешь опомниться и приходишь в изумле-

Рядовой коттедж в Лондоне (конец XIX в.)

ние от величия Англии еще до того, как вступишь на английскую землю¹.

Но каких жертв все это стоило, — это обнаруживаешь только впоследствии. Только потолкавшись несколько дней по главным

¹ (1892 г.) Это писалось почти 50 лет тому назад, в эпоху живописных парусных судов. В настоящее время такие суда, если они и появляются в Лондоне, остаются в доках, а Темза покрыта законными, уродливыми пароходами. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1892 г.).

улицам, с трудом пробиваясь сквозь толны людей, бесконечные вереницы экипажей и повозок, только побывав в «трущобах» мирового города, начинаешь замечать, что лондонцам пришлось пожертвовать лучшими чертами своей человеческой природы, чтобы создать все те чудеса цивилизации, которыми полон их город, что заложенные в каждом из них сотни сил остались без применения и были подавлены для того, чтобы немногие из этих сил получили полное развитие и могли еще умножиться посредством соединения с силами остальных. Уже в самой уличной толкотне есть что-то отвратительное, что-то противное природе человека ...

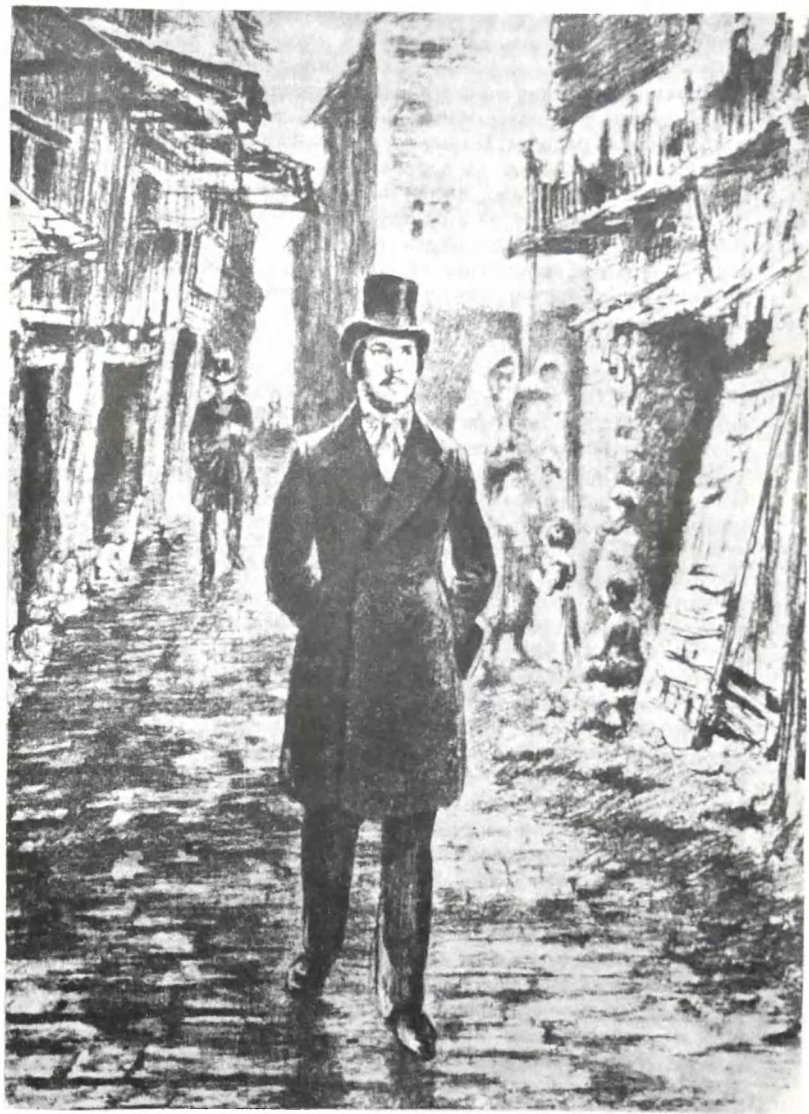
Все, что можно сказать о Лондоне, применимо также к Манчестеру, Бирмингему и Лидсу, ко всем большим городам. Везде варварское равнодушие, беспощадный эгоизм, с одной стороны, и неопишущая нищета — с другой, везде социальная война, дом каждого в осадном положении, везде взаимный грабеж под охраной закона, и все это делается с такой бесстыдной откровенностью, что приходишь в ужас от последствий нашего общественного строя, которые выступают здесь столь обнаженно, и уже ничему не удивляешься, разве только тому, что в этом безумном круговороте все до сих пор еще не разлетелось прахом.

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. Соч., т. 2, с. 263-264

Заселенные рабочими трущобы английских промышленных городов

Перейдем, однако, к более подробному исследованию того положения, к которому социальная война приводит неимущий класс. Посмотрим, какое жилище, какую одежду и пищу общество дает рабочим в уплату за их работу, какое существование оно обеспечивает тем, кто более всего способствует существованию общества. Начнем с жилища.

Каждый большой город имеет свои густо заселенные рабочим классом трущобы, расположенные в одном или нескольких районах. Правда, часто нищета ютится в тесных закоулках в непосредственной близости от дворцов богачей, но обычно ей отведен совершенно отдельный участок, в котором, вдали от глаз более счастливых классов, она должна сама перебиваться, как умеет. Эти трущобы во всех городах Англии в общем одинаковы; это самые отвратительные дома в самой скверной части города, чаще всего вереницы двухэтажных или одноэтажных кирпичных зданий, почти всегда расположенных в беспорядке, с жилыми подвалами во многих из них. Такие домики, состоящие из трех-четырех комнат и кухни, называются коттеджами и составляют во всей Англии, за исключением некоторых частей Лондона, обычное жилище рабочего. Улицы здесь обычно немощеные, грязные, с ухабами, покры-

Ф. Энгельс в рабочем квартале Манчестера. Рисунок худ. Н. Жукова

ты растительными и животными отбросами, без водостоков и сточных канав, но зато со стоячими зловонными лужами. Неправильная, беспорядочная застройка таких частей города мешает вентиляции, а так как множество людей живет здесь на небольшом пространстве, то легко можно представить себе, какой воздух стоит в этих рабочих районах. К тому же улицы в хорошую погоду служат еще для сушки белья: от одного дома к другому, через улицу, протягиваются веревки, увешанные мокрым тряпьем.

Изучим некоторые из этих трущоб. Начнем с *Лондона*¹, с его знаменитого «вороньего гнезда» (rookery) *Сент-Джайлс*, которое теперь, наконец, прорезано несколькими широкими улицами и таким образом обречено на уничтожение. Сент-Джайлс расположен в середине самой населенной части города, окружен блестящими, широкими улицами, по которым планирует лондонский высший свет, совсем близко от Оксфорд-стрит и Риджент-стрит, от Трафалгар-сквера и Странда. Это — беспорядочное нагромождение высоких трех-четырёхэтажных домов, с узкими, кривыми и грязными улицами, не менее оживленными, чем главные улицы города, с той только разницей, что в Сент-Джайлсе можно увидеть почти исключительно представителей рабочего класса. Тут же на улице идет торговля; корзины с овощами и фруктами — все, разумеется, дурного качества и почти несъедобное — еще более загромождают проход, и от всего этого, как и от мясных лавок, исходит отвратительный запах. Дома, от подвала до самой крыши битком набитые жильцами, настолько грязны снаружи и внутри, что ни один человек, казалось бы, не согласится в них жить. Но все это ничто в сравнении с жилищами, расположенными в тесных дворах и переулках между улицами, куда можно попасть через крытые проходы между домами и где грязь и ветхость не поддаются описанию: здесь почти не увидишь окна с целыми стеклами, стены обваливаются, дверные косяки и оконные рамы сломаны и еле держатся, двери сколочены из старых досок или совершенно отсутствуют, ибо в этом воровском квартале они собственно не нужны, так как нечего красть. Повсюду кучи мусора и золы, а выливаемые у дверей помой застаиваются в зловонных лужах. Здесь живут беднейшие из бедных, наиболее низко оплачиваемые рабочие, вперемешку с ворами, мошенниками и жертвами проституции. Большинство из них — ирландцы или потомки ирландцев, и даже те, которых еще не засосал водоворот морального разложения, окружающий их, с каждым днем все более опускаются, с каждым днем все более и более теряют силы противиться деморализующему влиянию нужды, грязи и ужасной среды.

Но лондонские трущобы не ограничиваются Сент-Джайлсом.

¹ Когда это описание было уже составлено, мне попала статья о рабочих кварталах Лондона в "Illuminated Magazine" (октябрь 1844), которая во многих местах почти дословно совпадает с моим описанием и по существу везде вполне с ним сходится. Заглавие статьи: «Жилища бедных. Из записной книжки врача».

В огромном лабиринте улиц есть сотни и тысячи скрытых переулков и закоулков, дома в которых слишком плохи для всех тех, кто имеет возможность хоть сколько-нибудь расхоловать на более человеческое жилье, и такие пристанища жесточайшей нищеты можно найти часто в непосредственном соседстве с прекрасными домами богачей.

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. Соч., т. 2, с. 266-267

В крупнейшем рабочем районе Лондона

Но самый крупный рабочий район лежит к востоку от Тауэра в *Уайтчепеле* и *Бетнал-Грине*, где сконцентрирована главная масса лондонских рабочих. Послушаем, что говорит о состоянии своего прихода г-н *Г. Олстон*, пастор церкви Сент-Филиппс в Бетнал-Грине:

«Здесь имеется 1400 домов, в которых живет 2795 семейств, около 12 тыс. человек. Пространство, на котором размещается это многочисленное население, имеет в общей сложности меньше 400 ярдов (1200 футов) в квадрате, и при такой тесноте нередко муж, жена, четверо-пятеро детей, а иногда и бабушка и дедушка ютятся в одной-единственной комнате в 10-12 футов в квадрате и здесь работают, едят и спят ...»

Уже из одного этого описания можно себе представить, как обычно выглядят эти жилища. Для более полной картины мы последуем еще за некоторыми английскими чиновниками, которым приходится иногда посещать такие пролетарские жилища. < ... >

Я не хочу утверждать, что *все* лондонские рабочие живут в такой нищете, как эти три семейства. Я прекрасно знаю, что там, где общество совсем затоптало одного, десятерым живется несколько лучше. Но я утверждаю, что тысячи трудолюбивых и честных семей, гораздо более честных, более достойных уважения, чем все лондонские богачи, вместе взятые, находятся в этом недостойном человека положении и что каждого пролетария — каждого без исключения — может постигнуть такая судьба без всякой вины с его стороны и вопреки всем его стараниям ее избежать.

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. Соч., т. 2, с. 268-269, 270

Ночлежки для бедняков

И все же тот, кто имеет хоть какой-нибудь кров, счастливее по сравнению с бездомными. В Лондоне каждый день 50 тыс. человек, просыпаясь утром, не знают, где они проведут следующую ночь. Счастливейшие из них, которым удастся приберечь до вечера пару пенсов, отправляются в один из так называемых ночлежных

домов (lodging-house), которых множество во всех больших городах, и за свои деньги находят там приют. Но какой приют! Дом сверху донизу заставлен койками; в каждой комнате по четыре, пять, шесть коек — столько, сколько может вместиться. На каждой койке спят по четыре, по пять, по шесть человек, тоже столько, сколько может вместиться, — больные и здоровые, старые и молодые, мужчины и женщины, пьяные и трезвые, все впопалку, без разбора. < ... > А те, которые не могут заплатить и за такой почлег? Те спят, где придется — в пассажах, под арками или в каком-нибудь углу, где полиция или домохозяева не нарушат их покоя. Некоторым удастся попасть в приюты, устроенные кое-где средствами частной благотворительности, другие спят на скамейках в парках, под самыми окнами королевы Виктории.

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. Соч., т. 2, с. 270

Контрасты благоустройства в Дублине

Оставим Лондон, чтобы посетить один за другим остальные большие города Соединенного королевства. Возьмем сначала *Дублин*, город, въезд в который со стороны моря настолько же очарователен, насколько въезд в Лондон величествен; Дублинский залив считается самым красивым на Британских островах, и ирландцы нередко сравнивают его с Неаполитанским заливом. Сам город тоже очень живописен, и аристократические кварталы распланированы там лучше и с большим вкусом, чем в любом другом английском городе. Но зато и бедные кварталы Дублина принадлежат к числу самых ужасных и отвратительных в мире. ... нищета в Дублине не есть нечто специфическое, присущее только ирландскому городу, это — нечто общее всем большим городам мира. — Нищенские кварталы Дублина рассеяны по всему городу, и грязь и неблагоустройство домов, запущенность улиц не поддаются описанию.

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. Соч., т. 2, с. 272

Манчестер и окружающие его города

Если мы перейдем или переедем на поезде через Блэкстон-Эдж, то вступим на ту классическую почву, на которой английская промышленность создала свое совершеннейшее произведение и откуда берут начало все движения английских рабочих, — *Южный Ланкашир* с его центром *Манчестером*. Перед нами снова красивая холмистая местность, спускающаяся к западу от водораздела отлогими уступами к Ирландскому морю, с восхититель-

пами, покрытыми зеленым ковром долинами рек Рибл, Эруэлл и Мерсей и их притоков: эта местность еще лет сто тому назад представляла собой в значительной своей части сплошное болото с редким населением, а в настоящее время усеяна городами и деревнями и является наиболее густо населенной частью Англии. Ланка-

Дома для рабочих. Около 1850

шир и в особенности Манчестер являются и местом зарождения английской промышленности, и ее центром. Бирика Манчестера — это термометр всех колебаний промышленной жизни: в Манчестере современное производство достигло своего совершенства ... Но и последствия современной промышленности для рабочего класса должны были здесь развиться всего полнее и в наиболее чистом виде, и промышленный пролетариат должен был появиться здесь в своей классической форме; и то униженное положение, в которое подвергает рабочего применение силы пара, машин и разделение труда, а также попытки пролетариата покончить с этим угнетением тоже должны были достигнуть здесь высшей степени напряжения и сознательности. И поскольку Манчестер представляет собой классический тип современного промышленного города, а также потому что я знаю его как свой родной город, и лучше, чем знают его

большинство его жителей, — мы остановимся на нем несколько дольше.

Города, расположенные вокруг Манчестера, в отношении рабочих кварталов мало чем отличаются от центрального города, — только рабочие в них составляют, пожалуй, еще более значительную часть населения чем в последнем. Это чисто промышленные города, и все их торговые дела совершаются в Манчестере и через Манчестер; они во всех отношениях зависят от Манчестера и поэтому населены только рабочими, фабрикантами и мелкими торговцами, между тем как в Манчестере все же имеется очень значительное торговое население, много комиссионных контор и больших розничных магазинов. Вот почему, хотя города *Болтон*, *Престон*, *Уиган*, *Бери*, *Рочдейл*, *Мидлтон*, *Хейвуд*, *Олдем*, *Аштон*, *Стейлибридж*, *Стокпорт* и другие и насчитывают по тридцать, пятьдесят, семьдесят и даже до девяноста тысяч жителей, почти все они представляют собой попросту большие рабочие поселки, прерываемые лишь фабриками, несколькими главными улицами, вдоль которых тянутся магазины, и несколькими загородными дорогами, вдоль которых расположены — наподобие вилл — окруженные садами дома фабрикантов. Сами города плохо и неправильно застроены, с грязными дворами, улицами и закоулками, полны угольного дыма и производят особенно мрачное впечатление своими зданиями, сложенными из когда-то ярко-красного, но от времени почерневшего кирпича, который здесь является универсальным строительным материалом. Подвальные квартиры представляют здесь обычное явление; эти вырытые в земле норы устраиваются, где только возможно, и в них живет очень значительная часть населения.

Самым худшим из этих городов, после Престона и Олдема, считается *Болтон*, расположенный в одиннадцати милях к северо-западу от Манчестера. Насколько я смог заметить во время своих неоднократных посещений города, в нем имеется только одна, притом довольно грязная, главная улица, Динсгейт, которая служит одновременно и рынком; она и в самую лучшую погоду представляет собой мрачную, отталкивающую дыру, хотя ее обрамляют кроме фабрик только низенькие дома в один, два этажа. Здесь, как и повсюду, более старая часть города особенно запущена и неприглядна. Через город протекает какая-то черная жижа, о которой трудно сказать, ручей это или сплошной ряд вонючих луж, и которая посылу способствует отравлению воздуха, и без того далеко не чистого ...

В нескольких милях к северо-востоку от Стокпорта лежит *Аштон-андер-Лайн*, один из новейших фабричных центров этой местности. Расположен он по склону холма, у подножья которого протекают канал и река Тейм, и в общем построен по новой, более правильной системе. Пять или шесть длинных параллельных улиц тянутся вдоль холма, их перерезают под прямым углом другие улицы, спускающиеся в долину. При такой системе расположения

улиц фабрики вытесняются из центра города, тем более, что ради близости к воде и речному сообщению они без того сконцентрировались бы внизу в долине; здесь они все и скучились, выбрасывая из своих труб густой дым. Благодаря такому расположению Аштон производит гораздо более приветливое впечатление, чем

План Манчестера с пригородами:

1 — биржа; 2 — старая церковь; 3 — рабочий дом; 4 — кладбище бедных; 5 — церковь св. Михаила; 6, 7 — мосты через р. Ирвэлл; 8 — Малая Ирландия

большинство других фабричных городов: улицы шире и чище, ярко-красные коттеджи выглядят более свежо и уютно. Зато эта новая система постройки коттеджей для рабочих имеет свои дурные стороны, так как за каждой такой улицей скрывается гораздо более грязная задняя улица, в которую ведет узенький боковой проход. Я не видел и в Аштоне ни одного здания, которому могло бы быть больше пятидесяти лет, если не считать нескольких домов на окраине, однако и здесь есть улицы, где стоят скверные, обвет-

шалые коттеджи с расшатанными, вываливающимися кирпичами, с потрескавшимися стенами и обвалившейся внутри штукатуркой; эти улицы, грязные и черные от копоти, своим видом ни в чем не уступают улицам остальных городов округа, разве только, что здесь они составляют не правило, а исключение.

Одной милей дальше на восток лежит *Стейлибридж*, тоже у реки Тейм. Если от Аштона подняться на гору, то на вершине ее увидишь справа и слева большие красивые сады с роскошными особняками, похожими на виллы, большей частью построенными в элизаветинском стиле, который так же относится к готическому стилю, как протестантско-англиканская религия к апостолической римско-католической. Еще сотня шагов — и перед глазами появляется в долине Стейлибридж. Но какой резкий контраст с роскошными виллами и даже со скромными коттеджами Аштона! Стейлибридж расположен в извилистой и еще более узкой чем долина Стокпорта ложбине, оба склона которой покрыты коттеджами, домами и фабриками, разбросанными в полном беспорядке. Приближаясь к городу, замечаешь, что уже первые коттеджи тесны, закопчены, стары, ветхи, а каковы первые дома, таков и весь город. Лишь немногие улицы тянутся по дну узкой долины; большинство, перпендикулярно, выются вверх и вниз по ее склонам, и, вследствие такого наклонного расположения улиц, нижний этаж почти во всех домах наполовину врыт в землю. Какая масса дворов, задних улиц и закоулков образуется при такой хаотической системе застройки видно с горы, откуда город раскрывается местами почти как с высоты птичьего полета. Если к этому прибавить еще ужасную грязь, то станет понятным, почему этот город при всей красоте своих окрестностей, производит такое отвратительное впечатление.

Но довольно об этих менее значительных городах. Каждый из них имеет свои особенности, но в общем рабочие живут в них так же, как в Манчестере. Вот почему я обрисовал только особенности застройки каждого из них; прибавлю лишь, что все замечания общего характера о состоянии рабочих жилищ в Манчестере целиком применимы и к окружающим его городам. Перейдем же теперь к главному городу.

Манчестер лежит у подножья южного склона цепи холмов, которая тянется от Олдема между долинами реки Эруэлл и реки Медлок и заканчивается холмом *Керсолл-Мур*, являющимся одновременно ипподромом и «Священной горой» Манчестера. Собственно Манчестер расположен на левом берегу Эруэлл, между этой рекой и ее двумя притоками — Эрком и Медлоком, впадающими здесь в Эруэлл. На правом берегу Эруэлл, стиснутый в крутом изгибе этой реки, лежит *Солфорд*, а далее к западу — *Пендлтон*; к северу от Эруэлл находятся Верхний и Нижний *Бротон*; к северу от Эрка — *Читем-Хилл*, к югу от Медлока лежит *Хьюлм*, далее к востоку — *Чоратон-он-Медлок*, а еще далее, немного на восток от

Манчестера, — *Ардуик*. Все это нагромождение домов в обиходе называется Манчестером и насчитывает население в 400 тыс. человек, никак не меньше, а скорее больше. Сам город расположен так своеобразно, что человек может прожить в нем много лет, выходить на улицу ежедневно и ни разу не побывать в рабочем квартале и даже не прийти в соприкосновение с рабочими, если вообще будет выходить только по своим делам или на прогулку. Объясняется это главным образом тем, что вследствие неосознанного молчаливого соглашения, а также вполне определенного осознанного расчета, рабочие районы самым строгим образом отделены от тех частей города, которые предоставлены буржуазии, и там, где этого нельзя сделать открыто, это делается под прикрытием милосердия. В центре Манчестера находится довольно обширный торговый район, охватывающий пространство в полмили в длину и столько же в ширину и почти весь состоящий из контор и товарных складов (*warehouses*). Почти весь этот район нежилой, ночью становится совершенно пустынным и безлюдным, и только дежурные полицейские проходят по узким и темным улицам со своими потайными фонарями. Местность эта прорезана несколькими главными улицами, на которых сосредоточено огромное движение и где нижние этажи домов заняты нарядными магазинами; на этих улицах верхние этажи кое-где заселены, и здесь уличная жизнь не прекращается до поздней ночи. За исключением этой торговой части весь Манчестер, в узком смысле, весь Солфорд и Хьюлм, значительная часть Пендлтона и Чорлтона, две трети Ардуика и отдельные участки в Читем-Хилле и Бротоне — все это составляет один сплошной рабочий район, охватывающий торговую часть поясом шириной в среднем в полторы мили. За этим поясом живет высшая и средняя буржуазия, средняя — на прямых улицах недалеко от рабочих кварталов, именно в Чорлтоне и в расположенных дальше частях Читем-Хилла, а высшая — еще дальше, в загородных домах и виллах Чорлтона и Ардуика или на хорошо проветриваемых возвышенностях Читем-Хилла, Бротона и Пендлтона — на чистом, здоровом деревенском воздухе, в роскошных удобных жилищах, мимо которых каждые четверть или полчаса проходят идущие в город omnibusy. И самое интересное во всем этом то, что эта богатая денежная аристократия может проехать через все эти рабочие кварталы, чтобы кратчайшим путем попасть в свои конторы в центре города, даже не заметив, что вблизи, справа и слева, в грязи гнездится нищета. Дело в том, что главные улицы, расходящиеся от биржи по всем направлениям к окраинам города, состоят из двух почти непрерывных рядов магазинов и населены, следовательно, средней и мелкой буржуазией, которая уже ради своей собственной выгоды хочет и может заботиться о приличном и чистом их виде. Правда, эти магазины всегда имеют нечто родственное с теми районами, которые лежат позади них, и потому в торговых кварталах и вблизи тех районов, где живет буржуазия, они более элегантны, чем там, где за ними скрываются грязные коттеджи

рабочих. И все же они достаточно чисты для того, чтобы скрыть от глаз богатых дам и господ со здоровыми желудками и слабыми нервами нищету и грязь, составляющие дополнение к их богатству и роскоши. Так, например, улица Динсгейт тянется от старой церкви прямо на юг, представляя собой сначала двойной ряд товарных складов и фабрик, которые затем сменяются магазинами второго ранга и несколькими пивными, а далее к югу, где торговый квартал кончается, более невзрачными магазинами, становящимися чем дальше, тем грязнее, и все чаще уступающими место кабакам и трактирам, пока, наконец, на южном конце улицы самый вид лавочек не оставляет никакого сомнения в том, что их клиентами являются рабочие и только рабочие.

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. Соч., т. 2, с. 279-284

«Лицемерная система застройки»

Так же выглядит Маркет-стрит, которая тянется от биржи на юго-восток: сначала идут нарядные магазины первого ранга, а в верхних этажах — конторы и товарные склады; далее (на Пикадилли) тянутся колоссальные отели и товарные склады; еще дальше (на Лондон-род), возле реки Медлок, расположены фабрики, трактиры и магазины для низших слоев буржуазии и для рабочих; затем у Ардуик-Грина тянутся дома для высшей и средней буржуазии и за ними большие сады и виллы наиболее богатых фабрикантов и купцов. Таким образом, можно, зная Манчестер по главным улицам, *умозаключить* о состоянии прилегающих к ним кварталов, но очень редко удастся отсюда разглядеть *подлинный* вид самих рабочих районов. — Я прекрасно знаю, что эта лицемерная система застройки более или менее свойственна всем большим городам; я знаю также, что розничный торговец уже по самому характеру своей торговли должен располагаться на главных улицах с большим движением; я знаю, что на таких улицах всегда бывает больше хороших домов, чем плохих, и что вблизи их стоимость земли выше, чем в более отдаленных местах. И все же я нигде не видел, чтобы рабочий класс так систематически не допускался на главные улицы, чтобы все то, что может оскорбить глаза и нервы буржуазии, так заботливо прикрывалось, как это делается здесь, в Манчестере. Между тем Манчестер менее чем какой-либо другой город строился по полицейским предписаниям или определенному плану, а в гораздо большей мере складывался случайно. Если при этом принять во внимание страстные заверения буржуазии о том, что рабочим прекрасно живется, начинает казаться

ся, что такая постыдная планировка города произошла не без участия либеральных фабрикантов, манчестерских «big wigs»¹.

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. Соч., т. 2, с. 284-285

Описание рабочих кварталов

Добавлю еще, что почти все фабричные здания расположены вдоль трех рек и различных каналов, пересекающих город, и перехожу к описанию самих рабочих кварталов. Это прежде всего манчестерский Старый город, расположенный между северной границей торгового квартала и рекой Эрк. Здесь улицы, даже лучшие из них, как Тодд-стрит, Лонг-Миллгейт, Уити-Гров и Шед-Хилл, узкие и кривые, дома грязные, старые и ветхие, а постройки в переулках и совсем отвратительны. Если пойти от старой церкви вдоль улицы Лонг-Миллгейт, то справа сейчас же начинается ряд старомодных домов, в котором не сохранилось ни одного не покривившегося фасада. — это остатки старого Манчестера. Манчестера допромышленной эпохи, бывшие обитатели которого вместе со своими потомками переселились в лучшие застроенные части города и предоставили эти дома, ставшие для них слишком неудобными, населению из рабочих, среди которых много ирландцев. Здесь нам представляется рабочий квартал в почти неприкрытом виде, ибо даже магазинам и трактирам на главной улице никто не пытается придать сколько-нибудь опрятный вид. Но это все еще ничто в сравнении с переулками и дворами, которые расположены во втором ряду и куда можно попасть только через узкие крытые проходы, в которых даже два человека не могут разминуться. Такого беспорядочного, наперекор всем правилам разумной архитектуры, нагромождения домов, такой тесноты, вследствие которой дома буквально прилеплены один к другому, просто нельзя себе представить. И дело здесь не только в постройках, сохранившихся со времен старого Манчестера. Беспорядок был доведен до апогея лишь в самое последнее время, когда повсюду, где способ застройки, свойственный более ранним эпохам, сохранил хотя бы вершок незастроенного пространства, стали достраивать и пристраивать, пока, наконец, между домами не осталось ни одного кусочка, на котором еще можно было бы что-нибудь построить. Для подтверждения своих слов я даю здесь рисунок небольшой части плана Манчестера. Это — далеко не худший участок и он составляет менее десятой части всего Старого города.

Рисунок этот в достаточной мере дает представление о неразумном способе застройки всего района, особенно вблизи реки

¹ Игра слов: «big wigs» означает «важные особы», а также «великие ви́ги», *Ред.*

Эрк. Берег реки здесь, на южной стороне, очень крут и достигает от 15 до 30 футов вышины; по этому крутому склону лежится большей частью три ряда домов, причем нижний ряд поднимается из самой воды, тогда как фасад верхнего находится уже на уровне гребня холма и обращен на улицу Лонг-Миллгейт. Кроме

План рабочего квартала Манчестера. Рисунок Ф. Энгельса

того на берегу реки стоят еще фабрики — одним словом, и здесь постройки расположены так же тесно и беспорядочно, как и в нижней части улицы Лонг-Миллгейт. Справа и слева множество крытых проходов ведут с главной улицы в многочисленные внутренние дворы; когда заходишь туда, сталкиваешься с такой грязью, с такой отвратительной неопрятностью, с которой ничто не сравнится; особенно это относится к дворам, спускающимся к Эрку: здесь находятся, бесспорно, самые ужасные жилища, которые мне когда-либо приходилось видеть.

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. Соч., т. 2, с. 285-286

Загрязнение окружающей среды в Манчестере

Открывающийся с этого моста ландшафт — каменная стена в человеческий рост заботливо скрывает его от взоров не очень высоких прохожих — вообще характерен для всего района. Глубоко внизу течет или, вернее, застаивается Эрк, узкая, черная, вонючая речка, полная грязи и отходов, которые она откладывает на правый, низменный, берег. В сухую погоду на этом берегу остается целый ряд отвратительнейших, зеленовато-черных, гниющих луж, из глубины которых постоянно поднимаются пузыри гнилостных газов, распространяя запах, невыносимый даже наверху, на мосту, на высоте 40 или 50 футов над уровнем реки. Сама река к тому же на каждом шагу перегороджена высокими запрудами, у которых

ил и отбросы скапливаются толстым слоем и гниют. Выше моста расположены кожевенные заводы; далее, еще выше, расположены красильни, костомольни и газовые заводы, жидкие и твердые отходы которых сливаются в ту же речку Эрк, которая кроме того принимает содержимое всех окрестных клоак и отхожих мест. Легко себе представить, какого рода осадки оставляет эта река. Ниже, за мостом, открывается вид на мусорные кучи, нечистоты, грязь и развалины во дворах на левом, высоком, берегу: дома высятся один над другим и вследствие крутизны склона видно по кусочку от каждого из них; все они законченные, ветхие, старые, с разбитыми стеклами и расшатанными оконными рамами; на заднем плане стоят старые казарменного вида фабричные здания. — На правом, низком, берегу виден длинный ряд домов и фабрик. Второй дом с краю — развалина без крыши — заполнен мусором, а третий построен так низко, что нижний этаж необитаем и поэтому не имеет ни окон, ни дверей. На заднем плане здесь находятся кладбище для бедных, вокзалы Ливерпульской и Лидеской железных дорог, а позади них рабочий дом, манчестерская «бастилия для бедных», которая подобно цитадели, грозно смотрит с холма из-за высоких зубчатых стен на расположенные на другом берегу рабочие кварталы.

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. Соч., т. 2, с. 287

Несколько упорядоченная застройка

Оставим Эрк, чтобы снова проникнуть в гущу рабочих жилищ на другой стороне улицы Лонг-Миллгейт, и мы попадаем в более новый квартал, который тянется от церкви Сент-Майклс до Уити-Гров и Шед-Хилл. Здесь, по крайней мере, больше порядка. Вместо хаотической застройки мы находим здесь хоть длинные прямые улицы и тупики или построенные по определенному плану обычно четырехугольные дворы. Но если там по произволу строился каждый дом, то здесь тот же произвол сказывается в застройке целых улиц и дворов, которые строятся без всякого учета расположения остальных. Улица идет то в одну, то в другую сторону, на каждом шагу попадаешь в тупик или в закоулочек, который выводит тебя опять туда, откуда ты пришел, и тот, кто не прожил некоторое время в этом лабиринте, никак в нем не разберется. Эти улицы и дворы проветриваются, если вообще здесь применимо это слово, так же плохо, как и в районе реки Эрк, и если все же этот район имеет перед тем какие-то преимущества, — здесь и дома повее, и на некоторых улицах имеются, хоть изредка, сточные канавы, — то зато здесь почти в каждом доме есть заселенный подвал, что на берегу реки Эрк встречается редко именно вследствие того, что там дома более старые и небрежно построенные.

В остальном же грязь, кучи мусора и золы, стоячие лужи на улицах встречаются и тут и там, а в квартале, о котором мы говорим теперь, кроме того, имеется еще одно обстоятельство, очень вредно сказывающееся на опрятности населения, — это масса свиней, которые здесь повсюду бродят по улицам, роются в грязи или сидят взаперти в устроенных во дворах маленьких хлевах. Здесь, как и в большинстве других рабочих кварталов Манчестера, колбасники снимают дворы и устраивают в них свиноматки; почти в каждом дворе имеется один или несколько таких отгороженных углов, куда обитатели двора бросают все отбросы и нечистоты; свиньи от этого жиреют, а воздух, и без того спертый в этих застроенных со всех сторон дворах, окончательно портится от гниющих растительных и животных веществ. Через этот квартал проложили широкую, довольно приличную улицу — Миллер-стрит — и таким образом задний план оказался более или менее успешно прикрытым, но стоит только любопытства ради войти в один из многочисленных проходов, ведущих во дворы, чтобы через каждые двадцать шагов наталкиваться на это, в буквальном смысле слова, свиновство.

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. Соч., т. 2, с. 289-290

Застройка в эпоху индустрии

Таков манчестерский Старый город. Перечитывая свое описание, я должен признаться, что не только ничего не преувеличил, но, напротив, еще недостаточно ярко показал грязь, ветхость, мрачность и противоречащий всем требованиям чистоты, вентиляции и гигиены характер застройки этого района, в котором проживают по меньшей мере двадцать или тридцать тысяч жителей. И такой квартал находится в центре второго города Англии, первого фабричного города мира! Для того чтобы узнать, каким малым пространством человек может довольствоваться для движения в случае необходимости, каким малым количеством воздуха — и какого воздуха! — для дыхания он в крайнем случае может обойтись, при каком минимуме благоустройства он может существовать, достаточно побывать в Манчестере. Правда, это *Старый город*, — и на это ссылаются местные жители, когда им говорят об отвратительном состоянии этого ада на земле, — но что же из этого? Ведь то, что более всего вызывает наше отвращение и негодование, все это здесь — новейшего происхождения, порождение *промышленной эпохи*. Те несколько сот домов, которые принадлежали к старому Манчестеру, давным-давно оставлены своими первоначальными обитателями; только промышленность загнала в них те полчища рабочих, которые в них теперь ютятся, только промышленность застроила каждый закоулок между этими старыми домами, чтобы разместить массы.

которые она привлекала из сельскохозяйственных областей и из Ирландии; только промышленность позволяет владельцам этих хлевов сдавать их людям в качестве жилья за высокую плату, эксплуатировать нищету рабочих, разрушать здоровье тысяч людей, чтобы лишь самим обогатиться; только промышленность сделала возможным, чтобы едва освобожденный от крепостной зависимости работник снова стал рассматриваться как неодушевленный предмет, как вещь, чтобы он загонялся в жилище, которое для всякого другого слишком плохо и которое предоставляется ему за его трудовые деньги до тех пор, пока оно окончательно не развалится; все это сделала только промышленность, которая без этих рабочих, без их нищеты и рабства не могла бы существовать. Правда, первоначальная планировка этих кварталов была плохая, из них трудно было сделать что-нибудь хорошее. Но что предприняли землевладельцы, что предприняли местные власти, чтобы их улучшить при перестройке? Ничего; наоборот, где только был свободный уголок, они поставили дом, где был лишний выход, они его застроили. С развитием промышленности стоимость земли возросла, и чем больше она росла, тем неразумнее и беспорядочнее застраивался каждый клочок земли, без всякого внимания к здоровью и удобствам жителей. с одной только мыслью о возможно большей прибыли, ибо как ни плохо лачуга, всегда найдется бедняк, который не может заплатить за лучшую. Но ведь это Старый город, и на этом буржуазия успокаивается...

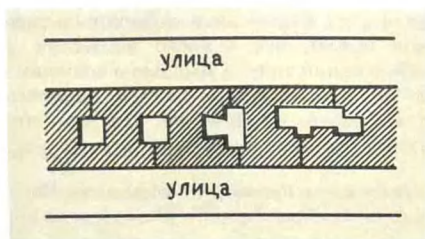
Ф.Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. Соч., т.2, с. 290-291

Новый Манчестер

Новый город, называемый также Ирландским городом (the Irish town), расположен по ту сторону Старого города на глинистом холме между рекой Эрк и Сент-Джордж-род. Здесь всякий признак города исчезает. На голой глинистой почве, на которой не растет даже трава, разбросаны в беспорядке отдельные ряды домов или лабиринты улиц наподобие маленьких деревень. Дома, или, вернее, коттеджи, в скверном состоянии, никогда не ремонтируются, грязны, с сырыми и неопрятными жилыми подвалами. Улицы немощеные, без сточных канав, но зато здесь имеются многочисленные колонии свиней, запертых в маленьких дворах и хлевах или свободно разгуливающих по склону холма. Грязи на улицах здесь так много, что только в очень сухую погоду можно надеяться пройти по ним, не увязнув по щиколотку. Возле Сент-Джордж-род отдельные застроенные места смыкаются плотнее, начинается сплошной ряд улиц, переулков, тупиков и дворов, становящихся все теснее и беспорядочнее по мере того, как приближаешься к центру города. Правда, здесь чаще встречаются

мостовые или, по крайней мере, мощеные тротуары с водосточными канавами, но грязь, скверное состояние домов и в особенности подвалов остаются те же.

Здесь будет уместно сделать несколько общих замечаний о принятой в Манчестере планировке рабочего квартала. Мы уже видели, что в Старом городе группировка домов зависит большей частью от чистой случайности. Каждый дом строится без учета остальных, и пространство неправильной формы, ограниченное несколькими домами, называют, за отсутствием другого слова, двором (court). В некоторых более новых частях того же района и в других рабочих районах, возникших в первые годы расцвета промышленности, мы встречаем более планомерное расположение домов. Пространство между двумя улицами разделено на более правильные, большей частью четырехугольные дворы, которые закладываются с самого начала приблизительно так, как это изображено на прилагаемом рисунке; в них ведут с улицы крытые

Планы застройки улиц Манчестера. Рис. Ф. Энгельса

проходы. Если совсем бесплановое расположение домов очень вредно отзывается на здоровье их обитателей, значительно затрудняя вентиляцию, то эта система, при которой рабочие запирают во дворы, окруженные со всех сторон зданиями, оказывается еще во много раз более вредной. Никакого движения воздуха здесь быть не может: дымоходы самих домов во время топки печей являются единственными отверстиями, через которые вытягивается спертый воздух двора¹. К тому же в таких дворах дома большей частью построены в два ряда, так что задняя стена общая у двух домов, и этого уже достаточно, чтобы сделать всякую хорошую,

¹ И тем не менее некий мудрый английский либерал утверждает, — в «Отчете комиссии по обследованию детского труда», — что дворы эти являются образцом городского благоустройства, ибо, представляя собой как бы ряд маленьких открытых площадей, они якобы улучшают вентиляцию и содействуют движению воздуха! Оно, пожалуй, так и было бы, если бы каждый двор имел два или четыре широких, открытых сверху и расположенных друг против друга выхода, через которые воздух мог бы свободно циркулировать, но они *никогда* не имеют даже двух таких открытых сверху выходов, очень редко бывает один, а почти все имеют только узенькие крытые проходы.

сквозную вентиляцию невозможной. А так как полиция, осуществляющая надзор над улицами, совершенно не интересуется состоянием этих дворов, так как всё, что выбрасывается из домов, остается тут же, то не следует удивляться грязи и кучам золы и нечистот, которые здесь находишь.

Ф.Энгельс Положение рабочего класса в Англии Соч., т.2, с. 291-292

Серийное жилищное строительство

Позже возникла другая система расположения домов, которая теперь общепринята. Теперь коттеджи для рабочих почти никогда не строятся поодиночке, а всегда десятками и даже сотнями; один предприниматель сразу строит целую улицу или две-три

улицы, которые планируются следующим образом: в первом ряду стоят коттеджи более высокого ранга, которые являются счастливыми обладателями черного хода и небольшого дворика и за которые взимается наиболее высокая квартирная плата. Дворы этих коттеджей выходят во внутренний переулок (back-street), застроенный с обоих концов, куда можно попасть с одной стороны по узкому лазу или крытому проходу. Коттеджи, которые выходят в этот переулок, стоят всего дешевле и вообще содержатся всего хуже. Задняя стена у них общая с третьим рядом коттеджей, двери которых выходят на другую улицу и которые стоят дешевле, чем коттеджи в первом ряду, но дороже, чем коттеджи во втором. Таким образом, расположение улиц выглядит приблизительно так, как на рисунке. При таком расположении домов и улиц в первом ряду коттеджей получается довольно сносная вентиляция, а в третьем ряду вентиляция по меньшей мере не хуже, чем в подобных же коттеджах прежнего устройства; зато в среднем ряду вентиляция во всяком случае так же плоха, как в коттеджах, расположенных во дворах, а внутренний переулок не менее грязен и непригляден, чем двор. Предприниматели предпочитают такой

способ застройки потому, что он дает экономию места и позволяет им посредством более высоких цен на коттеджи первого и третьего ряда успешнее обирать лучшие оплачиваемых рабочих.

Ф.Энзельс. Положение рабочего класса в Англии. Соч., т.2, с. 292-293

Как экономят на строительстве жилья для рабочих

В вышеупомянутом обширном районе, известном под названием Анкоте, вдоль каналов, расположена большая часть наиболее крупных манчестерских фабрик, колоссальные шести-семиэтажные здания, высоко возвышающиеся своими стройными трубами над низенькими коттеджами рабочих. Население этого района состоит поэтому главным образом из фабричных рабочих, а на худших улицах — из ручных ткачей. Улицы, расположенные ближе к центру города, самые старые и потому самые плохие, но зато они замощены и снабжены сточными канавами; я отношу к их числу те улицы, которые лежат параллельно Олдем-род и Грейт-Анкоте-стрит и ближе всего к ним расположены. Дальше, к северо-востоку, можно встретить несколько недавно застроенных улиц; здесь коттеджи выглядят привлекательно и чисто, двери и окна новые, свежескрашенные, помещения внутри чисто выбелены; на улицах больше воздуха, и незастроенные участки между ними обширнее и встречаются чаще. Но все это относится лишь к небольшому числу жилищ. К этому еще следует прибавить, что почти в каждом коттедже имеется жилой подвал, что на многих улицах нет мостовых и водосточных канав и, главное, что эта парадная внешность — только видимость, видимость, от которой через десять лет уже ничего не останется. Дело в том, что кладка самих коттеджей не лучше, чем расположение улиц. На первый взгляд все эти коттеджи выглядят очень приятно и солидно, массивные кирпичные стены подкупают глаз, и если пройтись, по *недавно отстроенным* рабочим кварталам, не заглядывая во внутренние переулки и не присматриваясь внимательно к кладке домов, то можно было бы согласиться с утверждением либеральных фабрикантов, что нигде рабочие не имеют таких хороших жилищ, как в Англии. Но если присмотреться поближе, то окажется, что стены этих коттеджей донельзя тонки. Наружные стены подвального этажа, которые выдерживают тяжесть основного этажа и крыши, в лучшем случае бывают сложены в один кирпич, т. е. в каждом горизонтальном ряду кирпичи примыкают друг к другу своей длинной стороной; но мне приходилось видеть немало коттеджей такой же высоты — некоторые из них я видел еще во время постройки, — в которых наружные стены были толщиной только в полкирпича, так как кирпичи в них клались не поперек, а вдоль и примыкали друг к другу не длинной, а торцевой стороной.

Делается это отчасти для экономии материала, но отчасти и потому, что предприниматель, строящий дом, никогда не является собственником участка, а, согласно английскому обычаю, лишь арендует его на двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят или девяносто девять лет; по истечении этого срока участок со всеми постройками возвращается к первоначальному собственнику без всякого вознаграждения за произведенные затраты. Вот почему арендатор рассчитывает свои постройки так, чтобы они по истечении арендного срока были по возможности обесценены; а так как такие коттеджи часто строятся всего за двадцать или тридцать лет до истечения арендного срока, то ясно, что предприниматели-застройщики много на них тратить не желают. Кроме того эти предприниматели, большей частью владельцы строительных контор или фабриканты, мало или ничего не тратят на ремонт — отчасти из-за нежелания снизить свой доход, отчасти вследствие краткости срока аренды; во время торговых кризисов, когда множество рабочих лишается заработка, часто пустуют целые улицы, вследствие чего коттеджи очень быстро разрушаются и делаются негодными для жилья. Принято обыкновенно считать, что рабочие жилища в среднем служат лишь сорок лет. Это кажется довольно странным, когда смотришь на красивые массивные стены новых коттеджей, обещающие просуществовать несколько столетий, но тем не менее оно так: крохоборство при самой постройке коттеджа, отсутствие всякого ремонта, то обстоятельство, что дома часто пустуют и жильцы быстро сменяются; наконец, разрушения, которые квартиранты, большей частью ирландцы, производят в течение последних десяти лет до окончания срока аренды, нередко ломая деревянные части, чтобы топить ими печи,— все это по истечении сорока лет превращает эти коттеджи в развалины.

Ф.Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. Соч., т.2, с. 294-295

Отказ от ремонта — расточительство капитала

Я уж не говорю о том, сколько капитала здесь таким образом тратится понапрасну, как много лет весь этот квартал мог бы оставаться чистым, приличным и обитаемым при несколько больших затратах на постройку и дальнейший ремонт. Меня здесь интересует только состояние домов и условия жизни их обитателей, и в этом отношении я должен сказать, что нет более вредной, более деморализующей системы селить рабочих, чем именно эта. Рабочий вынужден жить в таком скверном коттедже потому, что он не может заплатить за лучший, или потому, что лучшего нет вблизи той фабрики, где он работает, а иногда и потому, что коттеджи принадлежат фабриканту, и последний лишь тогда дает рабочему работу, когда тот снимает у него коттедж. Разумеет-

ся, этот сорокалетний срок не безусловное правило; если дома расположены в оживленной части города и даже при высокой арендной плате на землю всегда можно рассчитывать найти жильцов, то домовладельцы кое-что делают для того, чтобы хоть до некоторой степени сохранить пригодность домов для жилья и на более долгий срок; но делают они, конечно, лишь самое необходимое, и эти отремонтированные квартиры принадлежат к числу наихудших. Временами, при угрозе эпидемии, пробуждается обычно спящая крепким сном совесть санитарной полиции, которая совершает рейд в рабочие кварталы, объявляет негодными для жилья целые ряды подвалов и коттеджей, как это, например, имело место во многих переулках возле Олдем-роуд; но это все ненадолго, квартиры, на которые наложен был запрет, скоро снова заселяются: домовладельцы, подыскивая новых жильцов, при этом даже выгадывают: ведь известно, что санитарная полиция не так скоро снова сюда явится!

Ф.Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. Соч., т.2, с. 295-296

Где не хочет селиться буржуазия

Эта восточная и северо-восточная окраина Манчестера является единственной из окраин, где буржуазия не выстроила домов для себя. Объясняется это тем, что дующие здесь в течение 10—11 месяцев в году западные и юго-западные ветры всегда гонят в эту сторону дым из всех фабричных труб (а его ведь немало!). Вдыхать этот дым предоставляется одним рабочим!

Ф.Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. Соч., т.2, с. 296

Ф.Энгельс об утопическо-социалистических поселениях XIX в.

Первыми, кто создал в Америке и вообще в мире общество на основе общности имущества, были так называемые шейкеры. Это особая секта, с очень своеобразными религиозными взглядами, не признающая брака и вообще не допускающая половых отношений и тому подобного. Но этого мы здесь не касаемся. Секта шейкеров возникла приблизительно лет семьдесят тому назад. Основателями ее были бедняки, которые объединились, чтобы жить вместе в братской любви и общности имущества и почитать своего бога по-своему. Несмотря на то, что их религиозные воззрения и особенно запрещение брака многих отпугивали, у них нашлись приверженцы, и теперь они образуют *десять больших общин*, каждая из которых насчитывает от трехсот до восьмисот членов. Каждая из этих общин представляет собой красивый,

правильно распланированный город, с жилыми домами, фабриками, мастерскими, зданиями для собраний, амбарами; у них имеются в изобилии цветники, огороды, фруктовые сады, леса, виноградники, луга и пахотная земля; кроме того, есть всякого рода скот: лошади, коровы, овцы, свиньи, домашняя птица больше, чем им может требоваться, и притом самых лучших пород. Их амбары всегда полны зерна, а кладовые — ткани для одежды;

Berlin 1905. Akkerstrasse.

Худ. Цилле.
Трущобы на Аккерштрассе. На рисунке надпись, сделанная рукой художника: «Человека можно прикончить жильем так же, как топором!»

„Man kann mit
einer Wohnung
einen Menschen
genau so gut
töten, wie mit
einem Axt!“

F. Kille.

один английский путешественник¹, посетивший их, даже сказал, что не понимает, почему эти люди, у которых всего в избытке, все еще работают; по-видимому, они работают исключительно ради времяпрепровождения, ибо, в противном случае, им незачем было бы это делать. Среди них нет ни одного человека, который бы работал против своего желания, и ни одного, который бы тщетно искал работу. У них нет приютов для бедных и богаделен, ибо нет ни одного бедняка и нуждающегося, нет беспомощных вдов и сирот; они не знают нужды и могут ее не страшиться. В их десяти городах нет ни одного жандарма или полицейского; нет судей, адвокатов и солдат; нет тюрем и исправительных домов; и, однако, все идет своим чередом. Законы страны существуют не для них; и если бы иметь в виду только их, то эти законы можно было бы с успехом отменить и на это никто не обратил бы внимания; ибо они самые мирные из граждан, ни разу еще не поставили тюрьмам ни одного преступника. Как уже сказано, они живут на основе полной общности имущества и в сношениях между собой не знают ни торговли, ни денег. В прошлом году английский путешественник по имени Финч посетил один из этих городов, Плезант-Хилл близ Лексингтона в штате Кентукки. Вот как он описывает его:

«Плезант-Хилл состоит из множества больших красивых кирпичных и каменных домов, фабрик, мастерских, конюшен и амбаров; все эти здания содержатся в образцовом порядке и являются лучшими во всем Кентукки. Наряду шейкеров легко было узнать по прекрасной окружающей ее каменной стене и по замечательной обработке; большое количество хорошо ухитанных коров и овец паслось на полях, а множество жирных свиней поедало во фруктовых садах опавшие плоды. Шейкеры владеют здесь почти четырьмя тысячами американских morgenов земли, из которых около двух третей возделывается. Эта колония была основана около 1806 г. одной-единственной семьей, позднее к ней присоединились другие семьи, и таким образом колония постепенно разрослась: одни принесли с собой небольшую сумму денег, другие совсем ничего. Им пришлось бороться со многими трудностями и терпеть вначале большие лишения, так как в большинстве своем они были очень бедны: но благодаря труду, бережливости, умеренности они преодолели все; теперь у них имеется все в избытке, и они никому не должны ни копейки. В настоящее время это общество насчитывает около трехсот членов, в том числе пятьдесят или шестьдесят — детей моложе шестнадцати лет. Среди шейкеров нет ни господ, ни слуг и, тем более, нет рабов; они свободны, богаты и счастливы. У них две школы: одна для мальчиков, другая для девочек; там обучают чтению, письму, счету, английскому языку и основам их религии; они не обучают детей наукам, ибо полагают, что последние не нужны для спасения души. Поскольку они не признают брака, то неизбежно вымерли бы, если бы к ним постоянно не прибывали новые члены; и хотя запрещение брака отлучивает очень многих и некоторые из лучших членов из-за этого даже уходят, однако к ним постоянно приходит столько новых членов, что число их непрерывно растет. Они занимаются скотоводством, хлебопашеством и полеводством, сами возделывают шерсть и шелк, которые продают и ткут на собственных фабриках. То, что они производят сверх своих потребностей, они продают или обменивают у своих соседей. Обычно они работают до темноты. В управлении имеются открытые для всех контора, в которой ведутся книги и счетоводство, и каждый член общины

имеет право просмотреть это счетоводство, когда только пожелает. Сами они не знают, насколько богаты, так как не ведут отписки своего имущества; им достаточно знать, что все, чем они располагают, принадлежит им, так как они никому ничего не должны. Лишь один раз в году они подсчитывают суммы, которые им должны соседи».

Вторую колоннию шейкеров, Нью-Либапон в штате Нью-Йорк, посетил в 1842 г. другой английский путешественник по имени Питкетли. Г-н Питкетли тщательнейшим образом осмотрел весь город, насчитывающий около восьмисот жителей и владеющий семью-восемью тысячами моргенов земли, обследовал его мастерские и фабрики, кожевенные заводы, лесопилы и так далее и нашел все заведение *совершенным*. Он тоже удивляется богатству этих людей, которые начали с ничего, а теперь с каждым годом становятся богаче, и говорит:

«Среди них все счастливы и веселы; тут нет раздоров, наоборот, во всем селении царит дружба и любовь, во всех делах соблюдаются порядок и аккуратность, не имеющие себе равных».

Таковы факты, касающиеся шейкеров. Они живут, как сказано, на основе полной общности имущества, у них десять таких общин в Соединенных Штатах Северной Америки.

Помимо шейкеров в Америке существуют еще и другие колонии, основанные на общности имущества. В первую очередь, следует здесь упомянуть *раппистов*. *Рэпп*, проповедник из *Вюртемберга*, в 1790 г. вместе со своими прихожанами отошел от лютеранской церкви и, преследуемый правительством, уехал в 1802 г. в Америку. Его приверженцы последовали за ним в 1804 г. и, таким образом, он, вместе с сотней семейств, поселился в Пенсильвании. У них было в общей сложности около 25 000 талеров, на которые они купили земельный участок и орудия. Земля представляла собой нетронутый девственный лес, и цена ее равнялась всему их состоянию; по эту сумму они выплачивали в рассрочку. Они объединились на основе общности имущества и заключили между собой следующий договор:

1) Каждый вносит в общину все, что имеет, не требуя себе за это никаких преимуществ. В общине все равны.

2) Законы и правила общины одинаково обязательны для всех.

3) Все трудятся только на благо всей общины, а не каждый для одного себя.

4) Кто покидает общину, не может требовать вознаграждения за свой труд, но получает обратно все, что внес; а тот, кто не внес ничего и уходит с миром и дружбой, тот получает на дорогу добровольный дар.

5) Община обязуется снабжать каждого члена и его семью всем необходимым для жизни и обеспечивать необходимый уход во время болезни и в старости; если же родители умрут или выйдут из общины, оставив своих детей, то община возьмет на себя воспитание этих детей.

В первые годы существования общины, когда ей надо было осваивать целину и выплачивать при этом ежегодно 7 000 талеров за земельный участок, людям, естественно, пришлось туго. Это отпугнуло кое-кого из более богатых, они вышли из общины и забрали свои деньги, что еще больше увеличило трудности поселенцев. Но большинство из них держалось стойко, и уже через пять лет, в 1810 г., они выплатили все свои долги. В 1815 г. они по разным причинам продали свое поселение и снова купили двадцать тысяч моргенов девственного леса в штате Индиана. Через несколько лет они основали здесь красивый город «Новая Гармония», освоили значительную часть земли, развели виноградники, вспахали поля под зерновые, построили шерстяную и хлопчатобумажную фабрику и становились с каждым днем все богаче. В 1825 г. они продали всю свою колонию за двести тысяч талеров г-ну Роберту Оуэну и в третий раз переселились на жительство в девственный лес. На этот раз они поселились на берегу большой реки Огайо и построили город «Экономия», который был больше и красивее, чем все те, в каких они жили раньше. В 1831 г. в Америку приехал граф Леон с группой немцев, около тридцати человек, чтобы присоединиться к ним. Они охотно приняли этих новых пришельцев; но граф восстановил часть членов против Раппа, в связи с этим на одном из собраний всей общины было решено, что Леон со своими приверженцами должен уйти. Оставшиеся выплатили недовольным свыше *ста двадцати тысяч талеров*, и на эти деньги Леон основал вторую колонию, которая, однако, из-за плохого управления потерпела крах; участники ее затем расселись, а *граф Леон* вскоре после того умер в Техасе как *бродяга*. Колония *Раппа*, напротив, процветает и по сей день. О ее теперешнем положении упомянутый выше путешественник Финч сообщает следующее:

«Город «Экономия» состоит из трех длинных и широких улиц, пересекаемых пятью такими же широкими поперечными улицами; в нем имеется церковь, гостиница, шерстяная, хлопчатобумажная и шелковая фабрика, специальное помещение для разведения шелковичных червей, общественный товарный склад для удовлетворения потребностей членов общины и для продажи посторонним, естественно-исторический музей, различные ремесленные мастерские, хозяйственные постройки и прекрасные большие жилые дома для отдельных семейств с большим садом при каждом доме. На земле, принадлежащей городу, — протяженностью в два часа ходьбы, а шириной в четверть часа — находятся большие виноградники, фруктовый сад и тридцать семь моргенов, поля и луга. Членов общины насчитывается около четырехсот пятидесяти; все они прекрасно одеты, хорошо питаются и великолепно живут; это веселые, довольные, счастливые и добродетельные люди, не знающие уже много лет никакой нужды.

У них тоже было одно время большое предубеждение против брака, но теперь они женятся, имеют семьи и очень хотели бы увеличить число членов общины, если бы к ним явились подходящие люди. Их религия основывается на Новом завете, но они не придерживаются особого вероисповедания и разрешают каждому иметь свои собственные взгляды, лишь бы он не мешал другим и не заводил споров о вере. Они называют себя *гармонистами*. У них нет оплачиваемых священников; г-н Рапп, которому больше восьмидесяти лет, не только священник, но и управитель и судья. Они охотно занимаются музыкой, устраивают иногда

концерты и музыкальные вечера. За день до моего приезда, начало жатвы было отмечено большим концертом в поле. В их школах обучают чтению, письму, счету и языку, но не обучают наукам, совсем как у шейкеров. Они работают гораздо больше, чем это им необходимо: зимой и летом от восхода до захода солнца; работают все, а тот, кто зимой работает на фабриках, находит работу на молотье, по уходу за скотом и т. д. У них 75 молочных коров, большие стада овец, много лошадей, свиней и птицы; из своих сбережений они ссудили большие суммы кунам и мениям, и хотя вследствие банкротств они потеряли значительную часть этих вкладов, все же количество свободных денег у них увеличивается с каждым годом.

С самого начала у них было стремление производить сами все, в чем они нуждаются, чтобы как можно меньше покупать у других и в конечном счете производить больше, чем им потребуется: позднее они приобрели стадо в сто испанских овец для улучшения овцеводства, уплатив за это пятнадцать тысяч талеров. Они были в числе первых, кто начал в Америке изготавливать шерстяные товары. Затем они начали разводить виноградники, возделывать лен, построили хлопчатобумажную фабрику и стали заниматься разведением и обработкой шелка. Но во всех случаях они в первую очередь заботятся о том, чтобы полностью обеспечить самих себя, прежде чем продавать что-нибудь.

Они живут семьями в двадцать — сорок человек, причем каждая семья имеет отдельный дом и отдельное хозяйство. Все необходимое семья получает с общественных складов. Они имеют всего в изобилии для всех и получают все бесплатно и столько, сколько пожелают. Когда им требуется одежда или обувь, они отправляются к портному, портнихе или сапожнику и им изготавливаются вещи по их вкусу. Мясо и другие пищевые продукты выдаются каждой семье по числу ее членов, у них всего вдоволь и в избытке».

Ф.Энгельс. Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний.

Соч., т.42, с. 212-217

Поселения с общим хозяйством в Англии

Однако не только в Америке, но и в Англии сделаны попытки осуществить общность имущества. Здесь это учение проповедовал в течение тридцати лет гуманист Роберт Оуэн, который пожертвовал все свое большое состояние без остатка на основание ныне существующей колонии «Гармония» в Гэмпшире. Созданное им для этой цели общество купило участок земли в 1 200 Morgenов и основало там общину согласно предложениям Оуэна. Она насчитывает теперь свыше ста членов, живущих вместе в большом здании и занимающихся пока что главным образом земледелием.

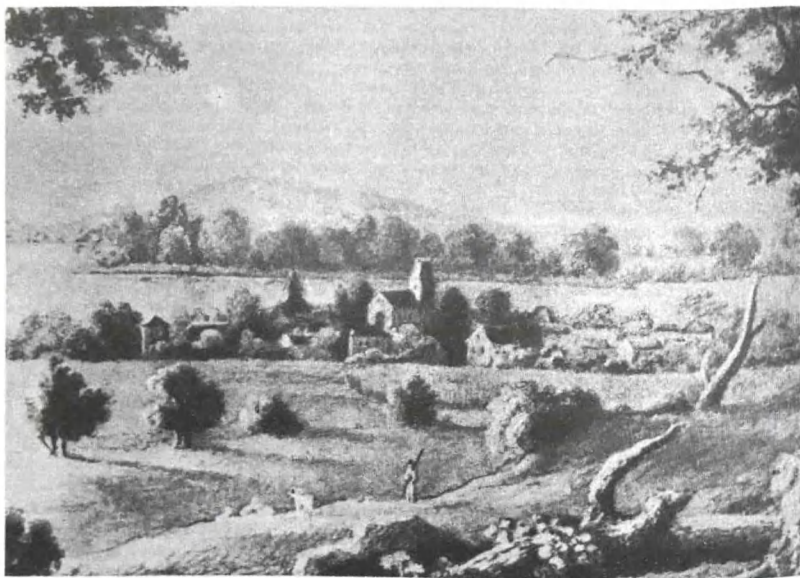
Ф.Энгельс. Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний.

Соч., т.42, с. 221

Описание поселка Р. Оуэна

Услышав и от других то же самое, наш автор отправился затем в «Гармонию». Проехав снова мимо плохо возделанных полей, он наткнулся на очень хорошо обработанное свекловичное

поле с прекрасным богатым урожаем и сказал своему приятелю, местному арендатору: если это социалистическая свекла, то выглядит она неплохо. Вскоре затем он встретил социалистическое стадо в семьсот овец, которые тоже были прекрасны, а потом пришли к большому, со вкусом построенному солидному жилому

*Вид поселения «Гармония», воздвигнутого Р. Оуэном
в 1825 г.*

дому. Однако в нем все было еще не закончено: валялись кирпичи и строевой лес, наполовину была сделана облицовка, не засыпаны ямы. Они вошли в дом, где их вежливо и радушно приняли и повели по всему зданию. На первом этаже была большая столовая и кухня, откуда полные блюда подавались с помощью машины в столовую, а пустая посуда возвращалась на кухню. Эту машину посетителям показывало несколько детей, которые отличались чистой опрятной одеждой, здоровым видом и умением себя держать. Женщины на кухне имели тоже очень чистый и пристойный вид; и посетитель очень удивился, что они среди грязной посуды — обед только что кончился — могли выглядеть такими миловидными и чистыми. Сама кухня была неопишимо красиво оборудована, и лондонский архитектор, построивший ее, сказал, что даже в Лондоне найдется очень мало кухонь, снабженных таким совер-

шенным и дорогостоящим оборудованием — с этим замечанием согласен и наш рассказчик. — Возле кухни были расположены удобные прачечные, ванные комнаты, погреба и отдельные помещения, где каждый член может умыться по возвращении с работы.

На втором этаже помещался большой танцевальный зал, а над ним очень удобно устроенные спальные комнаты...

Добавим к этому описанию еще несколько слов о внутреннем устройстве этой общины. Члены ее живут вместе в большом доме, причем у каждого своя отдельная спальня, устроенная удобным образом; домашнее хозяйство ведется для всех сообща частью женщин, в результате чего сберегается, естественно, очень много времени и труда, которые затрачиваются при ведении многих маленьких хозяйств, благодаря чему создаются большие удобства, совершенно недоступные в маленьких хозяйствах. Так, например, кухонный очаг служит одновременно источником для обогрева теплым воздухом всех комнат в доме; холодная и теплая вода подается по трубам в каждую комнату и вообще имеются другие подобные удобства и преимущества, которые возможны лишь в общественных сооружениях.

Ф.Энгельс. Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний.

Соч., т.42, с. 222-224

Утопический социализм и буржуазные проекты «социального жилищного строительства»

Если же г-н Закс в дальнейшем вновь исходит из наличия больших городов, пространно и долго толкуя о рабочих колониях, которые должны быть заложены *вблизи* городов, если он описывает все прелести таких колоний, с их общим «водопроводом, газовым освещением, воздушным или водяным отоплением, прачечными, сушильнями, банями и т. п.», с «детскими яслями, школой, модельней» (!), «читальней, библиотекой..., винным и пивным погребом, танцевальным и музыкальным залом со всеми удобствами», с паровым двигателем, сила которого передается во все дома и может «в известной мере вновь перенести производство с фабрик в домашние мастерские», — то все это ничуть не меняет дела. Колония, описываемая им, заимствована г-ном Хубером непосредственно у социалистов Оуэна и Фурье, и простым вычеркиванием всего социалистического ей был придан вполне буржуазный характер. Но именно от этого она становится уже совершенно утопической. Ни один капиталист не заинтересован в создании таких колоний, да нигде в мире их и не существует, кроме колонии в Гизе во Франции; но и та основана фурьеристом,

не в качестве доходной спекуляции, а в качестве социалистического эксперимента¹. С тем же успехом г-н Закс мог бы привести в пользу своего буржуазного прожектёрства пример основанной Оуэном в начале 40-х годов в Гэмпшире и давно прекратившей свое существование коммунистической колонии «Harmony Hall».

Ф.Энгельс. К жилищному вопросу.
Соч., т. 18, с. 239

Буржуазно-филантропические фразы о строительстве жилья для рабочих и доходность этого строительства

Все эти разговоры об устройстве колоний представляют собой, однако, лишь жалкую попытку снова взлететь в «сферы идеалов», попытку, за которой тотчас же снова следует падение. Мы опять лихо идем под гору. Простейшее решение состоит в том,

«чтобы работодатели, фабриканты, помогли рабочим получить соответствующие жилища, либо соорудив их на свой счет, либо поощряя и поддерживая рабочих в их собственной строительной деятельности, предоставив им земельные участки, ссужая необходимый для строительства капитал и т. д.»

Тем самым мы снова оказываемся вне больших городов, где ни о чем подобном не может быть и речи, и снова переносимся в деревню. Тут г-н Закс доказывает, что сами фабриканты заинтересованы в том, чтобы помочь своим рабочим получить сносные жилища, с одной стороны потому, что это является выгодным помещением капитала, а с другой стороны потому, что неизбежно

«вытекающее отсюда улучшение положения рабочих... должно повлечь за собой повышение их физической и умственной трудоспособности, что естественно... не менее... выгодно работодателям. А тем самым установлена и правильная точка зрения относительно участия последних в разрешении жилищного вопроса: участие это является результатом *латентной ассоциации*, результатом скрытых большей частью под покровом гуманных стремлений забот работодателей о физическом и экономическом, духовном и нравственном благополучии их рабочих, забот, которые сами собой вознаграждаются в денежном отношении своими результатами, привлечением и сохранением слоя дельных, искусных, усердных, довольных и *преданных* рабочих».

Фраза о «латентной ассоциации», посредством которой Хубер пытался придать буржуазно-филантропической стряпне «вышвенный смысл», ничуть не меняет дела. Крупные фабриканты в сельских местностях, особенно в Англии, и без этой фразы давно

¹ Но и она в конце концов стала просто местом эксплуатации рабочих. См. парижскую газету "Socialiste" 1886 года. (Примечание Энгельса к изданию 1887 г.).

убедились, что строительство рабочих жилищ не только является необходимостью, частью самого фабричного строительства, но и приносит весьма хороший доход. В Англии таким путем возникли целые селения, часть которых впоследствии развилась в города. Рабочие же, вместо того чтобы быть благодарными человеколюбивым капиталистам, издавна выдвигали против этой «системы коттеджей» очень серьезные возражения. Дело не только в том, что им приходится платить за дома монопольные цены, так как у фабриканта нет конкурентов; при каждой стачке они тотчас же остаются без крова, так как фабрикант без разговоров выбрасывает их на улицу и этим крайне затрудняет их сопротивление.

*Ф.Энгельс. К жилищному вопросу.
Соч., т.18, с. 239-240*

Причины строительства жилья при заводах

Само собой разумеется, что всякий капиталист, которого условия его производства — сила воды, расположение угольных копей, залежей железной руды и других рудников и т. п. — приковывают к определенной сельской местности, вынужден строить для своих рабочих жилища, если их нет в наличии. Но чтобы видеть в этом доказательство существования «латентной ассоциации», «явное свидетельство роста понимания вопроса и его высокого значения», «многообещающее начало» (стр.115), — для этого надо обладать сильно развитой привычкой к самообману. Впрочем, и в этом отношении промышленники различных стран отличаются друг от друга устойчивыми чертами своего национального характера. Например, на стр.117 г-н Закс нам рассказывает:

«В Англии лишь в новейшее время обнаруживается усиленная деятельность работодателей в этом направлении. В частности, в отдаленных поселках в сельской местности... именно то обстоятельство, что рабочие, которые часто вынуждены пройти до фабрики длинный путь даже из ближайшего населенного пункта, приходят туда уже утомленными и работают недостаточно продуктивно, и является причиной, побуждающей работодателя строить жилища для своих рабочих. Между тем увеличивается и число тех лиц, которые, проявляя более глубокое понимание отношений, в большей или меньшей степени связывают с жилищной реформой все прочие элементы латентной ассоциации; им-то и обязаны своим возникновением эти цветущие колонии... Имена Аштона в Хайде, Ашуэрта в Тёртоне, Гранта в Бери, Грегга в Боллингтоне, Маршалла в Лидсе, Стретта в Бельпере, Солта в Солтере, Акройда в Копли и др. благодаря этому очень популярны в Соединенном королевстве».

Святая простота и еще более святое невежество! Только в «новейшее время» английские фабриканты в сельской местности построили рабочие жилища! Нет, любезный г-н Закс, английские капиталисты действительно крупные промышленники, не только по карману, но и по уму. Задолго до того, как в Германии по-

явилась действительно крупная промышленность, они поняли, что при фабричном производстве в сельской местности затраты на рабочие жилища представляют собой необходимую, прямо и косвенно очень доходную часть всего основного капитала. Задолго до того, как борьба между Бисмарком и немецкими буржуа даровала немецким рабочим свободу коалиций, английские фабриканты, владельцы рудников и горнозаводчики практически убедились, какое давление могут они оказывать на бастующих рабочих, если они одновременно являются домохозяевами этих рабочих. «Цветущие колонии» какого-нибудь Грега, Аштона, Ашуарта так мало относятся к «новейшему времени», что уже 40 лет тому назад они восхвалялись буржуазией как образец, и я сам уже 28 лет назад описал это (см. «Положение рабочего класса в Англии», с. 228—230, примечание). Примерно к этому же времени относятся и колонии, основанные Маршаллом и Акройдом (Akroyd — так пишется его фамилия), и еще старшие колонии Стретта, начало которой восходит к прошлому столетию. А так как в Англии средняя продолжительность существования рабочего жилища определяется в 40 лет, то 1-ну Заксу не трудно будет самому по пальцам подсчитать, в каком жалком состоянии пахотятся теперь эти «цветущие колонии». К тому же большинство этих колоний находится теперь уже не в сельской местности: вследствие колоссального роста промышленности большинство этих колоний оказалось настолько окруженными фабриками и домами, что эти колонии лежат теперь посреди грязных и дымных городов в 20—30 и более тысяч жителей. — что не мешает представленной в лице г-на Закса немецкой буржуазной науке еще и ныне повторять с благоговением старые английские хвалебные песни 1840 г., которые теперь уже совсем не соответствуют действительности.

*Ф.Энгельс. К жилищному вопросу
Соч., т.18, с. 242-243*

Филантропическое строительство — предмет буржуазной рекламы

Для буржуа на континенте мюльхаузенский рабочий городок — такой же предмет гордости и самохвальства, как для английских буржуа — некогда «цветущие колонии» Аштона, Ашуарта, Грега и компании. К сожалению, городок этот представляет собой продукт не «латентной» ассоциации, а совершенно открытой ассоциации между французской Второй империей и эльзасскими капиталистами. Это был один из социалистических экспериментов Луи Бонапарта, эксперимент, для которого государство отпустило ссуду в размере 1/3 необходимого капитала. За 14 лет (до 1867 г.) построено было 800 маленьких домиков по негодной системе, которая

была бы немыслима в Англии, где лучше понимают это дело; эти домики предоставляются в собственность рабочим после ежемесячной выплаты в течение 13—15 лет повышенной квартирной платы.

Ф.Энгельс. К жилищному вопросу.
Соч., т.18, с. 245

Жилищное строительство с помощью буржуазного государства

Таким образом, из самопомощи рабочих тоже ничего не получается. Остается государственная помощь. Что может предложить нам г-н Закс в этом отношении? Три вещи:

«Во-первых, государство должно позаботиться о том, чтобы в его законодательстве и управлении было устранено или соответственно улучшено все то, что каким-либо образом ведет к усилению жилищной нужды трудящихся классов» (стр. 187).

Итак: пересмотр законодательства, относящегося к вопросам строительства, и свобода строительного промысла, дабы можно было строить дешевле. Но в Англии это законодательство сведено до минимума, строительные промыслы свободны, как птица в небесах, а жилищная нужда все же существует. К тому же теперь в Англии строят так дешево, что дома сотрясаются, когда проезжает телега, и ежедневно некоторое количество их рушится. Еще вчера, 25 октября 1872 г., в Манчестере рухнуло сразу шесть домов, причем шестеро рабочих были тяжело ранены. Стало быть и это не помогает.

«Во-вторых, государственная власть должна воспрепятствовать тому, чтобы отдельные лица, в своем ограниченном индивидуализме, распространяли или вызвали вновь это бедствие».

Итак: полицейский надзор за рабочими жилищами в санитарном и архитектурно-строительном отношении, предоставление властям права закрывать помещения, представляющие угрозу из-за своего плохого санитарного состояния или в силу своей ветхости, как это имеет место в Англии с 1857 года. Но как это там было осуществлено? Первый закон 1855 г. (Nuisances Removal Act)¹ остался, как признает сам г-н Закс, «мертвой буквой», равно как и второй закон 1858 г. <...>

«В-третьих», государственная власть должна, по г-ну Заксу, «применить в широчайших размерах все имеющиеся в ее распоряжении положительные мероприятия для смягчения существующей жилищной нужды».

Это значит, что она должна построить казармы, «поистине

¹ — закон об устранении заразы. Ред.

образцовые здания», для своих «низших чиновников и служащих» (но ведь это вовсе не рабочие!) и «выдавать ссуды... коммунальным учреждениям, обществам, а также частным лицам в целях улучшения жилищ трудящихся классов» (стр. 203), как это делается в Англии согласно Public Works Loan Act¹ и как делал Луи Бонапарт в Париже и в Мюльхаузене. Но Public Works Loan Act тоже существует только на бумаге; правительство предоставляет в распоряжение комиссаров максимум 50 000 ф. ст., то есть средства для постройки самое большее 400 коттеджей, стало быть за 40 лет — 16 000 коттеджей или же жилищ максимум для 80 000 человек, — капля в море!<...>

Ясно, как день, что современное государство и не может и не хочет устранить жилищные бедствия. Государство есть не что иное, как организованная совокупная власть имущих классов, землевладельцев и капиталистов, направленная против эксплуатируемых классов, крестьян и рабочих. Чего не желают отдельные капиталисты (а только о них и идет здесь речь, так как участвующий в этом деле землевладелец тоже выступает прежде всего в качестве капиталиста), того не желает и их государство. Следовательно, если *отдельные* капиталисты, хотя бы и сожалели о жилищной нужде, все же еле пошевеливаются, чтобы хотя бы поверхностно замазать самые ужасные ее последствия, то *совокупный* капиталист, государство, тоже не станет делать большего. В лучшем случае оно позаботится о том, чтобы обычная степень поверхностного замазывания проводилась повсюду равномерно. И мы видели, что это так и происходит.

Ф.Энгельс. К жилищному вопросу.
Соч., т.18, с. 250-251, 252-253, 253-254

Причины благоустройства городов при капитализме

Все повторяющиеся вспышки холеры, тифа, оспы и других эпидемических заболеваний показали английскому буржуа настоятельную необходимость улучшения санитарного состояния его городов, если он хочет спасти себя и свою семью от опасности пасть жертвой этих болезней. Поэтому самые вопиющие злоупотребления, описанные в этой книге, в настоящее время или устранены, или же сделаны менее заметными. Проведена или улучшена канализация; через многие из наихудших «трущоб» проложены широкие улицы; исчезла «Малая Ирландия», на очереди «Семь стрелок». Но какое это имеет значение? Ведь целые районы, которые я в 1844 г. мог бы описать как почти идиллические, теперь, с ростом городов, пришли в такое же состояние упадка, запустения, нищеты. Не встретишь

больше только свиней да куч отбросов. Буржуазия достигла дальнейших успехов в искусстве скрывать бедствия рабочего класса.

*Ф.Энгельс. Предисловие ко второму немецкому изданию «Положения рабочего класса в Англии» 1892 года.
Соч., т.22, с. 329-330*

1.4. ФАБРИКА, ЖИЛИЩЕ, ГОРОД И ОБРАЗ ЖИЗНИ

Образ жизни как определенный вид жизнедеятельности

Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии — вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают *производить* необходимые им средства к жизни, — шаг, который обусловлен их телесной организацией. Производят необходимые им средства к жизни, люди косвенным образом производят и самоё свою материальную жизнь.

Способ, каким люди производят необходимые им средства к жизни, зависит прежде всего от свойств самих этих средств, находящихся ими в готовом виде и подлежащих воспроизведению. Этот способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени, это — определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный *образ жизни*. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, *что* они производят, так и с тем, *как* они производят. *Что* представляют собой индивиды, — это зависит, следовательно, от материальных условий их производства.

*К.Маркс и Ф.Энгельс. Немецкая идеология.
Соч., т.3, с. 19*

О положении рабочего в условиях капитализма

Спрос на людей неизбежно регулирует производство людей, как и любого другого товара. Если предложение значительно превышает спрос, то часть рабочих опускается до нищенского уровня или до голодной смерти. Таким образом, существование рабочего сводится к условиям существования любого другого товара. Рабочий стал товаром, и счастье для него, если ему удастся найти покупателя...

При выигрыше капиталиста рабочий не обязательно выигрывает-

ет, при убытке же капиталиста рабочий обязательно вместе с ним теряет. Так, например, рабочий ничего не выигрывает в тех случаях, когда капиталист — благодаря фабричной или торговой тайне, благодаря монополии или благодаря благоприятному местоположению своего земельного участка — держит рыночную цену выше естественной цены<...>

Возьмем три основных состояния, в которых может находиться общество, и рассмотрим в них положение рабочего.

1) Если богатство общества приходит в упадок, то больше всех страдает рабочий. Ибо, хотя в счастливом состоянии общества рабочий класс не может выиграть столько, сколько выигрывает класс собственников, *«ни один класс не страдает так жестоко, как класс рабочих, от упадка общественного благосостояния»*.

[III] 2) Теперь возьмем такое общество, в котором богатство прогрессирует. Это — единственное состояние, благоприятное для рабочего. Здесь среди капиталистов начинается конкуренция. Спрос на рабочих превышает их предложение.

Но, во-первых: повышение заработной платы приводит к тому, что рабочие *надрываются за работой*. Чем больше они хотят заработать, тем большим временем вынуждены они жертвовать и, совершенно отказываясь от какой бы то ни было свободы, рабски трудиться на службе у алчности. Тем самым они сокращают продолжительность своей жизни. Это сокращение продолжительности жизни рабочих является благоприятным обстоятельством для рабочего класса в целом, так как благодаря ему непрерывно возникает новый спрос на труд. Этот класс всегда вынужден жертвовать некоторой частью самого себя, чтобы не погибнуть целиком.

Далее: Когда общество находится в процессе прогрессирующего обогащения? При росте капиталов и доходов в стране. Но

а) это возможно лишь благодаря накоплению большого количества труда, ибо капитал есть накопленный труд; следовательно, это возможно лишь благодаря тому, что у рабочего отнимается все больше и больше продуктов его труда, что его собственный труд все в большей и большей степени противостоит ему как чужая собственность, а средства его существования и его деятельности все в большей и большей степени концентрируются в руках капиталиста:<...>

Итак, даже при наиболее благоприятном для рабочего состоянии общества для рабочего неизбежны надрыв в процессе работы и ранняя смерть, принижение рабочего до роли машины, до роли раба капитала, накопление которого противостоит ему как нечто для него опасное, новая конкуренция, голодная смерть или нищенство части рабочих.

[V] Повышение заработной платы порождает в рабочем капиталистическую жажду обогащения, но утолить эту жажду он может лишь путем принесения в жертву своего духа и тела. Повышение заработной платы имеет предпосылкой и следствием

накопление капитала; поэтому продукт труда противостоит рабочему как нечто все более и более чуждое<...>

Но в конце концов это растущее состояние должно когда-нибудь достигнуть своей высшей точки. Каково же тогда будет положение рабочего?

3) «В стране, которая достигла наибольшего благосостояния, и то и другое — и заработная плата и процент на капитал — были бы очень низки. Конкуренция между рабочими в поисках работы была бы столь велика, что заработная плата свелась бы к тому, чего достаточно для содержания данного количества рабочих, а так как страна к этому времени была бы уже достаточно заселена, то это количество не могло бы увеличиваться».

Что сверх этого количества, было бы обречено на умирание.

Итак, при движении общества по наклонной плоскости вниз — прогрессирующая нищета рабочего; при прогрессе общественного благосостояния — особый, сложный вид нищеты; в обществе, достигшем наибольшего благосостояния, — постоянная нищета <...>

Разделение труда увеличивает производительную силу труда, богатство и утонченность общества, и в то же время оно низводит рабочего до уровня машины. Труд вызывает накопление капиталов и тем самым рост общественного благосостояния, и в то же время он делает рабочего все более и более зависимым от капиталиста, усиливает конкуренцию среди рабочих, втягивает рабочего в лихорадочную гонку перепроизводства, за которым наступает такой же спад производства.

К.Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.

Соч., т.42, с. 47-53

Отчужденный труд и капитал. Дворцы и трущобы

Рабочий становится тем беднее, чем больше богатства он производит, чем больше растут мощь и размеры его продукции. Рабочий становится тем более дешевым товаром, чем больше товаров он создает. В прямом соответствии с *ростом стоимости* мира вещей растет *обесценение* человеческого мира. Труд производит не только товары: он производит самого себя и рабочего как *товар*, притом в той самой пропорции, в которой он производит вообще товары.

Этот факт выражает лишь следующее: предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит труду как некое *чуждое существо*, как *сила*, не зависящая от производителя. Продукт труда есть труд, закрепленный в некотором предмете, овеществленный в нем, это есть *опредмечивание* труда. Осуществление труда есть его опредмечивание. При тех порядках, которые предполагаются политической экономией, это осуществление труда, это его претворение в действительность выступает как *выключе-*

ние рабочего из действительности, опредмечивание выступает как утрата предмета и закабаление предметом, освоение предмета — как отчуждение.

Осуществление труда выступает как выключение из действительности до такой степени, что рабочий выключается из действительности вплоть до голодной смерти. Опредмечивание выступает как утрата предмета до такой степени, что у рабочего отнимают самые необходимые предметы, необходимые не только для жизни, но и для работы. Да и сама работа становится таким предметом, овладеть которым он может лишь с величайшим напряжением своих сил и с самыми нерегулярными перерывами. Освоение предмета выступает как отчуждение до такой степени, что чем больше предметов рабочий производит, тем меньшим количеством их он может владеть и тем сильнее он подпадает под власть своего продукта, капитала.

Все эти следствия уже заключены в том определении, что рабочий относится к *продукту своего труда* как к *чужому* предмету. Ибо при такой предпосылке ясно: чем больше рабочий выматывает себя на работе, тем могущественнее становится чужой для него предметный мир, создаваемый им самим против самого себя, тем беднее становится он сам, его внутренний мир, тем меньшее имущество ему принадлежит. Точно так же обстоит дело и в религии. Чем больше вкладывает человек в бога, тем меньше остается в нем самом. Рабочий вкладывает в предмет свою жизнь, но отныне эта жизнь принадлежит уже не ему, а предмету. Таким образом, чем больше эта его деятельность, тем беспредметнее рабочий. Что отошло в продукт его труда, того уже нет у него самого. Поэтому, чем больше этот продукт, тем меньше он сам. *Отчуждение* рабочего в его продукте имеет не только то значение, что его труд становится предметом, приобретает *внешнее* существование, но еще и то значение, что его труд существует *вне его*, независимо от него, как нечто чужое для него, и что этот труд становится противостоящей ему самостоятельной силой; что жизнь, сообщенная им предмету, выступает против него как враждебная и чуждая.

[XXIII] Рассмотрим теперь подробнее *опредмечивание*, производство продукта рабочим, и в этом опредмечивании *отчуждение*, утрату предмета, т. е. произведенного рабочим продукта.

Рабочий ничего не может создать без *природы*, без *внешнего чувственного мира*. Это — тот материал, на котором осуществляется его труд, в котором разворачивается его трудовая деятельность, из которого и с помощью которого труд производит свои продукты.

Но подобно тому как природа дает труду *средства к жизни* в том смысле, что без предметов, к которым труд прилагается, невозможна *жизнь* труда, так, с другой стороны, природа же доставляет *средства к жизни* и в более узком смысле, т. е. средства физического существования самого *рабочего*.

осваивает внешний мир, чувственную природу, тем в большей мере лишает он себя *средств к жизни* в двояком смысле: во-первых, чувственный внешний мир все больше и больше перестает быть таким предметом, который неотъемлемо принадлежал бы его труду, перестает быть *жизненным средством* его труда; во-вторых, этот внешний мир все в большей мере перестает давать для него *средства к жизни* в непосредственном смысле — средства физического существования рабочего.

Итак, рабочий становится рабом своего предмета в двояком отношении: во-первых, он получает *предмет для труда*, т. е. *работу*, и, во-вторых, он получает *средства существования*. Только этот предмет дает ему, стало быть, возможность существовать, во-первых, как *рабочему* и, во-вторых, как *физическому субъекту*. Венец этого рабства в том, что он уже только в качестве рабочего может поддерживать свое существование как *физического субъекта* и что он является рабочим уже только в качестве *физического субъекта*.

(Согласно законам политической экономии, отчуждение рабочего в его предмете выражается в том, что чем больше рабочий производит, тем меньше он может потреблять; чем больше ценностей он создает, тем больше сам он обесценивается и лишается достоинства; чем лучше оформлен его продукт, тем более изуродован рабочий; чем культурнее созданная им вещь, тем более похож на варвара он сам; чем могущественнее труд, тем немощнее рабочий; чем замысловатее выполняемая им работа, тем большему умственному опустошению и тем большему закабалению природой подвергается сам рабочий.)

Политическая экономия замалчивает отчуждение в самом существе труда тем, что она не подвергает рассмотрению непосредственное отношение между рабочим (трудом) и производимым им продуктом. Конечно, труд производит чудесные вещи для богатей, но он же производит унижение рабочего. Он создает дворцы, но также и трущобы для рабочих. Он творит красоту, но также и уродует рабочего. Он заменяет ручной труд машиной, но при этом отбрасывает часть рабочих назад к варварскому труду, а другую часть рабочих превращает в машину. Он производит ум, но также и слабоумие, кретинизм как удел рабочих.

К.Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
Соч., т. 42, с. 87-90

Последствия обострения конкуренции в больших городах

Если же этому крупному капиталу противостоят мелкие капиталы с малыми прибылями, как это имеет место при предположенном нами состоянии сильной конкуренции, то он их целиком и полностью раздавит.

При такой конкуренции необходимым следствием является общее ухудшение качества товаров, фальсификация, подделка, массовое отравление, как это наблюдается в крупных городах.

*К.Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
Соч., т.42, с. 66*

Д. Рикардо: при капитализме человек — машина потребления и производства

Рикардо в своей книге (земельная рента): нации суть лишь производственные мастерские; человек есть машина для потребления и производства; человеческая жизнь — капитал; экономические законы слепо управляют миром. Для Рикардо люди — ничто, продукт — все.

*К.Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
Соч., т.42, с. 69*

Домовладельцы эксплуатируют нищету

Огромная прибыль, извлекаемая домовладельцами из нищеты. Квартирная плата находится в обратном отношении к промышленной нищете.

Извлекаются проценты и из пороков разоренных пролетариев (проституция, пьянство, ростовщик).

*К.Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
Соч., т.42, с. 71*

Объективные условия для повышенной заработной платы

Для некоторых работ, в том числе почти для всех видов работы в промышленности, требуется известная степень культуры, поэтому заработная плата уже в интересах самой буржуазии должна быть здесь достаточно высокой, чтобы позволить рабочему удерживаться на соответствующем уровне. Недавно прибывший в Англию ирландец, который ютится в первом попавшемся хлеву, которого каждую неделю выселяют из мало-мальски сносной квартиры, потому что он все пропивает и не может за нее заплатить, был бы плохим фабричным рабочим; поэтому фабричным рабочим приходится платить столько, сколько требуется для того, чтобы они были в состоянии, воспитывая своих детей, приучать

их к регулярному труду; но отнюдь не больше, чтобы они не могли обходиться без заработка своих детей и не давали им стать чем-нибудь иным, кроме простых рабочих.

*Ф.Энгельс. Положение рабочего класса в Англии.
Соч., т.2, с. 313*

Школьное образование в английских рабочих районах

Перейдем от физических условий жизни рабочих к духовным. Если буржуазия заботится о существовании рабочих лишь постольку, поскольку это ей необходимо, то не приходится удивляться, если она и образование дает им лишь в той мере, в какой это интересует ее интересы. А эта мера не очень-то велика...

Эти подростки, которых в течение 4—5 лет пичкают религиозными догматами, под конец знают не больше, чем знали сначала. <...> В Шеффилде член комиссии Саймонс заставил учеников воскресных школ читать; они не были в состоянии рассказать, что ими прочитано и что это за апостолы, о которых они только что прочитали.

*Ф.Энгельс. Положение рабочего класса в Англии.
Соч., т.2, с. 343 и 346*

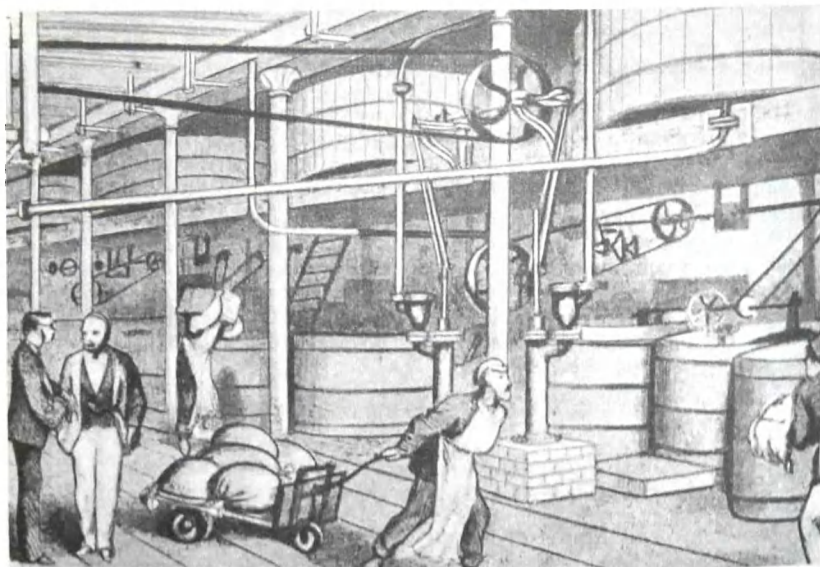
Образ жизни пролетариата — причина его деморализации и пробуждения к классовой борьбе

Совершенно ясно, что моральное воспитание, которое во всех школах Англии неразрывно связано с религиозным воспитанием, дает результаты ничуть не лучше, чем это последнее. Простейшие принципы, регулирующие для человека отношения человека к человеку, уже невероятно запутанные существующими социальными условиями, войной всех против всех, не могут не оставаться совершенно неясными и чуждыми необразованному рабочему, когда они ему преподносятся вперемешку с религиозными, непонятными догматами, в религиозной форме произвольного и ни на чем не основанного предписания. Как это признают все авторитеты, и в частности комиссия по обследованию детского труда, школы не оказывают почти никакого влияния на нравственность рабочего класса <...>

Итак, рабочие не только в физическом и интеллектуальном, но и в моральном отношении отвергнуты господствующим классом и покинуты на произвол судьбы. Единственный аргумент, к которому буржуазия прибегает против рабочих, когда они слишком подступают к ней, это закон; как будто они неразумные животные, 111

к ним применяют только одно воспитательное средство — кнут, грубую, не убеждающую, а устрашающую силу. <...>

Но еще более деморализующим образом, чем бедность, действует на английских рабочих необеспеченность их существования, необходимость проедать изо дня в день весь свой заработок, одним

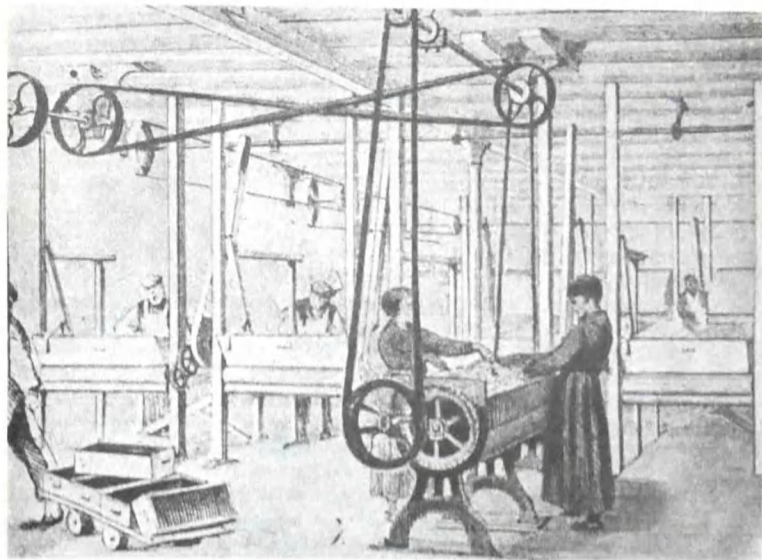

На фабрике по производству крахмала в Германии.
Около 1870 г.

словом, именно то, что делает их *пролетариями*. И в Германии мелкие крестьяне большей частью бедны и часто терпят нужду, но они меньше зависят от случая, они хоть имеют, по крайней мере, что-то определенное. Но пролетарий, не имеющий решительно ничего, кроме своих рук, продающий сегодня то, что он заработал вчера, зависящий от всевозможных случайностей, лишенный всякой гарантии, что он сможет добыть средства для удовлетворения своих самых насущных потребностей, — ибо всякий кризис, всякий каприз хозяина может лишить его куска хлеба, — этот пролетарий поставлен в самое возмутительное, самое нечеловеческое положение, которое только можно себе представить. Существование раба, по крайней мере, обеспечено личной выгодой его владельца; у крепостного все же есть кусок земли, который его кормит; оба они гарантированы, по меньшей мере, от голодной смерти; а пролетарий предоставлен исключительно самому себе

112 и в то же время ему не дают так применить свои силы, чтобы он

мог на них целиком рассчитывать. Все то, что пролетарий в состоянии сделать сам для улучшения своего положения, лишь капля в потоке тех случайностей, от которых он зависит и над которыми он ни малейшим образом не властен. Он -- лишенный воли объект всевозможных комбинаций и стечений обстоятельств и может

считать себя счастливым, если ему удастся хотя бы некоторое время кое-как просуществовать. И само собой понятно, что его характер и образ жизни определяется этими обстоятельствами: либо он стремится удержаться на поверхности этого водоворота, спасти свое человеческое достоинство, а это он может сделать, только выразив протест¹ против буржуазии, против того класса, который эксплуатировал его так бесновидно и затем бросает на произвол судьбы, который хочет удержать его в этом недостойном человека положении; либо он перестает бороться против положения, в которое поставлен, считая эту борьбу бесплодной, и лишь старается использовать несколько возможно отдельные благоприятные моменты. Конить ему незначит, так как того, что он может сконить, в лучшем случае хватит на несколько недель

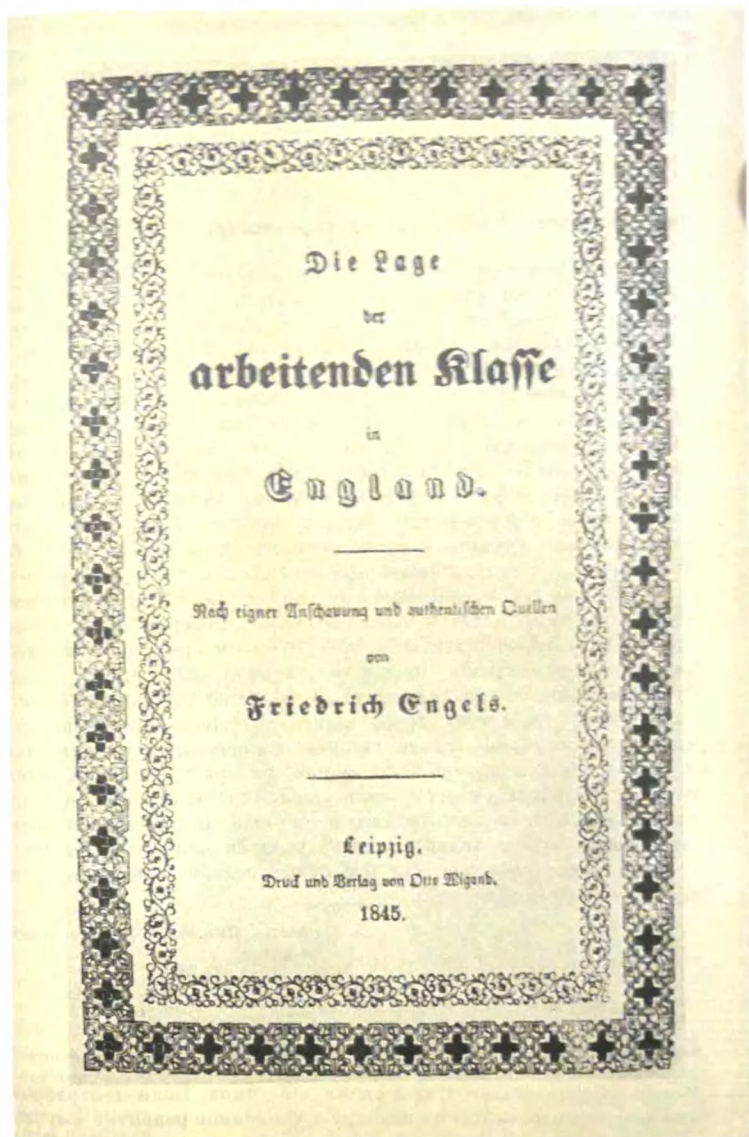
¹ Мы хотим сказать, что протест пролетариата против буржуазии выражен в Англии благодаря способе союзов.

жизни, а если он останется без работы, то несколькими неделями дело не ограничится. Приобрести себе собственность надолго он не в состоянии, а если бы ему это удалось, он перестал бы быть рабочим, и другой стал бы на его место. Что же ему еще делать, когда он получает хорошую плату, если не жить хорошо? Английский буржуа недоумевает и возмущается по поводу «широкой» жизни рабочего в период, когда заработная плата высока. А ведь не только вполне естественно, но даже разумно, чтобы люди наслаждались жизнью, пока возможно, вместо того чтобы собирать сокровища, которые им не принесут никакой пользы и в конце концов все равно станут жертвой моли и ржавчины, т. е. буржуазии. Но подобный образ жизни деморализует больше, чем всякий другой.

*Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии.
Соч., т. 2, с. 347, 349-350*

Принудительный монотонный труд как причина деморализации

Другим источником деморализации является для рабочих принудительность их труда. Если добровольная производительная деятельность является высшим из известных нам наслаждений, то работа из-под палки — самое жестокое, самое унижающее мучение. Что может быть ужаснее необходимости каждый день с утра до вечера делать то, что тебе противно! И чем сильнее в рабочем человеческие чувства, тем больше он должен ненавидеть свою работу, так как ощущает принуждение и бесцельность этой работы для себя самого. Ради чего же он работает? Из любви к творческому труду? Из естественных побуждений? Никким образом. Он работает ради денег, ради вещи, которая ничего общего не имеет с самой работой: он работает, потому что вынужден работать, к тому же он работает с утомительным однообразием столько часов подряд, что уже одного этого должно быть достаточно, чтобы сделать для него работу мучением уже с первых же недель, если в нем сохранились хоть какие-нибудь человеческие чувства. Разделение труда еще во много раз усилило оупляющее действие принудительного труда. В большинстве отраслей труда деятельность рабочего ограничена мелкой, чисто механической манипуляцией, точно и неизменно повторяемой минуту в минуту в течение долгих лет... Как же может такая принудительная работа, которая отнимает у рабочего все его время, кроме самого необходимого для еды и сна, которая не оставляет ему досуга для того, чтобы подышать свежим воздухом и наслаждаться природой, не говоря уже о духовной деятельности, — как же может она не низводить человека до состояния животного? И опять перед рабочим альтернатива: покориться судьбе, стать «хорошим рабочим», «верно» соблюдать интересы буржуа — и тогда он не-

Обложка первого издания работы Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»

избежно превращается в бессмысленное животное — или же противиться, всеми силами защищать свое человеческое достоинство, а это он может сделать только в борьбе против буржуазии.

Ф.Энгельс. Положение рабочего класса в Англии.

Соч., т.2, с. 351-352

Большие города — не причина деморализации

Все эти причины уже влекут за собой значительную деморализацию рабочего класса, но к ним присоединяется еще одна причина, которая способствует дальнейшему распространению этой деморализации и доводит ее до высшего предела; это — централизация населения. Буржуазные писатели Англии понимают неистовый шум по поводу развращающего влияния больших городов; эти Иеремии наизнанку оплакивают не разрушения городов, а их расцвет. Шериф *Алисон* почти все сваливает на эту причину, в еще большей степени делает это д-р *Воген*, автор книги «Век больших городов». Вполне понятно. Остальные причины, действующие разрушающим образом на тело и душу рабочего, слишком тесно связаны с интересами имущего класса. Если бы эти авторы признали главной причиной бедность, неуверенность в завтрашнем дне, чрезмерный труд из-под палки, то все, и сами они в том числе, должны были бы сказать себе: в таком случае дадим беднякам собственность, обеспечим им средства существования, издадим законы против чрезмерной работы; но на это буржуазия согласиться не может. А большие города разрослись сами собой, люди туда переселялись совершенно добровольно; вывод, что большие города созданы только промышленностью и наживающейся на ней буржуазией, не сразу напрашивается, и господствующему классу очень удобно сваливать все бедствия на эту, казалось бы, неустранимую причину. В действительности же большие города только создают условия для более быстрого и полного развития зла, которое существовало уже раньше, во всяком случае в зародыше.

Ф.Энгельс. Положение рабочего класса в Англии.

Соч., т.2, с. 352-353

Большие города — очаги рабочего движения

И наш буржуа вполне прав в своих опасениях. Если централизация населения вызывает оживление и усиленное развитие имущих классов, то развитию рабочих она содействует еще больше. Рабочие начинают чувствовать себя — в собственной совокупности — как класс, до их сознания доходит, что, будучи слабыми в оди-

ночку, они все вместе образуют силу; это способствует отделению от буржуазии и выработке самостоятельных, свойственных рабочим и их жизненным условиям понятий и идей, появляется сознание своего угнетения, и рабочие приобретают социальное и политическое значение. Большие города — очаги рабочего дви-

	Unt. 5 J.	5—19	20—39	40—59	60—69	70—79	80—89	90—99	100 n. drüber
In der Grafschaft Rutland — gesunder Agrikulturdistrikt	2865	891	1275	1299	1189	1428	938	112	3
Der Grafschaft Essex — marschiger Agrikulturdistrikt	3159	1110	1526	1413	963	1019	630	77	3
Der Stadt Carlisle 1779—87, vor Einführung der Fabriken	4408	911	1006	1201	940	826	533	153	22
Der Stadt Carlisle nach Einführung der Fabriken	4738	930	1261	1134	677	727	452	80	1
Der Stadt Preston, Fabrikstadt	4947	1136	1379	1114	553	532	298	38	3
Der Stadt Leeds, Fabrikstadt	5286	927	1228	1198	593	612	225	29	2

Статистика смертности в книге Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»

жения: в них рабочие впервые начали задумываться над своим положением и бороться за его изменение, в них впервые выявилась противоположность интересов пролетариата и буржуазии, в них зародились рабочие союзы, чартизм и социализм. Болезнь социального организма, которая носила в деревне хронический характер, получила в больших городах острую форму и тем самым раскрылись ее истинная сущность и способ ее излечения. Без больших городов, без того толчка, который они дают развитию общественного сознания, рабочие далеко не так продвинулись бы вперед, как они это сделали. К тому же большие города положили конец последним следам патриархальных отношений между рабочим и работодателем, чему содействовала также крупная промышленность путем увеличения числа рабочих, находящихся в зависимости от одного буржуа. Буржуазия об этом сожалеет, и с полным основанием: ведь при прежних отношениях она была почти застрахована от восстаний рабочих. Буржуа эксплуатировал своих рабочих и властвовал над ними сколько ему было угодно и мог еще вдобавок рассчитывать на повиновение, благодарность и любовь этих простаков, если, помимо платы, проявлял некоторую приветливость, которая ему ничего не стоила, или делал незначительные уступки, якобы исключительно по своей необычайной сердечной доброте, хотя все это вместе не составляло и десятой доли того, что он обязан был сделать. Правда, как отдельное лицо, поставленное в условия, не им созданные, он, может быть, и выполнял, хотя бы отчасти, свои обязанности; но как член правящего класса, который уже в силу того, *что он является правящим*, несет ответственность за положение всей нации и обязан заботиться об общих интересах, буржуа ничего не делал из того, к чему его обязывало это положение, а только еще дополнительно эксплуатировал всю нацию в целом в своих собственных, частных интересах. При патриархальных отношениях, лицемерно прикрывавших рабство рабочих, рабочий не мог не оставаться простым обывателем, духовно мертвым, не сознающим своих собственных интересов. Лишь когда наступило отчуждение между ним и его работодателем, когда стало очевидным, что последнего связывает с ним только личная заинтересованность, только погоня за прибылью, когда мнимые добросердечные отношения, не выдержав ничтожнейшего испытания, совершенно исчезли, лишь тогда рабочий начал понимать свое положение и свои интересы и развиваться самостоятельно, лишь тогда он перестал рабски следовать за буржуазией в своих идеях, чувствах и требованиях. И содействовали этому главным образом крупная промышленность и большие города.

*Ф.Энгельс. Положение рабочего класса в Англии.
Соч., т.2, с. 354-355*

*К. Маркс беседует с рабочими в лондонской таверне
(70-е годы XIX в.). Рисунок худ. Н. Жукова*

Гуманные черты в характере рабочих

Об общественном характере английских рабочих, поскольку он находит себе выражение в ассоциациях и политических взглядах, еще будет речь впереди. Здесь же мы намерены рассмотреть только последствия изложенных выше причин, поскольку они воздействуют на личные качества рабочего. — Рабочий значительно более отзывчив в повседневной жизни, чем буржуа...

Гуманность рабочих проявляется весьма отрадным образом и в других формах. Не баловала их самих жестокая судьба, и потому они умеют сочувствовать тем, кому плохо живется. Для них каждый человек — человек, между тем как для буржуа рабочий не вполне человек. Вот почему рабочие обходительнее, приветливее и, хотя они больше нуждаются в деньгах, чем имущий класс, все же они менее до них падки; для них деньги имеют ценность только ради того, что на них можно купить, между тем как для буржуа они имеют особую присущую им ценность, ценность божества, и превращают буржуа в низкого, грязного «человека наживы». Рабочий, которому это чувство благоговения перед деньгами совершенно чуждо, не так жаден, как буржуа, который готов на все, чтобы побольше нажить, и видит цель своей жизни в наполнении своего денежного мешка. Вот почему рабочий гораздо более независим в своих суждениях, более восприимчив к действительности, чем буржуа, и не смотрит на все сквозь призму личных интересов. От религиозных предрассудков его предохраняет недостаточное воспитание; ничего не понимая в этих вопросах, он не ломает над ними голову, ему чужд фанатизм, которым одержима буржуазия, и если он и бывает религиозен, то только на словах, даже не в теории; на практике же рабочий живет только земными интересами и стремится устроиться в этом мире получше. Все буржуазные писатели сходятся в одном, — что рабочие не религиозны и не посещают церкви. Исключение составляют разве только ирландцы, некоторые старики и полубуржуа — надсмотрщики, мастера и им подобные.

*Ф.Энгельс. Положение рабочего класса в Англии.
Соч., т.2, с. 356-357*

Работа женщины на фабрике и быт

Во многих случаях работа женщины на фабрике не разрушает семью полностью, но ставит ее на голову. Жена зарабатывает на всю семью, а муж сидит дома, смотрит за детьми, убирает, стряпает. Таких случаев очень и очень много...

*Ф.Энгельс. Положение рабочего класса в Англии.
Соч., т.2, с. 375*

Ф.Энгельс отвечает на возражения против своего показа условий жизни рабочего класса

У меня нет ни времени, ни места, чтобы подробно остановиться на возражениях фабрикантов против обвинений, которые предъявлялись им в течение последних двенадцати лет. Этих людей ничто не научит, ибо их ослепляет то, что они считают своими интересами. Так как на некоторые из их возражений я попутно уже ответил выше, то здесь мне остается еще сказать немного.

Вы приезжаете в Манчестер и хотите изучить условия жизни в Англии. У вас есть, разумеется, хорошие рекомендации к «респектабельным» людям. Вы делаете несколько замечаний о положении рабочих. Вас знакомят с парой-другой крупнейших либеральных фабрикантов, как Роберт Хайд Грег, Эдмунд Ашворт, Томас Аштон и другие. Вы сообщаете им свои намерения. Фабрикант вас понимает, он знает, что ему делать. Он везет вас на свою фабрику за город — г-н Грег в Куорри-Банк в Чeshire, г-н Ашворт в Тёртон близ Болтона, г-н Аштон в Хайд. Он ведет вас в прекрасно устроенное здание, может быть даже снабженное вентиляторами, он обращает ваше внимание на высокие мастерские с массой воздуха, на прекрасные машины, на того или другого рабочего, имеющего цветущий вид. Он угощает вас прекрасным завтраком и предлагает вам посетить квартиры рабочих. Он ведет вас в коттеджи, новые, чистые и уютные на вид, и сам с вами заходит в тот или другой. Ведет он вас, конечно, только к надсмотрщикам, механикам и т. д., чтобы вы «видели семьи, живущие *исключительно* фабрикой». В других коттеджах вы могли бы узнать, что на фабрике работают только жена и дети, а муж штопает чулки. Присутствие фабриканта мешает вам задавать нескромные вопросы, и оказывается, что рабочие все получают хорошую плату, живут с удобствами и благодаря деревенскому воздуху имеют сравнительно здоровый вид. Вы начинаете отказываться от своих представлений о нужде и голоде, находите их преувеличенными. Но что система коттеджей превращает рабочих в рабов, что поблизости где-нибудь, может быть, находится фабричная лавка — об этом вы не узнаете ничего; рабочие не обнаружат перед вами свою ненависть к фабриканту, который находится тут же и даже построил школу, церковь, читальню и т. д. Что школа нужна ему для того, чтобы приучить детей к дисциплине, что в читальню допускаются только книги, защищающие интересы буржуазии, и что он увольняет тех рабочих, которые читают чартистские или социалистические газеты и книги, — все это остается от вас скрытым. Вы видите уютные, патриархальные отношения, вы видите жизнь надсмотрщиков, вы видите то, что буржуазия *обещает* рабочим, если они согласятся и в духовном отношении стать ее рабами. «Сельская фабрика» с давних пор была излюбленным коньком фабрикантов, потому что здесь скверные стороны фабричной

системы, в особенности санитарные условия, отчасти парализуются свежим воздухом и окружающей средой, а также потому, что рабство рабочих сохраняет здесь всего дольше свои патриархальные черты.

Ф.Энгельс Положение рабочего класса в Англии.
Соч., т.2, с. 413 (примечание)

Худ. Цилле. Труд строителей. На рисунке надпись, сделанная рукой художника: «Камни таскаем аж до неба, а живем все равно в подвале!»

Влияние городского образа жизни на идеологию и психологию рабочего класса

В Германии большинство наемных рабочих получало работу не от промышленных магнатов современного типа, представленных в Великобритании такими великолепными образцами, а от мелких ремесленников, вся система производства которых является простым пережитком средневековья. И подобно тому как существует огромное различие между крупным хлопчатобумажным лордом, с одной стороны, и мелким хозяйчиком-сапожником или портным — с другой, так и смысленный, бойкий фабричный рабо-

чий современных промышленных Вавилонов в корне отличается от смиренного портновского подмастерья или ученика столяра-краснодеревщика в мелком провинциальном городке, в котором условия жизни и характер труда лишь немного изменились по сравнению с тем, какими они были пять веков тому назад для людей этой же категории. Это общее отсутствие современных условий жизни, современных видов промышленного производства сопровождалось, разумеется, почти таким же повсеместным отсутствием современных идей; поэтому нет ничего удивительного в том, что в начале революции значительная часть рабочих выставила требование немедленного восстановления цехов и средневековых привилегированных ремесленных корпораций.

*Ф.Энгельс. Революция и контрреволюция
в Германии.
Соч., т.8, с. 11-12*

О рабочем, не располагающем свободным временем

Время есть пространство человеческого развития. Человек, не располагающий ни минутой свободного времени, человек, вся жизнь которого, не считая обуславливаемых чисто физическими потребностями перерывов на сон, еду и т. д., поглощается работой на капиталиста, — такой человек низведен до положения хуже вьючного животного. Изможденный телесно и огрубевший духовно, он — только машина для производства чужого богатства. Между тем, вся история современной промышленности показывает, что капитал, если ему не препятствовать, будет бездушно и беспощадно стремиться к тому, чтобы низвести весь рабочий класс до этого состояния крайней деградации.

*К.Маркс. Заработная плата, цена и прибыль.
Соч., т.16, с. 147*

Начальная фаза развития капиталистического способа производства и скопление бездомного населения в трущобах больших городов

Новый способ производства находился еще в начале восходящей линии своего развития; он был еще нормальным, единственно возможным при данных условиях способом производства. А между тем он уже тогда породил вопиющие социальные бедствия: скопление бездомного населения в трущобах больших городов; разрушение всех унаследованных от прошлого связей по происхождению, патриархального уклада, семьи; ужасающее удлинение рабочего

дня, особенно для женщин и детей: массовую деморализацию среди трудящегося класса, внезапно брошенного в совершенно новые условия.

*Ф.Энгельс. Анти-Дюринг.
Соч., т.20, с. 271-272*

Переход к промышленному производству и внезапное появление жилищной нужды в крупных городах

Время, когда старая культурная страна совершает подобный, к тому же еще ускоренный столь благоприятными обстоятельствами переход от мануфактуры и мелкого производства к крупной промышленности, преимущественно бывает также и временем «жилищной нужды». С одной стороны, массы рабочих из деревень неожиданно оказываются стянутыми в крупные города, которые развиваются в промышленные центры; с другой стороны, планировка этих старых городов не соответствует больше условиям новой крупной промышленности и вызванному ею уличному движению; поэтому расширяют и прокладывают новые улицы, через города проводят железные дороги. Как раз тогда, когда рабочие потоками устремляются в города, там происходит массовый снос рабочих жилищ. Отсюда внезапная жилищная нужда у рабочих, а также у мелких торговцев и ремесленников, клиентуру которых составляют рабочие. В городах, которые с самого начала возникли как промышленные центры, эта жилищная нужда почти неизвестна. Таковы Манчестер, Лидс, Брэдфорд, Бармен-Эльберфельд. Напротив, в Лондоне, Париже, Берлине, Вене жилищная нужда приобрела в свое время острые формы и большей частью продолжает носить хронический характер.

Именно эта острая жилищная нужда, этот симптом совершавшейся в Германии промышленной революции, вызвала тогда в прессе широкое обсуждение «жилищного вопроса» и послужила поводом для разного рода социального шарлатанства.

*Ф.Энгельс. Предисловие ко второму изданию
книги «К жилищному вопросу».
Соч., т.21, с. 334-335*

Двойкий характер потребления рабочего: производственное и индивидуальное

Потребление рабочего бывает двойного рода. В самом производстве он потребляет своим трудом средства производства и превращает их в продукты более высокой стоимости, чем стоимость

Рабочая семья выброшена на улицу. 1875 г.

ление. Это — в то же время потребление его рабочей силы капиталистом, который купил ее. С другой стороны, рабочий расходует деньги, уплаченные ему при купле его рабочей силы, на приобретение жизненных средств. Это — его индивидуальное потребление. Следовательно, производственное и индивидуальное потребление рабочего совершенно различны между собой. В первом он функционирует как движущая сила капитала и принадлежит капиталисту; во втором он принадлежит самому себе и выполняет жизненные функции вне производственного процесса. Результатом первого является существование капиталиста, результатом второго — существование самого рабочего.

*К.Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т.23., с. 584*

Различные аспекты индивидуального потребления

Когда капиталист превращает в рабочую силу часть своего капитала, он тем самым увеличивает весь свой капитал. Он одним ударом убивает двух зайцев. Он извлекает прибыль не только из того, что он получает от рабочего, но и из того, что он дает рабочему. Капитал, отчужденный в обмен на рабочую силу, превращается в жизненные средства, потребление которых служит для воспроизводства мускулов, нервов, костей, мозга рабочих, уже имеющихся налицо, и для производства новых рабочих. Следовательно, индивидуальное потребление рабочего класса в его абсолютно необходимых границах есть лишь обратное превращение жизненных средств, отчужденных капиталом в обмен на рабочую силу, в рабочую силу, пригодную для новой эксплуатации со стороны капитала. Это — производство и воспроизводство необходимого для капиталиста средства производства — самого рабочего. Таким образом, индивидуальное потребление рабочего составляет момент в производстве и воспроизводстве капитала независимо от того, совершается ли оно внутри или вне мастерской, фабрики и т. д., внутри или вне процесса труда, подобно тому, как таким же моментом является чистка машины независимо от того, производится ли она во время процесса труда или во время определенных перерывов последнего. Дело нисколько не изменяется от того, что рабочий осуществляет свое индивидуальное потребление ради самого себя, а не ради капиталиста. Ведь и потребление рабочим скотом не перестает быть необходимым моментом процесса производства оттого, что скот сам находит удовольствие в том, что он ест. Постоянное сохранение и воспроизводство рабочего класса остается постоянным условием воспроизводства капитала. Выполнение этого условия капиталист может спокойно предоставить самим рабочим, полагаясь на их инстинкт самосохранения и размножения. Он заботится лишь о том, чтобы их индивидуальное потребление ограничивалось по возможности самым необходи-

мым, и, как небо от земли, далек от южноамериканской грубости, с которой рабочих принуждают есть более питательную пищу вместо менее питательной.

*К.Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т.23, с. 584-585*

Абсолютный всеобщий закон капиталистического накопления

Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия. Свободная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, как и сила расширения капитала. Следовательно, относительная величина промышленной резервной армии возрастает вместе с возрастанием сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. *Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления.* Подобно всем другим законам, в своем осуществлении он модифицируется многочисленными обстоятельствами, анализ которых сюда не относится.

*К.Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т.23, с. 659*

Капиталистическое накопление, рост больших городов и жилищная проблема

Только понимание экономических законов раскрывает внутреннюю связь между муками голода наиболее трудолюбивых слоев рабочих и грубой или утонченной расточительностью богатых, основанной на капиталистическом накоплении. Совершенно иначе с жилищными условиями. Здесь всякий беспристрастный наблюдатель видит, что чем обширнее централизация средств производства, тем больше соответствующее скопление рабочих на одной и той же площади, и что, следовательно, чем быстрее капиталистическое накопление, тем хуже состояние жилищ рабочих. Сопровождающие рост богатства «улучшения» (improvements) городов посредством сноса плохо застроенных кварталов, путем возведения дворцов для банков и универсальных магазинов и т. д., посредством расширения улиц для деловых сношений и для роскошных экипажей, путем постройки конок и т. д. быстро вытесняют бедноту во все худшие и худшие и все более переполненные трущобы. С другой стороны, всякому известно, что дороговизна жилых помещений обратно пропорциональна их качеству и что

рудники нищеты эксплуатируются строителями-спекулянтами с большей прибылью и меньшими издержками, чем эксплуатировались когда-либо серебряные рудники Потоси. Антагонистический характер капиталистического накопления, а следовательно, и отношений капиталистической собственности вообще, здесь до такой степени очевиден, что даже английские официальные отчеты по этому поводу изобилуют еретическими выпадами против «собственности и ее прав». Зло так распространяется с развитием промышленности, накоплением капитала, ростом и «похорошением» городов, что один страх заразных болезней, не дающих пощады и «почтенной публике», с 1847 по 1864 г. вызвал не менее 10 санитарно-полицейских парламентских актов, а перепуганная буржуазия некоторых городов, как Ливерпуль, Глазго и т.д., использовала в целях защиты свои муниципалитеты...

Чем быстрее в каком-либо промышленном или торговом городе накапливается капитал, тем быстрее прилив доступного эксплуатации человеческого материала, тем хуже импровизированные жилища рабочих...

Вследствие приливов и отливов капитала и труда сегодня сносные жилищные условия какого-нибудь промышленного города завтра могут сделаться отвратительными.

*К.Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т.23, с. 671-672, 675 и 676*

Капиталистическая экономия при строительстве промышленных зданий

Работа в закрытых помещениях вообще. Известно, насколько экономия на пространстве, а следовательно, на строениях, способствует скученности рабочих в тесных помещениях. Сюда присоединяется экономия на приспособлениях для вентиляции. В связи с продолжительным рабочим временем обе эти причины вызывают сильное увеличение болезней дыхательных органов и, следовательно, повышают смертность. ...

Комбинирование рабочих и их кооперация — таково условие, допускающее применение машин в широком масштабе, концентрацию средств производства и экономию в их применении; равным образом эта совместная работа масс в закрытых помещениях и при таких условиях, когда решающим является не здоровье рабочих, а более успешное изготовление продукта, — это сосредоточение массы рабочих в одной и той же мастерской является, с одной стороны, источником растущей прибыли капиталистов, с другой же стороны, раз его последствия не компенсируются сокращением рабочего времени и специальными мерами предосторожности, оно является причиной расточения жизни и здоровья рабочих.

*К.Маркс. Капитал. Том третий.
Соч., т.25, ч.1, с. 103-104*

Общий зал ночлежки в Берлине (90-е годы)

К.Маркс о концепции А. Смита по поводу заработной платы и справедливого права рабочих на пищу, одежду и жилище

А именно, после того как А. Смит сделал попытку доказать, что заработная плата в XVIII столетии, особенно в Англии, *повысилась*, он ставит вопрос, следует ли это рассматривать «как выгоду или как невыгоду для общества» [Русский перевод, т.1, с. 72]. В этой связи он затем снова возвращается мимоходом к своему более глубокому воззрению, согласно которому прибыль и рента — всего лишь доли, получаемые из *продукта* труда рабочего. Рабочие, говорит он,

«во-первых, составляют преобладающую часть общества. Ну а разве можно когда-либо рассматривать как невыгоду для целого то, что улучшает участь большей части этого целого? Общество, без сомнения, не может рассматриваться как счастливое и преуспевающее, если преобладающая часть членов общества остается бедной и несчастной. Кроме того, простая справедливость требует, чтобы те, кто кормит, одевает и обеспечивает жилищами *всю нацию*, имели *такую долю в продукте своего собственного труда*, которая по крайней мере была бы *достаточна* для того, чтобы у них самих имелась сносная пища, одежда и квартира» [Русский перевод, т.1, с. 72].

К.Маркс. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»).
Соч., т.26, ч.11, с. 242

2. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ И СТРОИТЕЛЬСТВО

2.1. ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ, СТОИМОСТЬ, ЦЕНА И СТРОИТЕЛЬСТВО

Полезность товара

В последнем счете предложение и спрос ставят лицом к лицу производство и потребление, но производство и потребление, основанные на индивидуальном обмене.

Предлагаемый продукт полезен не сам по себе. Его полезность устанавливается потребителем. И если даже за продуктом признана полезность, то он все-таки представляет не одну только полезность. В ходе производства продукт обменивался на все издержки производства, как, например, на сырье, заработную плату рабочих и т. д., словом, на такие вещи, которые все являются меновыми стоимостями. Следовательно, продукт представляет в глазах производителя некоторую сумму меновых стоимостей. Производитель предлагает не только полезный предмет, но и, кроме того и прежде всего, некоторую меновую стоимость.

*К. Маркс. Ницше и философия
Соч., т. I, с. 79*

Труд — источник стоимости

Раз признана полезность того или иного продукта, — труд является источником его стоимости. Мерой труда служит время. Относительная стоимость продуктов определяется рабочим временем, которое нужно было употребить на их производство. Цена есть денежное выражение относительной стоимости продукта.

*К. Маркс. Ницше и философия
Соч., т. I, с. 81*

Снижение стоимости в результате повышения производительности труда

130 Всякое новое изобретение, позволяющее производить в один час то, что производилось прежде в два часа, обесценивает все однородные продукты, имеющиеся на рынке. Конкуренция вынуждает

производителя продавать продукт двух часов не дороже продукта одного часа. Она осуществляет закон, по которому относительная стоимость продукта определяется рабочим временем, необходимым для его производства. То обстоятельство, что рабочее время служит мерой меновой стоимости, становится, таким образом, законом постоянного *обесценения* труда. Более того. Обесценение распространяется не только на товары, вынесенные на рынок, но и на орудия производства — на все предприятие.

К. Маркс. Ницета философии. Соч., т. 4, с. 98-99

Минимальная величина рабочего времени определяет величину стоимости

Очень важно не упускать из виду того обстоятельства, что стоимость вещи определяется не тем временем, в течение которого она была произведена, а *минимумом* времени, в течение которого она может быть произведена, и этот минимум устанавливается конкуренцией.

К. Маркс. Ницета философии. Соч., т. 4, с. 99

Предложение и спрос в условиях крупной индустрии

Крупная индустрия, будучи уже самым характером употребляемых ею орудий вынуждена производить постоянно все в больших и больших размерах, не может ждать спроса. Производство идет впереди спроса, предложение силой берет спрос.

К. Маркс. Ницета философии. Соч., т. 4, с. 101

Классовая борьба и внедрение новой техники

В Англии стачки постоянно служили поводом к изобретению и применению тех или иных новых машин. Машины были, можно сказать, оружием капиталистов против возмущений квалифицированных рабочих... Даже если бы единственным результатом коалиций и стачек были направленные против них усилия изобретательской мысли в области механики, то и в этом случае коалиции и стачки оказывали бы громадное влияние на развитие промышленности.

К. Маркс. Ницета философии. Соч., т. 4, с. 179

Трехсторонняя конкуренция и цена товара

Чем определяется *цена* товара?

Конкуренцией между покупателями и продавцами, отношением спроса к предложению, предложения к спросу. Конкуренция, при

посредстве которой определяется цена товара, является *трехсторонней*.

Один и тот же товар предлагается различными продавцами. Кто продает товары одного и того же качества дешевле всех, тот наверняка одержит верх над остальными продавцами и обеспечит себе наибольший сбыт. Таким образом, продавцы ведут между собой борьбу за сбыт, за рынок. Каждый из них хочет продавать, продавать как можно больше, хочет по возможности продавать один, устранив остальных продавцов. Поэтому один продает дешевле другого. Стало быть, происходит *конкуренция между продавцами*, которая *понижает* цену предлагаемого ими товара.

Но происходит также *конкуренция между покупателями*, которая, со своей стороны, *повышает* цены предлагаемых товаров.

Наконец, существует *конкуренция между покупателями и продавцами*; одни хотят возможно дешевле купить, другие — возможно дороже продать. Результат этой конкуренции между покупателями и продавцами зависит от того, каково соотношение обеих указанных выше конкурирующих сторон, т.е. от того, где конкуренция сильнее, в лагере покупателей или в лагере продавцов. Промышленность выводит на поле брани друг против друга две армии, причем в собственных рядах каждой из них, в свою очередь, происходит междоусобная борьба. Победу над противником одерживает та армия, в рядах которой меньше драки...

Итак, если предложение какого-нибудь товара меньше, нежели спрос на этот товар, то конкуренция в рядах его продавцов очень слаба или даже вовсе не имеет места. В той самой мере, в какой ослабевает конкуренция между продавцами, возрастает конкуренция между покупателями. Результат — более или менее значительное повышение цен товаров.

Как известно, чаще имеет место обратный случай с обратным результатом: значительное превышение предложения над спросом, отчаянная конкуренция между продавцами, недостаток в покупателях, распродажа товаров за бесценок.

К. Маркс. *Наемный труд и капитал*. Соч., т. 6, с. 435-436

Компоненты цены товара

Итак, мы видим, что цена товара определяется издержками производства таким образом, что периоды, в течение которых цена данного товара превышает издержки его производства, компенсируются периодами, в течение которых она падает ниже издержек его производства, и наоборот. Конечно, это относится не к каждому отдельному промышленному продукту, а только ко всей отрасли промышленности в целом. И, следовательно, это относится также не к отдельному промышленнику, а только ко всему классу промышленников в целом.

Определение цены издержками производства равносильно определению цены рабочим временем, необходимым для производства товара, так как издержки производства состоят: 1) из сырья и орудий труда, т.е. из продуктов промышленности, производство которых стоило известного количества рабочих дней и которые, стало быть, представляют определенное количество рабочего времени, и 2) из непосредственного труда, мерой которого тоже является время.

К. Маркс. Немецкий труд и капитал. Соч., т. 6, с. 438-439

Неоплаченный труд рабочего — составная часть стоимости

В обмен на свой труд¹ рабочий получает жизненные средства, а капиталист в обмен на принадлежащие ему жизненные средства получает труд, производительную деятельность рабочего, творческую силу, посредством которой рабочий не только возмещает то, что он потребляет, но и придает накопленному труду большую стоимость, чем этот труд имел прежде.

К. Маркс. Немецкий труд и капитал. Соч., т. 6, с. 443-444

О противоречии между стоимостью и ценой

Различие между меновой стоимостью и ценой представляется, с одной стороны, только номинальным; так, Адам Смит говорит, что труд есть реальная, а деньги — номинальная цена товаров... Товар как таковой есть меновая стоимость, он имеет цену. В этом различии между меновой стоимостью и ценой проявляется то, что содержащийся в товаре особенный индивидуальный труд еще должен через процесс отчуждения предстать в качестве своей противоположности, как лишенный индивидуальности абстрактно-всеобщий, и только в этой форме общественный труд, т.е. как деньги. Способен ли труд к такому превращению или нет, кажется делом случая. Поэтому, хотя в цене меновая стоимость товара получает отличное от него существование только идеально, а двойственное бытие содержащегося в товаре труда существует пока еще только как различие в способе выражения, и поэтому, с другой стороны, материализация всеобщего рабочего времени, золото, противостоит реальному товару еще только как мысленно представляемая мера стоимостей, — тем не менее в бытии меновой стоимости как цены, или золота как меры стоимостей, уже заключается в скрытом виде необходимость отчуждения товара за звонкое золото и возможность того, что он не будет отчужден, коро-

¹ В издании 1891 г. вместо слов «на свой труд» напечатано: «на свою рабочую силу». *Ред.*

че, заключается в скрытом виде все противоречие, которое протекает из того, что продукт является товаром или что особенный труд частного лица, чтобы иметь общественное значение, должен представляться как его прямая противоположность, как абстрактно-всеобщий труд.

К. Маркс. К критике политической экономии. Соч., т. 13, с. 54

Стоимость как обходной путь для измерения времени труда

Следовательно, если я говорю, что эти часы стоят столько же, сколько этот кусок сукна, и что стоимость каждого из обоих предметов равна 50 маркам, то тем самым я говорю, что в часах, в сукне и в данной сумме денег заключено одинаковое количество общественного труда. Я констатирую, таким образом, что представленное в них общественное рабочее время общественно измерено и признано равным. Но измерено не прямо, не абсолютно, как измеряют рабочее время в других случаях, выражая его в рабочих часах или днях и т.д., а окольным путем, при помощи обмёна, относительно. Поэтому-то я и не могу выразить это определенное количество рабочего времени в рабочих часах, число которых остается мне неизвестным, а могу это сделать тоже только окольным путем, относительно, — в каком-нибудь другом товаре, представляющем одинаковое количество общественного рабочего времени.

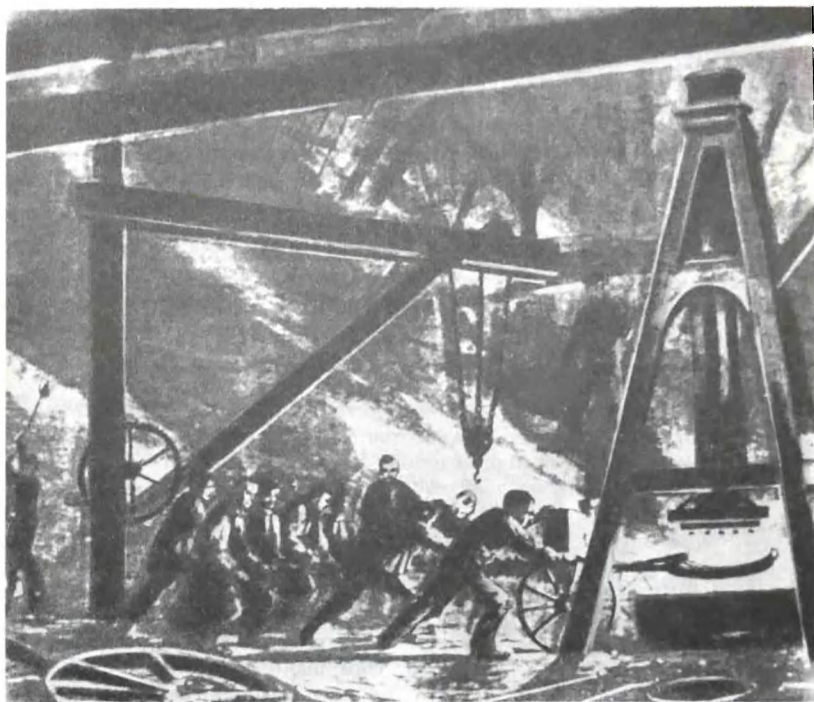
Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Соч., т. 20, с. 319

Непосредственное измерение времени труда в обществе с плановым хозяйством

Однако товарное производство — вовсе не единственная форма общественного производства. В древнеиндийской общине и в южнославянской задруге продукты не превращаются в товары. Члены общины объединены для производства непосредственно общественной связью, труд распределяется согласно обычаю и потребностям, и таким же образом распределяются продукты, поскольку они идут на потребление. Непосредственно общественное производство, как и прямое распределение, исключает всякий товарный обмен, следовательно, и превращение продуктов в товары (по крайней мере внутри общины), а значит и превращение их в *стоимости*.

Когда общество вступает во владение средствами производства и применяет их для производства в непосредственно общественной форме, труд каждого отдельного лица, как бы разли-

чен ни был его специфически полезный характер, становится с самого начала и непосредственно общественным трудом. Чтобы определить при этих условиях количество общественного труда, заключающегося в продукте, нет надобности прибегать к окольному пути; повседневный опыт непосредственно указывает, какое

Колесный цех вагоностроительного завода

количество этого труда необходимо в среднем. Общество может просто подсчитать, сколько часов труда заключено в паровой машине, в гектолитре пшеницы последнего урожая, в ста квадратных метрах сукна определенного качества. И так как количества труда, заключающиеся в продуктах, в данном случае известны людям прямо и абсолютно, то обществу не может прийти в голову также и впредь выражать их посредством всего лишь относительной, шаткой и недостаточной меры, хотя и бывшей раньше неизбежной за неимением лучшего средства, — т.е. выражать их в третьем продукте, а не в их естественной, адекватной, абсолютной мере, какой является *время*... Следовательно, при указан-

ных выше условиях, общество также не станет приписывать продуктам какие либо стоимости. Тот простой факт, что сто квадратных метров сукна потребовали для своего производства, скажем, тысячу часов труда, оно не будет выражать, целенным и бессмысленным образом, говори, что это сукно обладает *стоимостью* в тысячу рабочих часов. Разумеется, и в этом случае общество должно будет знать, сколько труда требуется для производства каждого предмета потребления. Оно должно будет сообразовать свой производственный план со средствами производства, к которым в особенности принадлежат также и рабочие силы. Этот план будет определяться в конечном счете взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда. Люди сделают тогда все это очень просто, не прибегая к услугам прославленной «стоимости».

Ф. Энгельс. *Анти Дюринг*. Соч., т. 20, с. 320-321

Социальные функции производственных построек

Та часть скрытого производительного капитала, которая имеется наготове лишь в качестве условия для процесса производства, как, например, хлопок, уголь, и т.д. на прядильной фабрике, эта часть не действует ни как фактор образования продукта, ни как фактор образования стоимости. Она является капиталом, лежащим праздно, хотя его бездеятельность служит условием для непрерывного течения процесса производства. Постройки, аппараты и т.д., необходимые в качестве хранилищ производственного запаса (скрытого капитала), суть условия процесса производства и потому образуют составные части авансированного производительного капитала. Они выполняют свою функцию хранителей составных частей производительного капитала на предварительной стадии. Поскольку на этой стадии необходимы процессы труда, постольку эти процессы удорожают сырье и т.д., но они представляют собой производительный труд и создают прибавочную стоимость, потому что часть этого труда, как и всякого другого наемного труда, не оплачивается. В течение нормальных перерывов всего процесса производства, следовательно, в течение тех интервалов, во время которых производительный капитал не функционирует, не производится ни стоимость, ни прибавочная стоимость. Отсюда вытекает стремление заставить работать и ночью («Капитал», книга I, глава VIII, 4).— Такие интервалы во времени труда, которые предмету труда приходится испытывать во время самого процесса производства, не создают ни стоимости, ни прибавочной стоимости; но они способствуют созданию продукта, составляют часть его жизни, являются процессом, через который он

должен пройти. Стоимость аппаратов и т.д. переносится на продукт соответственно всему тому времени, в течение которого они функционируют; продукт перенесен в эту стадию производства самим трудом, и пользование этими аппаратами в такой же мере является условием производства, как и распыление при придании части хлорка, который не входит в продукт, но тем не менее переносит на него свою стоимость. Другая часть скрытого капитала, как, например, постройки, машины и т.д., т.е. средства труда, функционирование которых прерывается лишь вследствие регулярных пауз в процессе производства, нерегулярные перерывы вследствие сокращения производства, кризисов и т.д. представляют собой чистые убытки, — эта часть скрытого капитала присоединяет к продукту свою стоимость, хотя и не участвует в образовании продукта; вся стоимость, которую эта часть прибавляет к продукту, определяется средней продолжительностью ее существования; она утрачивает свою стоимость в силу того, что утрачивает потребительную стоимость как в то время, когда она функционирует, так и в то время, когда она не функционирует.

К. Маркс. *Капитал. Том второй. Соч., т. 24, с. 139-140*

Влияние зданий — мест приложения труда на стоимость товара

Мы видели («Капитал», книга I, гл. VI), что часть постоянного капитала сохраняет ту определенную потребительную форму, в которой он входит в процесс производства, сохраняет ее по отношению к тем продуктам, в образовании которых он участвует. Следовательно, в течение более или менее продолжительных периодов, в постоянно повторяемых процессах труда, эта часть постоянного капитала постоянно выполняет одни и те же функции. К ней относятся, например, производственные здания, машины и т.д., — короче, все, что мы объединяем под названием *средств труда*. Эта часть постоянного капитала передает свою стоимость продукту в той мере, в какой она вместе со своей собственной потребительной стоимостью утрачивает свою собственную меновую стоимость. Эта передача стоимости, или этот переход стоимости такого средства производства на продукт, в образовании которого оно принимает участие, определяется по среднему подсчету; она измеряется средней продолжительностью функционирования средства производства, охватывающей время от момента, когда оно входит в процесс производства, и до момента, когда оно будет совершенно изношено, станет непригодным, когда оно должно быть заменено новым экземпляром того же рода, должно быть воспроизведено.

К. Маркс. *Капитал. Том второй. Соч., т. 24, с. 176*

Снижение стоимости средств труда, зданий и т.д.

Таким образом, своеобразие этой части постоянного капитала — собственно средств труда — заключается в следующем.

Часть капитала авансируется в форме постоянного капитала, т.е. в форме средств производства, которые функционируют как факторы процесса труда до тех пор, пока они сохраняют ту самостоятельную потребительную форму, в которой они вступают в процесс труда. Готовый продукт, а следовательно и факторы образования продукта, поскольку они превращены в продукт, выбрасывается из процесса производства, чтобы из сферы производства перейти в сферу обращения в качестве товара. Напротив, средства труда, вступив однажды в сферу производства, уже никогда не покидают ее. Их прочно удерживает в сфере производства их функция. Часть авансированной капитальной стоимости *фиксируется* в этой форме, определяемой функцией средств труда в процессе производства. Вследствие функционирования, а потому и изнашивания средства труда одна часть его стоимости переносится на продукт, другая же остается фиксированной в среде труда и, следовательно, остается в процессе производства. Фиксированная таким образом стоимость постоянно уменьшается, до тех пор, пока средство труда не отслужит своей службы; поэтому его стоимость в течение более или менее продолжительного периода распределяется на массу продуктов, которые выходят из ряда постоянно повторяющихся процессов труда. Но пока средство труда все еще действует в качестве средства труда, следовательно, пока его еще не приходится заменять новым экземпляром того же самого рода, стоимость постоянного капитала все время остается фиксированной в нем, между тем как другая часть первоначально фиксированной в нем стоимости переносится на продукт и потому совершает обращение как составная часть товарного запаса. Чем долговечнее средство труда, чем медленнее оно изнашивается, тем дольше постоянная капитальная стоимость остается фиксированной в этой потребительной форме. Но какова бы ни была степень долговечности средства труда, та степень, в которой оно передает свою стоимость, всегда обратно пропорциональна общей продолжительности времени его функционирования. Если из двух машин одинаковой стоимости одна изнашивается в пять лет, а другая в десять, то на протяжении одинакового времени первая отдает вдвое больше стоимости, чем вторая.

К. Маркс. Капитал. Том второй. Соч., т. 24, с. 176—177

Своеобразие части капитала, фиксируемой в зданиях и т.д.

Но обращение рассматриваемой здесь части капитала является своеобразным. Во-первых, она не обращается в своей потребительной форме, обращается только ее стоимость, и притом лишь постепенно, частями, в той мере, как она переносится с рассматриваемой части капитала на продукт, который обращается как товар. В течение всего времени функционирования этой части некоторая доля ее стоимости остается фиксированной в ней, сохраняет свою самостоятельность по отношению к товарам, производству которых она содействует. Благодаря такой особенности эта часть постоянного капитала приобретает форму *основного капитала* [*fixes Kapital*]. В противоположность ему все другие вещественные составные части капитала, авансированного на процесс производства, образуют *оборотный, или текучий капитал* [*zirkulierendes oder flüssiges Kapital*].

К. Маркс. Капитал. Том второй. Соч., т. 24, с. 177-178

Здание как капитальная стоимость

При прочих равных условиях степень закреплённости средства труда в процессе производства возрастает с долговечностью этого средства труда. Именно от этой долговечности зависит величина разницы между капитальной стоимостью, закреплённой в средстве труда, и той частью этой стоимости, которая при повторных процессах труда переносится на продукт. Чем медленнее совершается эта передача стоимости, — а стоимость передается от средства труда при каждом повторении одного и того же процесса труда, — тем больше закреплённый капитал, тем больше разница между капиталом, применяемым в процессе производства, и капиталом, потребляемым в нем. Когда эта разница исчезает, это значит, что данное средство труда отжило свой век и вместе со своей потребительной стоимостью утратило свою стоимость. Оно перестало быть носителем стоимости. Так как средство труда, подобно всякому другому вещественному носителю постоянного капитала, передает свою стоимость продукту лишь в той мере, в какой оно вместе со своей потребительной стоимостью утрачивается и свою стоимость, то ясно, что чем медленнее утрачивается его потребительная стоимость, тем дольше удерживается оно в процессе производства, тем продолжительнее период, в течение которого постоянная капитальная стоимость остается фиксированной в этом средстве труда.

К. Маркс. Капитал. Том второй. Соч., т. 24, с. 180

Износ, ремонт, сохранение стоимости

Износ (оставляя в стороне моральный износ) есть та часть стоимости, которую основной капитал вследствие его использования постепенно передает продукту, — передает в той средней мере, в какой он утрачивает свою потребительную стоимость.

Этот износ отчасти таков, что основной капитал обладает известной средней продолжительностью жизни; он целиком авансируется на этот срок; по истечении его он должен быть целиком заменен. Для живых средств труда, например для лошадей, время воспроизводства предписано самой природой. Средняя продолжительность их жизни, как средств труда, определена законами природы. Как только истекает этот срок, использованные до конца экземпляры приходится заменять новыми. Лошадь нельзя заменять по частям, ее можно заменить только другой лошастью.

Другие элементы основного капитала допускают периодическое или частичное обновление. Здесь следует провести разграничение между частичным или периодическим возмещением и постепенным расширением предприятия... Перенесение стоимости вследствие изнашивания основного капитала рассчитывается по средней продолжительности его жизни, но эта средняя продолжительность жизни, в свою очередь, рассчитана на то, что все время будет авансироваться добавочный капитал, необходимый для содержания его в исправности... Здесь, как и вообще при определении стоимости, решающее значение имеет средняя величина. Опыт показывает среднее количество таких происшествий и средний объем работ по содержанию и ремонту, необходимых в течение среднего периода жизни основного капитала, вложенного в определенную отрасль производства. Этот средний расход распределяется на средний период жизни основного капитала и соответствующими частями прибавляется к цене продукта...

При определении как износа, так и издержек по ремонту в соответствии с общественной средней нормой неизбежно оказываются большие различия даже для равновеликих капиталов, вложенных, вообще говоря, при одних и тех же условиях в одну и ту же отрасль производства. На практике у одного капиталиста машина и т.д. существует дольше среднего периода, у другого — не так долго. Издержки по ремонту у одного выше средней величины, у другого ниже и т.д. Но надбавка к цене товаров, определяемая с учетом как износа, так и издержек по ремонту, одна и та же: она определяется по средней величине. Таким образом, благодаря этой надбавке к цене один получает больше, чем он в действительности добавочно затратил, другой — меньше. Это — как и все другие обстоятельства, которые, несмотря на одинаковую эксплуатацию рабочей силы, делают различной прибыль различных капиталистов в одной и той же отрасли производства, — способствует тому, чтобы затруднить понимание истинной природы прибавочной стоимости.

Граница между собственно ремонтом и возмещением, между издержками сохранения и издержками возобновления более или менее условна. Отсюда вечный спор, например, на железнодорожном транспорте о том, являются ли известные затраты затратами на ремонт или на возмещение...

К. Маркс. Капитал. Том второй. Соч., т. 24, с. 191-192, 197 и 199-200

Различные величины времени на строительство жилых и производственных зданий

Обычный жилой дом может быть построен в более короткое время, чем крупная фабрика, и требует поэтому меньшего числа непрерывных процессов труда.

К. Маркс. Капитал. Том второй. Соч., т. 24, с. 258

Акционерные общества и изменения в строительном производстве

На менее развитых ступенях капиталистического производства предприятия, требующие продолжительного рабочего периода и, следовательно, крупных затрат капитала на продолжительное время, — особенно, если они осуществимы только в большом масштабе, — ведутся или вовсе не капиталистически, а на общественный или государственный счет, как, например, проведение дорог, каналов и т.п. (в прежние времена, если иметь в виду рабочую силу, такие работы большей частью осуществлялись путем применения принудительного труда). Или же такие продукты, изготовление которых требует сравнительно продолжительного рабочего периода, лишь в ничтожной своей части производились за счет средств самого капиталиста. Так, например, при постройке дома то частное лицо, для которого строится дом, время от времени дает авансы строительному предпринимателю. Следовательно, фактически это частное лицо оплачивает дом по частям, по мере того, как продвигается вперед процесс производства этого дома. Напротив, в эпоху развитого капитализма, когда, с одной стороны, значительные массы капитала сконцентрированы в руках отдельных лиц и когда, с другой стороны, наряду с отдельными капиталистами появляется капиталист ассоциированный (акционерные общества) и в то же время уже развито кредитное дело, капиталистический строительный предприниматель лишь в виде исключения возводит постройки по заказу отдельных частных лиц. Его предприятием является постройка для

рынка целого ряда домов, целых городских кварталов, подобно тому как предприятием других отдельных капиталистов является строительство железных дорог по подряду.

К. Маркс. Капитал. Том второй. Соч., т. 24, с. 262-263

Строительство домов как рыночного товара

Какой переворот вызвало капиталистическое производство в лондонском домостроении, мы видим из показаний одного строительного предпринимателя перед Комиссией по банковским делам в 1857 году. По его словам, в годы его молодости дома обычно строились по заказу, причем вся сумма издержек во время постройки выплачивалась предпринимателю постепенно, по мере того, как заканчивались отдельные стадии постройки. Ради спекуляции строилось очень мало; предприниматели пускались на это главным образом лишь для того, чтобы доставлять регулярное занятие своим рабочим и таким образом не давать им разбредаться. За последние 40 лет все это изменилось. По заказу строится очень мало. Тот, кто нуждается в новом доме, должен выбрать себе один из тех, которые выстроены со спекулятивными целями или еще находятся в процессе постройки. Предприниматель работает теперь уже не на заказчиков, а на рынок; подобно всякому другому промышленнику, он должен иметь на рынке готовые товары. Если прежде предприниматель строил со спекулятивными целями одновременно каких-нибудь три-четыре дома, то теперь он должен купить (т.е., употребляя распространенный на континенте способ выражения, арендовать обычно на 99 лет) значительный участок земли и возвести на нем 100 или 200 домов, пускаясь, таким образом, в предприятие, превосходящее в двадцать—пятьдесят раз размеры его состояния.

К. Маркс. Капитал. Том второй. Соч., т. 24, с. 263-264

Сокращение сроков строительства с помощью машин

Условия, способствующие увеличению продукта за каждый отдельный рабочий день, как-то кооперация, разделение труда, применение машин, в то же время сокращают рабочий период, состоящий из связанных между собой актов производства. Так, машины сокращают время постройки домов, мостов и т.д.; жатвенные машины, молотилки и т.д. сокращают рабочий период, необходимый для того, чтобы превратить созревшее зерно в готовый товар.

К. Маркс. Капитал. Том второй. Соч., т. 24, с. 264

Здания превращаются в деньги и в капитал

К тому времени, когда основной элемент постоянного капитала — постройки, машины и т.д. — отживет свой век, утратит способность функционировать в процессе производства, к этому времени его стоимость уже существует рядом с ним, полностью возмещенная деньгами, т.е. той суммой денежных осадков, стоимостей, постепенно перенесенных с основного капитала на товары, в производстве которых он принимал участие, и перешедших в денежную форму посредством продажи товаров. Затем эти деньги служат для возмещения основного капитала (или его элементов, так как различные элементы основного капитала имеют различную продолжительность жизни) *in natura*, и таким образом они служат для действительного обновления этой составной части производительного капитала. Следовательно, эти деньги представляют собой денежную форму одной части постоянной капиталовой стоимости, ее основной части.

К. Маркс. Капитал. Том второй. Соч., т. 24, с. 511

Цена и стоимость, прибыль и прибавочная стоимость

Таким образом, для капиталов среднего или приблизительно среднего строения цена производства совпадает со стоимостью или приближается к ней, а прибыль — с произведенной ими прибавочной стоимостью. Все другие капиталы, каковы бы ни были их строение, стремятся под давлением конкуренции выравниваться с капиталами среднего строения. Но так как капиталы среднего строения по своему строению равны или приблизительно равны среднему общественному капиталу, то все капиталы, какова бы ни была произведенная ими самими прибавочная стоимость, стремятся вместо этой прибавочной стоимости реализовать в ценах своих товаров среднюю прибыль, т.е. стремятся реализовать цены производства.

К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25, ч. I, с. 190

Средняя прибыль не исключает дополнительную прибыль

Из предшествующего изложения видно, каким образом рыночная стоимость (а все сказанное о ней применимо с необходимыми ограничениями и к цене производства) включает в себя добавочную прибыль тех, кто в каждой особой сфере производства производит при наиболее благоприятных условиях. За исключением случаев кризисов и перепроизводства вообще, это применимо ко всем рыночным ценам, как бы сильно они ни отклонялись от ры-

ночных стоимостей и рыночных цен производства. Рыночная цена именно предполагает, что за все товары данного вида уплачивается одинаковая цена, несмотря на то, что товары эти могут быть произведены при очень различных индивидуальных условиях и могут, следовательно, иметь очень различные издержки производства. (О добавочной прибыли как следствии монополий в обычном смысле этого слова — искусственных или естественных — мы здесь не говорим.)

Однако добавочная прибыль может возникнуть, кроме того, еще в том случае, когда известные сферы производства в состоянии избежать превращения их товарных стоимостей в цены производства, а потому и сведения их прибылей к средней прибыли. В отделе о земельной ренте мы рассмотрим дальнейшее видоизменение этих двух форм добавочной прибыли.

*К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25.
ч. I, с. 217-218*

Различные функции жилых и производственных зданий по А. Смит

Предметы, уже находящиеся в фонде потребления, А. Смит трактует совершенно так же, как он трактует производительный и непроизводительный труд. Например:

«Жилой дом не приносит никакого дохода живущему в нем; и хотя этот дом, бесспорно, чрезвычайно полезен ему, но только в таком же смысле, в каком полезны его одежда и мебель, которые тоже очень полезны ему, но тем не менее составляют часть его расходов, а не доходов» (там же, том II, с. 201-202) [русский перевод, том I, с. 233]. Напротив, к основному капиталу относятся «все постройки, предназначенные для какой-нибудь полезной цели и являющиеся средствами извлечения дохода не только для их собственника, который получает арендную плату, отдавая их внаем, но даже для их нанимателя, который платит за них; таковы торговые помещения, склады, мастерские, усадьбные постройки со всеми их необходимыми службами, конюшнями, амбарами и т.д. Эти постройки сильно отличаются от помещений, предназначенных только для жилья; они представляют собой своего рода орудия производства» (там же, с. 203-204), (книга II, глава I) [русский перевод, том I, с. 234].

*К. Маркс. Теории прибавочной стоимости
(IV том «Капитала»). Соч., т. 26, ч. I, с. 252*

2.2. ЖИЛИЩЕ КАК ТОВАР И КВАРТИРНАЯ ПЛАТА

Отношения между съемщиком и домовладельцем

В жилищном вопросе есть две противостоящих друг другу стороны: съемщик и сдающий внаем, или домовладелец. Первый хочет купить у второго временное пользование жилищем; у него **144** есть деньги или кредит, хотя бы он был вынужден покупать этот

кредит опять-таки у того же домовладельца по ростовщической цене, в виде надбавки к квартирной плате. Это — простая продажа товара; это не сделка между пролетарием и буржуа, между рабочим и капиталистом. Съемщик — даже если он рабочий — выступает как *человек имущий*; он должен был либо уже заранее продать свойственный ему товар, рабочую силу, чтобы с выручкой от этой продажи иметь возможность выступить в качестве покупателя права пользования жилищем, либо же он должен быть в состоянии представить гарантии того, что эта рабочая сила будет продана. Своеобразные результаты, к которым приводит продажа рабочей силы капиталисту, здесь совершенно отсутствуют. Капиталист заставляет купленную рабочую силу, во-первых, воспроизвести свою стоимость, а во-вторых, производить еще прибавочную стоимость, которая временно и впредь до распределения среди класса капиталистов остается в его руках. Здесь, следовательно, производится избыточная стоимость; общая сумма наличной стоимости увеличивается. Совершенно иначе обстоит дело при сделке найма. Сколько бы ни сорвал сдающий внаем у съемщика, это всегда лишь передача уже *существующей*, ранее *произведенной* стоимости, а общая сумма стоимости, которой обладают съемщик и сдающий внаем *вместе*, остается без изменений. У рабочего всегда вымогают часть продукта его труда, — все равно, оплачивает ли капиталист его труд ниже, выше или по его стоимости; а со съемщиком это бывает лишь в том случае, когда он вынужден оплачивать жилье выше его стоимости. Поэтому попытка отождествить отношение между съемщиком и сдающим внаем с отношением между рабочим и капиталистом является полным извращением этого отношения. Напротив, мы имеем здесь дело с совершенно обычной товарной сделкой между двумя гражданами, и сделка эта совершается согласно экономическим законам, регулирующим продажу товаров вообще и продажу товара «земельное владение» — в частности. Прежде всего принимаются в расчет расходы по постройке и содержанию дома или данной части дома; во вторую очередь — стоимость земли, обусловленная более или менее благоприятным местоположением дома; наконец, решает дело соотношение между спросом и предложением в данный момент.

Ф. Энгельс. К жилищному вопросу.
Соч., т. 18, с. 210-211

Полемика против вульгарного толкования наемной платы

Это простое экономическое отношение отражается в голове нашего прудониста следующим образом.

«Однажды построенный дом служит *вечным юридическим основанием* для получения определенной доли общественного труда, хотя действительная стоимость дома в более чем достаточной мере давно уже выплачена владельцу в 145

форме квартирной платы. Так получается, что для дома, построенного, например, 50 лет тому назад, первоначальные издержки покрываются за это время 2, 3, 5, 10 и более раз получаемой с него квартирной платой».

Здесь перед нами Прудон весь как на ладони. Во-первых, упускается из виду, что квартирная плата должна покрывать не только проценты на издержки по постройке дома, но также и ремонт, среднюю сумму безнадежных долгов и невыплаченной квартирной платы, равно как и возможные убытки от пустующих квартир; и, наконец, ежегодное погашение соответствующей доли капитала, вложенного при постройке, поскольку дом с течением времени становится негодным для жилья и обесценивается. Во-вторых, упускается из виду, что квартирная плата должна также покрывать проценты на повышение стоимости земельного участка, на котором стоит дом; что, следовательно, часть ее состоит из земельной ренты.

Ф. Энгельс. *К жилищному вопросу*. Соч., т. 18, с. 211

Зависимость величины наемной платы от экономических условий

Наконец, он не замечает, что во всей этой сделке речь идет вовсе не о покупке дома у собственника, а лишь о праве пользования им на известный срок. Прудон, который никогда не задумывался о действительных фактических условиях, при которых происходит какое-либо экономическое явление, не может, конечно, объяснить себе, каким образом первоначальная сумма издержек по постройке дома при известных обстоятельствах может за 50 лет быть выплачена в десятикратном размере в виде платы за наем помещения. Вместо того, чтобы исследовать экономически этот отнюдь не сложный момент и твердо установить, — действительно ли и если да, то каким образом он находится в противоречии с экономическими законами, — Прудон спасается смелым прыжком из экономической области в юридическую: «Однажды построенный дом служит вечным юридическим основанием» для определенного ежегодного платежа. Как это происходит, *каким образом дом становится юридическим основанием*, об этом Прудон умалчивает. А ведь именно это он и должен был бы объяснить. Исследовав это, он нашел бы, что все юридические основания на свете, как бы вечны они ни были, не могли бы наделить дом такой силой, чтобы за пятьдесят лет сумма издержек на его постройку была выплачена в десятикратном размере в виде квартирной платы, и что это возможно лишь в результате экономических условий (которые могут получить общественное признание под видом юридических оснований).

Трогательная декламация по поводу жилищного вопроса

Однако вернемся к жилищному вопросу. Тут наш прудонист дает полную волю своей «правовой идее» и потчует нас следующей трогательной декламацией:

«Мы утверждаем без всяких колебаний, что нет более ужасного издевательства над всей культурой нашего прославленного века, чем тот факт, что в больших городах 90 и более процентов населения лишены крова, который они могли бы называть своим собственным. Подлинное средоточие нравственного и семейного существования, домашний очаг, уносится социальным вихрем... Мы в этом отношении стоим гораздо ниже дикарей. У троплодита есть своя пещера, у австралийца своя глиняная хижина, у индейца свой собственный очаг, — современный же пролетарий фактически висит в воздухе» и т.д.

В этой иеремиаде прудонизм проявляется во всей своей реакционности. Для создания современного революционного класса, пролетариата, было абсолютно необходимо, чтобы была перерезана пуповина, еще привязывавшая рабочего прежних времен к земле. Ручной ткач, у которого, наряду с его ткацким станком, был свой домик, огородик и клочок поля, при всей нищете и при всем политическом гнете был тихим, довольным человеком, «исполненным благочестия и почтительности», снимал шалку перед богачами, попами и чиновниками и был весь насквозь пропитан рабским духом. Именно современная крупная промышленность, превратившая прикованного к земле рабочего в лишенного всякой собственности, избавленного от всех унаследованных цепей, *поставленного вне закона* пролетария, — именно эта экономическая революция создала условия, при которых только и может быть ниспровергнута эксплуатация трудящегося класса в ее последней форме, в форме капиталистического производства. И вот приходит этот плаксивый прудонист и сокрушается по поводу изгнания рабочих из их домашних очагов, видя в этом большой шаг назад, тогда как именно это изгнание и было первейшим условием их духовного освобождения.

27 лет назад (в книге «Положение рабочего класса в Англии») я в основных чертах описал как раз этот процесс изгнания рабочих из их домашних очагов, как он происходил в XVIII веке в Англии. Мерзости, совершавшиеся при этом землевладельцами и фабрикантами, вредное материальное и моральное действие, которое неизбежно оказывало это изгнание прежде всего на подвергавшихся ему рабочих, получили там также должное отражение. Но могло ли мне прийти в голову усмотреть в этом совершенно необходимом при данных обстоятельствах историческом процессе развития шаг назад — «ниже дикарей»? Никким образом. Английский пролетарий 1872 г. стоит бесконечно выше сельского ткача 1772 г. с его «домашним очагом».

«Идеальный товарообмен» и жилищный вопрос

Но до всего этого приятелю Прудону нет никакого дела. Он жаждет «вечной справедливости» и ничего другого. Каждый должен получить в обмен на свой продукт полный доход труда, полную стоимость своего труда. Но вычислить ее в продукте современной промышленности — дело не легкое. Современная промышленность затемняет именно ту особую долю участия каждого отдельного человека в совокупном продукте, которая при прежнем обособленном ручном труде сама собой выражалась в произведенном продукте. Далее, современная промышленность все более и более устраняет единичный обмен, на котором построена вся система Прудона, а именно — непосредственный обмен между двумя производителями, из которых каждый выменивает свой продукт на продукт другого, в целях потребления. Вот почему всему прудонизму свойственна реакционная черта — отвращение к промышленной революции и то явно, то скрыто выраженное стремление вышвырнуть вон всю современную промышленность, паровые машины, прядильные машины и прочие напасти и вернуться к старому, надежному ручному труду...

После всего сказанного мы уже заранее можем знать, как наш прудонист разрешит великий жилищный вопрос. С одной стороны, он выдвигает требование, чтобы каждый рабочий имел свое собственное, принадлежащее ему жилище, дабы мы больше не стояли *ниже дикарей*. С другой стороны, он уверяет, что двух-, трех-, пяти- или десятикратная оплата первоначальных издержек по постройке дома в виде квартирной платы, как это происходит на деле, покоится на *правовом основании* и что это правовое основание находится в противоречии с «вечной справедливостью». Решается все очень просто: мы отменяем правовое основание и в силу вечной справедливости объявляем выплачиваемую квартирную плату платежом в счет погашения цены самого жилища. Если приняты такие предпосылки, которые уже содержат в себе конечный вывод, то, конечно, достаточно той ловкости, какой обладает любой фокусник, чтобы вытащить из кармана заранее приготовленный результат и кичиться несокрушимостью логики, приведшей к этому заключению.

Так и здесь. Отмена найма жилищ провозглашается необходимостью, и именно в форме требования превратить каждого съемщика в собственника своего жилища.

Ф. Энгельс. К жилищному вопросу. Соч., т. 18, с. 216—217

Преобразование наемной платы в проценты на капитал

Но как это сделать? Очень просто:

«Наемное жилище выкупается... Прежнему домовладельцу выплачивается стоимость его дома до последнего гроша. Вместо того, чтобы выплачиваемая плата за наем помещения представляла собой, как раньше, дань, которую съемщик платит вечному праву капитала, вместо этого, со дня объявления выкупа наемных жилищ, выплачиваемая съемщиком точно установленная сумма становится ежегодным платежом в счет погашения перешедшего в его владение жилища... Общество... превращается таким путем в совокупность независимых свободных квартирладельцев».

Прудонист видит преступление против вечной справедливости в том, что домовладелец, не трудясь, может выколачивать земельную ренту и проценты со своего вложенного в дом капитала. Он декретирует, что это надо прекратить, что вложенный в дома капитал не должен больше приносить процентов, а в той мере, в какой этот капитал представляет собой купленный земельный участок, он не должен приносить и земельной ренты. Но мы видели, что капиталистический способ производства, основа современного общества, вовсе не затрагивается этим. Узловой пункт, вокруг которого вращается эксплуатация рабочего, это — продажа рабочей силы капиталисту и то, как использует капиталист эту сделку, заставляя рабочего производить гораздо больше того, что составляет оплаченная стоимость рабочей силы. Эта сделка между капиталистом и рабочим и создает всю ту прибавочную стоимость, которая затем распределяется между различными разновидностями капиталистов и их слуг в виде земельной ренты, торговой прибыли, процентов на капитал, налогов и так далее. И вот является наш прудонист и заявляет, что если бы *одной-единственной разновидности* капиталистов, — и притом таких капиталистов, которые непосредственно вовсе не покупают рабочей силы, следовательно, не заставляют производить прибавочную стоимость, — запретили получать прибыль, или проценты, то это явилось бы шагом вперед! Масса отнятого у рабочего класса неоплаченного труда несколько не изменилась бы, если бы домовладельцы были завтра лишены возможности заставлять выплачивать себе земельную ренту и проценты; это не мешает, однако, нашему прудонисту заявить:

«Отмена найма жилищ является, таким образом, одним из *самых плодотворных и самых возвышенных стремлений*, зародившихся в лоне революционной идеи, она должна стать для социальной демократии *первостепенным требованием*».

Точь-в-точь как базарные выкрики самого мэтра Прудона, у которого тоже кудахтанье всегда обратно пропорционально величине снесенного яйца.

**Ироническая реплика
по поводу проектов
выкупа жилищ в больших домах**

Но представьте себе великолепное положение вещей, когда каждый рабочий, мелкий буржуа и буржуа принужден будет путем ежегодных платежей стать сначала частично, а затем и полностью собственником своего жилища! В промышленных округах Англии, где промышленность крупная, а дома для рабочих маленькие и где каждый семейный рабочий живет в отдельном домике, — это имело бы еще некоторый смысл. Но мелкая промышленность Парижа, как и большинства крупных городов континента, дополняется большими домами, где живут по десять, двадцать, тридцать семей. В день объявления декрета, несущего миру избавление и возмещающего выкуп наемных жилищ, какой-нибудь Петер работает на машиностроительной фабрике в Берлине. По истечении года он — собственник, допустим, пятнадцатой части своего жилища, состоящего из одной комнатки на пятом этаже где-нибудь у Гамбургских ворот. Он лишается работы и вскоре оказывается в подобном же жилище, с восхитительным видом во двор, в третьем этаже, в Потгофе, в Ганновере, где он, прожив пять месяцев, приобретает ровно $1/36$ часть собственности, как вдруг стачка перебрасывает его в Мюнхен и принуждает его после одиннадцатимесячного пребывания стать собственником ровно $11/180$ довольно темного подвального помещения за Обер-Ангегассе.

Дальнейшие перемещения, столь часто происходящие в наше время у рабочего, навязывают ему далее: $7/360$ не менее приличного жилища в С.-Галлене, $23/180$ другого — в Лидсе и $347/56223$ — вычисленных точно, дабы не была нарушена «вечная справедливость», — еще третьего жилища в Серене. Что же делать нашему Петеру со всеми этими частичками жилищ? Кто даст ему их настоящую стоимость? Где искать ему собственника или собственников остальных частей своих различных прежних жилищ? И как же будет обстоит дело с отношениями собственности в любом большом доме, этажи которого насчитывают, скажем, двадцать квартир и который — с истечением срока выкупа и с отменой сдачи жилищ внаем — принадлежит, может быть, тремстам частичным собственникам, рассеянным по белу свету? Наш прудонист ответит, что к тому времени будет существовать прудоновский меновой банк, который во всякое время будет выплачивать каждому за любой продукт труда полный доход труда, следовательно, будет выплачивать полную стоимость и за каждую долю жилища. Но прудоновский меновой банк нам здесь ни к чему, во-первых, потому что в статьях по жилищному вопросу он нигде даже не упоминается; во-вторых, он покоится на странном заблуждении, что если кто-либо желает продать товар, он всегда непременно найдет и

покупателя по полной стоимости; и, в-третьих, прежде чем он был изобретен Прудоном, он успел уже не один раз обанкротиться в Англии под названием Labour Exchange Bazaar.

Ф. Энгельс. К жилищному вопросу. Соч., т. 18, с. 218-219

«Решение» жилищного вопроса при капитализме путем спроса и предложения

Как разрешить жилищный вопрос? В современном обществе он решается совершенно так же, как всякий другой общественный вопрос: постепенным экономическим выравниванием спроса и предложения, а это такое решение, которое постоянно само порождает вопрос заново, то есть не дает никакого решения.

Ф. Энгельс. К жилищному вопросу. Соч., т. 18, с. 221

«Решение» жилищного вопроса Прудоном

Но наш прудонист еще не удовлетворен своими достижениями в жилищном вопросе. Он должен вознести этот вопрос с грешной земли в область высшего социализма для того, чтобы и там этот вопрос утвердил себя существенной «частью социального вопроса».

«Предположим, что производительность капитала, — как это рано или поздно должно случиться, — действительно взята за рога, например, посредством переходного закона, твердо устанавливающего размер процента со всех капиталов в один процент, притом с тенденцией постепенно приблизить и этот размер процента к нулю, так что, в конце концов, ничто больше не будет оплачиваться, кроме труда, необходимого для оборота капитала. Разумеется, и дом, и квартира, подобно всем другим продуктам, подлежит действию этого закона... Сам владелец первый постарается продать свой дом, так как иначе он остался бы бесполезным, а вложенный в него капитал стал бы просто бесполезным».

Это положение заключает в себе один из главных символов веры прудоновского катехизиса и дает яркий образец господствующей в нем путаницы.

Ф. Энгельс. К жилищному вопросу. Соч., т. 18, с. 221-222

Ироническое замечание насчет процентов на капитал и наемной платы

Но это еще не все. Раз отменяется выплата процентов на капитал, отменяется также и выплата наемной платы¹. Ибо «и

¹ Игра слов: Zins — процент, Miethzins (или Miethe) — наемная плата. *Ред.* 151

дом, и квартира, подобно всем другим продуктам, подлежат действию этого закона». Это вполне в духе того старого майора, который приказал позвать своего вольноопределяющегося: «Послушайте! Вы, говорят, доктор, — заходите же ко мне время от времени; когда имеешь жену и семерых детей, всегда найдется кого полечить».

Вольноопределяющийся: «Виноват, господин майор, я доктор философии!»

Майор: «Это для меня безразлично, доктор есть доктор».

Так и с нашим прудонистом: наемная ли плата или процент на капитал — это для него безразлично, выплата есть выплата, доктор есть доктор.

Мы видели, что цена за наем, *vulgo*¹ называемая наемной платой, состоит из: 1) частью из земельной ренты, 2) частью из процента на строительный капитал, включая прибыль подрядчика по постройке, 3) частью из издержек на ремонт и страхование, 4) частью из ежегодных погашений (амортизации) строительного капитала, включая и прибыль, по мере того как дом постепенно приходит в негодность.

Ф. Энгельс. К жилищному вопросу. Соч., т. 18, с. 224-225

Почему столь высока квартирная плата в условиях капитализма?

Дом, сданный внаем, приносит своему застройщику в виде наемной платы земельную ренту, средства на ремонт и процент на вложенный при строительстве капитал, включая и прибыль с него; уплачиваемая наемная плата, смотря по обстоятельствам, может постепенно составить сумму, в два, три, пять, десять раз превышающую первоначальные издержки на постройку дома.

Ф. Энгельс. К жилищному вопросу. Соч., т. 18, с. 265-266

Сдача в аренду жилищ — это постепенная продажа товара

Продажа товара состоит, как известно, в том, что владелец отдает его потребительную стоимость и получает его меновую стоимость. Потребительные стоимости товаров различаются друг от друга, между прочим, и тем, что их потребление осуществляется в различные сроки. Каравай хлеба съедается в один день, пара

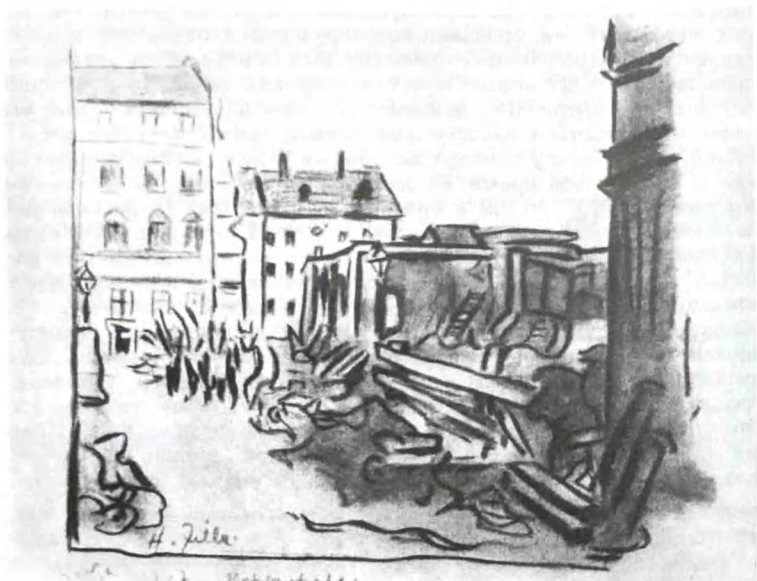
брюк изнашивается в один год, дом, скажем, — в сто лет. По отношению к товарам с длительным периодом изнашивания представляется, стало быть, возможность продавать их потребительную стоимость по частям, каждый раз на определенный срок, то есть *отдавать ее внаем*. Продажа по частям реализует, следовательно, меновую стоимость лишь постепенно; за этот отказ от немедленного получения обратно авансированного капитала и полагающейся с него прибыли продавец вознаграждается надбавкой к цене, начислением процентов, ставка которых определяется отнюдь не произвольно, а законами политической экономии. По истечении ста лет дом потреблен, изношен, негоден для жилья. Если мы после этого вычтем из всей уплаченной суммы наемной платы: 1) земельную ренту вместе с некоторым повышением, которое она претерпела за это время, 2) расходы на текущий ремонт, — то мы найдем, что остаток в среднем составляет: 1) из первоначального капитала, вложенного в строительство дома, 2) из прибыли с него и 3) из процентов на постепенно погашаемый капитал и на прибыль. Правда, по истечении этого времени у съемщика нет дома, но нет его и у владельца. У последнего есть лишь участок земли (если он принадлежит именно ему) и находящиеся на нем строительные материалы, которые, однако, уже перестали быть домом. И если для дома тем временем, «первоначальные издержки покрываются 5 и 10 раз», то мы увидим, что это произошло просто вследствие роста земельной ренты; это ни для кого не секрет в таких местах, как Лондон, где земле-владелец и домовладелец — большей частью два разных лица.

Ф. Энгельс. К жилищному вопросу. Соч., т. 18, с. 266

Система коттеджей — жилищное ростовщичество

В сельских местностях часто не оказывается жилищ для рабочих вблизи от фабрики. Фабриканту поэтому нередко приходится строить эти жилища, что он делает очень охотно, так как они приносят ему большую прибыль на затраченный капитал. Если вообще владелец рабочих квартир получает со своего капитала 6% ежегодно, то можно считать, что фабриканту они приносят вдвое больше; ведь пока его фабрика не остановилась, у него всегда есть жильцы, притом жильцы, платящие аккуратно. Он, таким образом, застрахован от двух главных потерь, которые могут постигнуть других домовладельцев: коттеджи его никогда не пустуют, он не рискует, что ему не заплатят. Но квартирная плата обыкновенно рассчитана так, чтобы покрыть эти возможные убытки, и поэтому, если фабрикант взимает ту же плату, что и остальные владельцы, он получает со вложенного капитала 12—14% и делает очень выгодное дело за счет своих рабочих. Конечно, несправедливо, что фабрикант, сдавая в наем дома для рабочих,

извлекает из этого большую, вдвое большую выгоду, чем его конкуренты, которые он к тому же лишает всякой возможности конкурировать с ним... Система коттеджей широко распространена на фабриках, расположенных в сельских местностях; она вызвала к жизни целые поселки и в большинстве случаев, так как у фабри-

Худ. Цилле. Трудный квартал в Берлине. Спесен в 1907 г. В настоящее время здесь проходит улицы им. Золя

канта мало или вовсе нет конкурентов, ему вовсе не приходится соотносить квартирную плату, которую он берет, с существующими ценами, и он может запрашивать сколько хочет. А какую власть дает эта система фабриканту при столкновении с рабочими!

*Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии.
Соч., т. 2, с. 409-410*

Расходы на текущий ремонт как часть наемной платы

Законодательство, касающееся контрактов об аренде домов и других объектов, которые для их собственников являются основным капиталом и как таковой сдаются ими в аренду, везде при-

знает различие между нормальным износом, который обуславливается временем, влиянием сил природы и самим нормальным использованием, и случайным ремонтом, который время от времени необходим в течение периода нормальной продолжительности существования дома для поддержания его в сохранности и для нормального пользования им. Как правило, ремонт первого рода падает на долю собственника, второго рода — на долю арендатора. Ремонтные работы разделяются, далее, на текущие и капитальные. Последние частично представляют собой обновление основного капитала в его натуральной форме и тоже падают на долю собственника, если только контракт прямо не требует противоположного. Так, например, согласно английскому праву:

«Арендатор из года в год обязан лишь содержать постройки в таком состоянии, чтобы они не пропускали ни ветра, ни дождя, поскольку это возможно без капитального ремонта; и вообще он обязан делать лишь такой ремонт, который можно назвать текущим. Но даже и в этом отношении приходится принимать во внимание время службы и общее состояние соответствующих частей здания в тот момент, когда арендатор принял их, ибо он не обязан ни заменять старый и изношенный материал новым, ни возмещать неизбежное обесценение, возникающее как результат влияния времени и регулярного использования» (Holdsworth. "Law of Landlord and Tenant", p. 90-91).

К. Маркс. Капитал. Том второй. Соч., т. 24. с. 198—199

2.3. ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА НА СТРОИТЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ И ЦЕНА ЗЕМЛИ

Метод анализа Марксом собственности на землю

Анализ земельной собственности в ее различных исторических формах лежит за рамками этой работы. Мы занимаемся ею лишь постольку, поскольку часть прибавочной стоимости, произведенной капиталом, достается земельному собственнику. Следовательно, мы исходим из того предположения, что земледелие, — точно так же, как и промышленность, — подчинено капиталистическому способу производства, то есть сельское хозяйство ведется капиталистами, которые отличаются от других капиталистов в первую очередь только тем элементом, в который вкладывается их капитал и приводимый в движение этим капиталом наемный труд. С нашей точки зрения фермер производит пшеницу и т.д. точно так же, как фабрикант — пряжу или машины... (Или вместо земледелия можно было бы взять рудники, потому что законы — те же самые).

К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25, ч. II, с. 163 и 164

К экономическому значению собственности на землю

Земельная собственность предполагает монополию известных лиц распоряжаться определенными участками земли как исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли. При таком предположении дело сводится к тому, чтобы выяснить экономическое значение, то есть использование этой монополии на основе капиталистического производства. Юридическая власть этих лиц, их власть пользоваться участками земли и злоупотреблять ими, еще ничего не решает. Использование всецело зависит от экономических условий, не зависящих от воли этих лиц.

*К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25.
ч. II, с. 165*

Определение понятия «земельная рента»

Прежде чем перейти к самому предмету, необходимо во избежание недоразумений сделать еще несколько предварительных замечаний.

Предпосылка капиталистического способа производства, стало быть, такова: действительные земледельцы суть наемные рабочие, занятые у капиталиста, арендатора, который ведет сельское хозяйство только как особую отрасль применения капитала, как приложение своего капитала к особой сфере производства. В определенные сроки, например ежегодно, этот капиталист-фермер уплачивает землевладельцу, собственнику эксплуатируемой им земли, установленную договором сумму денег (совершенно так же, как заемщик денежного капитала — определенный процент) за разрешение применить свой капитал в этой особой области производства. Эта денежная сумма называется земельной рентой, безразлично, уплачивается ли она с пахотной земли, строительного участка, рудников, рыбных угодий, лесов и т.д. Она уплачивается за все время, на которое земельный собственник по договору ссудил, сдал землю арендатору. Следовательно, земельная рента здесь есть та форма, в которой земельная собственность экономически реализуется, приносит доход [verwertet]. Далее, мы имеем здесь перед собой все три класса, которые в совокупности и в отношении друг к другу составляют остов современного общества: наемный рабочий, промышленный капиталист, земельный собственник.

*К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25,
ч. II, с. 167-168*

Улучшение земли и земельная рента

Капитал может быть фиксирован в земле, вложен в нее или на относительно короткий срок, как при улучшениях химического свойства, применении удобрений и т.д., или на более длительный срок, как при строительстве осушительных каналов, оросительных сооружений, выравнивании поверхности почвы, возведении хозяйственных построек и т.д. В другом месте я назвал капитал, вложенный таким образом в землю, *la terrecapital*. Он относится к категории основного капитала. Процент за вложенный в землю капитал и за улучшения, таким образом произведенные в ней как в средстве производства, может составлять часть той ренты, которая уплачивается фермером собственнику земли, но не это образует собственно земельную ренту, уплачиваемую за пользование землей как таковой, независимо от того, находится ли она в том состоянии, которое дано природой, или же она освоена.

К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25, ч. II, с. 168

Цена на землю как капитализированная земельная рента

Земельная рента находит выражение в определенной сумме денег, которую земельный собственник ежегодно извлекает из сдачи в аренду известного участка земли. Мы видели, как всякий определенный денежный доход может капитализоваться, то есть рассматриваться как процент на воображаемый капитал. Если, например, средняя процентная ставка 5%, то годовая земельная рента в 200 ф.ст. может рассматриваться как процент на капитал в 4000 фунтов стерлингов. Капитализированная таким образом земельная рента и образует покупную цену, или стоимость, земли, категорию, которая *prima facie*¹ столь же иррациональна, как и цена труда, так как земля не есть продукт труда, следовательно, не имеет стоимости.

К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25, ч. II, с. 172.

Платят за землю — покупают земельную ренту, которую она приносит

В самом деле, это покупная цена — не земли, а той земельной ренты, которую она приносит, — исчисленная в соответствии с обычной процентной ставкой. Но эта капитализация ренты предполагает ренту, между тем как рента не может быть выведена и

¹ — на первый взгляд. *Ред.*

объяснена в обратном порядке, из ее собственной капитализации. Напротив, ее существование, независимо от продажи, является здесь препосылкой, исходной точкой.

К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25, ч. II, с. 172

Соображения престижа и надежности капиталовложений повышают цены на землю

Смещение самой земельной ренты с той формой процента, которую она принимает для покупателя земли, — смещение, основанное на полном непонимании природы земельной ренты, — необходимо приводит к удивительнейшим ложным заключениям. Так как земельная собственность во всех старых странах считается особо почтенной формой собственности, а купля земельной собственности — особо надежным вложением капитала, то процентная ставка, на основе которой покупается земельная рента, стоит в большинстве случаев ниже, чем процентная ставка при других капиталовложениях, рассчитанных на сравнительно продолжительное время, так что, например, покупатель земли получает на покупную цену всего 4%, между тем как он получил бы на тот же капитал при ином его вложении 5%; или, что сводится к тому же, он уплачивает за земельную ренту больше капитала, чем пришлось бы ему уплатить за такой же годовой денежный доход в других областях приложения капитала.

К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25, ч. II, с. 173

К. Маркс о попытках оправдания земельной ренты

То обстоятельство, что капитализированная земельная рента представляется как цена земли, или стоимость земли, и что земля таким образом продается и покупается подобно всякому другому товару, служит для некоторых апологетов основанием для оправдания земельной собственности, так как покупатель платит за нее, как и за всякий другой товар, эквивалент, и большая часть земельной собственности перешла таким образом из рук в руки. Но в таком случае подобное соображение служило бы оправданием и для рабства, потому что для рабовладельца, заплатившего за раба наличными, выручка от рабского труда представляет лишь процент на капитал, затраченный на его покупку. Вообще выводить из купли и продажи земельной ренты оправдание ее существования — это значит оправдывать ее существование ее существованием.

К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25, ч. II, с. 173-174

Источник ренты: превращение заработной платы в земельную ренту

Но несравненно более общим и важным фактом является понижение заработной платы собственно сельскохозяйственных рабочих ниже нормального среднего уровня, так что часть заработной платы отнимается у рабочего, образует составную часть арендной платы и таким образом под видом земельной ренты достается земельному собственнику, а не рабочему.

*К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25,
ч. II, с. 176*

Случайные обстоятельства и цена на землю с памятниками архитектуры

Наконец, рассматривая формы проявления земельной ренты, то есть рассматривая арендную плату, которая уплачивается под титулом земельной ренты собственнику земли за использование земли в целях производства или потребления, необходимо помнить, что цена предметов, которые сами по себе не имеют стоимости, то есть не являются продуктами труда, как, например, земля, или, по крайней мере, не могут быть воспроизведены трудом, как, например, памятники древности, художественные произведения определенных мастеров и т.д., может определяться весьма случайными обстоятельствами. Чтобы продать вещь, для этого не требуется ничего иного, как только чтобы она способна была сделаться объектом монополии и отчуждения.

*К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25,
ч. II, с. 183*

Земельная рента — продукт прибавочного труда

Всякая земельная рента есть прибавочная стоимость, продукт прибавочного труда. <...> Естественная производительность сельскохозяйственного труда (куда в данной связи относится простое собирательство: охота, рыболовство, разведение скота) является основой всякого прибавочного труда, так как первоначально всякий труд в первую очередь направлен на присвоение и производство продуктов питания. (Но животные доставляют в то же время шкуру для защиты от холода в условиях холодного климата; кроме того, пещеры используются под жилье и т.д.).

*К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25,
ч. II, с. 184 и 182*

Совокупный общественный труд увеличивает земельную ренту и цену земли

В ходе общественного развития величина земельной ренты (а вместе с ней и стоимость земли) развивается как результат совокупного общественного труда. С одной стороны, с общественным развитием возрастают рынок и спрос на продукты земли, с другой стороны — спрос непосредственно на самою землю как непереносимое условие производства для всевозможных, даже и не земледельческих отраслей хозяйства.

*К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25,
ч. II, с. 187*

О дифференциальной ренте

Чтобы показать общий характер этой формы земельной ренты, предположим, что подавляющее большинство фабрик в известной стране приводится в движение паровыми машинами, а определенное меньшинство — естественными водопадами. ...

Какому обстоятельству обязан фабрикант в данном случае своей добавочной прибылью, то есть тем избытком, который дает ему лично цена производства, регулируемая общей нормой прибыли?

В первую очередь — естественной силе, двигательной силе водопада, который дан природой и этим отличается от угля, который превращает воду в пар и который сам есть продукт труда, поэтому имеет стоимость, должен быть оплачен эквивалентом, стоит определенных издержек. Водопад — такой естественный фактор производства, на создание которого не требуется труда...

Теперь, если мы представим себе, что земля вместе с водопадами находится в руках тех лиц, которые считаются владельцами этих участков земли, земельных собственников, то мы увидим, что они не допускают применение капитала к водопаду, использование последнего посредством капитала. Они могут разрешить и не разрешить его использование. Но капитал не может создать водопад из себя. Поэтому добавочная прибыль, происходящая от этого пользования водопадом, возникает не из капитала, а из применения капиталом этой могущей быть монополизированной и фактически монополизированной естественной силы. При таких обстоятельствах добавочная прибыль превращается в земельную ренту, то есть она достается собственнику водопада.

*К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25,
ч. II, с. 190, 193, 196-197*

Выводы из предыдущего

Во-первых: очевидно, что эта рента всегда является дифференциальной рентой, потому что она не принимает участия в образовании общей цены производства товара, но предполагает ее. Она всегда возникает из разности между индивидуальной ценой производства, получающейся для отдельного капитала, который располагает монополизированной естественной силой, и общей ценой производства для капитала, вообще вложенного в соответствующую сферу производства.

Во-вторых: эта земельная рента возникает не вследствие абсолютного повышения производительной силы примененного капитала или присваиваемого им труда, — что вообще могло бы лишь уменьшить стоимость товаров, а вследствие относительно большей производительности определенных отдельных капиталов, вложенных в известную сферу производства, по сравнению с теми капиталами, которые не могут воспользоваться такими исключительными, создаваемыми природой благоприятными условиями повышения производительной силы. ...

В-третьих: сила природы — не источник добавочной прибыли, а лишь ее естественный базис, которым она служит будущим естественным базисом исключительно высокой производительной силы труда. ...

В-четвертых: земельная собственность на водопад сама по себе не имеет никакого отношения к созданию прибавочной стоимости (прибыли), а потому и вообще цены товара, который производится с помощью водопада. Эта добавочная прибыль существовала бы и в том случае, если бы не было никакой земельной собственности, если бы, например, земля, принадлежностью которой является водопад, использовалась фабрикантом как земля, не имеющая хозяина. Следовательно, земельная собственность не создает той части стоимости, которая превращается в добавочную прибыль, а лишь дает земельному собственнику, собственнику водопада, возможность переложить эту добавочную прибыль из кармана фабриканта в свой собственный. Земельная собственность — причина не создания этой добавочной прибыли, а ее превращения в форму земельной ренты, следовательно, присвоения этой части прибыли или цены товара собственником земли или водопада.

В-пятых: очевидно, прежде всего, что цена водопада, то есть цена, которую получил бы земельный собственник, если бы он продал его третьему лицу или самому фабриканту, не входит в цену производства товаров, хотя входит в индивидуальные издержки производства у данного фабриканта, потому что рента возникает здесь из регулируемой независимо от водопада цены производства товаров того же рода, производимых при помощи паровых машин. Но, далее, эта цена водопада вообще является иррациональным выражением скрывающегося за ним реального

экономического отношения. Водопад, как и земля вообще, как и все силы природы, не имеет никакой стоимости, потому что в нем не овеществлено никакого труда, а потому он не имеет и цены, которая нормально есть не что иное, как выраженная в деньгах стоимость. Там, где нет стоимости, там *eo ipso*¹ и нечего представлять в деньгах. Цена водопада есть не что иное, как капитализированная рента. Земельная собственность дает собственнику возможность присваивать разность между индивидуальной прибылью и средней прибылью; присваиваемая таким образом прибыль, которая возобновляется ежегодно, может быть капитализирована и тогда она выступает как цена самой силы природы.

*К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25.
ч. II, с. 197-199*

Два вида дифференциальной ренты

... Образование добавочной прибыли может происходить различными путями. С одной стороны, на базе дифференциальной ренты I, то есть на базе затраты совокупного земледельческого капитала на земельной площади, состоящей из различных по плодородию земель. Далее, в виде дифференциальной ренты II, на базе различной дифференциальной производительности последовательных затрат капитала на одной и той же земле, то есть на базе большей производительности ...

*К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25.
ч. II, с. 283*

Абсолютная земельная рента и строительство

Одна лишь юридическая собственность на землю не создает земельной ренты для собственника. Но зато она наделяет его властью воздерживаться от эксплуатации своей земли до тех пор, пока экономические отношения не сделают возможным такое использование ее, которое принесет ему известный избыток, независимо от того, найдет ли земля применение для собственно земледелия или для иных производственных целей, как строения и т.д. <...>

Земельная собственность служит здесь барьером, который, если не уплачивается пошлина, то есть не взимается рента, не допускает никакой новой затраты капитала на невозделанной до того времени или не сданной в аренду земле ... <...> Строительству домов вообще ставится граница земельной собственностью третьего лица на тот участок, на котором должен быть

построен дом. Но раз эта земля арендована под строительство домов, от арендатора уже зависит, построит он на ней высокий или низкий дом.

К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25, ч. II, с. 316, 321, 325

Рента с незаселенных домов

Но между новой землей и последней из возделанных все еще остается разница издержек, которые требуются для того, чтобы сделать первую пригодной к возделыванию, и от состояния рыночных цен и отношений кредита зависит, будут ли они произведены или нет. Когда эта земля действительно примет участие в конкуренции, рыночная цена при прочих равных условиях опять понизится до своего прежнего уровня, после чего вновь вступившая земля будет приносить такую же ренту, как соответствующая ей старая. Предположение, будто она не будет приносить ренты, доказывается его сторонниками таким образом, что они просто принимают то, что требуется доказать, а именно: что последняя земля не принесла ренты. Таким способом можно было бы доказать, что последние из построенных домов, кроме самой платы за аренду дома, не приносят никакой ренты, хотя и сдаются внаем. Между тем факт таков, что они приносят ренту, еще не принося указанной платы, коль скоро они, часто в течение долгого времени, остаются незанятыми.

К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25, ч. II, с. 331

Рента за строительные участки — дань за право жить на земле

Повсюду, где силы природы могут быть монополизированы и обеспечивают применяющему их промышленнику добавочную прибыль, — будет ли то водопад, или богатый рудник, или богатая рыбой вода, или хорошо расположенное строительное место, — лицо, признаваемое в силу своего титула на часть земли собственником этих предметов природы, улавливает у функционирующего капитала эту добавочную прибыль в форме ренты. Что касается земли, предназначенной для строительных целей, то А. Смит показал, каким образом рента с этой земли, как и с других неземледельческих участков, регулируется в своей основе собственно земледельческой рентой (A. Smith. «An Ynquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». London, 1776, book I, ch. XI, 2 and 3). Эта рента характеризуется, во-первых, тем преобладаю-

щим влиянием, которое здесь на дифференциальную ренту оказывает местоположение (оно очень важно, например, при возделывании винограда и для строительных участков в больших городах); во-вторых, очевидной и полной пассивностью собственника, активность которого заключается (в особенности по отношению к рудникам) просто в эксплуатации общественного прогресса, в который собственник ничего не привносит и в котором он ничем не рискует, — хотя бы в той мере, как промышленный капиталист; и, наконец, преобладанием монопольной цены во многих случаях, особенно в случаях самой бесстыдной эксплуатации бедности (потому что бедность — более богатый источник для ренты с домов, чем рудники Потоси когда-либо были для Испании), и той чудовищной властью, которую дает эта земельная собственность, когда она, будучи соединена в одних руках с промышленным капиталом, практически позволяет промышленному капиталу устранять с земли, как места жительства, тех рабочих, которые вступают в борьбу из-за заработной платы. Одна часть общества требует в этом случае от другой дани за право жить на земле, как и вообще земельная собственность включает право собственников эксплуатировать землю, ее недра, воздух, а вместе с тем все необходимое для сохранения и развития жизни.

К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25, ч. II, с. 334-335.

Строительная рента растет с увеличением потребности в жилье

Строительную ренту необходимо повышает не только рост населения и возрастающая вместе с ним потребность в жилищах, но и рост основного капитала, который или присоединяется к земле или размещен на ней, покоится на ней, как все промышленные строения, железные дороги, товарные склады, фабричные здания, доки и т.д. Смещение платы за наем, поскольку она представляет процент за амортизацию капитала, вложенного в дом, с рентой просто на землю невозможно здесь даже при всем добром желании Кэри, в особенности в тех случаях, когда, как в Англии, земельный собственник и строительный спекулянт суть совершенно разные лица. В этом случае следует принимать во внимание два момента: с одной стороны, эксплуатация земли в целях производства или добывающей промышленности, с другой — земля представляет собой пространство, которое необходимо как условие всякого производства и всякой человеческой деятельности. И в том и в другом случае земельная собственность требует своей дани.

Спрос на строительные участки повышает стоимость земли

Спрос на строительные участки повышает стоимость земли как пространства и основы, и в то же время благодаря этому возрастает спрос на элементы земли, которые служат строительным материалом.¹

*К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25,
ч. II, с. 335*

Цель строительства фабричным способом при капитализме — не собственно дом, а земельная рента

В «Капитале», кн. II, гл. XII, в показаниях Эдуарда Кэпса, крупного лондонского строительного спекулянта, перед банковской комиссией 1857 г. приводится пример того, как в быстро развивающихся городах, особенно когда строительство ведется, как в Лондоне, фабричным способом, главным предметом строительной спекуляции становится собственно не дом, а земельная рента. Кэпс говорит там [В. А. 1857] № 5435:

«Я полагаю, что человек, желающий преуспевать, едва ли может рассчитывать, что он будет преуспевать, ведя только солидное дело (fair trade) ... ему необходимо, кроме того, строить для спекуляции, и притом в крупном масштабе: потому что предприниматель извлекает очень мало прибыли из самих зданий, свою главную прибыль он извлекает из повышения земельной ренты. Пусть, например, он арендует участок земли и уплачивает за него 300 ф. ст. в год; если он по тщательно разработанному проекту построит на этом участке дома надлежащей категории, то ему, быть может, удастся получать за это 400 или 450 ф. ст. в год, и его прибыль в несравненно большей мере заключалась бы в увеличении земельной ренты на 100 или 150 ф. ст. в год, чем в прибыли от строений, которую он во многих случаях едва ли даже принимает в расчет».

*К. Маркс. Капитал. Том третий. Соч., т. 25,
ч. II, с. 335-336*

К. Маркс об экономической целесообразности ликвидации частной собственности на землю и земельной ренты

Рикардо, создатель современной политической экономии в Великобритании, не полемизировал против «права» лендлордов, поскольку он был вполне убежден, что их притязания основаны на

¹ «Настилка мостовых в Лондоне дала возможность собственникам голых сквал на побережье Шотландии извлекать ренту из абсолютно бесполезной до того времени каменистой почвы» (A. Smith "An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations". Vol. I, London, 1776, book I, ch. XI, p. 204-205).

факте, но не на праве, а политическая экономия вообще не занимается вопросами права. Рикардо атаковал монополию на землю более простым, но зато более научным и потому более опасным способом. Он доказывал, что частная собственность на землю, в отличие от соответствующих требований сельскохозяйственного рабочего и фермера-арендатора, является отношением совершенно излишним и несовместимым со всей системой современного производства; что земельная рента — экономическое выражение этих отношений — могла бы с большой выгодой быть присвоена государством; что, наконец, интересы лендлорда противоположны интересам всех других классов современного общества.

К. Маркс. Индийский вопрос. — Ирландское арендное право. Соч., т. 9, с. 165

Рост квартирной платы в результате роста земельной ренты

И если для дома тем временем «первоначальные издержки покрываются 5 и 10 раз», то мы увидим, что это произошло просто вследствие роста земельной ренты; это ни для кого не секрет в таких местах, как Лондон, где землевладелец и домовладелец — большей частью два разных лица. Такой колоссальный рост наемной платы происходит в быстро растущих городах¹, но не где-нибудь в деревне, где земельная рента со строительных участков остается почти неизменной. Общеизвестно, что за вычетом повышений земельной ренты квартирная плата в среднем приносит домовладельцу ежегодно не свыше 7% вложенного капитала (включая прибыль), причем из этой суммы нужно еще покрывать издержки на ремонт и тому подобное.

Ф. Энгельс. К жилищному вопросу. Соч., т. 18, с. 266-267

Спекулятивные цены на землю и рост квартирной платы

Лондон занимает первое место по переполненности жилых помещений или даже по абсолютной непригодности их для человеческого жилья.

«Несомненно два обстоятельства», — говорит д-р Хантер, — «во-первых, в Лондоне имеется около 20 больших поселений, каждое приблизительно по 10 000 человек, бедственное положение которых превосходит все, что когда-либо было выдано в Англии, и положение это почти всецело является результатом плохого устройства жилищ: во-вторых, переполненность и ветхость домов в этих поселениях теперь гораздо больше, чем 20 лет тому назад». «Не будет преувеличением сказать, что жизнь во многих частях Лондона и Ньюкасла — адская».

¹ В газете «*Volkstaat*» напечатано: «в быстро растущих крупных городах».

Но и находящаяся в относительно лучшем положении часть рабочего класса, а также мелкие лавочники и другие элементы мелкой буржуазии в Лондоне все более подпадают под проклятие этих отвратительных жилищных условий по мере того, как прогрессируют «улучшения», а вместе с ними снос старых улиц и домов, по мере того, как растет число фабрик и увеличивается приток людей в столицу, — наконец, по мере того, как вместе с городской земельной рентой повышается и квартирная плата.

«Квартирная плата сделалась настолько непомерной, что лишь немногие рабочие могут оплачивать более одной комнаты».

В Лондоне нет почти ни одного домовладения, которое не было бы опутано огромным количеством «middlemen» [«посредников»]. Цена земли в Лондоне всегда чрезвычайно высока по сравнению с ее годовой доходностью, в собственности потому, что каждый покупатель рассчитывает на то, чтобы раньше или позже разделаться с ней по *Yury Price* (по таксе, устанавливаемой при экспроприациях присяжными) или же выиграть от чрезвычайного повышения ее стоимости благодаря соседству с каким-нибудь крупным предприятием. Следствием является постоянная скупка договоров об аренде, срок которых близится к окончанию.

К. Маркс. Капитал. Том первый. Соч., т. 23, с. 673-674

Спекулятивное строительство

Предприниматель работает теперь уже не на заказчиков, а на рынок; подобно всякому другому промышленнику, он должен иметь на рынке готовые товары. Если прежде предприниматель строил со спекулятивными целями одновременно каких-нибудь три-четыре дома, то теперь он должен купить (т.е. употребляя распространенный на континенте способ выражения, арендовать обычно на 99 лет) значительный участок земли и возвести на нем 100 или 200 домов, пускаясь, таким образом, в предприятие, превосходящее в двадцать—пятьдесят раз размеры его состояния. Средства получают под залог недвижимого имущества, причем в распоряжении предпринимателя деньги поступают в той мере, в какой продвигается вперед постройка отдельных домов. Если наступает кризис, приостанавливающий уплату очередных авансов, то обычно терпит крах все предприятие; в лучшем случае дома остаются недостроенными до наступления более благоприятного времени, в худшем случае они продаются за молотка за полцены. Без спекулятивных построек, и притом в крупном масштабе, не может преуспеть ни один предприниматель. Прибыль от самой постройки в высшей степени мала; источник главной выгоды предпринимателя

состоит в повышении земельной ренты, в искусном выборе и использовании застраиваемой площади. Путем таких спекулятивных операций, предвосхищающих спрос на дома, была застроена вся Бельгравия и Тибурния, а также построены многие тысячи вилл в окрестностях Лондона.

К. Маркс. *Капитал*. Том второй. Соч., т. 24, с. 263-264

Доля земельной ренты в квартирной плате

О ренте с домов А. Смит говорит:

«Вся та часть ренты с домов, которая остается *после вычета* того, что *достаточно* для получения этой умеренной прибыли» (собственником дома, построившим этот дом). «приходится, естественно, на ренту с застроенных участков земли; и когда собственник земли и собственник дома — два различных лица, эта часть в большинстве случаев полностью уплачивается первому. Дома, находящиеся на значительном расстоянии от больших городов, в сельских местностях, где возможен широчайший выбор свободной земли, дают крайне незначительную земельную ренту — не больше того, что приносила бы земля, на которой стоит дом, если бы эта земля была использована для земледелия» (книга V, гл. 2) [Русский перевод, т. II, с. 354-355].

При земельной ренте с домов *местоположение* имеет такое же решающее значение для дифференциальной ренты, какое имеет для нее — при ренте в земледелии — плодородие (и местоположение) земли.

К. Маркс. *Теории прибавочной стоимости* (IV том «Капитала»). Соч., т. 26, ч. II, с. 402-403

Собственник земли и земельная рента

«Земельная рента», рассматриваемая в качестве цены, уплачиваемой за пользование землей, есть, таким образом, конечно, *монопольная цена*. Она отнюдь не пропорциональна улучшениям, внесенным в землю земельным собственником, или тому, что последний должен забрать себе, чтобы не быть в убытке, но она соответствует тому, что может дать арендатор без убытка для себя». ...

Мы уже слышали, что величина земельной ренты зависит от степени *плодородия* почвы.

Другой момент, определяющий ее, это — *местоположение*.

К. Маркс. *Экономическо-философские рукописи 1844 года*. Соч., т. 42, с. 73

Земельная рента и строительные материалы

Земельная рента может выплачиваться не со всех товаров. Так, например, за камни в некоторых местностях земельной ренты не платят.

К. Маркс. *Экономическо-философские рукописи 1844 года*. Соч., т. 42, с. 75

Рост земельной ренты и рост квартирной платы

К числу тех *продуктов*, которые всегда приносят *земельную ренту*, принадлежат *предметы питания*.

... «Земельная рента не только имеет своим первоисточником продукты питания; однако если в дальнейшем и другие продукты земли начинают приносить ренту, этой прибавкой стоимости получатель ренты обязан опять-таки росту производительной силы труда, производящего пищевые продукты, являющемуся результатом прогресса в обработке и улучшении почвы» (*Smith*. Т. I, р. 345) [Русский перевод, с. 135]. «Итак, пищевые продукты всегда дают возможность уплаты земельной ренты» (т. I, р. 337) [Русский перевод, с. 132]. «Численность населения страны соответствует не тому количеству людей, которое данная страна может одеть и разместить в жилищах, а тому количеству, которое она может прокормить своим продуктом» (*Smith*. Т. I, р. 342) [Русский перевод, с. 134].

«Две важнейшие человеческие потребности после питания — это потребности в одежде и в жилище» (с отоплением). В большинстве случаев предметы, служащие для удовлетворения этих потребностей, приносят земельную ренту, но это бывает не всегда обязательно (*ibid.*, т. I, р. [337]-338) [Русский перевод, с. 133]. [VI].

[VIII] Посмотрим теперь, как собственник земли эксплуатирует все выгоды общества.

1) Земельная рента увеличивается с ростом населения (*Smith*. Т. I, р. 335) [Русский перевод, с. 132].

2) Мы слышали уже от Сэя, как увеличивается земельная рента с проведением железных дорог и т.д., по мере совершенствования, увеличения безопасности и расширения средств сообщения.

3) «Всякое улучшение в условиях жизни общества имеет тенденцию *прямо* или *косвенно* повышать земельную ренту, увеличивать реальное богатство земельного собственника, т.е. его способность покупать чужой труд или его продукт ... Прогресс в мелиорации и в возделывании почвы ведет к этому *прямым* путем. С возрастанием продукта необходимо возрастает и доля земельного собственника в этом продукте ... Таким образом, остающаяся доля продукта, принадлежащая земельному собственнику, будет, по сравнению с совокупным продуктом, теперь гораздо больше, чем раньше» (*Smith*. Т. II, р. 157-159) [Русский перевод, с. 193].

[IX] Увеличение спроса на сырье и вытекающее отсюда повышение его стоимости частично может быть результатом роста населения и возрастания его потребностей. Но и каждое новое изобретение, каждое новое применение промышленностью вовсе не 169

использовавшегося раньше или мало использовавшегося сырья увеличивает земельную ренту. Так, например, с появлением железных дорог, пароходов и т.д. земельная рента с каменноугольных копей неимоверно возросла.

Кроме этой выгоды, извлекаемой земельным собственником из промышленности, из открытий, из труда, мы сейчас увидим еще и другую выгоду.

4) «Те способы повышения производительной силы труда, которые непосредственно ведут к понижению действительной цены промышленных изделий, косвенно приводят к повышению действительной земельной ренты. На изделия промышленности земельный собственник меняет именно ту часть своего сырого продукта, которая остается от его личного потребления, или цену этой части. Все, что уменьшает действительную цену продуктов промышленности, увеличивает действительную цену продуктов сельского хозяйства. Отныне то же количество сырого продукта будет соответствовать уже большему количеству продуктов промышленности, и земельный собственник получает возможность доставлять себе больше удобств, приобретать больше украшений и предметов роскоши» (*Smith. Т. II, p. 159*) [Русский перевод, с. 193].

Но когда Смит на том основании, что земельный собственник эксплуатирует все выгоды общества, [X] заключает (т. II, p. 161) [Русский перевод, с. 194], что интерес земельного собственника всегда идентичен интересу общества, то это нелепо. Согласно политической экономии, при господстве частной собственности заинтересованность индивидуума в обществе прямо противоположна заинтересованности общества в нем, подобно тому как заинтересованность ростовщика в расточителе отнюдь не идентична интересам расточителя.

Мы лишь мимоходом упомянем о страсти земельного собственника к монополии, направленной против земельной собственности зарубежных стран; отсюда ведут начало, например, хлебные законы. Точно так же мы здесь не будем говорить о средневековом крепостничестве, о рабстве в колониях, о нищете сельскохозяйственных рабочих в Великобритании. Будем придерживаться положений самой политической экономии.

1) Земельный собственник заинтересован в благосостоянии общества, гласят положения политической экономии; он заинтересован в росте населения, промышленной продукции, в умножении потребностей общества, одним словом, в росте его богатства, а этот рост, как мы видели из предыдущего, идентичен росту нищеты и рабства. Связь между растущей квартирной платой и ростом нищеты является примером заинтересованности земельного собственника в обществе, ибо с ростом квартирной платы увеличивается земельная рента — процент на ту землю, на которой стоит дом.

3. ГОРОД И ДЕРЕВНЯ

3.1. РАЗЛИЧИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ

Отделение города от деревни

Разделение труда в пределах той или иной нации приводит прежде всего к отделению промышленного и торгового труда от труда земледельческого и, тем самым, к отделению *города* от *деревни* и к противоположности их интересов.

*К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Соч., т. 3, с. 20*

Формирование противоположности между городом и деревней

Наибольшее разделение материального и духовного труда, это — отделение города от деревни. Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству, от местной ограниченности к нации и проходит через всю историю цивилизации вплоть до нашего времени (Лига против хлебных законов).

Вместе с городом появляется и необходимость администрации, полиции, налогов и т.д. — словом общинного политического устройства, а значит и политики вообще. Здесь впервые сказалось разделение населения на два больших класса, непосредственно основанное на разделении труда и на орудиях производства. Город уже представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне наблюдается диаметрально противоположный факт — изолированность и разобщенность. Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности. Она выражает в наиболее резкой форме подчинение индивида разделению труда и определенной, навязанной ему деятельности, — подчинение, которое одного превращает в ограниченное городское животное, а другого — в ограниченное деревенское животное и ежедневно заново порождает противоположность между их интересами. Труд опять-таки здесь самое главное, он есть та сила, которая стоит *над* индивидами; и пока эта сила

существует, до тех пор должна существовать и частная собственность. Уничтожение противоположности между городом и деревней есть одно из первых условий общественного единства, — условие, которое, в свою очередь, зависит от множества материальных предпосылок и которое, как это видно уже с первого взгляда, не может быть осуществлено одной только волей. (Эти условия следует еще подробно рассмотреть). Отделение города от деревни можно рассматривать также и как отделение капитала от земельной собственности, как начало независимого от земельной собственности существования и развития капитала, т.е. собственности, основанной только на труде и обмене.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3, с. 49-50

Рост городов и городского населения за счет сельского

Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни. Так же как деревню она сделала зависимой от города, так варварские и полуварварские страны она поставила в зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы — от буржуазных народов, Восток — от Запада.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4, с. 428

Буржуазная централизация и крестьянство в Швейцарии

Наконец, *Швейцария*. Впервые за все время своего существования Швейцария сыграла определенную роль в системе европейских государств; впервые она отважилась на решительное действие, впервые набралась храбрости выступить не как агломерат из двадцати двух совершенно чуждых друг другу кантонов, а в качестве федеральной республики. Она обеспечила в результате весьма энергично пресеченной гражданской войны верховенство центральной власти, одним словом, она централизовалась. Фактически осуществленная централизация будет ею узаконена посредством предстоящей реформы союзного договора ...

Швейцарские буржуа имели уже раньше почти во всех кантонах довольно значительную свободу действий в области торговли и промышленности. Цехи, в том виде, в каком они еще сохранились, мало мешали развитию буржуазии. Внутренних таможен почти совсем не существовало. Там, где буржуазия успела до некоторой степени развиться, политическая власть находилась в ее руках.

Но, в то время как в отдельных кантонах она преуспевала и находила здесь поддержку, ей недоставало как раз самого главного — централизации. Если феодализм, патриархальщина и мещанство развиваются в изолированных провинциях и в отдельных городах, то буржуазия требует для своего развития возможно большей территории, вместо двадцати двух маленьких кантонов ей необходима была одна большая Швейцария. Суверенность кантонов, наиболее подходящая политическая форма для *старой* Швейцарии, стала для буржуа тяжелыми окозами. Буржуа нуждался в центральной власти, которая была бы достаточно сильной, чтобы направлять законодательство отдельных кантонов по определенному пути и, опираясь на свое преобладающее влияние, сглаживать различия в их государственном устройстве и в законах. Эта власть должна была устранить остатки феодального, патриархального и мещанского законодательства и энергично отстаивать интересы швейцарских буржуа во внешних сношениях.

Такую центральную власть и удалось завоевать буржуазии. Но разве в свержении Зондербунда не участвовало также и крестьянство? — Несомненно, участвовало. Что касается крестьян, то по отношению к буржуа они пока будут продолжать играть ту же роль, которую они так долго играли по отношению к мелким буржуа. Они будут оставаться орудием, эксплуатируемым буржуа, будут вести за них их сражения, ткать для них ситцы и левты, пополнять ряды их пролетариата. Да и что же им остается делать? Будучи собственниками, как и буржуа, крестьяне имеют с ними пока что почти во всем общие интересы. Все политические мероприятия, которые они в состоянии осуществить, принесут буржуа бóльшую пользу, чем им самим. Но, по сравнению с буржуа, крестьяне слабы, ибо первые гораздо богаче и держат в своих руках рычаг всякой политической власти в наш век — промышленность. Вместе с буржуа крестьяне могут добиться многого, против буржуа — ничего.

Без сомнения, придет время, когда разоренная, обедневшая часть крестьян присоединится к пролетариату, который к тому времени достигнет более высокой ступени развития, и объявит войну буржуазии; но не об этом идет теперь речь.

Ф. Энгельс. Движения 1847 года. Соч., т. 4, с. 464-465

Географические условия, влияющие на развитие промышленности и городов

Несомненно одно: ни для одной страны бурный поток революции и трехкратное нашествие Наполеона не прошли так бесследно, как для Австрии. Несомненно также, что ни в одной стране феодализм, патриархальщина и рабски покорное мещанство, охраняемые отеческой дубинкой, не сохранились в столь неприкосновен-

ном и цельном виде, как в Австрии. Но разве все это дело рук Меттерниха?

На чем основывается могущество, живучесть, устойчивость австрийского дома?

В то время как во второй половине средневековья Италия, Франция, Англия, Бельгия, а также северная и западная Германия одна за другой высвобождались из феодального варварства, в то время как там развивалась промышленность, расширялась торговля, возвышались города и горожане приобретали политический вес, — в это же самое время часть Германии отстала от уровня развития Западной Европы. Буржуазная цивилизация распространялась вдоль морских берегов и по течению больших рек. Земли же, лежащие далеко от моря, и особенно неплодородные и труднопроходимые горные местности, оставались убежищем варварства и феодализма. Это варварство сосредоточивалось особенно в южногерманских и южнославянских странах, отдаленных от моря.

Ф. Энгельс. Начало конца Австрии. Соч., т. 4, с. 471-472

Капитализм и подчинение деревни городу

1846 год вскрыл во всей наготе те *материальные классовые интересы*, которые составляют *действительную основу* партии тори. 1846 год сорвал с тори освященную традицией львиную шкуру, под которой до сих пор скрывались классовые интересы этой партии. 1846 год превратил тори в *протекционистов*. Слово «тори» было священным именем, — «протекционисты» стало житейским прозвищем; «тори» звучало как политический боевой клич, «протекционист» звучит как экономический вопль отчаяния; «тори», казалось, обозначало идею, принцип, «протекционист» выражает материальные интересы. Чему покровительствуют эти сторонники покровительственных пошлин? Своим собственным доходам, ренте со своих собственных земель. Таким образом, тори, в конечном счете, являются такими же буржуа, как и прочие; разве есть на свете такой буржуа, который не покровительствовал бы собственному кошельку? От других буржуа тори отличаются в той же мере, в какой земельная рента отличается от торговой и промышленной прибыли. Земельная рента консервативна, — прибыль выступает как сторонница прогресса; земельная рента национальна, — прибыль космополитична; земельная рента верует в государственную церковь, — прибыль же от рождения является диссиденткой. Отмена хлебных законов в 1846 г. была лишь признанием уже свершившегося факта, давно уже происшедшего изменения в элементах английского гражданского общества, а именно: подчинения интереса землевладения интересам денежных кругов, земельной собственности — торговле, сельского хозяйства — фабричной промышленности, деревни — городу. Как можно еще сомневаться в

этом факте, когда сельское население Англии количественно относится к городскому, как один к трем? Материальной основой могущества тори являлась земельная рента. Земельная рента регулируется ценами на продукты питания, цены же эти искусственно удерживались на высоком уровне при помощи хлебных законов. Отмена хлебных законов понизила цены на продукты питания, что, в свою очередь, понизило земельную ренту, а с падением ренты рушилась и реальная мощь тори, на которой покоилось их политическое могущество.

К. Маркс. Выборы в Англии. — Тори и виги. Соч., т. 8, с. 354

Различия между городом и деревней в промышленно отсталой стране

Основная масса швейцарского населения занимается либо скотоводством, либо земледелием; скотоводством — в высокогорных районах, а земледелием — там, где это позволяет состояние почвы. Пастушеские племена, — мы вполне можем назвать их племенами, — принадлежат к числу наименее цивилизованных слоев европейского населения. Если они и не рубят голов и не отрезают ушей, подобно туркам и черногорцам, то они совершают акты не меньшего варварства на своих судебных собраниях. На какую свирепость и зверскую жестокость они способны — достаточно доказали швейцарские наемники в Неаполе и в других местах. Земледельческое население так же косно, как и пастушеское; оно не имеет ничего общего с земледельческим населением американского Дальнего Запада, для которого перемены являются подлинным источником существования и которое каждый год расчищает земельную площадь, намного превосходящую всю территорию Швейцарии. Швейцарский крестьянин обрабатывает тот же клочок земли, который до него обрабатывали его отец и дед; он обрабатывает его так же небрежно, как и они, и выручает с него приблизительно столько же; он живет примерно так же, как жили они, а потому и мыслит почти совершенно одинаковым образом. Если бы не феодальные повинности и поборы, взимаемые с крестьян частью аристократическими семьями, частью городскими патрицианскими корпорациями, швейцарское крестьянство постоянно оставалось бы таким же косным в политической жизни, каким до сего дня остаются его соседи — пастухи. Третья составная часть швейцарского народа — промышленное население, — естественно, продвинулась по пути цивилизации гораздо дальше, чем оба упомянутых класса, но и она живет в условиях, лишаящих ее в значительной степени того гигантского прогрессивного воздействия, которое оказала на Западную Европу современная промышленная система. Использование пара почти неизвестно в Швейцарии; крупные фабрики имеются лишь в немногих местностях; дешевизна рабочих рук, редкость 175

населения, обилие небольших горных рек, пригодных для постройки мельниц, — все это, а также многие другие обстоятельства способствуют созданию мелкой и разбросанной промышленности, тесно переплетенной с сельским хозяйством, что является наиболее подходящим для Швейцарии типом промышленной жизни. Так, в некоторых кантонах развита часовая и ленточная промышленность, производство соломенных изделий и вышивок и т.д., но это не привело ни к возникновению новых, ни даже к росту имеющихся городов; Женева и Базель, два богатейших и вместе с Цюрихом наиболее развитых в промышленном отношении города, почти не расширились за целые столетия. Если, таким образом, промышленность в Швейцарии существует почти исключительно в той форме, которая была распространена в Европе до изобретения паровой машины, то как можно ожидать, что в умах производительного населения мы обнаружим какие-либо другие идеи, кроме тех, которые соответствуют этому уровню. Если пар не революционизировал швейцарское производство и способы сообщения, то мог ли он вызвать переворот в традиционном образе мышления?

Ф. Энгельс. Политическое положение Швейцарской республики. Соч., т. 9, с. 92-93

Бонапартизм и государственные строительные работы в больших городах

Но существует еще один вид реакции, который за последнее время имел большой успех и очень в моде в определенных кругах; это тот вид реакции, который в настоящее время называют бонапартизмом. Бонапартизм является необходимой государственной формой в такой стране, где рабочий класс, который достиг в городах высокой ступени своего развития, но в деревне численно перевешивается мелким крестьянством, оказался побежденным в великой революционной битве классом капиталистов, мелкой буржуазией и армией. Когда во Франции парижские рабочие были побеждены в гигантской битве в июне 1848 г., одновременно и буржуазия была совершенно истощена этой победой. Она сознавала, что второй такой победы выдержать не сможет. Номинально она еще господствовала, но была слишком слаба для господства. На первый план выдвинулась армия, — настоящей победитель, — опирающаяся на класс, из которого она преимущественно рекрутировалась, на мелких крестьян, желавших отдохнуть от городских смутяинов. Формой этого господства был, само собой разумеется, военный деспотизм, его естественным шефом — прирожденный наследник его, Луи Бонапарт.

Отношение бонапартизма как к рабочим, так и к капиталистам характеризуется тем, что он препятствует им наброситься друг на друга. Это означает, что он защищает буржуазию от насильственных нападений рабочих, поощряет мелкие мирные стыч-

ки между обоими классами, а во всем остальном лишает как тех, так и других всяких признаков политической власти. Ни права союзов, ни права собраний, ни свободы печати; всеобщее избирательное право — но под таким бюрократическим гнетом, что оппозиционные выборы почти невозможны; засилие полиции, невиданное до сих пор даже в полицейской Франции. Наряду с этим происходит прямой *подкуп* некоторой части как буржуазии, так и рабочих; первых — путем колоссальных кредитных мошенничеств, при помощи которых деньги мелких капиталистов перекачиваются в карманы крупных; вторых — путем колоссальных государственных строительных работ, которые рядом с естественным, самостоятельным пролетариатом концентрируют в больших городах пролетариат искусственный, связанный с империей, зависимый от правительства. Наконец, льстят чувству национальной гордости посредством мнимо-героических войн, которые, однако, всегда ведутся с высочайшего дозволения Европы против общего в данный момент козла отпущения, да и то лишь при том условии, что победа заранее обеспечена.

Самое большее, что при таком правительстве достается и рабочим и буржуазии, это то, что они отдыхают от борьбы, что промышленность — при прочих благоприятных условиях — сильно развивается, что, следовательно, создаются элементы для новой и более ожесточенной борьбы и что эта борьба вспыхивает, как только перестает существовать потребность в такой передышке. Было бы верхом глупости ожидать большего для рабочих от правительства, которое как раз для того только и существует, чтобы держать рабочих в узде по отношению к буржуазии.

Ф. Энгельс. Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия. Соч., т. 16, с. 71-72

О приобщении сельскохозяйственных рабочих к движению городских рабочих

В Германии сельского населения вдвое больше, чем городского, то есть в Германии 2/3 населения живет земледелием и 1/3 промышленностью. И так как крупное землевладение является в Германии правилом, а мелкий парцелльный крестьянин — исключением, то, иными словами, это значит, что если 1/3 рабочих находится под командой капиталистов, то 2/3 находятся *под командой феодальных господ*. Пусть же люди, которые все время нападают на капиталистов, но не находят ни одного негодующего словечка против феодалов, хорошенько поймут это. В Германии феодалы эксплуатируют вдвое большее количество рабочих, чем буржуазия; они являются в Германии точно такими же прямыми противниками рабочих, как и капиталисты. Но это далеко еще не все. Патриархальное ведение хозяйства в старых феодальных имениях приводит к наследственной зависимости сельского батрака или безземель-

ного крестьянина [Häusler] от его «милостивого господина», зависимости, сильно затрудняющей сельскохозяйственному пролетариату приобщение к движению городских рабочих. Попы, систематическое отупление деревни, скверное школьное обучение, оторванность людей от всего мира довершают остальное. Сельскохозяйственный пролетариат представляет собой ту часть рабочего класса, которая с наибольшим трудом и позднее других уясняет себе свои собственные интересы, свое собственное общественное положение; иными словами, это — та часть, которая дольше всего остается бессознательным орудием в руках эксплуатирующего ее привилегированного класса. А что же это за класс? В Германии это — не буржуазия, а феодальное дворянство.

Ф. Энгельс. Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия. Соч., т. 10, с. 74

Противоречие при капитализме между производителями в городе и деревне

Правда, во Франции, как и в большинстве континентальных стран, существует глубокое противоречие между городскими и сельскими производителями, между промышленным пролетариатом и крестьянством. Стремлением пролетариата, материальной основой его движения является труд, организованный в крупном масштабе, хотя в настоящее время организация труда является деспотической, и централизация средств производства, хотя они в настоящее время централизованы в руках монополиста не только как средства производства, но и как средства эксплуатации и порабощения производителя. Задача пролетариата состоит в том, чтобы преобразовать нынешний капиталистический характер этого организованного труда и этих централизованных средств труда, превратить их из орудий классового господства и классовой эксплуатации в формы свободного ассоциированного труда и в общественные средства производства. С другой стороны, труд крестьянства разьединен, и его средства производства раздроблены, распылены. На этих экономических различиях покоится в качестве надстройки целый мир различных социальных и политических взглядов.

К. Маркс. Наброски «Гражданской войны во Франции». Соч., т. 17, с. 556

Подлинные интересы и иллюзорные предрассудки крестьян

Но эта крестьянская собственность давно уже переросла свою нормальную фазу, то есть фазу, когда она была реальностью, была способом производства и формой собственности, которые отвечали экономическим потребностям общества и ставили самих сельских производителей в нормальные условия жизни. Крестьянская

собственность вступила в период своего упадка. С одной стороны, из нее вырос обширный *prolétariat foncier* (сельский пролетариат), интересы которого совпадают с интересами городских наемных рабочих. Самый способ производства изжил себя вследствие современного развития агрономии. Наконец, сама крестьянская собственность стала номинальной, оставляя крестьянину иллюзию собственности и экспроприируя у него плоды его собственного труда. Конкуренция крупных сельских хозяев, налог кровью, государственный налог, ростовничество городских кредиторов по закладным и всяческое обирание крестьянина с помощью судебной системы, опутывающей его со всех сторон, низвели крестьянина до положения индийского рабьята, в то же время повседневым фактом стала его экспроприация — экспроприация даже его номинальной собственности — и низведение его до степени сельского пролетария. Следовательно, крестьянина отделяет от пролетария уже не его действительный интерес, а вводящий его в заблуждение предрассудок.

К. Маркс. Наброски «Гражданской войны во Франции». Соч., т. 17, с. 556-557

Противоположность между Парижем правительства и капиталистов и Парижем рабочего и мыслителя

Утверждали, что Париж и вместе с ним другие французские города были угнетены господством крестьян и что нынешняя борьба Парижа представляет собой борьбу за его освобождение от господства крестьянства! Нельзя себе представить более глупой лжи!

Париж, как центральное местопребывание и оплот централизованной правительственной машины, подчинил крестьянство власти жандарма, сборщика налогов, префекта, священника и земельных магнатов, то есть деспотизму его врагов, и лишил его всякой жизни (измотал его). Он подавил все органы независимой жизни в сельских округах. С другой стороны, правительство, земельный магнат, жандарм и священник, в руки которых централизованная государственная машина с центром в Париже передала таким образом все влияние провинции, использовали это влияние в интересах правительства и тех классов, правительством которых оно было, не против Парижа правительственного, паразитического, капиталистического, праздного, служившего космополитическим притоном, а против Парижа рабочего и мыслителя. Таким образом, при помощи правительственной централизации, базой которой являлся Париж, крестьяне были подавлены Парижем правительства и капиталистов, а Париж рабочих был подавлен силой провинции, переданной в руки врагов крестьянства.

К. Маркс. Наброски «Гражданской войны во Франции». Соч., т. 17, с. 565

Феодальные порядки в деревне и жилище

Везде, где преобладает крупное землевладение, сохраняется полуфеодальное господствующее положение крупных землевладельцев, даже и при современно-буржуазных во всем остальном хозяйстве отношениях. Меняются только формы этого господствующего положения. Они иные в Ирландии, где землю обрабатывают мелкие арендаторы, иные в Англии и Шотландии, где обладающие капиталом арендаторы с наемными рабочими возделывают крупные арендные участки. К этой последней форме примыкают и хозяйства дворян, преобладающие в Северной Германии, особенно в ее восточной части. В крупных поместьях хозяйство ведется большей частью на средства владельца, реже на средства крупных арендаторов, с помощью дворовой челяди и поденщиков. Положение дворовой челяди определяется уставом о челяди, изданным в Пруссии в 1810 году. Он настолько хорошо приспособлен к феодальным отношениям, что *открыто разрешает* «незначительные акты насилия» господ над челядью, но зато *открыто воспрещает* под страхом уголовного наказания всякое насильственное сопротивление челяди дурному обращению со стороны господ, за исключением случаев, опасных для жизни или здоровья («Общий устав о челяди», §§ 77, 79). Поденщики отчасти посредством контракта, отчасти же посредством преобладающей системы оплаты труда натурой, — сюда входит и жилье, — поставлены фактически в такую зависимость от помещика, которая ничем не уступает зависимости челяди; так и процветает еще до сих пор к востоку от Эльбы то патриархальное обращение с сельскими рабочими и домашней челядью, обращение с помощью зуботычин, избивания палкой и плетью, которое описал нам Вольф в Силезии.

Ф. Энгельс. Вильгельм Вольф.
Соч., т. 19, с. 88-89.

«Анти-Дюринг» об отделении города от деревни

Во всяком обществе со стихийно сложившимся развитием производства, — а современное общество является именно таким, — не производители господствуют над средствами производства, а средства производства господствуют над производителями. В таком обществе каждый новый рычаг производства необходимо превращается в новое средство порабощения производителей средствами производства. Сказанное относится прежде всего к тому рычагу производства, который вплоть до возникновения крупной промышленности был наиболее могущественным, — к разделению труда. Уже первое крупное разделение труда — отделение города от деревни — обрекло сельское население на тысячелетия отупения, а горожан — на порабощение каждого его специальным ремеслом. Оно уничтожило основу духовного развития одних и физи-

ческого развития других. Если крестьянин овладевает землей, а горожанин — своим ремеслом, то в такой же степени земля овладевает крестьянином, а ремесло — ремесленником.

Ф. Энгельс. *Анти-Дюринг*.
Соч., т. 20, с. 303.

Разделение труда и противоположность между городом и деревней

Мы подошли теперь к порогу цивилизации. Она открывается новым шагом вперед в разделении труда. На низшей ступени люди производили только непосредственно для собственного потребления; изредка происходившие акты обмена были единичны, касались только случайно оставшихся излишков. На средней ступени варварства у пастушеских народов мы находим уже имущество в виде скота, которое при известной величине стада регулярно доставляет некоторый излишек над собственной потребностью; одновременно мы находим также разделение труда между пастушескими народами и отставшими племенами, не имеющими стада, следовательно, две рядом стоящие различные ступени производства и, значит, условия для регулярного обмена. На высшей ступени варварства происходит дальнейшее разделение труда между земледелием и ремеслом, следовательно, производство все возрастающей части продуктов труда непосредственно для обмена, тем самым превращение обмена между отдельными производителями в жизненную необходимость для общества. Цивилизация упрощает и усиливает все эти возникшие до нее виды разделения труда, особенно путем обострения противоположности между городом и деревней (причем экономически господствовать может город над деревней, как это было в древности, или же деревня над городом, как это было в средние века), и присоединяет к этому третье, свойственное лишь ей, разделение труда решающего значения — создает класс, который занимается уже не производством, а только обменом продуктов, а именно *купцов*. До сих пор причины образования классов были связаны еще исключительно с производством; они вели к разделению занятых в производстве людей на руководителей и исполнителей или же на производителей большего и меньшего масштаба. Здесь впервые появляется класс, который, не принимая никакого участия в производстве, захватывает в общем и целом руководство производством и экономически подчиняет себе производителей, становится неустранимым посредником между каждым двумя производителями и эксплуатирует их обоих. Под предлогом избавления производителей от труда и риска, связанных с обменом, расширения сбыта их продуктов вплоть до самых отдаленных рынков и создания тем самым якобы наиболее полезного класса населения образуется класс паразитов, класс настоящих общест-

венных туенядцев, который в вознаграждение за свои в действительности весьма незначительные услуги снимает сливки как с отечественного, так и с иностранного производства, быстро приобретает громадные богатства и соответствующее им влияние в обществе и именно поэтому в период цивилизации захватывает все более почетное положение и все более подчиняет себе производство, пока, наконец, сам не создает свой собственный продукт — периодические торговые кризисы.

*Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.
Соч., т. 21, с. 165-166*

Особые потребности города (из истории)

Наряду с потребностями и интересами, обеспечивать которые были призваны приспособленные для этого родовые объединения, в результате переворота в условиях производства и вызванных им изменений в общественной структуре возникли новые потребности и интересы, не только чуждые древнему родовому строю, но и во всех отношениях противоположные ему. Интересы ремесленных групп, возникших благодаря разделению труда, особые потребности города в противоположность деревне требовали новых органов ... Родовой строй отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы. Он был заменен *государством*.

*Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.
Соч., т. 21, с. 168 и 169*

«Капитал» об отделении города от деревни

Основой всякого развитого и товарообменом опосредствованного разделения труда является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности, на которой мы не будем, однако, здесь долее останавливаться.

*К. Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т. 23, с. 365*

В сфере земледелия крупная промышленность действует с наибольшей революционностью в том смысле, что она уничтожает оплот старого общества, «крестьянина», и выдвигает на его место наемного рабочего. Таким образом потребность социального переворота и социальные противоположности становятся в деревне одинаковыми с городом. На место самого рутинного и самого нерационального производства приходит сознательное технологическое

применение науки. Капиталистический способ производства довершает разрыв того первоначального семейного союза земледелия и промышленности, который соединял друг с другом младенчески-неразвитые формы обоих. Но он создает в то же время материальные предпосылки нового, высшего синтеза — союза земледелия и промышленности на основе их противоположно развившихся форм. Капиталистическое производство, постоянно увеличивая перевес городского населения, которое это производство скопляет в крупных центрах, накапливает тем самым, с одной стороны, историческую силу движения общества вперед, а с другой стороны, препятствует обмену веществ между человеком и землей, т.е. возвращению почве ее составных частей, использованных человеком в форме средств питания и одежды, т.е. нарушает вечное естественное условие постоянного плодородия почвы.

*К. Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т. 23, с. 513-514*

По самой природе вещей получается так, что как только городская промышленность как таковая отделяется от земледелия, ее продукты с самого начала становятся товарами и, следовательно, для их продажи требуется посредничество торговли. Связь торговли с развитием городов и, с другой стороны, обусловленность последнего торговлей понятны таким образом сами собой.

*К. Маркс. Капитал. Том третий.
Соч., т. 25, ч. 1, с. 365*

Высокая норма прибыли в средние века обязана своей высотой не только низкому строению капитала, в котором преобладает переменный, затрачиваемый на заработную плату элемент. Она обязана своей высотой практикуемому в деревне надувательству, присвоению части ренты земельного собственника и дохода подвластного ему населения. Если в средние века деревня эксплуатирует город политически повсюду, где феодализм не был сломлен исключительным развитием городов, как в Италии, то город повсюду и без исключений эксплуатирует деревню экономически своими монопольными ценами, своей системой налогов, своим цеховым строем, своим прямым купеческим обманом и своим ростовщичеством.

*К. Маркс. Капитал. Том третий.
Соч., т. 25, ч. II, с. 365*

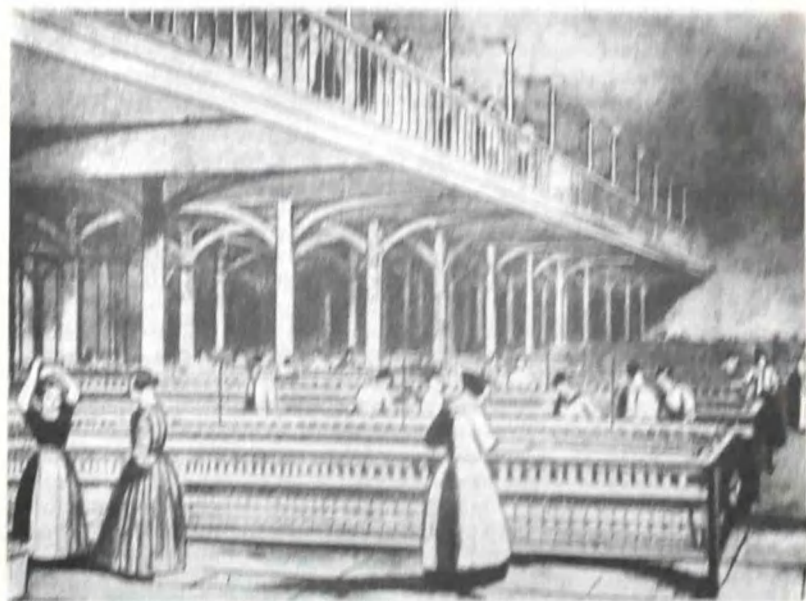
Эта форма земельной собственности предполагает, что как и при прежних, более древних формах земельной собственности, сельское население численно значительно преобладает над городским, что, следовательно, хотя капиталистический способ производства вообще и господствует, но относительно он развит слабо, а потому и в 183

других отраслях производства концентрация капитала движется в узких пределах, преобладает раздробление капиталов. По существу дела сами производители, крестьяне, должны потреблять, здесь преобладающую долю сельскохозяйственного продукта как непосредственное средство существования, и лишь избыток над этой долей может как товар входить в торговлю с городами.

*К. Маркс. Капитал. Том третий.
Соч., т. 23, ч. II, с. 369*

Эта форма свободной парцеллярной собственности крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, в качестве преобладающей, нормальной формы, с одной стороны, образует экономическое основание общества в лучшие времена классической древности, с другой стороны, мы встречаем ее у современных народов как одну из форм, происходящих из разложения феодальной земельной собственности. Таковы йомены в Англии, крестьянское сословие в Швеции, французское и западногерманское крестьянство. О колониях мы здесь не говорим, так как независимый крестьянин развивается там при иных условиях. Свободная собственность крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, есть очевидно самая нормальная форма земельной собственности для мелкого производства, то есть для такого способа производства, в котором обладание землей есть условие принадлежности работника продукта его труда и в котором земледелец, свободный собственник или подданный, производит всегда сам себе средства к жизни независимо, как обособленный работник со своей семьей. Собственность на землю так же необходима для полного развития этого способа производства, как собственность на инструмент для свободного развития ремесленного производства. Она образует здесь базис для развития личной самостоятельности. Она является необходимой переходной ступенью для развития самого земледелия. Причины, по которым эта собственность гибнет, раскрывают ее пределы. Они таковы: уничтожение сельской домашней промышленности, образующей нормальное дополнение к ней, вследствие развития крупной промышленности; постепенное обеднение и истощение почвы в условиях мелкого производства; узурпация крупными земельными собственниками общинной собственности, которая повсюду образует второе дополнение парцеллярного хозяйства и только и дает ему возможность содержать скот; конкуренция крупного сельского хозяйства, ведется ли оно как плантаторское хозяйство или как капиталистическое. Ее гибели содействуют также, как это было в Англии в первой половине XVIII века, улучшения в земледелии, которые приводят, с одной стороны, к понижению цен сельскохозяйственных продуктов, а с другой стороны, требуют увеличения затрат и более значительных вещественных условий производства.

включает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, животноводство в крупных размерах, прогрессивное применение науки.

Трибальный цех в Англии, Оман 1850 г.

Ростовничество и система налогов должны вести ее повсюду к гибели. Употребление капитала на покупку земли отнимает этот капитал от агрикультуры. Бесконечное раздробление средств производства и обособление самих производителей. Безмерное расточение человеческой силы. Прогрессивное ухудшение условий производства и удорожание средств производства — необходимый закон медкой собственности.

*К. Маркс, Работы, Том третий.
Соч., т. 25, ч. II, с. 371-372.*

Медкая земельная собственность предполагает, что громадное большинство населения живет в деревнях, что преобладает не общественный, а изолированный труд; что, следовательно, при этом исключается разнообразие и развитие воспроизводства, то есть и

материальных, и духовных условий его, исключаются условия рациональной культуры. С другой стороны, крупная земельная собственность сокращает сельское население до постоянно понижающегося минимума и противопоставляет ему все возрастающее, концентрирующееся в больших городах промышленное население; тем самым создаются условия, которые вызывают непоправимую брешь в процессе общественного и диктуемого естественными законами жизни обмена веществ, вследствие чего сила почвы расточительно растрачивается, а эта расточительная растрата при посредстве торговли распространяется далеко за пределы собственной страны (Либих).

*К. Маркс. Капитал. Том третий.
Соч., т. 25, ч. II, с. 378*

Если мелкая земельная собственность создает класс варваров, который наполовину стоит вне общества, который соединяет в себе всю грубость первобытных общественных форм со всеми страданиями и всей нищетой цивилизованных стран, то крупная земельная собственность подрывает рабочую силу в той последней области, в которой находит убежище ее природная энергия и в которой она хранится как резервный фонд для возрождения жизненной силы наций — в самой деревне. Крупная промышленность и предпринимательское ведение крупного земледелия действуют рука об руку. Если первоначально они различаются тем, что первая истощает и разрушает больше рабочую силу, а следовательно, естественную силу человека, между тем как второе более непосредственно опустошает и разоряет естественную силу земли, то позже, с ходом развития, они подают друг другу руку: предпринимательская система и в деревне истощает рабочего, а промышленность и торговля, в свою очередь, создают для земледелия средства истощения почвы.

*К. Маркс. Капитал. Том третий.
Соч., т. 25, ч. II, с. 378-379*

3.2. ГОРОДА И ЛАНДШАФТЫ

Вупперталь — Эльберфельд и Бармен

Как известно, под этим названием, которое пользуется у «Друзей света» самой дурной славой, разумеют оба города — Эльберфельд и Бармен, занимающие долину реки Вуппер на протяжении почти трех часов езды. Узкая река то еле движется, то быстро катит свои пурпурные волны среди дымных фабричных зданий и устланных пряхей белилен; ее яркокрасный цвет ведет, однако, свое про-

исхождение не от какого-нибудь кровавого побоища, — ибо здесь воюют между собой лишь теологические перья, да еще болтливые старые бабы, обычно из-за пустяков, — и не от стыда за людские нравы, хотя на это имеется поистине достаточно оснований, а исключительно от множества красилен, применяющих яркочер-

Реакция семьи автора на публикацию «Писем из Вупперталя». Рисунок Ф. Энгельса.

ную краску. Если вы подъезжаете со стороны Дюссельдорфа, то у Зоннборна вступаете в священную область; мутный Вуппер лениво ползет мимо нас и своим жалким видом, по сравнению с только что оставленным позади Рейном, вызывает большое разочарование. Местность довольно привлекательна: не очень высокие горы, то пологие, то крутые, сплошь покрытые лесом, резко вклиниваются в зеленеющие луга, и при хорошей погоде, когда голубое небо отражается в Вуппере, совершенно пропадает его красный цвет. Обогнув косогор, вы видите прямо перед собой причудливые башни Эльберфельда (скромные дома прячутся за садами) и через несколько минут достигаете Сиона обскурантов. Еще не доезжая до города, вы наталкиваетесь на католическую церковь; она стоит здесь, словно изгнанная из его священных стен. Церковь — в византийском стиле, ее по очень хорошему плану очень плохо построил очень неопытный архитектор; старую католическую церковь снесли, чтобы освободить место для левого, еще не построенного крыла ратуши; осталась одна только башня, которая по-своему служит всеобщему благу, а именно, — в качестве тюрьмы. Вслед за этим вы приближаетесь к большому зданию, — на колоннах покоятся своды его, — но колонны эти весьма своеобразного стиля: по

своей форме они внизу египетские, посредине дорические и вверху ионические и к тому же они, в силу солидных оснований, пренебрегли всякими излишними архитектурными деталями, вроде пьедестала и капители. Это здание называлось раньше музеем, но от муз там не осталось и следа, зато остались большие долги, так что не очень давно здание было продано с аукциона и получило название «казино», которое и красуется на пустом фронтисписе, рассеивая всякие воспоминания о прежнем поэтическом имени. Это здание, впрочем, так неуклюже по своим пропорциям, что вечером его принимают за верблюда. Отсюда начинаются скучные, лишенные своеобразия улицы; красивая новая ратуша, наполовину еще не достроенная, за недостатком места расположена так нелепо, что фасадом выходит в узкий безобразный переулок. Наконец, вы опять подходите в Вупперу, и красивый мост ведет вас в Бармен, где, по крайней мере, больше считаются с требованиями архитектурной красоты. За мостом все принимает более приветливый облик; вместо неказистых эльберфельдских домов, — не старомодных и не современных, не красивых и не карикатурных, — здесь появляются большие, массивные здания, построенные со вкусом, в современном стиле; повсюду перед вами вырастают новые каменные дома, мостовая кончается и продолжением улицы служит прямое шоссе, застроенное с обеих сторон. Между домами виднеются зеленые лужайки-белилны. Вуппер здесь еще прозрачен, и легкие очертания тесно громоздящихся гор, с пестрой сменой лесов, лугов и садов, среди которых повсюду выглядывают красные крыши, делают местность, по мере того как вы по ней продвигаетесь, все более привлекательной. С середины аллен виден фасад стоящей несколько в глубине нижебарменской церкви; это самое красивое здание долины, очень хорошо выполненное в благороднейшем византийском стиле. Но скоро опять начинается мостовая, дома из серого шифера теснятся друг к другу; однако здесь гораздо больше разнообразия, чем в Эльберфельде: то свежие лужайки-белилны, то дом в современном стиле, то полоска реки, то ряд садов, примыкающих к улице, нарушают монотонность картины. Все это вызывает в вас сомнение, считать ли Бармен городом или простым конгломератом всякого рода зданий; он и на самом деле представляет собой лишь соединение многих местечек, связанных общими городскими учреждениями. Самые значительные из этих местечек следующие: Гемарке, искони центр реформатского исповедания; Нижний Бармен, расположенный в направлении Эльберфельда, недалеко от Вупперфельда, выше Гемарке; еще дальше Риттеэнгаузе рядом с ним слева Вихлингхаузен и справа Хекингхаузен с необыкновенно живописным Рауэнталем; все они населены лютеранами обеих церквей; католики — их здесь не более двух или трех тысяч — расселены по всей долине. Проехав Риттерсхаузен, вы, наконец, покидаете Бергскую область и, миновав шлагбаум, вступаете в

Engels an Friedrich Graeber
in Berlin

[Bremen, 15. Juni 1839]

Fritz Graeber. Meine Herren, hier sehen Sie
moderne Charaktere und Zustände.

Den 15. Juni. Heute kommen Eure Briefe an.
Ich dekretiere, daß Wurm nie mehr die Briefe
wegschicken soll. Zur Hauptsache. Was Du mir
über Josephs Stammhäute sagst, so habe ich
dies der Hauptsache nach schon gewußt und
dagegen einzuwenden:

1. Wo ist in der Bibel in einem Geschlechts-
reiter der Schwiegersohn auch unter ähnlichen
Umständen Sohn genannt worden? Ohne seih

Рисунки Ф. Энгельса: «Мировая скорбь», «Путаница в Кёльне», «Благородный современный материализм», «Эмансипация женщин», «Дух времени», «Эмансипация плоти». (Из письма к Ф. Греберу 15. VI — 1839 г.)

Таков внешний вид долины, которая, за исключением мрачных улиц Эльберфельда, в общем производит очень приятное впечатление; но, как показывает опыт, на жителях это несколько не отразилось. Свежая, здоровая народная жизнь, какую мы наблюдаем почти повсюду в Германии, здесь совсем не чувствуется; правда,

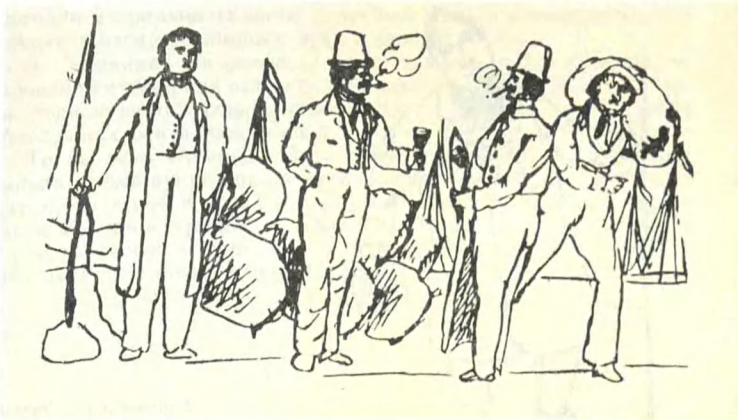

Кандидаты в «Поэтический альманах». Рисунок
Ф. Энгельса

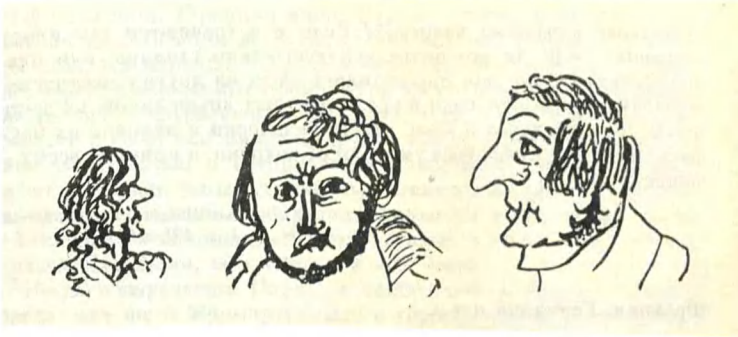
на первый взгляд кажется иначе: каждый вечер по улицам слышны веселые гуляки, горланят свои песни, но это самые пошлые, непристойные песни, которые когда-либо срывались с пьяных уст; никогда вы здесь не услышите ни одной из тех народных песен, которые обычно известны во всей Германии и которыми, думается, мы вправе гордиться. Все кабаки переполнены, особенно в субботу и воскресенье, а вечером, к одиннадцати часам, когда их запирают, пьяные толпами вываливаются из кабаков и вытрезвляются большей частью в придорожной канаве. Наиболее опустившиеся среди них — это так называемые *Karrenbinder*¹, люди совершенно деморализованные, не имеющие постоянного крова и определенного заработка; с наступлением дня они выполняют из своих убежищ, сеновалов, конюшен и т.п., если не провели всю ночь где-нибудь на навозной куче или на лестнице. Ограничив количество кабаков, которым раньше не было числа, власти положили теперь до некоторой степени предел этому безобразию.

Причины такого рода явлений совершенно ясны. Прежде всего этому сильно способствует фабричный труд. Работа в низких поме-

щениях, где люди вдыхают больше угольного чада и пыли, чем кислорода, — и в большинстве случаев, начиная уже с шестилетнего возраста, — прямо предназначена для того, чтобы лишить их всякой силы и жизнерадостности. Ткачи-одиночки сидят у себя дома с утра до ночи, согнувшись за станком, и пессунуют свой сини-

Разгрузка кофе в гавани Бремена. Рисунок Ф. Энгельса

Поэты «мировой скорби». Рисунок Ф. Энгельса

ной мозг у жаркой печки. Удел этих людей — мистицизм или пьянство. Этот мистицизм в той грубой и отвратительной форме, в которой он там господствует, неизбежно порождает противоположную крайность, и в результате получается, что *народ там* 191

состоит только из «добропорядочных» (так зовут мистиков) и беспутного сброда. Уже одно это расслоение на два враждебных лагеря, независимо от их природы, могло бы само по себе убить всякое развитие народного духа. Да и чего ждать хорошего, если даже исчезновение одного из лагерей не могло бы помочь, ибо оба они

Карикатура Ф. Энгельса на маклера Яна Крусбекера

одинаково поражены чахоткой? Если и встречаются там иногда здоровые люди, то это почти исключительно столяры или иные ремесленники, все они переселились сюда из других местностей; попадают крепкие люди и среди местных кожевников, но достаточно трех лет такой жизни, чтобы физически и духовно их погубить: из пяти человек трое умирают от чахотки, и причина всему — пьянство.

Ф. Энгельс. Письма из Вупперталя. Соч., т. 1, с. 451-456

Франция, Германия и т.д.

La belle France.¹ В самом деле, у французов прекрасная страна, и они вправе ею гордиться.

Какая страна в Европе может сравниться в Франции богатством, разнообразием условий и продуктов, универсальностью?

Испания? Но две трети ее поверхности представляют собой,

вследствие заброшенности или от природы, знойную каменистую пустыню, а прилегающая к Атлантическому океану часть полуострова, Португалия, ей не принадлежит.

Италия? Но с тех пор как путь мировой торговли проходит через океан, с тех пор как пароходы пересекают Средиземное море, Италия заброшена.

Англия? Но в Англии вот уже восемьдесят лет нет ничего, кроме торговли и промышленности, угольного дыма и скотоводства. И в Англии ужасное свинцовое небо и никакого вина.

А Германия? На севере — это плоская песчаная равнина, от европейского юга она отделена гранитной стеной Альп; и это страна, бедная вином, страна пива, водки и ржаного хлеба, страна обмелевших рек и измельчавших революций!

То ли дело Франция! Омываемая тремя морями, она в трех направлениях прорезана пятью большими реками; на севере климат почти такой же, как в Германии и Бельгии, на юге — почти такой же, как в Италии; на севере — пшеница, на юге — кукуруза и рис, на севере — рапс, на юге — оливковое дерево; на севере — лен, на юге — шелк, и почти повсюду — вино.

*Ф. Энгельс. Из Парижа в Берн.
Соч., т. 5, с. 499*

Париж

И одна лишь Франция имеет Париж — город, в котором европейская цивилизация достигла своего высшего расцвета, в котором сходятся нервные нити всей европейской истории и из которого через определенные промежутки времени исходят электрические разряды, потрясающие весь мир; город, население которого сочетает в себе, как никакой другой народ, страсть к наслаждениям со страстью к историческому действию, жители которого умеют жить, как самые утонченные эпикурейцы Афин, и умирать, как самые бесстрашные спартанцы, воплощая в себе одновременно и Алкивиада и Леонида, — город, который в самом деле, как выразился Луи Блан, есть сердце и мозг мира.

Когда обозреваешь Париж с какого-нибудь высокого пункта города, или же с Монмартра, или с террасы Сен-Клу, когда бродишь по окрестностям города, то невольно возникает мысль: Франция знает, что для нее значит Париж, Франция отдала свои лучшие силы на то, чтобы заботливо выпестовать Париж. Как одалиска на отливающем бронзой диване, покоится гордый город на согретых солнцем виноградных холмах извивающейся долины Сены. Где еще в мире найдете вы такие виды, как те, которые открываются из вагона обеих версальских железных дорог вниз на зеленую долину с ее многочисленными деревьями и местечками, и где найдете вы

так прелестно расположенные, так чисто и изящно построенные, с таким вкусом разбросанные деревни и местечки, как Сюрен, Сен-Клу, Севр, Монморанси, Анген и бесчисленное множество других? Выйдите к любой заставе, пойдите наугад по любой из дорог, и всюду вы увидите такие же красивые окрестности, с таким же вкусом использованную местность, то же изящество и чистоту. А между тем эта жемчужина городов ведь сама создала себе такое изумительное ложе.

Но, конечно, нужна была и такая страна, как Франция, чтобы создать Париж, и лишь когда узнаешь поразительное богатство этой великолепной страны, начинаешь понимать, как мог возникнуть этот сверкающий, великолепный, несравненный Париж.

*Ф. Энгельс. Из Парижа в Берн.
Соч., т. 5, с. 500-501*

Париж после контрреволюции 1848 г.

Я знал Париж в последние два года монархии, когда буржуазия еще с упоением наслаждалась полнотой своей власти, когда торговля и промышленность были в сносном состоянии, когда мода из среды крупной и мелкой буржуазии еще имела достаточно денег для развлечений и разгула и когда даже часть рабочих была еще настолько обеспечена, что могла принимать участие в общем беззаботном веселье. Я снова увидел Париж в короткую пору его упоения медовым месяцем республики, в марте и апреле, когда рабочие с безрассудной доверчивостью, с самой беззаботной решимостью «предоставили в распоряжение республики три месяца нужды», когда они в течение дня питались сухим хлебом и картофелем, а по вечерам сажали на бульварах деревья свободы, жгли фейерверки и восторженно пели «Марсельезу» и когда буржуа, прячась целый день по своим домам, пытались разноцветными площадками смягчить гнев народа. Я снова приехал туда в октябре — отнюдь не добровольно, клянусь Геккером! Между тогдашним и нынешним Парижем было 15 мая и 25 июня, была жесточайшая борьба, когда-либо виданная миром, было море крови, было пятнадцать тысяч трупов. Гранаты Кавеньяка не оставили и следа от неукротимой веселости парижан. Умолкли звуки «Марсельезы» и «Chant du départ»; лишь буржуа еще напевали сквозь зубы свое «Mourir pour la patrie». Рабочие же, без куска хлеба и без оружия, с затаенной ненавистью скрежетали зубами. В школе осадного положения легкомысленная республика скоро стала добропорядочной, покорной, благоразумной и умеренной (*sage et modérée*). Но Париж был мертв — это не был уже Париж. На бульварах — только буржуа и полицейские шпионы; балы, театры опустели; уличные мальчишки, напялив на себя мундиры мобильной гвардии, продались добропорядочной республике за 30 су в день, и чем

глупее они становились, тем более прославляла их буржуазия, — словом, это был снова Париж 1847 года, но без души, без жизни, без огня и без элементов брожения, которые рабочие тогда вносили во все. Париж был мертв, и этот красивый покойник был тем ужаснее, чем красивее он был.

Я не мог выдержать дольше в этом мертвом Париже. Я должен был уйти прочь — все равно куда. И вот прежде всего я направился в Швейцарию. Денег у меня было немного — пришлось, следовательно, пойти пешком. Да я и не стремился выбирать кратчайший путь: с Францией не так-то легко расстаться.

*Ф. Энгельс. Из Парижа в Берн.
Соч., т. 5, с. 501-502*

Французская деревня

Эти крестьяне — добродушные, гостеприимные, веселые люди, любезные и предупредительные по отношению к незнакомцу и, при всем своем скверном *ratois*¹, все же настоящие вежливые французы. Несмотря на в высшей степени развитое у них чувство собственности по отношению к клочку земли, отвоеванному их отцами у дворянства и духовенства, им все еще присущи, особенно в деревнях, лежащих в стороне от больших дорог, некоторые патриархальные добродетели.

Однако крестьянин остается крестьянином, и условия жизни крестьянина ни на минуту не перестают оказывать на него свое влияние. Несмотря на все личные добродетели французского крестьянина, несмотря на то, что он живет в лучших условиях, чем восточно-рейнский крестьянин, все же французский крестьянин так же, как и немецкий, остается варваром среди цивилизации.

*Ф. Энгельс. Из Парижа в Берн.
Соч., т. 5, с. 508*

Ландшафт и люди Бургундии

Я не знаю, что придает этим французским ландшафтам, вовсе не отличающимся какими-нибудь необычайно красивыми очертаниями, их своеобразную прелесть. Конечно, не та или другая деталь, а все в целом, весь ансамбль накладывает на них печать такой насыщенности, какую редко можно встретить где-либо в другом месте. На Рейне и Мозеле гораздо более красивые группы скал, в Швейцарии более величественные контрасты, Италия

¹ — местном наречии, гонимое. *Ред.*

более красочна, но ни в одной стране нет местностей с таким гармоническим ансамблем, как во Франции. С необычайным удовлетворением взор переходит с широкой, покрытой роскошными лугами долины к горам, так же роскошно поросшим до самой своей вершины виноградниками, и к бесчисленным деревьям и городам, утопающим в листве фруктовых деревьев. Нигде не увидишь ни одного голого клочка земли, ни одного режущего глаз непривлекательного места, ни одной суровой скалы с поверхностью, недоступной для растений. Всюду богатая растительность, красивая сочная зелень, отливающая осенне-бронзовой окраской, и все это залито лучами солнца, которое и в середине октября еще достаточно горячо жжет, чтобы не оставить на виноградной лозе ни одной несозревшей ягоды.

Я прошел немного дальше, и передо мной открылся новый такой же красивый вид. Далеко внизу, в более узкой котловине лежал Сен-Бри — небольшой городок, живущий также только виноделием. Те же детали ландшафта, что и перед этим, но только в уменьшенном виде. Внизу, в долине, городок окружен пастбищами и садами, кругом, на склонах котловины — виноградники и лишь на северной стороне то вспаханные, то покрытые растущим на жнивные зеленым клевером поля и луга. Внизу, на улицах Сен-Бри, та же суета, что и в Осере, — повсюду бочки и давила, повсюду жители были заняты тем, что под смех и шутки давили виноград, перекачивали сусло в бочки или носили его по улицам в больших чанах. Тут же был базар, на более широких улицах стояли крестьянские телеги с зеленью, зерном и другими продуктами земледелия. Крестьяне в своих белых остроконечных шапках, крестьянки в своих мадрасских платках, повязанных вокруг головы, толкались среди виноделов, болтая, крича и смеясь, и в маленьком Сен-Бри царил такое оживление, что казалось, будто находишься в большом городе.

По ту сторону Сен-Бри дорога опять медленно шла в гору. Но на эту гору я поднимался с особенным удовольствием. Здесь все еще были заняты сбором винограда, а сбор винограда в Бургундии несравненно веселее, чем даже в Рейнской области. На каждом шагу я встречал самое веселое общество, самый сладкий виноград и самых хорошеньких девушек; ибо в этих местах, где от одного городка до другого часа три ходьбы, где жители, благодаря торговле вином, находятся в постоянных сношениях с остальным миром, господствует уже некоторая цивилизация, и никто не усваивает эту цивилизацию быстрее, чем женщины, которые извлекают из нее непосредственные и самые очевидные выгоды. Ни одной француженке-горожанке не приходит в голову петь:

Если бы сравниться я посмела
С девушками сельскими красой,
Шляпу из соломы я б надела
С лентой розовой или голубой.

Наоборот, она слишком хорошо знает, что всем богатством своих чар она обязана городу, освобождению от всяких грубых работ, цивилизации с ее множеством средств, дающих возможность поддерживать чистоту и одеваться к лицу. Она знает, что деревенские девушки, даже если они не унаследовали от своих родителей

*Эскиз Ф. Энгельса во время поездки из Оксера
в Делюэль*

широкую кость, которая так не нравится французам и которая составляет гордость германской расы, все же, из-за изнурительных полевых работ в самую жаркую пору и в сильнейший дождь, из-за трудностей, мешающих соблюдать чистоту, из-за отсутствия средств ухода за своим телом, из-за, правда, очень почтенного, но в такой же мере мешковатого и безвкусного костюма, становят- 197

ся большей частью неуклюжими пугалами с утиной походкой, комически разряженными в яркие цвета. О вкусах не спорят, нашим немецким соотечественникам больше нравятся крестьянские девушки, и, может быть, они и правы. Отдадим дань уважения драгунской поступи дюжей скотицы, и особенно ее кулакам: воздадим должное яркозеленым и огненнокрасным клеткам на платье, облекающем ее мощную талию: почет и уважение той безупречной равнины, которая тянется у нее от шеи до пяток и придает ей сзади вид обтянутой пестрым ситцем доски! Но о вкусах не спорят, и поэтому пусть не согласная со мной, но не менее почтенная часть моих соотечественников простит меня, если чисто умытые, гладко причесанные, прекрасно сложенные бургундки из Сен-Бри и Вермантона произвели на меня более приятное впечатление, чем те первобытно-грязные, взъерошенные, мясистые буйволницы, встречающиеся между Сеной и Луарой, которые таращат глаза, когда при них сворачивают папиросу, и с воем убегают, когда у них спрашивают на чистом французском языке, как найти дорогу.

*Ф.Энгельс. Из Парижа в Берн.
Соч., т.5, с. 516-518*

Избирательное право в английских городах

В городах же, наоборот, избирателем был всякий, кто снимал дом, платил за его аренду 10 ф. ст. и уплачивал налог в пользу бедных в размере, причитающемся с этой суммы. <...>

Нечего и говорить, что промышленная буржуазия требует гораздо большего. Она требует household suffrage, т. е. избирательного права для всякого, кто занимает дом или часть дома и на основании этого привлекается к уплате муниципальных налогов: она требует также тайного голосования и полного перераспределения избирательных округов, которое обеспечило бы равное представительство для одинакового числа избирателей и одинакового богатства.

*Ф.Энгельс. Англия.
Соч., т.8, с. 228 и 230*

Курорт Рамсгет

В сентябре я провел некоторое время в Рамсгете, небольшом или, вернее, довольно большом морском курорте на восточном берегу, немного севернее Дувра. Это один из самых веселых курортов, которые я знаю, там можно жить совсем запросто, — очень красивый каменистый пляж под отвесной меловой скалой, переполненный мнимонегритянскими уличными певцами, фокусниками, жонглерами, петрушками и тому подобной чепухой.

Место не очень фешенебельное, зато дешевое, и здесь чувствуешь себя непринужденно. Прекрасное купанье, и так как было холодно, то это пошло мне вдвойне на пользу: аппетит у меня стал поистине ненасытный, и я спал по десять часов в сутки. Хотя живу я в одной из самых здоровых частей Лондона, где воздух, по словам врача, так же хорош, как в деревне, все же я замечаю, какую разницу представляет такая перемена воздуха. Ты в самом деле должна подумать о том, чтобы будущим летом подышать три-четыре недели морским воздухом, который даже самого здорового делает еще здоровее.

*Ф.Энгельс - Э.Энгельс. 21 октября 1871 г.
Соч., т.33, с. 254*

Дюссельдорф в качестве маленького Парижа

Ваше последнее описание того впечатления, которое произвел на Вас Дюссельдорф, заставило меня от души посмеяться. А для нас, филистерствующих вуппертальцев, Дюссельдорф был всегда маленьким Парижем, где благочестивые господа из Бармена и Эльберфельда содержали своих любовниц, ходили в театр и по-царски развлекались! Но там, где у человека живет своя собственная реакционная семья, небо кажется ему всегда свинцовым. Кроме того, успехи промышленного развития, захватившего также и Дюссельдорф, носят во всей Германии крайне гнетущий, смертельно скучный характер, так что я могу себе представить, что вуппертальская пустота и тоска овладели теперь и Дюссельдорфом. Но в один прекрасный день мы их прогоним и снова запоем старую песню, которую пели 30 лет тому назад в Милане:

Nun, nun, semper nun
E se ciappem la ciorra
La pagaremo nun!¹

Но за ciorra должны будут заплатить буржуа.

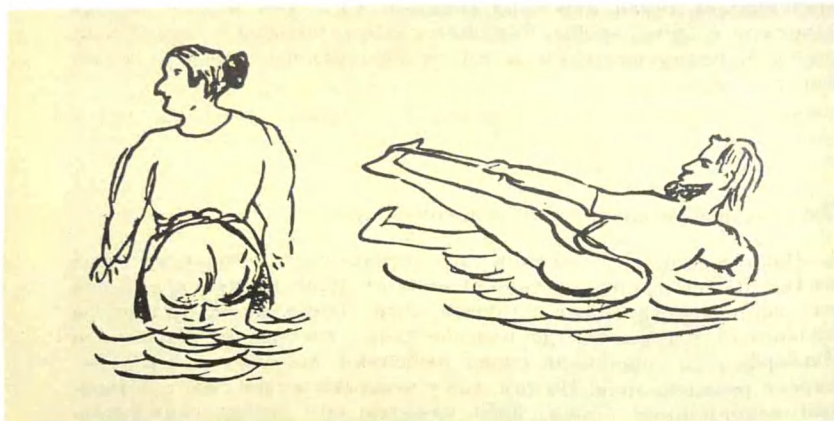
*Ф.Энгельс - Т.Куно, 10 июня 1872 г.
Соч., т.33, с. 408-409*

Ф.Энгельс о Лондоне, Париже и Берлине

Я охотно верю, что Лондон Вам не понравился. Когда-то я испытал такое же чувство. С трудом привыкаешь к его хмурому небу и хмурым по большей части людям, к замкнутости и классо-

¹ — Сейчас, сейчас, всегда, сейчас,
И если мы сейчас напьемся,
То и расплатимся сейчас! *Ред.*

вой разобщенности в общественном быту, к жизни в закрытых помещениях, как того требуют климатические условия. Приходится сначала несколько обуздать принесенную с собой с континента жизненную энергию, понизить барометр жизнерадостности примерно с 760 до 750 миллиметров, пока понемногу не освоишься.

Карикатура Ф. Энгельса на купающуюся публику в модном курорте Остенде (1846 г.)

Потом постепенно привыкаешь, начинаешь находить и положительные стороны, убеждаешься, что люди здесь в общем прямее и надежнее, чем где бы то ни было, что ни один город не приспособлен для научных занятий так, как Лондон, и что отсутствие полицейских придирок тоже возмещает многое. Я знаю и люблю Париж, но если бы мне пришлось выбирать, то для постоянной жизни я предпочел бы Лондон. Чтобы по-настоящему наслаждаться Парижем, нужно самому стать парижанином со всеми его пред-
рассудками, с его интересом, в первую очередь, к делам чисто парижским, с его привычкой верить, что Париж — центр мира, начало и конец вселенной. Лондон некрасив, но зато величественнее Парижа, это подлинный центр мировой торговли, и к тому же в нем куда больше разнообразия. К тому же Лондон позволяет сохранять полный нейтралитет по отношению ко всему окружающему, столь необходимый для научной и даже художественной беспристрастности. Парижем и Веной восхищаются, Берлин ненавидят, к Лондону относятся с нейтральным равнодушием и объективностью. А это тоже чего-нибудь да стоит.

Кстати о Берлине. Я рад, что этой злосчастной дыре удастся, наконец, стать мировым городом. Но еще Рахиль Варнгаген сказала 70 лет тому назад: в Берлине все *захолустно*, и Берлин,

по-видимому, хочет показать миру, каким захолустным может быть мировой город. Уничтожьте всех «образованных» берлинцев, создайте там чудом хотя бы сносную обстановку, перестройте всю эту дыру сверху донизу, — тогда, быть может, из него и выйдет что-нибудь порядочное.

*Ф.Энгельс — М.Каутской, 26 ноября 1885 г.
Соч., т.36, с. 331-332*

Энгельс о Берлине в 1890 г.

Вообще же сопоставлять преимущества Лейпцига и неприятные стороны Берлина я не могу уже потому, что первых не знаю вовсе, а вторые знаю лишь по старым воспоминаниям. Берлин же, по словам берлинцев, с тех пор удивительно преобразился. Впрочем, охотно Вам верю, что для домашнего хозяйства Лейпциг гораздо более удобен, чем столица бранденбургской Сахары¹.

*Ф.Энгельс — Н.Либкнехт, 19 июня 1890 г.
Соч., т.37, с. 358*

Германия в 1893 г.

Германию я нашел совершенно преображенной. По всей стране — заводские трубы, но на том небольшом участке, по которому я проезжал, они не настолько многочисленны, чтобы дым их причинял неудобство. Кёльн и Майнц неузнаваемы. Старый город на том же месте, но вокруг или рядом с ним вырос больший по размерам и более современный город с великолепными зданиями, расположенными по отлично составленному плану, и с крупными промышленными предприятиями, которые занимают особые кварталы, чтобы не портить вида и не нарушать покоя остальных. Наибольших успехов достиг Кёльн — число его жителей почти утроилось; Ринг — великолепная улица, ничего равного ей нет во всей Англии. Майнц растет, но медленнее. В Страсбурге отчетливо видно разделение на старый город и новый район, образуемый университетскими и административными зданиями, — внешний придаток, а не продукт естественного роста.

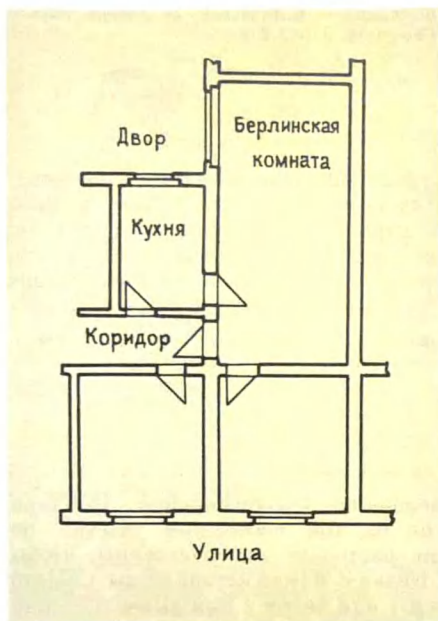
*Ф.Энгельс — Л.Лафарг, 21 августа 1893 г.
Соч., т.39, с. 98*

К тому же, Берлин и Вена наряду с Парижем стали красивейшими городами мира; Лондон и Нью-Йорк по сравнению с ними —

¹ Бранденбургскую марку, центром которой являлся Берлин, называли песочницей ("Streusandbüchse") Германской империи. *Ред.*

просто грязные захолустья, в особенности Лондон, который кажется нам после нашего возвращения каким-то странным.

Ф.Энгельс — Ф.А.Зорге, 7 октября 1893 г.
Соч., т.39, с. 113

План квартиры в Берлине
(«Берлинская комната»)

«Берлинская комната»

Наконец-то! Приехали в субботу вечером после шести дней, проведенных в Вене, и одного дня в Праге... Берлин я видел мало (из того, что до сих пор видел, — ни одного квадратного фута того Берлина, который я оставил в 1842 г., все новые постройки), но внешне он в самом деле великолепен, хотя боюсь, что внутренне полон неудобств... Здесь, в Берлине, они изобрели «берлинскую комнату» с каким-то подобием окна, и в ней-то берлинцы и проводят почти все свое время. Спереди находятся столовая (лучшая комната, предназначенная для парадных случаев) и гостиная (еще более пышная и еще более парадная), затем «берлинская» трущоба: рядом темный коридор, несколько спален, выходящих окнами во двор, и кухня. Неуклюжее, неуютное расположение, специфически берлинское (то есть *буржуазно-берлинское*): пышность и даже великолепие фасада, темнота, неудобство и плохое

расположение позади, фасад только для парадности, а неудобства для повседневной жизни. Во всяком случае, таково мое впечатление *сейчас*, будем надеяться, что оно изменится в лучшую сторону.

*Ф.Энгельс — Л.Лафарг, 18 сентября 1893 г.
Соч., т.39, с. 103, 104*

29 сентября мы снова вернулись домой и со все возрастающим презрением к смерти набросились на груды дел, которые нас ожидали.

«Кольцевых улиц, расположенных одна за другой», о которых говорил товарищ Хёгер, я, правда, в Берлине не смог обнаружить, но все же город внешне действительно красив, даже в рабочих кварталах просто дворцовые фасады. Но о том, что за ними скрывается, лучше всего умолчать. Нищета рабочих кварталов, разумеется, повсеместное явление; однако что меня совершенно удручает, — это «берлинская комната», немислимое во всем остальном мире вместилище тьмы, затхлого воздуха и уютно чувствующего себя там берлинского филистерства. Благодарю покорно! В квартире Августа этого нет, и это единственная квартира, которая мне нравится; во всех остальных я погибал.

Но этот крик наболевшего сердца не является целью сегодняшнего письма. Напротив, я хотел поздравить тебя и венцев.

*Ф.Энгельс — В.Адлеру, 11 октября 1893 г.
Соч., т.39, с. 114-115*

3.3. УНИЧТОЖЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Уничтожение противоположности между городом и деревней есть одно из первых условий общественного единства, — условие, которое, в свою очередь, зависит от множества материальных предпосылок и которое, как это видно уже с первого взгляда, не может быть осуществлено одной только волей. (Эти условия следует еще подробно рассмотреть.)

*К.Маркс и Ф.Энгельс. Немецкая идеология.
Соч., т.3, с. 50*

Коммуна представляла также интересы крестьянства

Вопрос о покрытии военных издержек предстоит разрешить гражданской войной. Коммуна представляет в этом жизненно важном вопросе не только интересы рабочего класса, мелкой

буржуазии, но в сущности всего среднего класса, за исключением буржуазии (богатых капиталистов), (богатых землевладельцев и их государственных паразитов). Она представляет прежде всего интересы *французского крестьянства*. Если победит Тьер и его «гугаих»¹, на плечи крестьянства будет переложена большая часть военных налогов. <...>

Коммуна отменит рекрутский набор, партия порядка навязет крестьянину налог кровью. Партия порядка посадит на шею крестьянина сборщика податей для покрытия расходов на паразитическую и дорогостоящую государственную машину, Коммуна даст ему дешевое правительство. Партия порядка будет по-прежнему предоставлять городскому ростовщику обирать и разорять его. Коммуна освободит его от кошмара закладных, тяготеющего над его клочком земли. Коммуна заменит паразитический судебный аппарат — нотариуса, судебного пристава и т. д., — пожирающий главную часть его дохода, коммунальными служащими, которые будут работать за плату рабочего, а не обогащаться за счет крестьянского труда. Она разорвет всю эту судебную паутину, которая опутывает французского крестьянина и в которой ютятся адвокаты и мэры буржуазных пауков, высасывающих его кровь! Партия порядка по-прежнему подчинит его власти жандарма, Коммуна возвратит его к самостоятельной общественной и политической жизни! Коммуна просветит его, утвердив руководство школьного учителя, партия порядка навязет ему отупляющее руководство священника! <...>

Помещики знают, что три месяца господства Республики Коммуны во Франции явились бы сигналом к восстанию крестьянства и сельского пролетариата против них. Вот откуда их свирепая ненависть к Коммуне!

К. Маркс. наброски «Гражданской войны во Франции».
Соч., т. 17, с. 554, 555, 556

Необходимость национализации земли и крупного коллективного хозяйства

Однако, оставляя в стороне так называемые «права» собственности, я утверждаю, что экономическое развитие общества, рост и концентрация населения — те условия, которые заставляют фермера-капиталиста применять в сельском хозяйстве коллективный и организованный труд и прибегать к помощи машин и подобных изобретений — будут все более и более делать национализацию земли «общественной необходимостью», против которой бессильны всякие рассуждения о правах собственности. Настоя-

тельные потребности общества должны быть и будут удовлетворены, изменения, продиктованные общественной необходимостью, сами проложат себе путь и рано или поздно приспособят законодательство к своим интересам.

Мы нуждаемся в ежедневно увеличивающемся производстве, и его потребности не могут быть удовлетворены при таком положении, когда кучка людей может регулировать это производство соответственно своим прихотям и частным интересам или невежественно истощать почву. Все современные методы, такие как орошение, дренаж, паровой плуг, химические продукты и т.п., должны широко применяться в сельском хозяйстве. Но научные познания, которыми мы обладаем, и технические средства ведения сельского хозяйства, которыми мы располагаем, такие как машины и т.п., могут быть успешно применены лишь при обработке земли в крупном масштабе.

*К.Маркс. Национализация земли.
Соч., т.18, с. 54—55*

К.Маркс о будущих переменах в деревне

Национализация земли и передача ее мелкими участками отдельным лицам или товариществам рабочих, когда власть находится в руках буржуазии, только породила бы беспощадную конкуренцию между ними и в результате привела бы к увеличивающемуся росту ренты, а это в свою очередь принесло бы новые выгоды землевладельцам, живущим за счет производителей.

На конгрессе Интернационала в Брюсселе в 1868 г. один из наших товарищей сказал:

«Мелкая частная собственность на землю осуждена наукой, а крупная земельная собственность — справедливостью. Остается, таким образом, только одно из двух: земля должна стать либо собственностью сельских товариществ, либо собственностью всей нации. Будущее решит этот вопрос».

Я же говорю наоборот:¹ социальное движение приведет к решению, что земля может быть только собственностью самой нации. Отдать землю в руки объединенных сельскохозяйственных рабочих значило бы подчинить общество исключительно одному классу производителей.

Национализация земли произведет полную перемену в отношениях между трудом и капиталом, и в конечном счете, совершенно уничтожит капиталистический способ производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Тогда исчезнут классовые различия и привилегии вместе с той экономической осно-

¹ В черновой рукописи вместо последующих слов написано: «будущее решит, что земля может быть только национальной собственностью». *Ред.*

вой, на которой они покоятся¹. Жизнь за счет чужого труда канет в прошлое. Не будет больше правительства или государства, отделенных от самого общества! Сельское хозяйство, горное дело, фабричная промышленность — одним словом, все отрасли производства — постепенно будут организованы наиболее целесообразным образом. *Национальная централизация средств производства* станет национальной² основой общества, состоящего из объединения свободных и равных производителей, занимающихся общественным трудом по общему и рациональному плану. Такова та гуманная³ цель, к которой ведет великое экономическое движение XIX столетия.

К.Маркс. *Национализация земли*.
Соч., т.18, с. 56-57

Жилищный вопрос и уничтожение противоположности между городом и деревней

Как решит этот вопрос социальная революция, это зависит не только от обстоятельств времени и места, это связано также с вопросами, идущими гораздо дальше, среди которых один из важнейших — вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней. Так как мы не занимаемся сочинением утопических систем устройства будущего общества, то было бы более чем праздным делом останавливаться на этом. <...>

Итак, буржуазное решение жилищного вопроса заведомо потерпело крушение, наткнувшись на *противоположность между городом и деревней*. И здесь мы подошли к центральному пункту вопроса. Жилищный вопрос может быть разрешен лишь тогда, когда общество будет преобразовано уже настолько, чтобы можно было приступить к уничтожению противоположности между городом и деревней, противоположности, доведенной до крайности в современном капиталистическом обществе. Капиталистическое общество не только не способно уничтожить эту противоположность, но вынуждено, наоборот, с каждым днем все больше ее обострять. Зато уже первые социалисты-утописты современности — Оуэн и Фурье — правильно поняли это. В их образцовых строениях не существует больше противоположности между городом и деревней. Здесь, стало быть, налицо как раз обратное тому, что утверждает г-н Закс: не решение жилищного вопроса приводит вместе с тем к разрешению социального вопроса, а лишь благодаря

¹ В черновой рукописи вместо слова «на которой они покоятся» написано: «из которой они произошли, и общество превратится в объединение свободных производителей». *Ред.*

² В черновой рукописи вместо слова «национальной» написано: «естественной». *Ред.*

³ В черновой рукописи слово «гуманная» зачеркнуто. *Ред.*

решению социального вопроса, то есть благодаря уничтожению капиталистического способа производства, становится вместе с тем возможным разрешение жилищного вопроса. Стремиться решить жилищный вопрос, сохраняя современные крупные города, — бессмыслица. Но современные крупные города будут устранены только с уничтожением капиталистического способа производства. а как только начнется это уничтожение, — вопрос встанет уже не о том, чтобы предоставить каждому рабочему домик в неотъемлемую собственность, а о делах совсем иного рода.

Ф.Энгельс. К жилищному вопросу.
Соч., т.18, с. 221 и 238-239

Полемика по поводу «утопичности» уничтожения противоположности между городом и деревней

Далее Мюльбергер заявляет:

«Что касается, в частности, противоположности между городом и деревней, то стремление уничтожить ее относится к области утопий. Противоположность эта естественная, вернее говоря, исторически возникшая... Дело не в том, чтобы уничтожить эту противоположность, а в том, чтобы найти такие политические и социальные формы, в которых она была бы безвредна, даже плодотворна. Таким путем можно достигнуть мирного соглашения, постепенного уравнивания интересов».

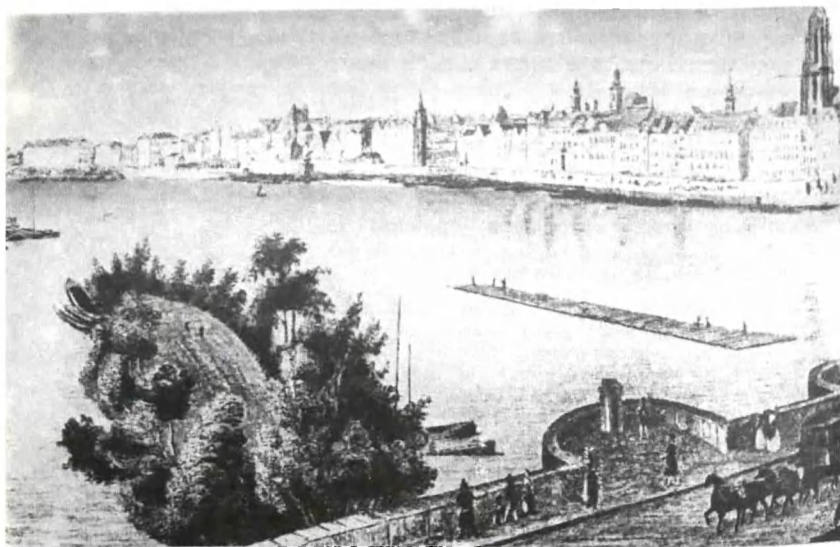
Итак, уничтожение противоположности между городом и деревней — утопия, *потому что* эта противоположность — естественная, вернее говоря, исторически возникшая. Применим эту логику к другим противоречиям современного общества и посмотрим, куда это нас приведет. Например:

«Что касается в частности противоположности между капиталистами и наемными рабочими, то стремление уничтожить ее относится к области утопий. Противоположность эта естественная, вернее говоря, исторически возникшая. Дело не в том, чтобы уничтожить эту противоположность, а в том, чтобы найти такие политические и социальные формы, в которых она была бы безвредна, даже плодотворна. Таким путем можно достигнуть мирного соглашения, постепенного уравнивания интересов».

Тем самым мы опять пришли к Шульце-Деличу.

Уничтожение противоположности между городом и деревней не в большей и не в меньшей степени утопично, чем уничтожение противоположности между капиталистами и наемными рабочими. Оно с каждым днем все более становится практическим требованием как промышленного, так и сельскохозяйственного производства. Никто не требовал этого настоятельнее, чем Либих в своих сочинениях по агрохимии, в которых он всегда выдвигал первым требованием, чтобы человек возвращал земле то, что он от нее получает, и где доказывалось, что этому препятствует лишь существование городов, в особенности крупных городов. Когда видишь, как здесь, 207

в одном только Лондоне, изо дня в день с затратой огромных средств выбрасывается в море бóльшая масса навоза, чем производится во всем королевстве Саксонии, и когда видишь, какие колоссальные сооружения необходимы для того, чтобы этот навоз не отравил весь Лондон, — то утопия об уничтожении против

Вид на Франкфурт-на-Майне. Около 1848 .

положности между городом и деревней находит замечательное обоснование в практике. Даже сравнительно небольшой Берлин вот уже по крайней мере тридцать лет задыхается в своих собственных нечистотах. С другой стороны, было бы чистойшей утопией желать, подобно Прудону, произвести переворот в современном буржуазном обществе, сохраняя крестьянина как такового. Только возможно более равномерное распределение населения по всей стране, только тесная внутренняя связь промышленного и земледельческого производства наряду с необходимым для этого расширением средств сообщения, — конечно, при условии уничтожения капиталистического способа производства, — в состоянии вырвать сельское население из изолированности и отупения, в которых оно почти неизменно прозябает в течение тысячелетий. Утверждать, что освобождение людей от цепей, выкованных их историческим прошлым, будет полным лишь тогда, когда будет уничтожена противоположность между городом и деревней, —

пытаются, «исходя из существующих отношений», предугадать форму, в которой должна быть разрешена та или иная противоположность, присущая существующему обществу. А именно это и делает Мюльбергер, принимая прудоновскую формулу решения жилищного вопроса.

*Ф. Энгельс. К жилищному вопросу.
Соч., т. 18, с. 275-277*

Заключительная полемика о путях решения «жилищного вопроса» в городе и деревне

Вот сколько пришлось исписать бумаги, чтобы сквозь всевозможные оговорки и увертки Мюльбергера добраться, наконец, до самой сути дела, которой Мюльбергер в своем ответе старательно избегает касаться.

Что положительного сказал Мюльбергер в своей статье?

Во-первых, — что «разница между первоначальными издержками по постройке дома, на строительный участок и т. д. и его теперешней стоимостью» по праву принадлежит обществу. Эта разница называется на экономическом языке земельной рентой. Прудон тоже хочет передать ее обществу, как можно прочитать в его «Общей идее революции», издание 1868 г., стр. 219.

Во-вторых, — что решение жилищного вопроса состоит в том, что каждый съемщик становится собственником своей квартиры.

В-третьих, — что это решение проводится в жизнь посредством закона, превращающего платежи по найму в платежи по покрытию покупной цены жилища. — Оба эти пункта, второй и третий, заимствованы у Прудона, как всякий может увидеть в «Общей идее революции», стр. 199 и сл., а на стр. 203 там даже имеется в готовой редакции соответствующий проект закона.

В-четвертых, — что производительность капитала берется за рога посредством переходного закона, согласно которому ставка процента снижается сначала до 1%, имея в виду затем дальнейшее понижение. Это точно так же заимствовано у Прудона, о чем подробно можно прочитать в «Общей идее», стр. 182-186.

По каждому из этих пунктов я процитировал то место у Прудона, где находится оригинал мюльбергерской копии, и вот я спрашиваю, был ли я вправе или нет назвать прудонистом автора насквозь прудонистской статьи, не содержащей ничего, кроме прудонистских воззрений? И все же Мюльбергер ни на что так горько не жалуется, как на то, что я его называю прудонистом, называю якобы потому, что я «наткнулся па некоторые обороты речи, свойственные Прудону». Напротив, все «обороты речи» принадлежат Мюльбергеру, содержание же принадлежит Прудону. И когда я дополняю прудонистскую статью Прудоним, то Мюль-

бергер жалуется, что я подсовываю ему «чудовищные воззрения» Прудона.

В чем же заключались мои возражения против этого прудонистского плана?

Во-первых, — что передача земельной ренты государству равносильна уничтожению индивидуальной земельной собственности.

Во-вторых, — что выкуп паежного жилища и передача собственности на жилище его бывшему съемщику вовсе не затрагивает капиталистического способа производства.

В-третьих, — что это предложение при современном развитии крупной промышленности и городов так же пелено, как и реакционно, и что восстановление индивидуальной собственности каждого отдельного лица на его жилище было бы шагом назад.

В-четвертых, — что принудительное понижение процента на капитал никоим образом не посягает на капиталистический способ производства и, напротив того, как это доказывают законы против ростовщичества, является требованием весьма старым и в то же время невыполнимым.

В-пятых, — что с уничтожением процента на капитал вовсе не уничтожается плата за наем помещений. <...>

Мюльбергер поучает меня по этому поводу, что эти вопросы — о налогах, государственных и частных долгах, кредите, да вдобавок еще вопрос об автономии общины — в высшей степени важны для крестьянина и для пропаганды в деревне. В значительной мере согласен, но 1) о крестьянах до сих пор вовсе не было речи и 2) прудоновское «решение» всех этих вопросов так же экономически нелепо и так же по существу буржуазно, как и его решение жилищного вопроса. Против намека Мюльбергера, будто я признаю необходимым вовлечь крестьян в движение, мне защищаться не приходится. Однако я все же считаю глупостью рекомендовать с этой целью крестьянам прудоновское знахарство. В Германии еще очень много крупных имений. По прудоновской теории следовало бы все это раздробить на маленькие крестьянские дворы, что, при нынешнем уровне сельскохозяйственной науки и после опыта Франции и Западной Германии в области парцелльного землевладения, было бы прямо реакционным шагом. Напротив, существующее еще крупное землевладение предоставит нам желаемую основу для того, чтобы при помощи ассоциированных работников повести земледелие в крупном масштабе, при котором только и возможно применение всех современных вспомогательных средств, машин и т. п., и тем самым наглядно показать мелким крестьянам преимущества крупного хозяйства на началах ассоциации. Датские социалисты, опередившие в этом отношении всех других, давно уже осознали это.

Неизбежность конца разбойничьего землеустройства в США

Могут возразить, что та система истощения земли, которую практикуют ныне на Дальнем Западе, не может продолжаться вечно и что дела должны снова поправиться. Конечно, она не может длиться вечно; но неистощенной земли там еще достаточно много, чтобы этот процесс затянулся еще и на будущее столетие...

Ну, а к чему все это ведет? Это ведет и должно привести к тому, что нам придется национализировать землю и обрабатывать ее кооперативными товариществами под контролем народа. Тогда, и только тогда, и для земледельцев и для нации снова станет выгодно обрабатывать землю, каковы бы ни были цены на американское или иное зерно и мясо.

*Ф.Энгельс. Американские продукты питания
и земельный вопрос.
Соч., т. 19, с. 280*

Немецкий крестьянин и его будущее

Итак, благодаря трем французским и одной немецкой революциям мы пришли, наконец-таки, к тому, что у нас снова имеются свободные крестьяне. Но так далеко нашему нынешнему свободному крестьянину до свободного члена марки прежних времен! Его участок большей частью значительно сократился, а неподделенная марка исчезла вовсе, за исключением немногочисленных, очень мелких и запущенных общинных лесных участков. Но не пользуясь общинными угодьями, мелкий крестьянин не может содержать скота; не содержа скота, он не имеет удобрений. без удобрений невозможно рациональное земледелие. Сборщик налогов и угрожающая фигура судебного исполнителя, стоящая за ним, столь хорошо известные современному крестьянину, были незнакомы общиннику прежних времен, так же как и ростовщик, дающий ссуды под залог земли, в лапы которого один за другим попадают крестьянские дворы. Но самое замечательное заключается в том, что эти новые свободные крестьяне, у которых так сильно урезаны наделы и подрезаны крылья, появились в Германии, где все происходит слишком поздно, в такое время, когда не только научное ведение сельского хозяйства но и новозобретенные сельскохозяйственные машины все более и более превращают мелкое крестьянское хозяйство в устарелую, уже нежизнеспособную форму производства. Подобно тому как механическое прядение и ткачество вытеснили самопрялку и ручной ткацкий станок, так и эти новые методы сельскохозяйственного производства должны беспощадно уничтожить парцелльное сельское хозяйство и заменить его крупной земельной собственностью, если только им будет предоставлено для этого необходимое время.

Ибо уже сейчас всему европейскому земледелию, в том виде **211**

как оно ведется в настоящее время, угрожает могущественный соперник — американское массовое производство зерна. С американской землей, которую сама природа позаботилась сделать плодородной и удобренной на долгий ряд лет и которую можно приобрести за бесценок, не могут выдержать состязания ни наши обремененные долгами мелкие крестьяне, ни наши столь же запутавшиеся в долгах крупные землевладельцы. Весь европейский способ ведения сельского хозяйства терпит поражение от американской конкуренции. В Европе можно будет продолжать заниматься земледелием только в том случае, если оно будет вестись в общественной форме и на счет всего общества.

Таковы виды на будущее для наших крестьян. А восстановление хотя и горемычного, но свободного класса крестьян имело *ту* хорошую сторону, что оно поставило крестьянина в положение, в котором он — при содействии своих естественных союзников — рабочих — может сам себе помочь, лишь только он захочет понять, *как это сделать*.

Но как? — Путем возрождения марки, но не в ее старой пережившей себя, а в омоложенной форме; путем такого обновления общинного землевладения, при котором последнее не только обеспечит мелкокрестьянским общинникам все преимущества крупного хозяйства и применения сельскохозяйственных машин, но и предоставит им средства организовать наряду с земледелием также и крупную промышленность с использованием силы пара и воды, и притом организовать ее без капиталистов, а силами самого товарищества.

Организовать крупное земледелие и применять сельскохозяйственные машины и означает другими словами: сделать излишним сельскохозяйственный труд большей части мелких крестьян, которые теперь сами обрабатывают свои поля. А чтобы эти вытесненные из земледелия люди не оставались без работы или не были вынуждены скопиться в городах, для этого необходимо занять их промышленным трудом в самой деревне, а это может быть с выгодой для них организовано только в крупном масштабе, при помощи силы пара или воды.

*Ф. Энгельс. Марка.
Соч., т. 19, с. 343-345*

III. Фурье и Р. Оуэн об устранении противоположности между городом и деревней

Уже утописты вполне понимали последствия разделения труда, видели калечение, с одной стороны, рабочего, а с другой стороны — самой трудовой деятельности, сводящейся к тому, что рабочий

в течение всей своей жизни однообразно, механически повторяет одну и ту же операцию. И Фурье, и Оуэн требовали уничтожения противоположности между городом и деревней как первого и основного условия для уничтожения старого разделения труда вообще. Согласно взгляду обоих, население должно распределяться по стране группами в 1600—3000 человек: каждая группа занимает в центре своей территории громадный дворец и ведет общее домашнее хозяйство. И хотя Фурье говорит местами о городах, однако сами эти города состоят только из четырех или пяти таких дворцов, расположенных по соседству друг с другом. Согласно взгляду обоих, каждый член общества занимается и земледелием, и промышленностью. У Фурье главную роль в промышленности играют ремесло и мануфактура, у Оуэна, напротив, — уже крупная промышленность, и он требует уже применения силы пара и машин к работам домашнего хозяйства. Но оба они выдвигают требование, чтобы и в земледелии, и в промышленности существовало возможно большее чередование занятий для каждого отдельного лица и чтобы, согласно с этим, юношество подготовлялось воспитанием к возможно более всесторонней технической деятельности. Согласно взгляду обоих, человек должен всесторонне развивать свои способности путем всесторонней практической деятельности, и труд должен вновь вернуть себе утраченную вследствие его разделения привлекательность — прежде всего посредством указанного чередования занятий и соответствующей этому небольшой продолжительности «сеанса» (употребляя выражение Фурье), посвящаемого каждой отдельной работе. Оба названные утописта стоят неизмеримо выше унаследованного г-ном Дюрингом способа мышления эксплуататорских классов, согласно которому противоположность между городом и деревней неустранима по самой природе вещей. Согласно этому ограниченному способу мышления, известное количество «существ» должно остаться при всех условиях обреченным на то, чтобы производить *один* вид продуктов: таким путем хотят увековечить существование «экономических разновидностей» людей, различающихся по своему образу жизни, — людей, испытывающих удовольствие от того, что они занимаются именно этим, и никаким иным, делом, и, следовательно, так глубоко опустившихся, что они *радуется* своему собственному порабощению, своему превращению в одностороннее существо. При сопоставлении с основными мыслями, содержащимися даже в самых безумно смелых фантазиях «идиота» Фурье, при сопоставлении даже с самыми скудными идеями «грубого, тусклого и скудного» Оуэна, г-н Дюринг, который сам еще всецело остается рабом разделения труда, выглядит как самодовольный карлик.

Ф. Энгельс. *Анти-Дюринг*.
Соч., т. 20, с. 304-305

Обоснование Ф. Энгельсом устранения противоположности между городом и деревней

Таким образом, уничтожение противоположности между городом и деревней не только возможно, — оно стало прямой необходимостью для самого промышленного производства, как и для производства сельскохозяйственного, и, сверх того, оно необходимо в интересах общественной гигиены. Только путем слияния города и деревни можно устранить нынешнее отравление воздуха, воды и почвы, и только при этом условии массы городского населения, ныне чахнувшие, сумеют добиться такого положения, при котором их экскременты будут использованы в качестве удобрения для выращивания растений, вместо того чтобы порождать болезни...

Следовательно, уничтожение разрыва между городом и деревней не представляет собой утопию также и с той стороны, с которой условием его является возможно более равномерное распределение крупной промышленности по всей стране. Правда, в лице крупных городов цивилизация оставила нам такое наследие, избавиться от которого будет стоить много времени и усилий. Но они должны быть устранены — и будут устранены, хотя бы это был очень продолжительный процесс. Какая бы участь ни была суждена германской империи прусской нации, Бисмарк может лечь в могилу с гордым сознанием, что его заветное желание, гибель больших городов, непременно осуществится...

Те революционные элементы, которым предстоит устранить старое разделение труда, а вместе с ним и разрыв между городом и деревней, и произвести переворот во всем производстве, содержатся уже в зачаточном состоянии в условиях производства современной крупной промышленности и встречают препятствие для своего дальнейшего развития лишь в нынешнем капиталистическом способе производства. Но для понимания этого нужно, конечно, иметь несколько более широкий горизонт, чем область действия прусского права, где водка и свекловичный сахар являются решающими продуктами промышленности и где торговые кризисы можно изучать по состоянию книжного рынка. Для этого надо знать настоящую крупную промышленность, в ее историческом развитии и ее современном действительном положении, особенно в той стране, которая является ее родиной и единственным местом, где она достигла своего классического развития. И тогда никому не придет в голову оплошлять современный научный социализм и низводить его до *специфически прусского социализма* г-на Дюринга.

Ф.Энгельс. *Анти-Дюринг*.
Соч., т.20, с. 307-308, 309

О невозможности полного равенства условий жизни

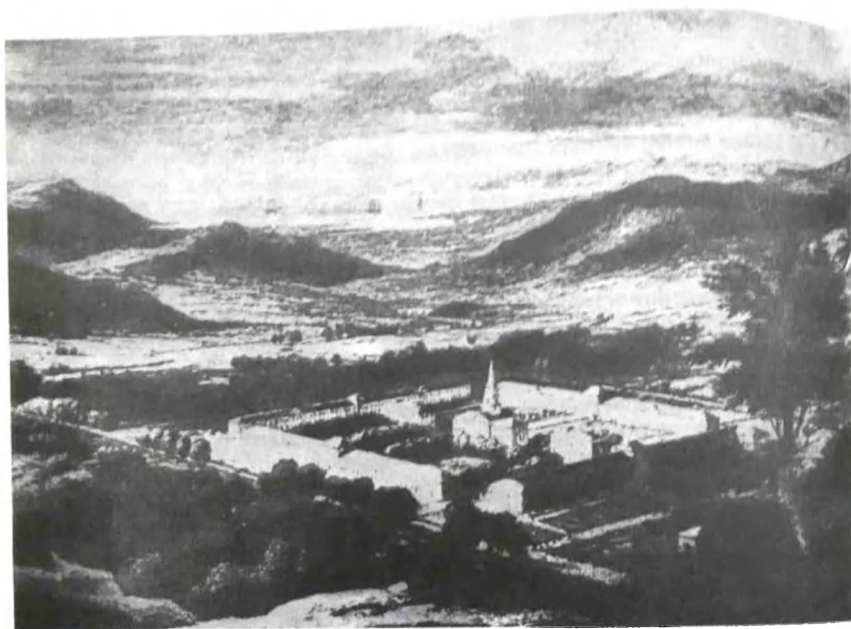
«Устранение всякого социального и политического неравенства» — тоже весьма сомнительная фраза вместо «уничтожения всех классовых различий». Между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать *известное* неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью. Обитатели Альп всегда будут иметь другие жизненные условия, чем жители равнин. Представление о социалистическом обществе, как о царстве *равенства*, есть одностороннее французское представление, связанное со старым лозунгом «свободы, равенства и братства», — представление, которое как определенная *ступень развития* было правомерно в свое время и на своем месте, по которое, подобно всем односторонностям прежних социалистических школ, теперь должно быть преодолено, так как оно вносит только путаницу и так как теперь найдены более точные способы изложения этого вопроса.

Ф.Энгельс — А.Бebelю, 18-28 марта 1875 г.
Соч., т.19, с. 5-6

Электротехника — рычаг, ускоряющий устранение противоположности между городом и деревней

Шум, который поднял Фирек по поводу электротехнической революции, ничего не смыслит в этом деле, только реклама для изданной им брошюры. Но в действительности это колоссальная революция. Паровая машина научила нас превращать тепло в механическое движение, но использование электричества откроет нам путь к тому, чтобы превращать *все* виды энергии — теплоту, механическое движение, электричество, магнетизм, свет — одну в другую и обратно и применять их в промышленности. Круг завершен. Новейшее открытие Депре, состоящее в том, что электрический ток очень высокого напряжения при сравнительно малой потере энергии можно передавать по простому телеграфному проводу на такие расстояния, о каких до сих пор и мечтать не смели, и использовать в конечном пункте, — дело это еще только в зародыше, — это открытие окончательно освобождает промышленность почти от всяких границ, полагаемых местными условиями, делает возможным использование также и самой отдаленной водяной энергии, и если вначале оно будет полезно только для *городов*, то в конце концов оно станет самым мощным рычагом для устранения противоположности между городом и деревней.

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну, 27, 28 февраля
и 1 марта 1883 г.
Соч., т.35, с. 374

*Поселение «Деревня единства и сотрудничества»
(по изложению Р. Оуэна в 1817 г.)*

Взгляды Ф. Энгельса на ликвидацию старого разделения труда между земледелием и промышленностью

Превратите всю Германию в хозяйства по 2000—3000 моргенов — больше или меньше, в зависимости от природных условий, — введите машинное производство и все современные совершенствования; разве тогда мы не будем иметь среди крестьянского населения более чем достаточно обученных рабочих? Ведь тогда сельскохозяйственной работы не хватит, чтобы занять это население в течение всего года. Большие массы людей будут продолжительное время бездельничать, если мы не займем их в промышленности. А наши промышленные рабочие тоже захиреют физически, если им не предоставить возможности работать на свежем воздухе и особенно в сельском хозяйстве. Допустим даже, что нынешнее взрослое поколение не годится для этого. Но молодежь-то можно этому обучить. Если несколько лет подряд в летнюю пору, когда есть работа, юноши и девушки будут отправляться в де-

ревню, — много ли семестров придется им зубрить, чтобы получить ученую степень пахаря, косаря и т.п.? Вы же не будете утверждать, что необходимо весь свой век ничем другим не заниматься, что надо так отупеть от работы, как наши крестьяне, и только так научиться чему-нибудь путному в сельском хозяйстве? В книге Бебеля сказано лишь это и ничего другого, а именно:

«что само производство, так же как и духовное, и физическое развитие людей, только тогда может достигнуть высшей ступени, когда будет устроено старое разделение труда между городом и деревней, между земледелием и промышленностью».

*Ф. Энгельс — Р. Мейеру. 19 июля 1893 г.
Соч., т.39, с. 88-89*

4. ПРОИЗВОДСТВО, ПОТРЕБНОСТИ, РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

4.1. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ: ДВОРЦЫ И ЖИЛИЩА РАБОЧИХ

Критика теории Мальтуса

Одна часть капитала обращается с невероятной быстротой, другая же лежит мертвой в сундуках. Одна часть рабочих работает по четырнадцать — шестнадцать часов в сутки, тогда как другая остается без дела, без работы и умирает с голоду. Или же эти противоположности выступают не одновременно: сегодня торговля идет хорошо, спрос очень значителен, всюду идет работа, капитал оборачивается с удивительной быстротой, земледелие процветает, рабочие работают до изнеможения, — завтра наступает застой, земледелие не окунает затраченных на него усилий, большие площади земли остаются невозделанными, капитал в самом разгаре движения вдруг застывает, рабочие остаются без занятий, и вся страна страдает от избыточного богатства и избыточного населения.

Такой ход вещей экономист не может признать правильным; иначе он должен был бы, как сказано, отказаться от всей своей системы конкуренции: он должен был бы увидеть всю бессмысленность своего противопоставления производства и потребления, избыточного населения и избыточного богатства. А для того, чтобы привести этот факт в согласие с теорией, — ведь самого-то факта нельзя было отрицать, — была изобретена теория народонаселения.

Мальтус, родоначальник этой доктрины, утверждает, что население всегда давит на средства существования, что с увеличением производства в той же степени увеличивается и население, и что присущая населению тенденция размножаться свыше имеющихся в его распоряжении средств существования является причиной всей нищеты, всех пороков. Ибо где слишком много людей, там они тем или иным способом должны быть устранены: либо их надо насильственно умертвить, либо они должны умереть с голоду. А раз это произошло, снова образуется брешь, которая тотчас же снова заполняется путем размножения оставшегося населения, и снова наступает прежняя нищета. <...>

он должен был бы увидеть, что избыточное население или избыточная рабочая сила всегда связана с избыточным богатством, избыточным капиталом и избыточной земельной собственностью. Население бывает слишком велико лишь там, где слишком велика производительная сила вообще. Яснее всего это показывает состояние всякой перенаселенной страны, особенно Англии, с того времени, когда писал Мальтус. Таковы были те факты, которые Мальтус должен был рассмотреть в их совокупности и рассмотрение которых должно было бы привести к правильному выводу; вместо этого он выхватил один факт, оставил другие без внимания и поэтому пришел к своему безумному заключению. Вторая ошибка, допущенная им, заключалась в смешении средств существования со средствами занятости. Что население всегда давит на средства занятости, что какое количество людей может быть занято, такое же количество их и производит, короче говоря, что производство рабочей силы до сих пор регулировалось законом конкуренции и потому было также подвержено периодическим кризисам и колебаниям, — это факт, установление которого составляет заслугу Мальтуса. Но средства занятости — не то же самое, что средства существования. При увеличении силы машин и роста капитала средства занятости возрастают лишь в конечном результате; средства же существования возрастают немедленно, как только вообще сколько-нибудь увеличится производительная сила. Здесь выступает новое противоречие политической экономии. Спрос в понимании экономиста не есть действительный спрос, потребление в его понимании — искусственное потребление. Для экономиста действительным представителем спроса, действительным потребителем является лишь тот, кто может предложить эквивалент за то, что он получает. Но если это факт, что всякий взрослый человек производит больше, чем может сам потребить, что дети подобны деревьям, с избытком возвращающим произведенные на них расходы, — а ведь это всё факты, — то надо полагать, что каждый рабочий должен был бы иметь возможность производить значительно больше того, что ему требуется, и потому общество должно было бы охотно снабжать его всем необходимым; надо было бы полагать, что большая семья должна быть для общества весьма желанным подарком. Однако экономист, по грубости своих воззрений, не знает никакого иного эквивалента кроме того, что выплачивается осязательными наличными деньгами. <...>

Теория Мальтуса была, впрочем, безусловно необходимым переходным моментом, бесконечно продвинувшим нас вперед. При ее посредстве, как и вообще при посредстве политической экономии, мы стали обращать внимание на производительную силу земли и человечества и, преодолев эту экономическую систему отчаяния, навсегда гарантировали себя от страха перед перенаселением. Из теории Мальтуса мы черпаем самые сильные экономические аргументы в пользу социального преобразования, ибо даже если бы Мальтус был безусловно прав, то все же было бы

необходимо немедленно предпринять это преобразование, так как лишь оно, лишь просвещение масс, осуществимое благодаря этому преобразованию, сделало бы возможным и то моральное ограничение инстинкта размножения, которое сам Мальтус считает наиболее легким и наиболее действенным средством против перенаселения. При посредстве этой теории мы стали понимать глубочайшее унижение человечества, его зависимость от условий конкуренции: она показала нам, как в конце концов частная собственность превратила человека в товар, производство и уничтожение которого тоже зависит лишь от спроса...

Ф. Энгельс. *Наброски к критике политической экономии.*
Соч., т. I, с. 364, 365, 366, 367

Признанные и непризнанные капиталом потребности рабочих

Политэконом говорит нам, что первоначально и в соответствии с теорией *весь продукт* труда принадлежит рабочему. Но одновременно с этим он говорит, что в действительности рабочему достается самая малая доля продукта — то, без чего абсолютно нельзя обойтись: лишь столько, сколько необходимо, чтобы он существовал — не как человек, а как рабочий — и плодил не род человеческий, а класс рабов — рабочих...

Само собой разумеется, что *пролетария*, т. е. того, кто, не обладая ни капиталом, ни земельной рентой, живет исключительно трудом, и притом односторонним, абстрактным трудом, политическая экономия рассматривает только как *рабочего*. В силу этого она может выставить положение, что рабочий, точно так же как и всякая лошадь, должен получать столько, чтобы быть в состоянии работать. Она не рассматривает его в безработное для него время, не рассматривает его как человека; это она предоставляет уголовной юстиции, врачам, религии, статистическим таблицам, политике и надзирателю за нищими. <...>
Но *рабочий* имеет несчастье быть *живым* и потому *испытывающим* нужду капиталом, который в тот момент, когда он не работает, теряет свои проценты, а тем самым и свое существование. В качестве капитала *стоимость* рабочего возрастает в зависимости от спроса и предложения, да и *физически* его *существование*, его *жизнь* рассматривались и рассматриваются как предложение *товара*, как это происходит с любым другим товаром. Рабочий производит капитал, капитал производит рабочего, следовательно, рабочий производит самого себя, и продуктом всего этого движения является человек как *рабочий*, как *товар*. Человек есть уже только *рабочий*, и в качестве рабочего он обладает лишь теми человеческими свойствами, которые нужны *чужому* для него капиталу. А так как капитал и рабочий друг другу чужды и потому находятся

в безразличных, внешних и случайных взаимоотношениях, то эта отчужденность должна выступать также и *реально*. Поэтому, как только капиталу вздумается — в силу необходимости или произвола — перестать существовать для рабочего, сам рабочий перестает существовать для себя: у него *нет* работы, а потому *нет* и заработной платы, и так как он обладает существованием не *как человек*, а *как рабочий*, то его преспокойно можно похоронить, дать ему умереть с голоду и т. д. ... Поэтому политическая экономия не знает незанятого рабочего, не знает человека труда, поскольку он оказывается вне этой сферы трудовых отношений. Плут, мошенник, шпиц, безработный: умирающий с голоду, нищенствующий и совершающий преступления человек труда, все это — *фигуры*, существующие не для *политической экономики*, а только для других глаз, для глаз врача, судьи, могильщика, надзирателя за бедными и т. д.; это призраки, витающие вне сферы политической экономики. Вот почему потребности рабочего превращаются для нее только в *потребность* содержать *его во время работы*, и притом лишь постольку, поскольку это необходимо для него, чтобы *рабочее поколение* не вымерло. В силу этого заработная плата имеет совершенно тот же смысл, как и *содержание, содержание в исправности* любого другого производительного инструмента, как *потребление капитала* вообще, которое необходимо для воспроизводства капитала вместе с процентами, или как смазочное масло, применяемое для колес, чтобы поддерживать их движение.

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.

Соч., т. 42, с. 53-54, 100-101

Стимулирование новых потребностей

[XIV] 7) Мы видели, какое значение имеет при социализме богатство человеческих потребностей, а следовательно, и какой-нибудь новый способ производства и какой-нибудь новый предмет производства: новое проявление человеческой сущностной силы и новое обогащение человеческого существа. В рамках частной собственности все это имеет обратное значение. Каждый человек старается пробудить в другом какую-нибудь новую потребность, чтобы вынудить его принести новую жертву, поставить его в новую зависимость и толкнуть его к новому виду наслаждения, а тем самым и к экономическому разорению. Каждый стремится вызвать к жизни какую-нибудь чуждую сущностную силу, господствующую над другим человеком, чтобы найти в этом удовлетворение своей собственной своекорыстной потребности. Поэтому вместе с ростом массы предметов растет царство чуждых сущностей, под игом которых находится человек, и каждый новый продукт представляет собой новую возможность взаимного обмана и взаимного ограбления. Вместе с тем человек становится все беднее как человек, он все и

большей мере нуждается в деньгах, чтобы овладеть этой враждебной сущностью, и сила его денег падает как раз в обратной пропорции к массе продукции, т. е. его нуждаемость возрастает по мере возрастания власти денег. — Таким образом, потребность в деньгах есть подлинная потребность, порождаемая политической экономией, и единственная потребность, которую она порождает.

К. Маркс. *Экономическо-философские рукописи 1844 года*.
Соч., т. 42, с. 128.

Потребности и деньги

Количество денег становится все в большей и большей мере их единственным *могущественным* свойством; подобно тому как они сводят всякую сущность к ее абстракции, так они сводят и самих себя в своем собственном движении к *количественной* сущности. *Безмерность* и *неумеренность* становятся их истинной мерой.

Даже с субъективной стороны это выражается отчасти в том, что расширение круга продуктов и потребностей становится *изобретательным* и всегда *расчетливым* рабом нечеловечных, рафинированных, неестественных и *надуманных* вожделений. Частная собственность не умеет превращать грубую потребность в *человеческую* потребность. Ее *идеализм* сводится к *фантазиям, причудам*, и ни один евнух не льстит более низким образом своему повелителю и не старается возбудить более гнусными средствами его притупившуюся способность к наслаждению, чтобы снискать себе его милость, чем это делает евнух промышленности, производитель, старающийся хитростью выудить для себя гроши, выманить золотую птицу из кармана своего христиански возлюбленного ближнего (каждый продукт является приманкой, при помощи которого хотят выманить у другого человека его сущность — его деньги; каждая действительная или возможная потребность оказывается слабостью, которая притянет муху к смазанной клеем палочке; всеобщая эксплуатация общественной человеческой сущности, подобно тому как каждое несовершенство человека есть некоторая связь с небом — тот пункт, откуда сердце его доступно священнику; каждая нужда есть повод подойти с любезнейшим видом к своему ближнему и сказать ему: милый друг, я дам тебе то, что тебе нужно, но ты знаешь *conditio sine qua non*¹, ты знаешь, какими чернилами тебе придется подписать со мной договор; я надуваю тебя, доставляя тебе наслаждение), — для этой цели промышленный евнух приспособляется к извращеннейшим фантазиям потребителя, берет на себя

юль сводника между ним и его потребностью, возбуждает в нем издоровые вожделения, подстерегает каждую его слабость, чтобы затем потребовать себе мзду за эту любезность.

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.

Соч., т.42, с. 128-129

Раздувание и снижение потребностей, в том числе в жилище

Отчасти же это отчуждение обнаруживается в том, что уточенность потребностей и средств для их удовлетворения, имеющая место на одной стороне, порождает на другой стороне скотское одичание, полнейшее, грубое, абстрактное упрощение потребностей или, лучше сказать, только воспроизводит самое себя в своем противоположном значении. Даже потребность в свежем воздухе перестает быть у рабочего потребностью. Человек поселяется снова в пещерах, которые, однако, ныне отравлены удушливым чумным дыханием цивилизации и в которых он чувствует себя *неуверенно*, как по отношению к чуждой силе, могущей в любой день выбросить, если он [XVI] не уплатит за жилье. Рабочий должен *оплачивать* эти мертвецы. *Светлое* жилище, называемое Прометеем у Эсхила одним из тех великих даров, посредством которых он превратил дикаря в человека, перестает существовать для рабочего. Свет, воздух и т. д., простейшая, присущая даже *животным* чистоплотность перестают быть потребностью человека. *Грязь*, это состояние человека опустившегося, загнивающего, *нечистоты* (в буквальном смысле этого слова) цивилизации становятся для него *жизненным элементом*. Полная *противоестественная* запущенность, гниющая природа становится его *жизненным элементом*. Ни одно из его чувств не существует больше не только в его человеческом виде, но и в *нечеловеческом*, следовательно, не существует больше даже в его животном виде. Происходит возврат к самым грубым *способам* (и *орудиям*) человеческого труда; так, например, *ступальное колесо* римских рабов стало орудием производства и средством существования для многих английских рабочих. Человек лишается не только человеческих потребностей — он утрачивает даже *животные* потребности. Ирландец знает только одну потребность — потребность в *еде*, притом состоящей только из *картофеля люмпен-пролетариев*, картофеля самого плохого качества. Но в каждом промышленном городе Англии и Франции уже имеется своя *маленькая* Ирландия. У дикаря, у животного все-таки есть еще потребность в охоте, в движении и т. д., в общении себе подобными. <...>

Каким образом рост потребностей и средств для их удовлетворения порождает отсутствие потребностей и отсутствие средств для их удовлетворения, это политэконом (и капиталист; вообще мы всегда имеем в виду эмпирических дельцов, когда обращаемся к политэкономам, являющимся их научной совестью и их научным бытием) доказывает следующим образом: 1) он сводит потребности рабочего к самому необходимому и самому жалкому подержанию физической жизни, а его деятельность — к самому абстрактному механическому движению; стало быть, говорит он, у человека нет никакой иной потребности ни в деятельности, ни в наслаждении; ибо даже такую жизнь политэконом объявляет человеческой жизнью и человеческим существованием; 2) возможно, более скудную жизнь (существование) он принимает в своих расчетах за масштаб и притом за всеобщий масштаб — всеобщий потому, что он имеет силу для масс людей. Политэконом превращает рабочего в бесчувственное и лишенное потребностей существо, точно так же как деятельность рабочего он превращает в чистую абстракцию от всякой деятельности. Поэтому всякая роскошь у рабочего представляется ему недопустимой, а все, что выходит за пределы самой наивысшей абстрактной потребности — будь то пассивное наслаждение или активное проявление деятельности, — кажется ему роскошью. Вследствие этого политическая экономия, эта наука о богатстве, есть в то же время наука о самоотречении, о лишениях, о бережливости, и она действительно доходит до того, что учит человека сберечь даже потребность в чистом воздухе или физическом движении.

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.

Соч., т. 42, с. 129-130 и 130-131.

Аскетизм — идеал буржуазной политэкономии

Эта наука о чудесной промышленности есть в то же время наука об аскетизме, и ее истинный идеал, это — аскетический, во всем занимающийся ростовщицеством скрыта и аскетический, но производящий раб. Ее моральным идеалом является рабочий, откладывающий в сберегательную кассу часть своей заработной платы, и она даже нашла для этого своего излюбленного идеала нужное ей холмовское искусство — в театре ставили сентиментальные пьесы в этом духе. Поэтому политическая экономия, несмотря на весь свой мирской и чувственный вид, есть действительно моральная наука, неморальнейшая из наук. Ее основной тезис — самоотречение, отказ от жизни и от всех человеческих потребностей. Чем меньше ты ешь, пьешь, чем меньше покупаешь книг, чем реже ходишь в театр, на балы, в кафе, чем меньше ты думаешь, любишь, теоретизируешь, поешь, рисуешь, фехтуешь и т. д.,

тем больше ты *сберегаешь*, тем больше становится твое сокровище, не подтачиваемое ни молью, ни червем, — твой *капитал*. Чем ничтожнее твое *бытие*, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твое *имущество*, тем больше твоя *отчужденная* жизнь, тем больше ты накапливаешь своей отчужденной сущности. Всю [XVI] ту долю жизни и человечности, которую отнимает у тебя политэконом, он возмещает тебе в виде *денег* и *богатства*, и все то, чего не можешь ты, могут твои деньги: они могут есть, пить, ходить на балы, в театр, могут путешествовать, умеют приобрести себе искусство, ученость, исторические редкости, политическую власть — все это они *могут* тебе присвоить; все это они могут купить; они — *настоящая сила*. Но чем бы это все ни было, деньги *не могут* создать ничего, кроме самих себя, не могут купить ничего, кроме самих себя, потому что все остальное ведь их слуга, а когда я владею господином, то я владею и слугой, и мне нет нужды гнаться за его слугой. Таким образом, все страсти и всякая деятельность должны потонуть в *жажде нажиться*. Рабочий вправе иметь лишь столько, сколько нужно для того, чтобы хотеть жить, и он вправе хотеть жить лишь для того, чтобы иметь (этот минимум).

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
Соч., т. 42, с. 131-132

Двойная мораль в части потребностей: подвалы и дворцы

Смысл и значение производства, имеющего в виду богатых, открыто обнаруживают себя в производстве, рассчитанном на бедных; по отношению к вышестоящим это выражается всегда утонченно, замаскировано, двусмысленно — одна видимость; по отношению к нижестоящим это выражается грубо, открыто, откровенно — сущность. *Грубая* потребность рабочего — порождает больший источник дохода, чем утонченная потребность богача. Подвальные помещения в Лондоне приносят своим хозяевам больше дохода, чем дворцы, т. е. они являются в отношении приносимого ими дохода *большим богатством* и, значит, выражаясь на языке политической экономии, *большим общественным богатством*.

И подобно тому как промышленность спекулирует на утонченности потребностей, она в такой же мере спекулирует и на их *грубости*, притом на искусственно вызванной грубости их. Поэтому истинным наслаждением для этой грубости является *самоодурманивание*, это кажущееся удовлетворение потребности, эта цивилизация *среди* грубого варварства потребностей. Вот почему английские кабаки являются наглядными символами частной собственности. Их роскошь показывает истинное отноше-

ние промышленной роскоши и богатства к человеку. Поэтому они по праву являются единственными воскресными развлечениями народа, к которым английская полиция относится по меньшей мере снисходительно. [XVII].

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
Соч., т. 42, с. 134

Различие между проживанием в пещерах и в подвалах

Мы сказали выше, что человек возвращается к *пещерному жилищу*, но возвращается к нему в отчужденной, враждебной форме. Дикарь в своей пещере — этом элементе природы, свободно предоставляющем себя ему для пользования и защиты, — чувствует себя не более чуждо, или, лучше сказать, не менее дома, чем *рыба* в воде. Но подвальное жилище бедняка, это — враждебное ему жилище, это «чужая сила, это закабаляющее его жилище, которое отдается ему только до тех пор, пока он отдает ему свой кровавый пот»; он не вправе рассматривать его как свой родной дом, где он мог бы, наконец, сказать: здесь я у себя дома; наоборот, он находится в *чужом* доме, в доме *другого* человека, который его изо дня в день подстерегает и немедленно выбрасывает на улицу, как только он перестает платить квартирную плату. И точно так же он знает, что и по качеству своему его жилище образует полную противоположность *потустороннего*, пребывающего на небе богатства, человеческого жилища.

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
Соч., т. 42, с. 137

Наслаждение для капиталистов

Конечно, и промышленный капиталист тоже потребляет и наслаждается. Он отнюдь не возвращается к противоестественной простоте потребностей. Но его потребление и наслаждение есть нечто только побочное; оно для него — отдых, подчиненный производству; при этом оно — *рассчитанное*, т. е. тоже *экономическое* наслаждение, ибо капиталист причисляет свое наслаждение к издержкам капитала, и он поэтому вправе тратить деньги на свое наслаждение лишь в таких пределах, чтобы эти его траты могли быть возмещены с лихвой путем воспроизводства капитала. Таким образом, наслаждение подчинено капиталу, наслаждающийся индивид — капитализирующему индивиду, тогда как раньше имело место обратное.

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
Соч., т. 42, с. 139

Потребности как средство для достижения цели

Общество — каким оно выступает для политэконома — есть *буржуазное общество*, где каждый индивид представляет собой некоторый замкнутый комплекс потребностей и [XXXV] существует для другого лишь постольку, — а другой существует для него лишь постольку, — поскольку они обоюдно становятся друг для друга средством. Подобно политикам в их рассуждениях о *правах человека*, и политэконом сводит все к человеку, т. е. к индивиду, у которого он отнимает все определенные свойства, чтобы рассматривать его только как капиталиста или рабочего.

К. Маркс. *Экономическо-философские рукописи 1844 года*.
Соч., т. 42, с. 140

Деньги в роли сводни между потребностью и ее предметом

Деньги, обладающие *свойством* все покупать, свойством все предметы себе присваивать, представляют собой, следовательно, *предмет* в наивысшем смысле. Универсальность этого их *свойства* есть всемогущество их сущности; поэтому они слынут всемогущими. Деньги — это *сводник* между потребностью и предметом, между жизнью и жизненными средствами человека. Но *то*, что опосредствует мне мою жизнь, *опосредствует мне* и существование другого человека для меня. Вот что для меня означает *другой человек*.

«Тьфу, пропасть! Руки, ноги, голова
И зад — твои ведь, без сомненья?
А чем же меньше все мои права
На то, что служит мне предметом наслаждения?
Когда куплю я шесть коней лихих,
То все их силы — не мои ли?
Я мчусь, как будто б ног таких
Две дюжины даны мне были!»

Гёте. «Фауст» (слова Мефистофеля)¹.

Шекспир в «Тимоне Афинском»:

«...Золото? Металл,
Сверкающий, красивый, драгоценный?
Нет бог! Нет, я искренно молил...
Тут золота довольно для того,
Чтоб сделать все чернейшее — беднейшим,
Все гнусное — прекрасным, всякий грех —
Правдивостью, все низкое — высоким.

¹ И. В. Гёте. «Фауст», часть I, сцена четвертая («Кабинет Фауста»). Ред. 227

Трусливого — отважным храбрецом.
А старика — и молодым и свежим!

...Этo

От алтарей отгонит ваших слуг
Из-под голов больных подушки вырвет.
Да, этот плут сверкающий начнет
И связывать и расторгать обеты.
Благословлять проклятое, людей
Ниц повергать пред застарелой язвой,
Разбойников почетом окружать,
Отличьями, коленопреклоненьем.
Сажая их высоко, на скамьи
Сенаторов; вдове, давно отжившей,
Даст женихов: раздушит, расцветит.
Как майский день, ту жертву язв поганых,
Которую и самый госпиталь
Из стен своих прочь гонит с отвращеньем! —
Ступай назад, проклятая земля,
Наложница всесветная, причина
Вражды и войн народов...» ...

Шекспир превосходно изображает сущность *денег*. Чтобы понять его, начнем сперва с толкования отрывка из Гёте.

То, что существует для меня благодаря *деньгам*, то, что я могу оплатить, т. е. то, что могут купить деньги, это — я сам, владелец денег. Сколь велика сила денег, столь велика и моя сила. Свойства денег суть мои — их владельца — свойства и сущностные силы. Поэтому то, что я *есть* и что я *в состоянии* сделать, определяется отнюдь не моей индивидуальностью. Я *уродлив*, но я могу купить себе *красивейшую* женщину. Значит, я не *уродлив*, ибо действие *уродства*, его отпугивающая сила, сводится на нет деньгами. Пусть я — по своей индивидуальности — *хромой*, но деньги добывают мне 24 ноги; значит я не хромой. Я плохой, нечестный, бессовестный, скудоумный человек, но деньги в почете, а значит в почете и их владелец. Деньги являются высшим благом — значит, хорош и их владелец. Деньги, кроме того, избавляют меня от труда быть нечестным, — поэтому заранее считается, что я честен. Я *скудоумен*, но деньги — это *реальный ум* всех вещей, — как же может быть скудоумен их владелец? К тому же он может купить себе людей блестящего ума, а тот, кто имеет власть над людьми блестящего ума, разве не умнее их? И разве я, который с помощью денег способен получить *все*, чего жаждет человеческое сердце, разве я не обладаю всеми человеческими способностями? Итак, разве мои деньги не превращают всякую мою немощь в ее прямую противоположность? <...>

Когда мне хочется какого-нибудь кушанья или когда я хочу воспользоваться почтовой каретой, ввиду того что я недостаточно силен, чтобы проделать путь пешком, то деньги доставляют мне и кушанье и почтовую карету, т. е. они претворяют и переводят мои желания из чего-то пребывающего в представлении, из их мыслимого, представляемого, желаемого бытия в их *чувственное*,

действительное бытие, из представления в жизнь, из воображаемого бытия в бытие реальное. В качестве такого опосредствования деньги — это *подлинно творческая сила*.

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.

Соч., т. 42, с. 146-149

Только платежеспособные потребности принимаются при капитализме во внимание

Спрос имеется, конечно, и у того, у кого нет денег, но такой спрос есть нечто пребывающее только в представлении, нечто не оказывающее на меня, на другого, на третьего [XLIII] никакого действия, нечто лишенное существования и, следовательно, остающееся для меня самого чем-то *недействительным, беспредметным*. Различие между спросом эффективным, основанным на деньгах, и спросом неэффективным, основанным на моей потребности, моей страсти, моем желании и т. д., есть различие между *бытием и мышлением*, между представлением, *существующим* лишь во мне, и таким представлением, которое для меня существует вне меня в качестве *действительного предмета*.

Если у меня нет денег для путешествия, то у меня нет и *потребности*, т. е. действительной и претворяющейся в действительность потребности в путешествии. Если у меня есть *призвание* к научным занятиям, но нет для этого денег, то у меня нет и призвания, т. е. *действенного, настоящего* призвания к этому. Наоборот, если я на самом деле не имею никакого призвания к научным занятиям, но у меня есть желание и деньги, то у меня есть к этому *действенное* призвание. *Деньги* — как внешнее, проистекающее не из человека как человека и не из человеческого общества как общества всеобщее *средство и способность превращать представление в действительность*, а *действительность в простое представление* — в такой же мере превращают *действительные человеческие и природные сущностные силы* в чисто абстрактные представления и потому в *несовершенства*, в мучительные химеры, в какой мере они, с другой стороны, превращают *действительные несовершенства и химеры*, действительно немощные, лишь в воображении индивида существующие сущностные силы индивида в *действительные сущностные силы и способности*. Уже согласно этому определению деньги являются, следовательно, всеобщим извращением *индивидуальностей*, которые они превращают в их противоположность и которым они придают свойства, противоречащие их действительным свойствам.

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.

Соч., т. 42, с. 149-150

Социальные условия определяют использование продуктов

В действительности дело происходит совсем иначе, чем думает г-н Прудон. С самого начала цивилизации производство начинается на антагонизме рангов, сословий, классов, наконец, на антагонизме труда накопленного и труда непосредственного. Без антагонизма нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней. До настоящего времени производительные силы развивались благодаря этому режиму антагонизма классов. Утверждать же, что люди потому могли заняться созданием продуктов более высокого порядка и более сложными отраслями производства, что все потребности всех работников были удовлетворены, значит отвлекаться от антагонизма классов и изображать в перевернутом виде весь ход исторического развития. С таким же правом можно было бы сказать, что так как во времена римских императоров кое-кто занимался откармливанием мурен в искусственных прудах, то для всего римского населения в изобилии имелаась пища; между тем как дело обстояло совсем наоборот: римскому народу не хватало необходимых средств для покупки хлеба, а у римских аристократов не было недостатка в рабах, чтобы кормить ими мурен.

Цены жизненных припасов почти постоянно возрастали, тогда как цены продуктов промышленности и предметов роскоши почти постоянно падали. Возьмем даже само сельское хозяйство: наиболее необходимые предметы — хлеб, мясо и т. д. — дорожают, цена же хлопка, сахара, кофе и т. д. постоянно, и в поразительной пропорции, понижается. И даже из числа съестных припасов в собственном смысле предметы роскоши, вроде артишоков, спаржи и т. д., стоят в настоящее время сравнительно дешевле, чем съестные припасы первой необходимости. В нашу эпоху излишнее легче производить, чем необходимое. Наконец, в различные исторические эпохи взаимные отношения цен не только различны, но и прямо противоположны. В продолжение всего средневековья сельскохозяйственные продукты были относительно дешевле промышленных; в новое время между ними существует обратное отношение. Следует ли из этого, что полезность сельскохозяйственных продуктов уменьшилась со времени средних веков?

Потребление продуктов определяется общественными условиями, в которые поставлены потребители, а сами эти условия основаны на антагонизме классов.

*К. Маркс. Нищета философии.
Соч., т. 4, с. 96-97*

Экономика диктует свои законы потребления

Хлопок, картофель и водка представляют собой наиболее распространенные предметы потребления. Картофель породил золотуху; хлопок в значительной степени вытеснил лен и шерсть, несмотря на то, что шерсть и лен во многих случаях полезнее хлопка, хотя бы с точки зрения гигиены; наконец, водка взяла верх над пивом и вином, несмотря на то, что водка, если ее употреблять в качестве пищевого продукта, является, по общему признанию, отравой. В течение целого столетия правительства тщетно боролись с этим европейским опиумом; экономика победила; она продиктовала свои законы потреблению.

Почему же хлопок, картофель и водка являются краеугольным камнем буржуазного общества? Потому, что их производство требует наименьшего труда, и они имеют, вследствие этого, наименьшую цену. А почему минимум цены обуславливает максимум потребления? Уж не вследствие ли абсолютной, внутренней присущей этим предметам полезности, их полезности в смысле способности наилучшим образом удовлетворять потребности рабочего как человека, а не человека как рабочего? Нет, это происходит потому, что в обществе, основанном на *нищете*, самые *нищенские* продукты имеют роковое преимущество служить для потребления самых широких масс.

Утверждать, что раз самые дешевые предметы имеют наиболее широкое употребление, то они должны обладать самой большой полезностью, — это значит утверждать, что громадное распространение водки, обуславливаемое небольшими издержками ее производства, есть самое убедительное доказательство ее полезности; это значит говорить пролетарию, что для него картофель полезнее мяса; это значит примириться с существующим порядком вещей; это значит, наконец, выступать вместе с г-ном Прудоном апологетом общества, которого не понимаешь.

К. Маркс. *Нищета философии*.
Соч., т. 4, с. 97

**Бюджет времени: необходимое рабочее, необходимое внерабочее, свободное время.
Их соотношение при капитализме**

«Что такое рабочий день?» Как велико то время, в продолжение которого капитал может потреблять рабочую силу, дневную стоимость которой он оплачивает? Насколько может быть удлинен день сверх рабочего времени, необходимого для воспроизводства самой рабочей силы? На эти вопросы, как мы видели, капитал отвечает: рабочий день насчитывает полных 24 часа в сутки, **231**

за вычетом тех немногих часов отдыха, без которых рабочая сила делается абсолютно негодной к возобновлению своей службы. При этом само собой разумеется, что рабочий на протяжении всей своей жизни есть не что иное, как рабочая сила, что поэтому все время, которым он располагает, естественно и по праву есть рабочее время и, следовательно, целиком принадлежит процессу самовозрастания стоимости капитала. Что касается времени, необходимого человеку для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил, даже для празднования воскресенья — будь то хотя бы в стране, в которой так свято чтут воскресенье, — то все это чистый вздор! Но при своем безграничном слепом стремлении, при своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто физические максимальные пределы рабочего дня. Он узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела. Он похищает время, которое необходимо рабочему для того, чтобы пользоваться свежим воздухом и солнечным светом. Он урезывает время на еду и по возможности включает его в самый процесс производства, так что пища дается рабочему как простому средству производства, подобно тому как паровому котлу дается уголь и машинам — сало или масло. Здоровый сон, необходимый для восстановления, обновления и освежения жизненной силы, капитал сводит к стольким часам оцепенения, сколько безусловно необходимо для того, чтобы оживить абсолютно истощенный организм. Таким образом, не нормальное сохранение рабочей силы определяет здесь границы рабочего дня, а наоборот, возможно большая ежедневная затрата рабочей силы, как бы болезненно насильственна и мучительна она ни была, ставит границы для отдыха рабочего. Капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы, интересуется его единственно тот максимум рабочей силы, который можно привести в движение в течение рабочего дня. Он достигает этой цели сокращением жизни рабочей силы, подобно тому как жадный сельский хозяин достигает повышения доходности земли посредством расхищения плодородия почвы.

*К. Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т. 23, с. 274-275*

«После меня хоть потоп» — вот лозунг капитализма

В общем опыт показывает капиталисту, что постоянно существует известное перенаселение, т. е. перенаселение сравнительно с существующей в каждый данный момент потребностью капитала в возрастании, хотя перенаселение это и состоит из

хилых, быстро отживающих, вытесняющих друг друга, так сказать, срываемых до наступления зрелости человеческих поколений. С другой стороны, опыт показывает вдумчивому наблюдателю, как быстро и как глубоко капиталистическое производство, которое с исторической точки зрения родилось лишь вчера, уже успело в корне подорвать жизненную силу народа, как вырождение промышленного населения замедляется лишь постоянным поглощением нетронутых жизненных элементов деревни и как даже сельские рабочие начинают уже вымирать, несмотря на свежий воздух и неограниченное действие среди них закона естественного отбора, в силу которого выживают лишь наиболее сильные индивидуумы. Капитал, который имеет столь «хорошие основания» отрицать страдания окружающего его поколения рабочих, в своем практическом движении считается с перспективой будущего вырождения и в конечном счете неизбежного вымирания человечества не меньше и не больше, чем с перспективой возможного падения земли на солнце. При всякой спекуляции с акциями каждый знает, что гроза когда-нибудь да грянет, но каждый надеется, что она разразится над головой его ближнего уже после того, как ему самому удастся собрать золотой дождь и укрыть его в безопасном месте. *Après moi le déluge!*¹ — вот лозунг всякого капиталиста и всякой капиталистической нации. Поэтому капитал беспощаден по отношению к здоровью и жизни рабочего всюду, где общество не принуждает его к другому отношению. На жалобы относительно физического и духовного калечения, преждевременной смерти, истязаний чрезмерным трудом он отвечает: как могут терзать нас эти муки, если они увеличивают наше наслаждение (прибыль)? Но в общем и целом это и не зависит от доброй или злой воли отдельного капиталиста. При свободной конкуренции имманентные законы капиталистического производства действуют в отношении отдельного капиталиста как внешний принудительный закон.

Установление нормального рабочего дня явилось результатом многовековой борьбы между капиталистом и рабочим.

*К. Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т. 23, с. 278-280*

Потребление рабочего как условие воспроизводства капитала

Потребление рабочего бывает двоякого рода. В самом производстве он потребляет своим трудом средства производства и превращает их в продукты более высокой стоимости, чем стоимость авансированного капитала. Это — его производственное потребление. Это — в то же время потребление его рабочей силы

¹ После меня хоть потоп! (*франц.*).

капиталистом, который купил ее. С другой стороны, рабочий расходует деньги, уплаченные ему при купле его рабочей силы, на приобретение жизненных средств. Это — его индивидуальное потребление. Следовательно, производственное и индивидуальное потребление рабочего совершенно различны между собой. В первом он функционирует как движущая сила капитала и принадлежит капиталисту; во втором он принадлежит самому себе и выполняет жизненные функции вне производственного процесса. Результатом первого является существование капиталиста, результатом второго — существование самого рабочего... Когда капиталист превращает в рабочую силу часть своего капитала, он тем самым увеличивает весь свой капитал. Он одним ударом убивает двух зайцев. Он извлекает прибыль не только из того, что он получает от рабочего, но и из того, что он дает рабочему. Капитал, отчужденный в обмен на рабочую силу, превращается в жизненные средства, потребление которых служит для воспроизводства мускулов, нервов, костей, мозга рабочих, уже имеющихся налицо, и для производства новых рабочих. Следовательно, индивидуальное потребление рабочего класса в его абсолютно необходимых границах есть лишь обратное превращение жизненных средств, отчужденных капиталом в обмен на рабочую силу, в рабочую силу, пригодную для новой эксплуатации со стороны капитала. Это — производство и воспроизводство необходимейшего для капиталиста средства производства — самого рабочего. Таким образом, индивидуальное потребление рабочего составляет момент в производстве и воспроизводстве капитала независимо от того, совершается ли оно внутри или вне мастерской, фабрики и т. д., внутри или вне процесса труда, подобно тому, как таким же моментом является чистка машины независимо от того, производится ли она во время процесса труда или во время определенных перерывов последнего. Дело нисколько не изменяется от того, что рабочий осуществляет свое индивидуальное потребление ради самого себя, а не ради капиталиста. Ведь и потребление рабочим скотом не перестает быть необходимым моментом процесса производства оттого, что скот сам находит удовольствие в том, что он ест. Постоянное сохранение и воспроизводство рабочего класса остается постоянным условием воспроизводства капитала. Выполнение этого условия капиталист может спокойно предоставить самим рабочим, полагаясь на их инстинкт самосохранения и размножения. Он заботится лишь о том, чтобы их индивидуальное потребление ограничивалось по возможности самым необходимым, и, как небо от земли, далек от южноамериканской грубости, с которой рабочих принуждают есть более питательную пищу вместо менее питательной.

Индивидуальное потребление в системе капиталистических отношений

В самом деле, индивидуальное потребление рабочего непроизводительно для него самого, так как оно воспроизводит лишь индивидуума с его потребностями; оно производительно для капиталиста и для государства, так как оно есть производство силы, создающей чужое богатство.

Итак, с общественной точки зрения класс рабочих — даже вне непосредственного процесса труда — является такой же принадлежностью капитала, как и мертвое орудие труда. Даже индивидуальное потребление рабочих в известных границах есть лишь момент в процессе воспроизводства капитала. И уже самый этот процесс, постоянно удаляя продукт труда рабочих от их полюса к противоположному полюсу капитала, заботится о том, чтобы эти одаренные сознанием орудия производства не сбегали. Индивидуальное потребление рабочих, с одной стороны, обеспечивает их сохранение и воспроизводство, с другой стороны, уничтожая жизненные средства, вызывает необходимость их постоянного появления на рынке труда. Римский раб был прикован цепями, наемный рабочий привязан невидимыми нитями к своему собственнику. Иллюзия его независимости поддерживается тем, что индивидуальные хозяева-наниматели постоянно меняются, а также тем, что существует *fictio juris* [юридическая фикция] договора.

*К. Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т. 23, с. 586*

Перемены в потреблении капиталиста: от скупости к роскоши

Лишь постольку, поскольку капиталист есть персонифицированный капитал, он имеет историческое значение и то историческое право на существование, которое, как говорит остроумный Лихновский, «не имеет никакой даты». И лишь постольку преходящая необходимость его собственного существования заключается в преходящей необходимости капиталистического способа производства. Но постольку и движущим мотивом его деятельности являются не потребление и потребительная стоимость, а меновая стоимость и ее увеличение. Как фанатик увеличения стоимости, он безудержно понуждает человечество к производству ради производства, следовательно к развитию общественных производительных сил и к созданию тех материальных условий производства, которые одни только могут стать реальным базисом более высокой общественной формы, основным принципом которой является полное и свободное развитие каждого индивидуума. Лишь как персонификация капитала капиталист пользуется почетом. В этом своем качестве он разделяет с собирателем

сокровищ абсолютную страсть к обогащению. Но то, что у собирателя сокровищ выступает как индивидуальная мания, то для капиталиста суть действие общественного механизма, в котором он является только одним из колесиков. Кроме того, развитие капиталистического производства делает постоянное возрастание вложенного в промышленное предприятие капитала必要ностью, а конкуренция навязывает каждому индивидуальному капиталисту имманентные законы капиталистического способа производства как внешние принудительные законы. Она заставляет его постоянно расширять свой капитал для того, чтобы его сохранить, а расширять свой капитал он может лишь посредством прогрессирующего накопления.

Поэтому, поскольку вся деятельность капиталиста есть лишь функция капитала, одаренного в его лице волей и сознанием, поскольку его собственное личное потребление представляется ему грабительским посягательством на накопление его капитала: так в итальянской бухгалтерии личные расходы записываются на стороне дебета капиталиста по отношению к его капиталу. Накопление есть завоевание мира общественного богатства. Вместе с расширением массы эксплуатируемого человеческого материала оно расширяет область прямого и косвенного господства капиталиста.

Но первородный грех действует везде. С развитием капиталистического способа производства, накопления и богатства капиталист перестает быть простым воплощением капитала. Он чувствует «человеческие побуждения» своей собственной плоти, к тому же он настолько образован, что готов осмеивать пристрастие к аскетизму как предрассудок старомодного собирателя сокровищ. В то время как классический капиталист клеймит индивидуальное потребление как грех против своей функции и как «воздержание» от накопления, модернизированный капиталист уже в состоянии рассматривать накопление как «отречение» от потребления. «Ах, две души живут в его груди, и обе не в ладах друг с другом!»

При исторических зачатках капиталистического способа производства — а каждый капиталистический *parvenu* [высочка] индивидуально проделывает эту историческую стадию — жажда обогащения и скупость господствуют как абсолютные страсти. Но прогресс капиталистического производства создает не только новый мир наслаждений; с развитием спекуляции и кредитного дела он открывает тысячи источников внезапного обогащения. На известной ступени развития некоторый условный уровень расточительности, являясь демонстрацией богатства и, следовательно, средством получения кредита, становится даже деловой необходимостью для «несчастливого» капиталиста. Роскошь входит в представительские издержки капитала.

**К. Маркс иронизирует по поводу
«рационального» потребителя товаров
и жилищ в условиях капитализма**

Между прочим. Господин капиталист и его пресса часто бывают недовольны тем способом, каким рабочие расходуют свои деньги, и теми товарами подразделения II, в которых они реализуют эти деньги. Он философствует по этому поводу, болтает о культуре, разыгрывает из себя филантропа, как это делает, например, г. Драммонд, секретарь английского посольства в Вашингтоне. Он сообщает, что «The Nation» [газета] в конце октября 1879 г. поместила «интересную статью», в которой, между прочим, говорится:

«В культурном отношении рабочие отстают от прогресса изобретений; для них стало доступным множество предметов, которые они не потребляют и для которых они, следовательно, не создают рынка». [Каждый капиталист, конечно, желает, чтобы рабочий покупал его товар.] Нет никакого основания полагать, что рабочий не желал бы жить с таким же комфортом, как священник, адвокат или врач, получающий столько же, сколько и он». [Много же комфорта могут при желании позволить себе в действительности такого рода адвокаты, священники и врачи!] «Но он так не живет. Вопрос все еще заключается в том, какими рациональными и здоровыми мерами можно повысить его уровень как потребителя; это вопрос нелегкий, потому что все его честолюбие не идет дальше сокращения рабочих часов, и демагоги скорее подстрекают его именно к этому, чем к улучшению его положения посредством совершенствования его умственных и моральных способностей»...

Длинный рабочий день, по-видимому, составляет секрет «рациональных и здоровых мер», которые должны «улучшить положение» рабочего «посредством совершенствования его умственных и моральных способностей» и сделать его «рациональным» потребителем. Чтобы стать таким «рациональным» потребителем товаров капиталистов, рабочий вынужден начать — но этому мешает демагог! — с того, чтобы позволить своему собственному капиталисту потреблять его рабочую силу нерациональным и вредным для здоровья образом. Как понимает капиталист «рациональное» потребление, это показывает trucksystem, при которой благосклонность капиталиста простирается до того, что он прямо вмешивается в потребление своих рабочих, причем одной из многочисленных разновидностей этой системы является предоставление квартир рабочим, так что капиталист одновременно становится и хозяином квартир своих рабочих.

*К. Маркс. Капитал. Том второй.
Соч., т. 24, с. 587-588*

4.2. ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ И УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ

**Продукты природы и жизненные средства —
пища, одежда, жилище**

Человек есть существо родовое, не только в том смысле, что и практически и теоретически он делает своим предметом род — как свой собственный, так и прочих вещей, но и в том смысле — и это есть лишь другое выражение того же самого, — что он относится к самому себе как к наличному живому роду, относится к самому себе как к существу *универсальному* и потому свободному.

Родовая жизнь как у человека, так и у животного физически состоит в том, что человек (как и животное) живет неорганической природой, и чем универсальнее человек по сравнению с животным, тем универсальнее сфера той неорганической природы, которой он живет. Подобно тому как в теоретическом отношении растения, животные, камни, воздух, свет и т.д. являются частью человеческого сознания, отчасти в качестве объектов естествознания, отчасти в качестве объектов искусства, являются его духовной неорганической природой, духовной пищей, которую он предварительно должен приготовить, чтобы ее можно было вкусить и переварить, — так и в практическом отношении они составляют часть человеческой жизни и человеческой деятельности. Физически человек живет только этими продуктами природы, будь то в форме пищи, отопления, одежды, жилища и т.д. Практически универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его *неорганическое* тело, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть *неорганическое тело* человека, а именно — природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело. Человек *живет* природой. Это значит, что природа есть его *тело*, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть. Что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы.

К. Маркс. *Экономическо-философские рукописи 1844 года.*
Соч., т. 42, с. 92

Начало истории человечества и жилище

Имея дело со свободными от всяких предпосылок немцами, мы должны прежде всего констатировать первую предпосылку всякого человеческого существования, а следовательно, и всякой истории,

а именно ту предпосылку, что люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «делать историю»¹. Но для жизни нужны прежде всего пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Итак, первый исторический акт, это — производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни. Притом это такое историческое дело, такое основное условие всякой истории, которое (ныне так же, как и тысячи лет тому назад) должно выполняться ежедневно и ежедневно — уже для одного того, чтобы люди могли жить.

*К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Соч., т. 3, с. 26*

Создание новых потребностей — исторический акт

Второй факт состоит в том, что сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом.

*К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Соч., т. 3, с. 27*

Семья умножает потребности

Третье отношение, с самого начала включающееся в ход исторического развития, заключается в том, что люди, ежедневно заново производящие свою собственную жизнь, начинают производить других людей, размножаться: это — отношение между мужем и женой, родителями и детьми, *семья*. Это семья, которая вначале была единственным социальным отношением, впоследствии, когда умножившиеся потребности порождают новые общественные отношения, а размножившееся население — новые потребности, становится (исключая Германию) подчиненным отношением ...

*К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Соч., т. 3, с. 27.*

¹ Политика Маркса на полях: «Гегель. Геологические, гидрографические и т. д. условия. Человеческие тела. Потребность, труд.» *Ред.*

Потребительная стоимость как свойство товара

Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. Природа этих потребностей, — порождаются ли они, например, желудком или фантазией, — ничего не изменяет в деле. Дело также не в том, как именно удовлетворяет данная вещь человеческую потребность: непосредственно ли, как жизненное средство, т.е. как предмет потребления, или окольным путем, как средство производства ...

Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью. Но эта полезность не висит в воздухе. Обусловленная свойствами товарного тела, она не существует вне этого последнего. Поэтому товарное тело, как, например, железо, пшеница, алмаз и т.п., само есть потребительная стоимость, или благо. Этот его характер не зависит от того, много или мало труда стоит человеку присвоение его потребительных свойств.

*К. Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т. 23, с. 43-44*

Роль потребления в определении потребительной стоимости

Потребительная стоимость осуществляется лишь в пользовании или потреблении. Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. При той форме общества, которая подлежит нашему рассмотрению, они являются в то же время вещественными носителями меновой стоимости.

*К. Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т. 23, с. 44*

Потребительные стоимости, не являющиеся стоимостями

Вещь может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Так бывает, когда ее полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные луга, дикорастущий лес и т. д. Вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость. (И не только для других вообще ... Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена.)

*К. Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т. 23, с. 49*

Без потребительной стоимости нет стоимости

Наконец, вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный на нее труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости.

*К. Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т. 23, с. 49*

К двойственному характеру овеществленного труда

Потребительные стоимости: сюртук, холст и т.д., одним словом — товарные тела, представляют собой соединение двух элементов — вещества природы и труда. За вычетом суммы всех различных полезных видов труда, заключающихся в сюртуке, холсте и т.д., всегда остается известный материальный субстрат, который существует от природы, без всякого содействия человека. Человек в процессе производства может действовать лишь так, как действует сама природа, т.е. может изменять лишь формы веществ. Более того. В самом этом труде формирования он постоянно опирается на содействие сил природы. Следовательно, труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, вещественного богатства. Труд есть отец богатства, как говорит Уильям Петти, земля — его мать.

*К. Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т. 23, с. 51-52*

Робинзонады политической экономии

и поселки утопического социализма Р. Оуэна

Так как политическая экономия любит робинзонады¹, то представим себе, прежде всего, Робинзона на его острове. Как ни скромны он в своих привычках, он все же должен удовлетворять разнообразные потребности и потому должен выполнять разнородные полезные работы: делать орудия, изготавливать мебель, приручать ламу, ловить рыбу, охотиться и т.д. О молитве и т.п. мы уже не говорим, так как наш Робинзон находит в ней удовольствие и рас-

¹ *Примечание к 2 изданию.* Даже Рикардо не мог обойтись без своей робинзонады. «Первобытного рыбака и первобытного охотника он заставляет сразу, в качестве владельцев товаров, обменивать рыбу и дичь пропорционально овеществленному в этих меновых стоимостях рабочему времени. При этом он впадает в тот анахронизм, что первобытный рыбак и первобытный охотник пользуются при учете своих орудий труда таблицами ежегодных процентных погашений, действовавшими на лондонской бирже в 1817 году. «Параллелограммы г-на Оуэна», кажется, были единственной формой общества, которую он знал кроме буржуазной» (*К. Маркс. «К критике политической экономии». Соч., т. 13, с. 46-47).*

смаатривает такого рода деятельность как отдохновение. Несмотря на разнообразие его производительных функций, он знает, что все они суть лишь различные формы деятельности одного и того же Робинзона, следовательно, лишь различные виды человеческого труда. В силу необходимости он должен точно распределять свое рабочее время между различными функциями. Больше или меньше места займет в его совокупной деятельности та или другая функция, это зависит от того, больше или меньше трудностей придется ему преодолеть для достижения данного полезного эффекта. Опыт учит его этому, и наш Робинзон, спасший от кораблекрушения часы, гроссбух, чернила и перо, тотчас же, как истый англичанин, начинает вести учет самому себе. Его инвентарный список содержит перечень предметов потребления, которыми он обладает, различных операций, необходимых для их производства, наконец, там указано рабочее время, которого ему в среднем стоит изготовление определенных количеств этих различных продуктов. Все отношения между Робинзоном и вещами, составляющими его самодельное богатство, настолько просты и прозрачны, что даже г-н Макс Вирт сумел бы уразуметь их без особого напряжения ума. И все же в них уже заключаются все существенные определения стоимости.

*К. Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т. 23, с. 86-87*

Общественный продукт при социализме и две его части

Наконец, представим себе, для разнообразия, союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно [selbstbewußt] расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу. Все определения робинзоновского труда повторяются здесь, но в общественном, а не в индивидуальном масштабе. Все продукты труда Робинзона были исключительно его личным продуктом и, следовательно, непосредственно предметами потребления для него самого. Весь продукт труда союза свободных людей представляет собой общественный продукт. Часть этого продукта служит снова в качестве средств производства. Она остается общественной. Но другая часть потребляется в качестве жизненных средств членами союза. Поэтому она должна быть распределена между ними. Способ этого распределения будет изменяться соответственно характеру самого общественно-производственного организма и ступени исторического развития производителей. Лишь для того, чтобы провести параллель с товарным производством, мы предположим, что доля каждого производителя в жизненных средствах определяется его рабочим временем. При этом условии рабочее время играло бы двоякую роль. Его общественно-планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и раз-

личными потребностями. С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта. Общественные отношения людей к их труду и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении.

*К. Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т. 23, с. 88-89*

Стоимость рабочей силы и ее потребности, в том числе — в жилище

Этот своеобразный товар, рабочая сила, подлежит теперь нашему ближайшему рассмотрению. Подобно всем другим товарам он обладает стоимостью. Чем определяется последняя?

Стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для производства, а следовательно, и воспроизводства этого специфического предмета торговли. Поскольку рабочая сила — стоимость, в ней самой представлено лишь определенное количество овеществленного общественного среднего труда. Рабочая сила существует только как способность живого индивидуума. Производство рабочей силы предполагает, следовательно, существование последнего. Раз существование индивидуума дано, производство рабочей силы состоит в воспроизводстве самого индивидуума, в поддержании его жизни. Для поддержания своей жизни живой индивидуум нуждается в известной сумме жизненных средств. Таким образом, рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, сводится к рабочему времени, необходимому для производства этих жизненных средств, или стоимость рабочей силы есть стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания жизни ее владельца. Но рабочая сила осуществляется лишь путем внешнего ее проявления, она осуществляется только в труде. В процессе ее осуществления, в труде, затрачивается определенное количество человеческих мускулов, нервов, мозга и т. д., которое должно быть снова возмещено. Эта усиленная затрата предполагает усиленное возмещение. Собственник рабочей силы, трудившийся сегодня, должен быть в состоянии повторить завтра тот же самый процесс при прежних условиях силы и здоровья. Следовательно, сумма жизненных средств должна быть достаточна для того, чтобы поддержать трудящегося индивидуума как такового в состоянии нормальной жизнедеятельности. Сами естественные потребности, как-то: пища, одежда, топливо, жилище и т. д., различны в зависимости от климатических и других природных особенностей той или другой страны. С другой стороны, размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют собой продукт истории и зависят в большой мере от культурного

уровня страны, между прочим в значительной степени и от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих. Итак, в противоположность другим товарам определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент. Однако для определенной страны и для определенного периода объем и состав необходимых для рабочего жизненных средств в среднем есть величина данная.

Собственник рабочей силы смертен. Следовательно, чтобы он непрерывно появлялся на рынке, как того требует непрерывное превращение денег в капитал, продавец рабочей силы должен увековечить себя, «как увековечивает себя всякий индивидуум, т. е. путем размножения». Рабочие силы, исчезающие с рынка вследствие изнашивания и смерти, должны постоянно замещаться по меньшей мере таким же количеством новых рабочих сил. Сумма жизненных средств, необходимых для производства рабочей силы, включает в себя поэтому жизненные средства таких заместителей, т. е. детей рабочих ...

Для того чтобы преобразовать общечеловеческую природу так, чтобы она получила подготовку и навыки в определенной отрасли труда, стала развитой и специфической рабочей силой, требуется определенное образование или воспитание, которое, в свою очередь, стоит большей или меньшей суммы товарных эквивалентов. Эти издержки на образование различны в зависимости от квалификации рабочей силы. Следовательно, эти издержки обучения — совершенно ничтожны для обычной рабочей силы — входят в круг стоимостей, затрачиваемых на ее производство.

*К. Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т. 23, с. 181-183*

Повседневно и долговременно потребляемые жизненные средства

Часть жизненных средств, например продукты питания, топливо и т. д., потребляется ежедневно и потому ежедневно же должна возмещаться. Другие жизненные средства, как платье, мебель и т. д., потребляются в течение более или менее продолжительных промежутков времени, а потому и подлежат возмещению лишь по истечении более продолжительного времени. Одни товары покупаются или оплачиваются ежедневно, другие еженедельно, раз в четверть года и т. д. ... Это количество труда, необходимое для ежедневного производства рабочей силы, составляет ее дневную стоимость, или стоимость ежедневно воспроизводимой рабочей силы.

Стоимость рабочей силы и минимум существования

Низшую, или минимальную, границу стоимости рабочей силы образует стоимость той товарной массы, без ежедневного притока которой носитель рабочей силы, человек, не был бы в состоянии возобновлять свой жизненный процесс, т. е. стоимость физически необходимых жизненных средств. Если цена рабочей силы падает до этого минимума, то она падает ниже стоимости, так как при таких условиях рабочая сила может поддерживаться и проявляться лишь в хиреющем виде. Между тем стоимость всякого товара определяется тем рабочим временем, которое требуется для производства товара нормального качества.

*К. Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т. 23, с. 183-184*

Рабочий авансирует потребительную стоимость своей рабочей силы

Во всех странах с капиталистическим способом производства рабочая сила оплачивается лишь после того, как она уже функционировала в течение срока, установленного договором при ее купле, например в конце каждой недели. Таким образом, везде рабочий авансирует капиталисту потребительную стоимость своей рабочей силы; он предоставляет покупателю потреблять свою рабочую силу раньше, чем последний уплатил ее цену, одним словом — везде рабочий кредитует капиталиста. Что этот кредит не пустая выдумка, показывает не только потеря кредитором заработной платы в случае банкротства капиталиста, но и целый ряд фактов, оказывающих более продолжительное влияние. Однако характер самого товарообмена не изменяется от того, функционируют ли деньги в качестве покупательного средства или в качестве средства платежа. Цена рабочей силы установлена при заключении контракта, хотя реализуется, подобно квартирной плате, лишь впоследствии.

*К. Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т. 23, с. 185-186*

Потребительная стоимость принадлежит покупателю

Присмотримся к делу поближе. Дневная стоимость рабочей силы составляла 3 шилл., потому что в ней самой овеществлена половина рабочего дня, т. е. потому что жизненные средства, ежедневно необходимые для производства рабочей силы, стоят половину рабочего дня. Но прошлый труд, который заключается в рабочей силе, и тот живой труд, который она может выполнить, ежедневные издержки по ее сохранению и ее ежедневная затрата — это две совершенно различные величины. Первая определяет ее меновую

стоимость, вторая составляет ее потребительную стоимость. То обстоятельство, что для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов достаточно половины рабочего дня, нисколько не препятствует тому, чтобы рабочий работал целый день. Следовательно, стоимость рабочей силы и стоимость, создаваемая в процессе ее потребления, суть две различные величины. Капиталист, покупая рабочую силу, имел в виду это различие стоимости. Ее полезное свойство, ее способность производить пряжу или сапоги, было только *conditio sine qua non* [необходимым условием], потому что для создания стоимости необходимо затратить труд в полезной форме. Но решающее значение имела специфическая потребительная стоимость этого товара, его свойство быть источником стоимости, при этом большей стоимости, чем имеет он сам. Это — та специфическая услуга, которой ожидает от него капиталист. И он действует при этом соответственно вечным законам товарного обмена. В самом деле, продавец рабочей силы, подобно продавцу всякого другого товара, реализует ее меновую стоимость и отчуждает ее потребительную стоимость. Он не может получить первой, не отдавая второй. Потребительная стоимость рабочей силы, самый труд, так же не принадлежит ее продавцу, как потребительная стоимость проданного масла — торговцу маслом. Владелец денег оплатил дневную стоимость рабочей силы, поэтому ему принадлежит потребление ее в течение дня, дневной труд. То обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, между тем как рабочая сила может действовать, работать целый день, что поэтому стоимость, создаваемая потреблением рабочей силы в течение одного дня, вдвое больше, чем ее собственная дневная стоимость, есть лишь особое счастье для покупателя, но не составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу.

*К. Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т. 23, с. 204-205*

Диалог между капиталистом и рабочим по поводу потребительной стоимости

Капиталист купил рабочую силу по ее дневной стоимости. Ему принадлежит ее потребительная стоимость в течение одного рабочего дня. Он приобрел, таким образом, право заставить рабочего работать на него в продолжение одного рабочего дня. Но что такое рабочий день? Во всяком случае это нечто меньшее, чем естественный день жизни. На сколько? У капиталиста свой собственный взгляд на эту *ultima Thule*¹, на необходимую границу рабочего дня. Как капиталист, он представляет собой лишь пер-

сонифицированный капитал. Его душа — душа капитала. Но у капитала одно-единственное жизненное стремление — стремление возрастать, создавать прибавочную стоимость, впитывать своей постоянной частью, средствами производства, возможно большую массу прибавочного труда. Капитал — это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает. Время, в продолжение которого рабочий работает, есть то время, в продолжение которого капиталист потребляет купленную им рабочую силу. Если рабочий потребляет свое рабочее время на самого себя, то он обкрадывает капиталиста.

Итак, капиталист ссылается на закон товарного обмена. Как и всякий другой покупатель, он старается извлечь возможно большую пользу из потребительной стоимости своего товара. Но вдруг раздается голос рабочего, который до сих пор заглушался шумом и грохотом [Sturm und Drang] процесса производства.

Товар, который я тебе продал, отличается от остальной товарной черни тем, что его потребление создает стоимость, и притом большую стоимость, чем стоит он сам. Потому-то ты и купил его. То, что для тебя является возрастанием капитала, для меня есть излишнее расходование рабочей силы. Мы с тобой знаем на рынке лишь один закон: закон обмена товаров. Потребление товара принадлежит не продавцу, который отчуждает товар, а покупателю, который приобретает его. Поэтому тебе принадлежит потребление моей дневной рабочей силы. Но при помощи той цены, за которую я каждый день продаю рабочую силу, я должен ежедневно воспроизводить ее, чтобы потом снова можно было ее продавать. Не говоря уже о естественном изнашивании вследствие старости и т. д., у меня должна быть возможность работать завтра при том же нормальном состоянии силы, здоровья и свежести, как сегодня. Ты постоянно проповедуешь мне евангелие «бережливости» и «воздержания». Хорошо. Я хочу, подобно разумному, бережливому хозяину, сохранить свое единственное достояние — рабочую силу и воздержаться от всякой безумной растраты ее. Я буду ежедневно приводить ее в текучее состояние, превращать в движение, в труд лишь в той мере, в какой это не вредит нормальной продолжительности ее существования и ее нормальному развитию. Безмерным удлинением рабочего дня ты можешь в один день привести в движение большее количество моей рабочей силы, чем я мог бы восстановить в три дня. То, что ты таким образом выигрываешь на труде, я теряю на субстанции труда. Пользование моей рабочей силой и расхищение ее — это совершенно различные вещи. Если средний период, в продолжение которого средний рабочий может жить при разумных размерах труда, составляет 30 лет, то стоимость моей рабочей силы, которую ты мне уплачиваешь изо дня в день,

$$= \frac{1}{365 \times 30}, \text{ или } 1/10\,950 \text{ всей ее стоимости. Но если ты потре-}$$

блещешь ее в 10 лет и уплачиваешь мне ежедневно $1/10$ 950 вместо $1/3650$ всей ее стоимости, т. е. лишь $1/3$ дневной ее стоимости, то ты, таким образом, крадешь у меня ежедневно $2/3$ стоимости моего товара. Ты оплачиваешь мне одnodневную рабочую силу, хотя потребляешь трехдневную. Это противно нашему договору и закону товарообмена. Итак, я требую рабочего дня нормальной продолжительности и требую его, выывая не и твоему сердцу, так как в денежных делах сердце молчит. Ты можешь быть образцовым гражданином, даже членом общества покровительства животным и вдобавок пользоваться репутацией святости, но у той вещи, которую ты представляешь по отношению ко мне, нет сердца в груди. Если кажется, что в ней что-то бьется, так это просто биеение моего собственного сердца. Я требую нормального рабочего дня, потому что, как всякий другой продавец, я требую стоимости моего товара.

Мы видим, что если не считать весьма растяжимых границ рабочего дня, то природа товарного обмена сама не устанавливает никаких границ для рабочего дня, а следовательно и для прибавочного труда. Капиталист осуществляет свое право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день и, если возможно, сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфическая природа продаваемого товара обуславливает предел потребления его покупателем, и рабочий осуществляет свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определенной нормальной величиной. Следовательно, здесь получается антиномия, право противопоставляется праву, причем оба они в равной мере санкционируются законом товарообмена. При столкновении двух равных прав решает сила. Таким образом, в истории капиталистического производства нормирование рабочего дня выступает как борьба за пределы рабочего дня, — борьба между совокупным капиталистом, т. е. классом капиталистов, и совокупным рабочим, т. е. рабочим классом.

*К. Маркс. Капитал. Том первый.
Соч., т. 23, с. 244-246*

Потребительная стоимость услуг

Рабочая сила производительного работника является товаром для него самого. Точно так же обстоит дело и с рабочей силой непроизводительного работника. Но производительный работник

¹ Во время большой стачки лондонских строительных рабочих в 1860—1861 гг., требовавших сокращения рабочего дня до 9 часов, их комитет опубликовал заявление, почти совпадающее с речью нашего рабочего. В нем не без иронии указывается, что наиболее алчный из «строительных предпринимателей», некий сэр М.Пито, пользуется «репутацией святости». (Этот самый Пито после 1867 г. кончил тем же, чем и Штраусбергл!).

производит для покупателя его рабочей силой товар. Непроизводительный же производит для него просто потребительную стоимость, воображаемую или действительную, а вовсе не товар. Для производителя работница характерно то, что он для своего покупателя не производит товара, хотя и получает от него товар. «...» Для производителя этих услуг они — товары. Они имеют определенную потребительную стоимость (воображаемую или действительную) и определенную меновую стоимость. Но для покупателя эти услуги — лишь потребительные стоимости ...

К. Маркс. Теория прибавочной стоимости
(IV том «Капитала»).

Соч., т. 26, ч. I, с. 141 и 140

Производительный и непроизводительный труд

Тем не менее остается верным, что товар выступает как прошлый, ошестствленный труд и, следовательно, если он выступает не в форме вещи, то он может выступать только в форме самой рабочей силы, живой же труд как таковой никогда не может быть товаром непосредственно (а может стать им только на том или ином окольном пути, который кажется практически безразличным, но обнаруживает свое значение при установлении различных заработных плат). Таким образом, производительным трудом Смит должен был бы признать такой труд, который или производит товары или непосредственно производит, формирует, развивает, сохраняет, воспроизводит самую рабочую силу. Этот последний вид труда А. Смит исключает из своей рубрики производительного труда; он делает это произвольно, но руководствуется при этом некоторым верным инстинктом, подсказывающим ему, что если он включает сюда и этот труд, то настежь откроет двери для всякого рода необоснованных претензий на звание производительного труда.

Таким образом, поскольку мы отвлекаемся от самой рабочей силы, производительный труд сводится к такому труду, который производит товары, материальные продукты, изготовление которых стоило определенного количества труда или рабочего времени. В число этих материальных продуктов включены все произведения искусства и науки, книги, картины, статуи и т. п., поскольку они существуют как вещи. ...

Если оставить это в стороне, то производительным трудом [согласно второму определению Смита] является труд, производящий товары, а непроизводительным трудом — труд, производящий личные услуги. Первый вид труда представлен в какой-нибудь пригодной для продажи вещи; второй вид труда должен быть потреблен во время своего выполнения. Первый вид труда (за исключением труда, создающего самую рабочую силу) охватывает все существующее в вещной форме материальное и интеллектуаль-

ное богатство — мясо точно так же, как и книги; второй охватывает все виды труда, которые удовлетворяют какую-нибудь воображаемую или действительную потребность индивидуума или даже навязываются индивидууму против его воли.

К. Маркс. Теории прибавочной стоимости
(IV том «Капитала»).

Соч., т. 26, ч. I, с. 154-155

Немного иронии о потреблении шампанского, музыки, поэзии и дворцов

Затем идет беллетристическая белиберда:

«Певец, когда он кончил петь, ничего, как утверждают, нам не оставляет. — Нет, он оставляет воспоминание!» (очень мило!). «Когда вы выпили шампанского, что остается после этого?... Экономические результаты могут быть различны в зависимости от того, следует ли потребление сейчас же за фактом производства или нет, совершается ли оно быстрее или медленнее, но самый факт потребления, каков бы он ни был, не может отнять у продукта характер богатства. Существуют нематериальные продукты, более долговечные, чем некоторые материальные. Дворец существует долго, но «Илиада» — еще более долговечный источник наслаждения» (стр. 277-278).

Какая чушь!

В том смысле, в каком России здесь понимает богатство, т. е. в смысле потребительной стоимости, дело обстоит даже так, что только *потребление* впервые и делает продукт богатством, все равно, как бы это потребление ни совершалось: медленно или быстро (продолжительность потребления зависит от его собственной природы и от природы предмета). Потребительная стоимость имеет значение только для потребления, и ее существование для потребления есть лишь существование в качестве предмета потребления, есть лишь ее существование в потреблении. Как питье шампанского не есть производительное потребление, хотя оно и производит «похмелье», так не является производительным потреблением и слушание музыки, хотя оно и оставляет после себя «воспоминание». Если музыка хороша и слушатель понимает музыку, то потребление музыки возвышеннее потребления шампанского, хотя производство последнего есть «производительный труд», а производство первой — *непроизводительный*.

К. Маркс. Теории прибавочной стоимости
(IV том «Капитала»).

Соч., т. 26, ч. I, с. 294

Удовлетворение потребностей путем распределения общественного труда в условиях форм товарного производства

Болтовня о необходимости доказать понятие стоимости покоится лишь на полнейшем невежестве как в отношении того предмета, о котором идет речь, так и в отношении метода науки. Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы, если бы она приостановила работу не то что на год, а хотя бы на несколько недель. Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта *необходимость распределения* общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена *определенной формой* общественного производства, — измениться может лишь форма *ее проявления*. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от исторически различных состояний общества, может лишь *форма*, в которой эти законы прокладывают себе путь. А форма, в которой прокладывает себе путь это пропорциональное распределение труда, при том состоянии общества, когда связь общественного труда существует в виде *частного обмена* индивидуальных продуктов труда, — эта форма и есть *меновая стоимость* этих продуктов. ...

Вульгарный экономист не имеет ни малейшего представления о том, что действительные, обыденные отношения обмена и величины стоимости не могут быть *непосредственно тождественными*. Вся соль буржуазного общества состоит как раз в том, что в нем *a priori*¹ не существует никакого сознательного общественного регулирования производства. Разумное и естественно необходимое прокладывает себе путь лишь как слепо действующее среднее.

К. Маркс — Л. Кугельману, 11 июля 1868 г.
Соч., т. 32, с. 460-461

4.3. ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ОБЩЕСТВЕННЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ И АРХИТЕКТУРА

Появление новых потребностей

Второй факт состоит в том, что сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом.

К. Маркс и Ф. Энгельс. *Немецкая идеология*.
Соч., т. 3, с. 27

¹ — заведомо. *Ред.*

Критика концепции Макса Штирнера о «нужных» (утилитарных) потребностях

... Штирнер подсовывает коммунизму понятие о «нужном», в том смысле, какой этому слову придает современный буржуа, и вводит таким образом различие, которое ввиду своего убожества может иметь значение только в нынешнем обществе и в его идеальном отображении — в штирнеровском союзе «отдельных крикунов» и свободных беловшеек.

*К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Соч., т. 3, с. 196*

Всеобщие и социально обусловленные потребности

Коммунисты, поскольку они нападают на материальный базис, на котором покоится неизбежное до сих пор затвердевание желаний или мыслей, являются единственными, благодаря историческому действию которых расплавление затвердевающих желаний и мыслей действительно осуществляется и перестает быть, как у всех моралистов до сих пор «вплоть до» Штирнера, бессильной моральной заповедью. Коммунистическая организация действует двояким образом на желания, вызываемые в индивиду нынешними отношениями; часть этих желаний, а именно те, которые существуют при всяких отношениях и лишь по своей форме и направлению изменяются различными общественными отношениями, подвергаются и при этой общественной форме изменению, поскольку им доставляются средства для нормального развития; другая же часть, а именно те желания, которые обязаны своим происхождением лишь определенной общественной форме, определенным условиям производства и общения, совершенно лишаются необходимых для них условий жизни. Какие именно влечения при коммунистической организации подвергаются лишь изменению, а какие упраздняются, — можно решить только практическим путем, посредством изменения действительных, практических влечений, а не посредством сравнений с прежними историческими отношениями.

Оба выражения: «твердые» и «желания», только что употребленные нами с целью разбить Штирнера на этом «единственном» факте, конечно, совершенно неподходящи. Тот факт, что в нынешнем обществе одна потребность индивида может удовлетворяться за счет всех других и что существует моральное требование, согласно которому этого «не должно быть», что так именно дело обстоит *plus ou moins* [более или менее] у всех индивидов нынешнего мира и что тем самым делается невозможным свободное развитие целостного индивида, — этот факт Штирнер, который ничего не знает относительно эмпирической связи данного факта с сущест-

вующим общественным строем, формулирует в том смысле, что у несогласных с собою эгоистов «желания затвердевают». Желание, уже в силу одного своего существования, есть нечто «твердое», и только святому Макс и его братии может прийти в голову мысль не дать, например, своему половому влечению сделаться «твердым», каким оно является уже от природы и каким перестало бы быть только вследствие кастрации или импотенции. Всякая потребность, лежащая в основе того или другого «желания», есть тоже нечто «твердое», и святой Макс никакими усилиями не добьется уничтожения этой «твердости» и такого, например, состояния, при котором ему не приходилось бы принимать пищу через «твердые» промежутки времени. Коммунисты и не помышляют об уничтожении этой твердости своих желаний и потребностей, как Штирнер в своих фантазиях навязывает это им и всем остальным людям; они стремятся только к такой организации производства и общения, которая сделала бы для них возможным нормальное, т. е. ограниченное лишь самими потребностями, удовлетворение всех потребностей.

*К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Соч., т. 3, с. 245-246 (примечание)*

Относительность общественных требований к жилищу

Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно так же малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съезживается до размеров жалкой хижинки. Теперь малые размеры домика свидетельствуют о том, что его обладатель совершенно нетребователен или весьма скромен в своих требованиях; и как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах все более неуютно, все более неудовлетворенно, все более принижено.

Сколько-нибудь заметное увеличение заработной платы предполагает быстрый рост производительного капитала. Быстрый рост производительного капитала вызывает столь же быстрое возрастание богатства, роскоши, общественных потребностей и общественных наслаждений. Таким образом, хотя доступные рабочему наслаждения возросли, однако то общественное удовлетворение, которое они доставляют, уменьшилось по сравнению с увеличившимися наслаждениями капиталиста, которые рабочему недоступны, и вообще по сравнению с уровнем развития общества. Наши потребности и наслаждения порождаются обществом; поэтому мы прила-

гаем к ним общественную мерку, а не измеряем их предметами, служащими для их удовлетворения. Так как наши потребности и наслаждения носят общественный характер, они относительно.

К. Маркс. *Насмный труд и капитал.*
Соч., т. 6, с. 446

О росте производства, потребностей и относительном ухудшении положения рабочего класса¹⁾

«Однако даже если бы утверждение, что средний доход *всех* классов общества возрос, было настолько же верным, насколько оно в действительности является ошибочным, то все же могли бы увеличиться различия и *относительное* отставание одних доходов от других и в результате этого могла бы резко выступить противоположность между богатством и бедностью. Ибо именно *в силу того*, что вся продукция возрастает, и в меру ее роста растут и потребности, возделения и притязания, а следовательно, может возрастать *относительная* бедность, в то время как *абсолютная* бедность уменьшается. Самоед, потребляющий тюлений жир и прогорклую рыбу, не беден, потому что в его замкнутом обществе у всех имеются одинаковые потребности. Но в *прогрессирующем государстве*, где за какой-нибудь десяток лет совокупная продукция пропорционально к численности населения увеличилась на одну треть, рабочий, зарабатывающий столько же, как и 10 лет тому назад, не остался на прежнем уровне благосостояния, а сделался беднее на одну треть».

К. Маркс. *Экономическо-философские рукописи 1844 года.*
Соч., т. 42, с. 55

Как соотносится производство с распределением, обменом, потреблением

Прежде чем вдаваться в дальнейший анализ производства, необходимо рассмотреть те различные рубрики, которые экономисты ставят рядом с производством.

Первое поверхностное представление: в процессе производства члены общества приспособливают (создают, преобразовывают) продукты природы к человеческим потребностям; распределение устанавливает долю каждого индивида в произведенном; обмен доставляет ему те определенные продукты, на которые он хочет обменять доставшуюся ему при распределении долю; наконец, в потреблении продукты становятся предметами потребления, индивидуального присвоения. Производство создает предметы, соответствующие потребностям; распределение распределяет их согласно общественным законам; обмен снова распределяет уже распределенное согласно отдельным потребностям; наконец, в потреблении продукт выпадает из этого общественного движения, становится

¹ К. Маркс цитирует здесь книгу В. Шульца «Рост производства» (Примеч. ред.).

непосредственно предметом и слугой отдельной потребности и удовлетворяет ее в процессе потребления. Производство выступает, таким образом, как исходный пункт, потребление — как конечный пункт, распределение и обмен — как середина, которая, в свою очередь, заключает в себе два момента, поскольку распределение определяется как момент, исходящий от общества, а обмен — как момент, исходящий от индивидов. В производстве объективируется личность; в потреблении субъективируется вещь; в распределении общество берет на себя, в форме господствующих всеобщих определений, опосредствование между производством и потреблением; в обмене они опосредствуются случайной определенностью индивида.

К. Маркс. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Соч., т. 46, ч. 1, с. 24-25

Определение соотношения между производством и потреблением

Производство есть непосредственно также и потребление. Двойное потребление — субъективное и объективное. [Во-первых:] индивид, развивающий свои способности в процессе производства, в то же время расходует, потребляет их в акте производства, точно так же как естественный акт создания потомства представляет собой потребление жизненных сил. Во-вторых: производство есть потребление средств производства, которые используются, изнашиваются, а отчасти (как например при сжигании топлива) вновь распадаются на основные элементы. Точно так же производство есть потребление сырья, которое не сохраняет своего естественного вида и свойств, а, наоборот, утрачивает их. Поэтому сам акт производства, во всех своих моментах, есть также и акт потребления. Но со всем этим экономисты соглашаются. Производство, как непосредственно идентичное с потреблением, потребление, как непосредственно совпадающее с производством, они называют *производительным потреблением*. Эта идентичность производства и потребления сводится к положению Спинозы: «*determinatio est negatio*».

[М-7] Однако это определение производительного потребления как раз и выдвигается экономистами только для того, чтобы отделить потребление, идентичное с производством, от собственно потребления, которое, наоборот, понимается как уничтожающая противоположность производства. Итак, рассмотрим собственно потребление. ...

Итак, производство есть непосредственно потребление, потребление есть непосредственно производство. Каждое непосредственно является своей противоположностью. Однако в то же время между обоими имеет место опосредствующее движение. Производство опосредствует потребление, для которого оно создает материал, 255

без чего у потребления отсутствовал бы предмет. Однако и потребление опосредствует производство, ибо только оно создает для продуктов субъекта, для которого они и являются продуктами. Продукт получает свое последнее завершение только в потреблении.

К. Маркс. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Соч., т. 46, ч. 1, с. 26 и 27

Потребление создает необходимость в новом производстве

Потребление создает производство двояким образом:

1) Тем, что только в потреблении продукт становится действительным продуктом. Например, платье становится действительно платьем лишь тогда, когда его носят; дом, в котором не живут, фактически не является действительным домом. Таким образом, продукт, в отличие от простого предмета природы, проявляет себя как продукт, *становится* продуктом только в потреблении. Потребление, уничтожая продукт, этим самым придает ему завершенность, ибо продукт есть [результат] производства не только как овеществленная деятельность, а лишь как предмет для деятельного субъекта.

2) Тем, что потребление создает потребность в *новом* производстве, стало быть, идеальный, внутренне побуждающий мотив производства, являющийся его предпосылкой. Потребление создает влечение к производству; оно создает также и тот предмет, который в качестве цели определяющим образом действует в процессе производства. И если ясно, что производство доставляет потреблению предмет в его внешней форме, то [М-8] столь же ясно, что потребление *полагает* предмет производства *идеально*, как внутренний образ, как потребность, как влечение и как цель. Оно создает предметы производства в их еще субъективной форме. Без потребности нет производства. Но именно потребление воспроизводит потребность.

К. Маркс. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Соч., т. 46, ч. 1, с. 27-28

Производство порождает также способ потребления

Этому соответствует со стороны производства то, что оно:

1) доставляет потреблению материал, предмет. Потребление без предмета не есть потребление. Таким образом, с этой стороны производство создает, порождает потребление.

2) Но производство создает для потребления не только предмет, — оно придает потреблению также его определенность, его
256 характер, его отшлифованность. Как потребление отшлифовывает

продукт как продукт, точно так же производство отшлифовывает потребление. Прежде всего, предмет не есть предмет вообще, а определенный предмет, который должен быть потреблен определенным способом, опять-таки предудказанным самим производством. Голод есть голод, однако голод, который утоляется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, при котором проглатывают сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов. Поэтому не только предмет потребления, но также и способ потребления создается производством, не только объективно, но и субъективно. Производство, таким образом, создает потребителя.

3) Производство доставляет не только потребности материал, но и материалу потребность. Когда потребление выходит из своей первоначальной природной грубости и непосредственности, — а длительное пребывание его на этой ступени само было бы результатом закосневшего в природной грубости производства, — то оно само, как влечение, опосредствуется предметом. Потребность, которую оно ощущает в том или ином предмете, создана восприятием последнего. Предмет искусства — то же самое происходит со всяким другим продуктом — создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой. Производство создает поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета.

Итак, производство создает потребление: 1) производя для него материал, 2) определяя способ потребления, 3) возбуждая в потребителе потребность, предметом которой является создаваемый им продукт. Оно производит поэтому предмет потребления, способ потребления и влечение к потреблению. Точно так же потребление порождает способности производителя, возбуждая в нем направленную на определенную цель потребность.

К. Маркс. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Соч., т. 46, ч. 1, с. 28-29

Взаимостимулирующие воздействия потребления и производства

Только потребление и завершает акт производства, придавая продукту законченность его как продукта, поглощая его, уничтожая его самостоятельно-вещную форму, повышая посредством потребности в повторении способность, развитую в первом акте производства, до степени мастерства; оно, следовательно, не только тот завершающий акт, благодаря которому продукт становится продуктом, но и тот, благодаря которому производитель становится производителем. С другой стороны, производство создает потребление, создавая определенный способ потребления и затем создавая влечение к потреблению, саму способность потребления как потребность. Эта последняя, относящаяся к пункту 3-му, идентичность **257**

множественно разъясняется в политической экономии в виде соотношения спроса и предложения, предметов и потребностей, потребностей естественных и созданных обществом.

К. Маркс. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Соч., т. 46, ч. I, с. 29-30

К историческому развитию потребностей

На низших ступенях производства, во-первых, создано еще мало человеческих потребностей, а следовательно, и удовлетворять приходится лишь немногие потребности. Таким образом, необходимое рабочее время является здесь ограниченным не потому, что труд производителен, а потому, что людям требуется очень немного.

К. Маркс. Критика политической экономии (Черновой набросок 1857-1859 годов). Соч., т. 46, ч. I, с. 372

Капиталистическое производство увеличивает число и объем неудовлетворенных потребностей

С другой стороны, производство *относительной прибавочной стоимости*, т. е. производство прибавочной стоимости, основанное на увеличении и развитии производительных сил, требует производства нового потребления; требует, чтобы потребительский круг внутри обращения так же расширялся, как прежде [при производстве абсолютной прибавочной стоимости] расширялся производственный круг. *Во-первых*, требуется количественное расширение существующего потребления; *во-вторых*, — создание новых потребностей путем распространения уже существующих потребностей в более широком кругу; *в-третьих*, — производство *новых* потребностей, открытие и создание новых потребительных стоимостей. ...

Стало быть, [предполагается] исследование всей природы с тем, чтобы открыть новые полезные свойства вещей; универсальный обмен продуктами всех чужих друг для друга климатов и стран; новые виды обработки (искусственной) природных предметов, посредством которой им придается новая потребительная стоимость [впоследствии сослаться на ту роль, которую *предметы роскоши* играли в древнем мире в отличие от современности]; всестороннее исследование земных недр, имеющие целью как открытие новых полезных ископаемых, так и выявление новых полезных свойств старых ископаемых, например новых их свойств как источников сырья и т. д.; отсюда развитие естествознания до высшей точки; точно так же открытие, создание и удовлетворение новых потребностей, порождаемых самим обществом. Культивиро-

вание всех свойств общественного человека и производство его как человека с возможно более богатыми свойствами и связями, а потому и потребностями, — производство человека как возможно более целостного и универсального продукта общества (ибо для того, чтобы пользоваться множеством вещей, человек должен быть способен к пользованию ими, т. е. он должен быть в высокой степени культурным человеком), — тоже являются условиями производства, основанного на капитале. Это создание новых отраслей производства, т. е. качественно нового прибавочного времени, представляет собой не только разделение труда, но и отталкивание от самого себя определенного производства в виде труда, имеющего новую потребительную стоимость; представляет собой развитие постоянно расширяющейся и все более всеобъемлющей системы видов труда, видов производства, которым соответствует постоянно расширяющаяся и все более богатая система потребностей. ... Соответственно этой своей тенденции капитал преодолевает национальную ограниченность и национальные предрассудки, обожествление природы, традиционное, самодовольно замкнутое в определенных границах удовлетворение существующих потребностей и воспроизводство старого образа жизни. Капитал разрушителен по отношению ко всему этому, он постоянно все это революционизирует, сокрушает все преграды, которые тормозят развитие производительных сил, расширение потребностей, многообразие производства, эксплуатацию природных и духовных сил и обмен ими.

Однако из того, что всякую подобную границу капитал рассматривает как ограничение и поэтому *идеально* выходит за ее пределы, вовсе не следует, что капитал преодолел ее *реально*, а так как каждое подобное ограничение противоречит его назначению [Bestimmung], то капиталистическое производственное движение в противоречиях, которые постоянно преодолеваются, но столь же постоянно полагаются. Более того. Та универсальность, к которой неудержимо стремится капитал, находит в его собственной природе такие границы, которые на определенной ступени капиталистического развития заставляют осознать, что самым большим пределом для этой тенденции является сам капитал, и которые поэтому будут влечь людей к уничтожению капитала посредством самого капитала.

К. Маркс. Критика политической экономики
(Черновой набросок 1857-1859 годов).
Соч., т. 46, ч. 1, с. 385, 386, 387

Многообразие общественных потребностей — богатство

Если мы говорим о *необходимом рабочем времени*, то особенные, отдельные отрасли труда выступают в качестве *необходимых* отраслей. Но основе меновой стоимости эта взаимная необходимость опосредствована обменом и проявляется именно в том, что каждый

особенный объективированный труд, каждое особенным образом специфицированное и материализованное рабочее время обменивается на продукт и символ всеобщего рабочего времени, просто объективированного рабочего времени, — на деньги и таким образом может быть снова обменено на любой особенный труд. Сама эта необходимость — изменчива, поскольку потребности производятся точно так же, как и продукты и различные трудовые навыки. В рамках этих потребностей и необходимых работ имеют место колебания в ту или другую сторону.

Чем более *необходимыми* становятся те потребности, которые сами возникли исторически, которые порождены самим производством, т. е. общественные потребности, сами вытекающие из общественного производства и обмена, — тем сильнее развито действительное богатство. Богатство, если рассматривать его *вещественно*, заключается только в многообразии потребностей.

*К. Маркс. Критика политической экономики
(Черновой набросок 1857-1859 годов).
Соч., т. 46, ч. II, с. 18*

Роскошь противостоит природной необходимости

Необходимые потребности являются потребностями такого индивида, который сам сведен к субъекту природы. Развитие производства снимает как эту природную необходимость, так и противостоящую ей роскошь, — впрочем, в буржуазном обществе это происходит лишь в *антагонистической форме*, поскольку само это развитие опять-таки лишь устанавливает здесь определенный общественный масштаб в качестве необходимого, противостоящего роскоши.

*К. Маркс. Критика политической экономики
(Черновой набросок 1857-1859 годов).
Соч., т. 46, ч. II, с. 19*

4.4. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО, ПОТРЕБНОСТИ, ЛИЧНОСТЬ

Богатство человека при социализме

Мы видим, как на место экономического *богатства* и экономической *нищеты* становятся *богатый человек* и *богатая человеческая потребность*. *Богатый человек* — это в то же время человек, *нуждающийся* во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как *внутренняя необходимость*, как *нужда*. Не только *богатство* человека, но и *бедность* его получает при социализме в равной мере

Поездка на пароходе по Хавелю (70-е годы)

человеческое и потому общественное значение. Она есть пассивная связь, заставляющая человека ощущать потребность в том величайшем богатстве, каким является *другой* человек.

*К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
Соч., т. 42, с. 125*

Потребности человека при социализме

[XIV] 7) Мы видели, какое значение имеет при социализме *богатство* человеческих потребностей, а следовательно, и какой-нибудь *новый способ производства* и какой-нибудь *новый предмет производства*: новое проявление *человеческой сущностной силы* и новое обогащение *человеческого существа*. В рамках частной собственности все это имеет обратное значение. Каждый человек старается пробудить в другом какую-нибудь *новую* потребность, чтобы вынудить его принести новую жертву, поставить его в новую зависимость и толкнуть его к новому виду *наслаждения*, а тем самым и к экономическому разорению. Каждый стремится вызвать

к жизни какую-нибудь *чуждую* сущностную силу, господствующую над другим человеком, чтобы найти в этом удовлетворение своей собственной *своекорыстной* потребности.

К. Маркс. *Экономическо-философские рукописи 1844 года.*
Соч., т. 42, с. 128

Жилище. Условия для организации общего домашнего хозяйства

Жилищное строительство. Само собой разумеется, что у дикарей каждая семья имеет свою пещеру или хижину, как у кочевников — отдельный шатер. Это раздельное домашнее хозяйство становится еще более необходимым вследствие дальнейшего развития частной собственности. У земледельческих народов общее домашнее хозяйство так же невозможно, как и общее земледелие. Большим шагом вперед была постройка городов. Однако во все прежние периоды уничтожение обособленного хозяйства, неотделимое от уничтожения частной собственности, было уже потому невозможно, что для этого не было еще материальных условий. Организация общего домашнего хозяйства предполагает развитие машин, использование сил природы и многих иных производительных сил, например водопровода, газового освещения, парового отопления и т. д., устранение [противоположности] города и деревни. Без этих условий само общее хозяйство, в свою очередь, не станет новой производительной силой, будет лишено всякого материального базиса, будет основываться на чисто теоретической основе, т. е. будет простой причудой и приведет лишь к монастырскому хозяйству. — Что оказалось еще возможным, так это концентрация в городах и постройка общих зданий для различных определенных целей (тюрьмы, казармы и т. д.).

К. Маркс и Ф. Энгельс. *Немецкая идеология.*
Соч., т. 3, с. 28 (примечание)

Сочетание общих и личных интересов

Коммунизм просто непостижим для нашего святого потому, что коммунисты не выдвигают ни эгоизма против самоотверженности, ни самоотверженности против эгоизма и не воспринимают теоретически эту противоположность ни в ее сентиментальной, ни в ее выпяченной идеологической форме; они, наоборот, раскрывают ее материальные корни, с исчезновением которых она исчезает сама собой. Коммунисты вообще не проповедуют никакой *морали*, — каковой проповедью Штирнер занимается сверх всякой меры. Они не предъявляют людям морального требования: любите друг друга, не будьте эгоистами и т. д.; они, наоборот, отлично знают, что как эгоизм, так и самоотверженность *есть* при определенных обстоя-

Всестороннее развитие личности

Всестороннее проявление индивида лишь тогда перестанет представляться как идеал, как призвание и т. д., когда воздействие внешнего мира, вызывающее у индивида действительное развитие его задатков, будет взято под контроль самих индивидов, как этого хотят коммунисты.

К. Маркс и Ф. Энгельс. *Немецкая идеология*.
Соч., т. 3, с. 282

Индивидуумы — потребности — общественные отношения. Их новая сущность при коммунизме

Индивиды всегда и при всех обстоятельствах «исходили из себя», но так как они не были *единственны* в том смысле, чтобы не нуждаться ни в какой связи друг с другом, — ибо их *потребности*, т. е. их природа и способ их удовлетворения, связывали их друг с другом (отношения между полами, обмен, разделение труда), — то им *необходимо было* вступать во взаимоотношения друг с другом. Но так как они вступали в общение между собой не как чистые Я, а как индивиды, находящиеся на определенной ступени развития своих производительных сил и потребностей, и так как это общение, в свою очередь, определяло производство и потребности, то именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало — и повседневно воссоздает — существующие отношения. Они вступали в общение друг с другом в качестве того, чем они были, они исходили «из себя», какими они были независимо от своего «жизнепонимания». Это «жизнепонимание» — даже в том искривлении, какое оно получает у философов, — всегда определялось, конечно, лишь их действительной жизнью. Отсюда, понятно, следует, что развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении, и что различные поколения индивидов, вступающие в отношения друг с другом, связаны между собой, что физическое существование позднейших поколений определяется их предшественниками, что эти позднейшие поколения наследуют накопленные предшествовавшими поколениями производительные силы и формы общения, что определяет их собственные взаимоотношения. Словом, мы видим, что происходит развитие и что история отдельного индивида отнюдь не может быть оторвана от истории предшествовавших или современных ему индивидов, а определяется ею. ... В современную эпоху господство вещных отношений над индивидами, подавление индивидуальности случайностью приняло самую резкую, самую универсальную форму, поставив тем самым перед существующими индивидами вполне определенную задачу. Оно

поставило перед ними задачу: вместо господства отношений и случайности над индивидами, установить господство индивидов над случайностью и отношениями. Оно не выдвинуло, как воображает Санчо, требования, чтобы «Я развивало Себя», что до сих пор проделывал всякий индивид и без благого совета Санчо, а властно потребовало освобождения от вполне определенного способа развития. Эта диктуемая современными отношениями задача совпадает с задачей организовать общество на коммунистических началах. <...>

В пределах коммунистического общества — единственного общества, где самобытное и свободное развитие индивидов перестает быть фразой, — это развитие обуславливается именно связью индивидов, связью, заключающейся отчасти в экономических предпосылках, отчасти в необходимой солидарности свободного развития всех и, наконец, в универсальном характере деятельности индивидов на основе имеющихся производительных сил. Дело идет здесь, следовательно, об индивидах на определенной исторической ступени развития, а отнюдь не о любых случайных индивидах, не говоря уже о неизбежной коммунистической революции, которая сама есть общее условие их свободного развития. Сознание своих взаимоотношений также, конечно, станет у индивидов совершенно другим и не будет поэтому ни «принципом любви» или *dévouement*¹, ни эгоизмом.

Таким образом, «единственность», — если понимать ее в смысле самобытного развития и индивидуального поведения, как об этом говорилось выше, — предполагает не только нечто совершенно иное, чем добрую волю и правильное сознание, но и нечто как раз противоположное фантазиям Санчо. У него она всегда — лишь приукрашивание существующих отношений, капелька целительного бальзама для бедной, бессильной души, погрязшей в убожестве окружающего.

*К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Соч., т. 3, с. 439-440, 441*

На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.

*К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии.
Соч., т. 4, с. 447*

¹ — самоотверженностью. *Ред.*

Изменения в образе жизни при социализме и коммунизме как в городе, так и в деревне

Подобно тому как в прошлом столетии крестьяне и рабочие мануфактур после вовлечения их в крупную промышленность изменили весь свой жизненный уклад и сами стали совершенно другими людьми, точно так же общее ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие этого производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их. Общественное ведение производства не может осуществляться такими людьми, какими они являются сейчас, — людьми, из которых каждый подчинен одной какой-нибудь отрасли производства, прикован к ней, эксплуатируется ею, развивает только *одну* сторону своих способностей за счет всех других и знает только *одну* отрасль или часть какой-нибудь отрасли всего производства. Уже нынешняя промышленность все меньше оказывается в состоянии применять таких людей. Промышленность же, которая ведется сообща и планомерно всем обществом, тем более предполагает людей со всесторонне развитыми способностями, людей, способных ориентироваться во всей системе производства. Следовательно, разделение труда, подорванное уже в настоящее время машиной, превращающее одного в крестьянина, другого в сапожника, третьего в фабричного рабочего, четвертого в биржевого спекулянта, исчезнет совершенно. Воспитание даст молодым людям возможность быстро осваивать на практике всю систему производства, оно позволит им поочередно переходить от одной отрасли производства к другой, в зависимости от потребностей общества или от их собственных склонностей. Воспитание освободит их, следовательно, от той односторонности, которую современное разделение труда навязывает каждому отдельному человеку. Таким образом, общество, организованное на коммунистических началах, даст возможность своим членам всесторонне применять свои всесторонне развитые способности. Но вместе с тем неизбежно исчезнут и различные классы. Стало быть, с одной стороны, общество, организованное на коммунистических началах, несовместимо с дальнейшим существованием классов, а, с другой стороны, само строительство этого общества дает средства для уничтожения классовых различий.

Отсюда вытекает, что противоположность между городом и деревней тоже исчезнет. Одни и те же люди будут заниматься земледелием и промышленным трудом, вместо того чтобы предоставлять это делать двум различным классам. Это является необходимым условием коммунистической ассоциации уже в силу весьма материальных причин. Распыленность занимающегося земледелием населения в деревнях, наряду со скоплением промышленного населения в больших городах, соответствует только недостаточно еще высокому уровню развития земледелия и промышленности и является препятствием для всякого дальнейшего развития, что уже в настоящее время дает себя сильно чувствовать.

Всеобщая ассоциация всех членов общества в целях совместной и планомерной эксплуатации производительных сил; развитие производства в такой степени, чтобы оно удовлетворяло потребности всех; ликвидация такого положения, когда потребности одних людей удовлетворяются за счет других; полное уничтожение классов и противоположностей между ними; всестороннее развитие способностей всех членов общества путем устранения прежнего разделения труда, путем производственного воспитания, смены родов деятельности, участия всех в пользовании благами, которые производятся всеми же, и, наконец, путем слияния города с деревней — вот главные результаты ликвидации частной собственности.

Ф. Энгельс. *Принципы коммунизма*.
Соч., т. 4, с. 335-336

Школа: умственное и физическое воспитание, сочетаемое с техническим обучением

Под воспитанием мы понимаем три вещи:

Во-первых: *умственное воспитание*.

Во-вторых: *физическое воспитание*, такое, какое дается в гимнастических школах и военными упражнениями.

В-третьих: *техническое обучение*, которое знакомит с основными принципами всех процессов производства и одновременно дает ребенку или подростку навыки обращения с простейшими орудиями всех производств.

Распределению детей и рабочих подростков по возрастным группам должен соответствовать постепенно усложняющийся курс умственного и физического воспитания и технического обучения. Расходы на технические школы должны частично покрываться путем продажи их продукции.

Сочетание оплачиваемого производительного труда, умственного воспитания, физических упражнений и политехнического обучения поднимет рабочий класс значительно выше уровня аристократии и буржуазии.

К. Маркс. *Инструкция делегатам Временного
центрального совета по отдельным вопросам*.
Соч., т. 16, с. 198

Наука, искусство, формы общения

И именно благодаря этой промышленной революции производительная сила человеческого труда достигла такого высокого уровня, что создала возможность — впервые за время существования человечества — при разумном разделении труда между всеми не только производить в размерах, достаточных для обильного потребления всеми членами общества и для богатого резерв-

ного фонда, но и предоставить каждому достаточно досуга для восприятия всего того, что действительно ценно в исторически унаследованной культуре — науке, искусстве, формах общения и т. д., — и не только для восприятия, но и для превращения всего этого из монополии господствующего класса в общее достояние всего общества и для дальнейшего развития этого достояния. В этом-то и заключается решающий пункт. Коль скоро производительная сила человеческого труда развилась до такого высокого уровня, — исчезает всякий предлог для существования господствующего класса. Ведь последним доводом в защиту классового различия было всегда следующее: нужен класс, избавленный от необходимости повседневно изнурять себя добыванием хлеба насущного, чтобы он мог заниматься умственным трудом для общества. Этой болтовне, находившей себе до сих пор немалое историческое оправдание, раз навсегда подрезала корни промышленная революция последнего столетия. Существование господствующего класса с каждым днем становится все большим препятствием развитию производительной силы промышленности и точно так же — развитию науки, искусства, а в особенности культурных форм общения. Больших невежд, чем наши современные буржуа, никогда не бывало.

Ф. Энгельс. К жилищному вопросу.
Соч., т. 18, с. 215-216

Анархизм и «казарменный коммунизм»

Передовая статья № 2 «Народной расправы» содержит еще одну написанную поэтической прозой похоронную песнь о вечно мертвом и вечно живом герое — Нечаеве ...

Вторая статья озаглавлена «Кто не за нас, тот против нас» и представляет собой апологию политического убийства. Всем революционерам, не примыкающим к Альянсу, сулят участь Иванова, прямо не называя его ...

Третья статья названа «Главные основы будущего общественного строя». Эта статья показывает, что если простых смертных карают, как за преступление, за одну мысль о будущей организации общества, так это потому, что главари все уже устроили заранее.

«Выход из существующего общественного порядка и обновление жизни новыми началами может совершиться только путем сосредоточения всех средств для существования общественного в руках нашего комитета и объявлением обязательной для всех физической работы.

Комитет тотчас по низвержении существующих основ объявляет все общественным достоянием и предлагает создавать рабочие общества («artels») и в то же время издает статистические сводки, составленные знающими людьми и указывающие, какие отрасли труда наиболее необходимы в данной местности и какие обстоятельства могут мешать тому или иному разряду занятий.

В течение известного числа дней, назначенных для переворота, и неизбежно

последующей за ним сумятицы, каждый индивидуум должен примкнуть к той или иной рабочей артели по собственному выбору ... Все оставшиеся отдельно и не примкнувшие к рабочим группам без уважительных причин не имеют права доступа ни в общественные столовые, ни в общественные спальни, ни в какие-либо другие здания, предназначенные для удовлетворения разных потребностей работников-братьев или содержащие готовую продукцию и материалы, продовольствие и орудия, предназначенные для всех членов установившегося рабочего общества; одним словом, тот, кто не примкнул без уважительных причин к артели, остается без средств к существованию. Для него закрыты будут все дороги, все средства сообщения, останется только один выход: или к труду, или к смерти».

Каждая артель выбирает из своей среды оценщика («ot-zienschichik»), который регулирует ход работы, ведет книги для записи производства и потребления, а также производительности каждого рабочего, и служит посредником с общей конторой данной местности. Контора, состоящая из избранных членов всех артелей данной местности, производит обмен между этими артелями, заведует всеми общественными учреждениями (спальнями, столовыми, школами, больницами) и руководит всеми общественными работами: «все общие работы находятся в ведении конторы, тогда как все индивидуальные, где необходимы особое искусство и навык, выполняются отдельно артелями». Далее идет подробная регламентация воспитания, рабочего времени, кормления детей, освобождения от работы изобретателей и т. д.

«При полной публичности, гласности и деятельности каждого пропадет бесследно, исчезнет всякое честолюбие, как его теперь понимают, и всякая ложь ... тогда стремлением каждого будет производить для общества как можно более и потреблять как можно меньше; в этом сознании своей пользы для общества будет заключаться вся гордость, все честолюбие тогдашних деятелей».

Какой прекрасный образчик казарменного коммунизма! Все тут есть: общие столовые и общие спальни, оценщики и конторы, регламентирующие воспитание, производство, потребление, словом, всю общественную деятельность, и во главе всего, в качестве высшего руководителя, безымянный и никому неизвестный «наш комитет». Несомненно, это чистейший антиавторитаризм ...

Теперь, когда черни известно, к какой роли предназначен «наш комитет», легко понять эту ненависть конкурента к государству и ко всякой централизации сил рабочих. В самом деле, до тех, пор пока рабочий класс будет иметь свои представительные органы, гг. Бакунин и Нечаев, орудующие под маской «нашего комитета», не смогут стать владельцами общественного богатства и не смогут пожирать плоды того возвышенного честолюбивого стремления, которое они так жаждут внушить другим: много работатъ, с тем чтобы мало потреблять!

К. Маркс и Ф. Энгельс. Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих.
Соч., т. 18, с. 412, 413-414, 415

О распределении в «Критике Готской программы»

3. «Освобождение труда требует возведения средств труда в достоиние всего общества и коллективного регулирования совокупного труда при справедливом распределении трудового дохода».

«Возведение средств труда в достоиние всего общества» (!) обозначает, по-видимому, их «превращение в достоиние всего общества». Но это лишь мимоходом.

Что такое *«трудовой доход»*? Продукт труда или же его стоимость? А в последнем случае, вся ли стоимость продукта или только та часть стоимости, которую труд присоединил к стоимости потребленных средств производства?

«Трудовой доход» — расплывчатое представление, выдвинутое Лассалем вместо определенных экономических понятий.

Что такое «справедливое» распределение?

Разве буржуа не утверждают, что современное распределение «справедливо»? И разве оно не является в самом деле единственно «справедливым» распределением на базе современного способа производства? Разве экономические отношения регулируются правовыми понятиями, а не наоборот, не возникают ли правовые отношения из экономических? И разве разные социалистические сектанты не придерживаются самых различных представлений о «справедливом» распределении?

Чтобы знать, что в данном случае подразумевают под словами «справедливое» распределение, мы должны сопоставить первый параграф с этим параграфом. Последний предполагает такое общество, в котором «средства труда составляют общественное достояние и совокупный труд регулируется коллективно», а в первом параграфе мы видим, что «доход от труда принадлежит в неурезанном виде и на равных правах всем членам общества».

«Всем членам общества»? Даже и неработающим? Где же тогда «неурезанный трудовой доход»? Только работающим членам общества? Где же тогда «равное право» всех членов общества?

Но «все члены общества» и «равное право» — очевидно только фразы. Суть же дела в том, что в этом коммунистическом обществе каждый работник должен получить лассалевский «неурезанный трудовой доход».

Если выражение «трудовой доход» мы возьмем сначала в смысле продукта труда, то коллективный трудовой доход окажется *совокупным общественным продуктом*.

Из него надо теперь вычесть:

Во-первых, то что требуется для возмещения потребленных средств производства.

Во-вторых, добавочную часть для расширения производства.

В-третьих, резервный или страховой фонд для страхования от несчастных случаев, стихийных бедствий и так далее.

Эти вычеты из «неурезанного трудового дохода» — экономическая необходимость, и их размеры должны быть определены на основе наличных средств и сил, отчасти на основе теории вероятности, но они никоим образом не поддаются вычислению на основе справедливости.

Остается другая часть совокупного продукта, предназначенная служить в качестве предметов потребления.

Прежде чем дело дойдет до индивидуального дележа этой оставшейся части, из нее вновь вычитаются:

Во-первых, общие, не относящиеся непосредственно к производству издержки управления.

Эта доля сразу же весьма значительно сократится по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет все более уменьшаться по мере развития нового общества.

Во-вторых, то, что предназначается для совместного удовлетворения потребностей, как-то: школы, учреждения здравоохранения и так далее.

Эта доля сразу же значительно возрастет по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет все более возрастать по мере развития нового общества.

В-третьих, фонды для нетрудоспособных и пр., короче — то, что теперь относится к так называемому официальному призрению бедных.

Лишь теперь мы подходим к тому «распределению», которое программа, под лассалевским влиянием, так ограничено только и имеет в виду, а именно к той части предметов потребления, которая делится между индивидуальными производителями коллектива.

«Неурезанный трудовой доход» незаметно превратился уже в «урезанный», хотя все удерживаемое с производителя как частного лица прямо или косвенно идет на пользу ему же как члену общества.

Подобно тому как исчезла фраза о «неурезанном трудовом доходе», так исчезает теперь и фраза о «трудовом доходе» вообще.

В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь как стоимость этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда. Выражение «трудовой доход», неприемлемое и в настоящее время из-за своей двусмысленности, теряет таким образом всякий смысл.

О распределении в социалистическом обществе

Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилося* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло. Соответственно этому каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай. Например, общественный рабочий день представляет собой сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время каждого отдельного производителя — это доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме.

Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей. Содержание и форма здесь изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается распределения последних между отдельными производителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой.

Поэтому *равное право* здесь по принципу все еще является *правом буржуазным*, хотя принцип и практика здесь уже не противоречат друг другу, тогда как при товарообмене обмен эквивалентами существует лишь в *среднем*, а не в каждом отдельном случае.

Несмотря на этот прогресс, это *равное право* в одном отношении все еще ограничено буржуазными рамками. Право производителей *пропорционально* доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится *равной мерой* — трудом.

Но один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать дольше; а труд, для того чтобы он мог служить мерой, должен быть определен по длительности

или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерой. Это *равное* право есть *неравное* право для *неравного* труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие; но оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а следовательно, и неравную работоспособность естественными привилегиями. Поэтому оно по своему содержанию есть *право неравенства*, как всякое право. По своей природе право может состоять лишь в применении равной меры; но неравные индивиды (а они не были бы различными индивидами, если бы не были неравными) могут быть измеряемы одной и той же мерой лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом зрения, берут только с одной *определенной* стороны, как в данном, например, случае, где их рассматривают *только как рабочих* и ничего более в них не видят, отвлекаются от всего остального. Далее: один рабочий женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и так далее. При равном труде и, следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и тому подобное. Чтобы избежать всего этого, право, вместо того чтобы быть равным, должно быть *неравным*.

Но эти недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит после долгих мук родов из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества.

К. Маркс. Критика Готской программы.
Соч., т. 19, с. 18-19

Коммунистический принцип распределения

На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет поработавшее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!

К. Маркс. Критика Готской программы.
Соч., т. 19, с. 20

Но один из существеннейших принципов коммунизма, отличающий его от всякого рода реакционного социализма, заключается в основном на изучении природы человека эмпирическим убеждении, что различия *мозга* и умственных способностей вообще не влекут за собой различий *желудка* и физических *потребностей*; отсюда следует, что неверное, основанное на наших нынешних порядках положение: «каждому по его способностям» должно — поскольку оно относится к потреблению в узком смысле слова — превратиться в положение: «каждому по его *потребностям*», иными словами: *различие* в деятельности, труде, не влечет за собой никакого *неравенства*, никакой *привилегии* в смысле владения и потребления.

К. Маркс и Ф. Энгельс. *Немецкая идеология*
Соч., т. 3, с. 542

Возможность обеспечить всем членам общества постоянное улучшение материальных условий и свободное развитие их способностей

Обращение средств производства в общественную собственность устраняет не только существующее теперь искусственное торможение производства, но также и то прямое расточение и уничтожение производительных сил и продуктов, которое в настоящее время является неизбежным спутником производства и достигает своих высших размеров в кризисах. Сверх того, оно сберегает для общества массу средств производства и продуктов путем устранения безумной роскоши и мотовства господствующих теперь классов и их политических представителей. Возможность обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и духовных способностей, — эта возможность достигнута теперь впервые, но теперь она действительно *достигнута*.

Ф. Энгельс. *Анти-Дюринг*.
Соч., т. 20, с. 294

Переход к человеческим условиям существования

Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые

становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться

*Лондон. Собрание рабочих в таверне. Рисунок гуд.
Н. Жукова*

людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины

будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы.

Ф. Энгельс. *Анти-Дюринг*.
Соч., т. 20, с. 294-295

Равенство — справедливость — распределение

Итак, для выработки положения «равенство=справедливости» понадобилась почти вся предшествующая история, и сформулировать его удалось лишь тогда, когда уже существовали буржуазия и пролетариат. Но принцип равенства заключается в том, что не должно существовать никаких привилегий, следовательно он оказывается по сути дела *отрицательным*, он объявляет всю предшествующую историю негодной. Так как этот принцип лишен положительного содержания и так как он огульно отвергает все прошлое, он одинаково пригоден и для того, чтобы быть провозглашенным великой революцией 1789—1796 гг., и для позднейших, фабрикующих системы плоских умов. Но выдавать положение «равенство=справедливости» за высший принцип и за последнюю истину нелепо. Равенство существует лишь в рамках противоположности к неравенству, справедливость — лишь в рамках противоположности к несправедливости; следовательно, над этими понятиями еще тяготеет противоположность по отношению к предшествующей истории, стало быть — само старое общество¹.

Уже в силу этого обстоятельства понятия равенства и справедливости не могут выражать *вечную* справедливость и истину. Через несколько поколений общественного развития при коммунистическом строе и при умножившихся ресурсах люди должны будут дойти до того, что кичливые требования равенства и права будут казаться столь же смешными, как смешно, когда теперь кичатся дворянскими и тому подобными наследственными привилегиями. Противоположность как по отношению к старому неравенству и к старому положительному праву, так и по отношению к новому, переходному праву исчезнет из практической жизни; тому, кто будет настаивать, чтобы ему с педантической точностью была выдана причитающаяся ему равная и справедливая доля продуктов, — тому в насмешку выдадут двойную порцию. Даже Дюринг согласится с тем, что можно «предвидеть», и где тогда окажется место для равенства и справедливости, как не в кладовой для исторических воспоминаний? Оттого, что теперь подобные фразы весьма пригодны для агитации, они отнюдь не становятся вечной истиной. ...

¹ Пометка на полях: «Представление о равенстве вытекает из равенства всеобщего человеческого труда в товарном производстве. «Капитал», с. 36.

Впрочем, также и в настоящее время и для довольно еще долгого будущего абстрактная теория равенства является нелепостью. Ни один пролетарий-социалист или социалистический теоретик не захочет признать абстрактного равенства между собой и бушменом или обитателем Огненной Земли, или хотя бы даже *крестьянином*, или же полуфеодалным сельским поденщиком ...

Буржуазное равенство (уничтожение классовых *привилегий*) весьма отличается от пролетарского равенства (уничтожения самих классов). Требование равенства, идущее дальше этого пролетарского равенства, т. е. абстрактно понятие, становится нелепым.

Ф. Энгельс. Из подготовительных работ
к «Анти-Дюрингу».
Соч., т. 20, с. 637 и 638

Маркс о подлинном богатстве общества

Прибавочный труд вообще, как труд сверх меры данных потребностей, всегда должен существовать. Но при капиталистической, как и при рабовладельческой системе и т. д., он имеет только антагонистическую форму и дополняется полной праздностью известной части общества. Определенное количество прибавочного труда требуется для страхового фонда от разного рода случайностей для обеспечения необходимого, соответствующего развитию потребностей и росту населения прогрессивного расширения процесса воспроизводства, что с капиталистической точки зрения называется накоплением. Одна из цивилизаторских сторон капитала заключается в том, что он принуждает к этому прибавочному труду таким способом и при таких условиях, которые для развития производительных сил, общественных отношений и для создания элементов высшей новой формы (*höhere Neubildung*) выгоднее, чем при прежних формах рабства, крепостничества и т. д. Он приводит таким образом, с одной стороны, к ступени, на которой отпадают принуждение и монополизация общественного развития (включая сюда его материальные и интеллектуальные выгоды) одной частью общества за счет другой; с другой стороны, эта ступень создает материальные средства и зародыш для отношений, которые при более высокой форме общества дадут возможность соединить этот прибавочный труд с более значительным ограничением времени, посвященного материальному труду вообще. Потому что в зависимости от развития производительной силы труда прибавочный труд может быть велик при общей небольшой продолжительности рабочего дня и относительно мал при общей большой продолжительности рабочего дня. Если необходимое рабочее время = 3 часам и прибавочный труд = 3 часам, то весь рабочий день = 6 часам и норма прибавочного труда = 100%. Если необходимый труд = 9 часам, 277

и прибавочный труд = 3 часам, то весь рабочий день = 12 часам, а норма прибавочного труда = только $33\frac{1}{3}\%$. Таким образом, от производительности труда зависит, сколько потребительной стоимости производится в течение определенного времени, а следовательно, также и в течение определенного прибавочного рабочего времени. Следовательно, действительное богатство общества и возможность постоянного расширения процесса его воспроизводства зависит не от продолжительности прибавочного труда, а от его производительности и от большей или меньшей обеспеченности тех условий производства, при которых он совершается. Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие.

*К. Маркс. Капитал. Том третий.
Соч., т. 25, ч. II, с. 385-387*

Время, которым можно располагать, — выражение богатства

Но что автор имеет в виду не только последнее, явствует из того, что он с положением: «никакого процента за пользование капиталом» соединяет следующие положения: «нация действительно богата тогда, когда вместо 12 часов работают 6 часов», «*богатство есть такое время, которым можно свободно располагать, и ничего больше*».

Если работать должны все, если отпадает противоположность между работающими чрезмерно и бездельниками, — а это во всяком случае было бы следствием того, что капитал перестал существовать, что продукт не давал бы больше права на чужой *прибавочный* труд, — и если к тому же принять во внимание развитие производительных сил, как оно создано капиталом, то общество за 6 часов будет производить необходимое изобилие продуктов, будет за эти 6 часов производить больше, чем теперь производится за 12 часов, и вместе с тем все будут иметь 6 часов «времени, которым они могут свободно располагать», т. е. будут иметь настоящее богатство — такое время, которое не поглощается непосредственно производительным трудом, а остается свободным для удовольствий, для досуга, в результате чего откроется простор для свободной деятельности и развития. Время — это *простор* для развития способностей и т. д. Известно, что сами политико-экономы рабский труд наемных рабочих оправдывают тем, что он создает досуг, свободное время для *других*, для другой части общества, а тем самым — и для общества наемных рабочих [в целом].

Или же это может иметь и такой смысл:

Рабочие теперь работают 6 часов сверх того, что (*теперь*) требуется для их собственного воспроизводства. (Однако вряд ли таков может быть взгляд автора памфлета, так как то, что *теперь* требуется рабочим, он изображает как бесчеловечный минимум). Если капитал перестанет существовать, то они будут работать уже только 6 часов, и бездельники должны будут работать столько же. Материальное богатство для всех было бы этим низведено до уровня рабочих. Но все имели бы *свободное время*, время для своего развития.

Самому автору памфлета это, очевидно, не ясно. Тем не менее, во всяком случае остается этот прекрасный тезис:

«Нация действительно богата тогда, когда вместо 12 часов работают 6 часов. *Богатство есть такое время, которым можно свободно располагать, и ничего больше*» ... Рабочее время, даже когда меновая стоимость будет устранена, всегда останется созидающей субстанцией богатства и мерой *издержек*, требующихся для его производства. Но свободное время, *время, которым можно располагать*, есть само богатство: отчасти для потребления продуктов, отчасти для свободной деятельности, не определяемой, подобно труду, под давлением той внешней цели, которая должна быть осуществлена и осуществление которой является естественной необходимостью или социальной обязанностью, — как угодно.

Само собой разумеется, что само рабочее время — тем, что оно будет ограничено нормальной мерой, далее, что оно будет затрачиваться уже не для другого, а для меня самого, — вместе с уничтожением социальных антагонизмов между хозяевами и рабочими и т. д. получит, как действительно социальный труд и, наконец, как *базис для свободного времени*, совершенно другой,

более свободный характер и что *рабочее время* такого человека, который вместе с тем есть человек, располагающий свободным временем, должно будет обладать гораздо более высоким качеством, чем рабочее время рабочего скота.

К. Маркс. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»).
Соч., т. 26, ч. III, с. 264-265 и 265-266

Роль фактора времени для общества и личности

Если предположить наличие коллективного производства, определение времени, естественно, сохраняет существенное значение. Чем меньше времени требуется обществу на производство пшеницы, скота и т. д., тем больше времени оно выигрывает для другого производства, материального или духовного. Как для отдельного индивида, так и для общества всесторонность его развития, его потребления и его деятельности зависит от сбережения времени. Всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени. Точно так же общество должно целесообразно распределять свое время, чтобы достичь производства, соответствующего его совокупным потребностям, подобно тому как отдельное лицо должно правильно распределять свое время, чтобы приобрести знания в надлежащих соотношениях или чтобы удовлетворять различным требованиям, предъявляемым к его деятельности.

К. Маркс. Критика политической экономии (Черновой набросок 1857-1858 годов).
Соч., т. 46, ч. I, с. 116-117

Будущее производство и развитие общественного индивидуума

Но по мере развития крупной промышленности созидание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи тех агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь (их мощная эффективность), не находятся ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, требующимся для их производства, а зависят, скорее, от общего уровня науки и от прогресса техники, или от применения этой науки к производству. (Само развитие этой науки, в особенности естествознания, а вместе с ним и всех других наук, в свою очередь находится в соответствии с развитием материального производства.) Земледелие, например, становится всего лишь применением науки о материальном обмене веществ, регулирующем этот обмен веществ с наибольшей выгодой для всего общественного организма.

вается крупной промышленностью — скорее в виде чудовищной диспропорции между затраченным рабочим временем и его продуктом, точно так же как и в виде качественной диспропорции между сведенным к простой абстракции трудом и мощью того производственного процесса, за которым этот труд надзирает. Труд выступает уже не столько как включенный в процесс производства, сколько как такой труд, при котором человек, наоборот, относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик. (То, что имеет силу относительно системы машин, верно также для комбинации различных видов человеческой деятельности и для развития человеческого общения.) Теперь рабочий уже не помещает в качестве промежуточного звена между собой и объектом модифицированный предмет природы; теперь в качестве промежуточного звена между собой и неорганической природой, которой рабочий овладевает, он помещает природный процесс, [VII-3] преобразуемый им в промышленный процесс. Вместо того чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним.

В этом превращении в качестве главной основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и господство над ней в результате его бытия в качестве общественного организма, одним словом — развитие общественного индивида. *Кража чужого рабочего времени, на которой зиждется современное богатство*, представляется жалкой основой в сравнении с этой недавно развившейся основой, созданной самой крупной промышленностью. Как только труд в его непосредственной форме перестал быть великим источником богатства, рабочее время перестает и должно перестать быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости. *Прибавочный труд рабочих масс* перестал быть условием для развития всеобщего богатства, точно так же как *не-труд немногих* перестал быть условием для развития всеобщих сил человеческой головы. Тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости, и с самого непосредственного процесса материального производства совлекается форма скудости и антагонистичности. Происходит свободное развитие индивидуальностей, и поэтому имеет место не сокращение необходимого рабочего времени ради полагания прибавочного труда, а вообще сведение необходимого труда общества к минимуму, чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т. п. развитие индивидов благодаря высвобождавшемуся для всех времени и созданным для этого средствам.

Потребности образуют меру необходимого рабочего времени

Созидание — за пределами необходимого рабочего времени — *большого количества свободного времени* для общества вообще и для каждого члена общества (т. е. созидание простора для развития всей полноты производительных сил отдельного человека, а потому также и общества), — это созидание не-рабочего времени на стадии капитала, как и на всех более ранних ступенях, выступает как не-рабочее время, как свободное время для немногих. Капитал добавляет сюда то, что он всеми средствами искусства и науки увеличивает прибавочное рабочее время народных масс, так как его богатство непосредственно заключается в присвоении прибавочного рабочего времени; ведь *непосредственной целью* капитала является *стоимость*, а не потребительная стоимость.

Таким образом, капитал помимо своей воли выступает как орудие создания условий для общественного свободного времени, для сведения рабочего времени всего общества к всё сокращающемуся минимуму и тем самым — для высвобождения всех [членов общества] для их собственного развития. Но постоянная тенденция капитала заключается, с одной стороны, в *создании свободного времени*, а с другой стороны в *превращении этого свободного времени в прибавочный труд*. Если первое ему удастся слишком хорошо, то он начинает страдать от избыточного производства, и тогда необходимый труд прерывается, так как *капитал* не в состоянии реализовать *прибавочный труд*.

Чем больше развивается это противоречие, тем становится яснее, что рост производительных сил больше не может быть прикован к присвоению чужого прибавочного труда и что рабочие массы должны сами присваивать себе свой прибавочный труд. Когда они начнут это делать — и когда тем самым *свободное время* перестанет существовать в *антагонистической* форме, — тогда, с одной стороны, мерой необходимого рабочего времени станут потребности общественного индивида, а с другой стороны, развитие общественной производительной силы будет происходить столь быстро, что хотя производство будет рассчитано на богатство всех, *свободное время* всех возрастет. Ибо действительным богатством является развитая производительная сила всех индивидов. Тогда мерой богатства будет [УП — 4] отнюдь уже не рабочее время, а свободное время.

К. Маркс. Критика политической экономии
(Черновой набросок 1857-1858 годов).
Соч., т. 46, ч. II, с. 216-217

Свободное время не должно быть противоположностью рабочего времени

Действительная экономия — сбережение — состоит в сбережении рабочего времени (минимум — и сведение к минимуму — издержек производства). Но это сбережение тождественно с развитием производительной силы. Следовательно — отнюдь не *отказ от потребления*, а развитие производительной силы, развитие способностей к производству и поэтому развитие как способностей к потреблению, так и средств потребления. Способность к потреблению является условием потребления, является, стало быть, первейшим средством для потребления, и эта способность представляет собой развитие некоего индивидуального задатка, некоей производительной силы.

Сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т. е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда. С точки зрения непосредственного процесса производства сбережение рабочего времени можно рассматривать как производство *основного капитала*, причем этим основным капиталом является сам человек.

Впрочем, само собой разумеется, что само непосредственное рабочее время не может оставаться в положении абстрактной противоположности к свободному времени, как это представляется с точки зрения буржуазной политической экономии. Труд не может стать игрой, как того хочет Фурье, за которым остается та великая заслуга, что он объявил конечной целью преобразование в более высокую форму не распределения, а самого способа производства. Свободное время — представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности — разумеется, превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он и вступает затем в непосредственный процесс производства. По отношению к формирующемуся человеку этот непосредственный процесс производства вместе с тем является школой дисциплины, а по отношению к человеку сложившемуся, в голове которого закреплены накопленные обществом знания, он представляет собой применение [знаний], экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку. И для того, и для другого процесс производства вместе с тем является физическим упражнением, поскольку труд требует практического приложения рук и свободного движения, как в земледелии.

Денежное и человеческое отношение к обществу и миру

Кто может купить храбрость, тот храбр, хотя бы он и был трусом. Так как деньги обмениваются не на какое-нибудь одно определенное качество, не на какую-нибудь одну определенную вещь или определенные сущностные силы человека, а на весь человеческий и природный предметный мир, то, с точки зрения их владельца, они обменивают любое свойство и любой предмет на любое другое свойство или предмет, хотя бы и противоречащие обмениваемому. Деньги осуществляют братание невозможностей; они принуждают к поцелую то, что противоречит друг другу.

Предположи теперь человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т. д. Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком. Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим идвигающим вперед других людей. Каждое из твоих отношений к человеку и к природе должно быть *определенным*, соответствующим объекту твоей воли *проявлением твоей действительной индивидуальной жизни*. Если ты любишь, не вызывая взаимности, т. е. если твоя любовь как любовь не порождает ответной любви, если ты своим *жизненным проявлением* в качестве любящего человека не делаешь себя *человеком любимым*, то твоя любовь бессильна, и она — несчастье.

*К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
Соч., т. 42, с. 150-151*

В будущем обществе, где исчезнет антагонизм классов, где не будет и самих классов, потребление уже не будет определяться *минимумом* времени, необходимого для производства; наоборот, количество времени, которое будут посвящать производству того или другого предмета, будет определяться степенью общественной полезности этого предмета.

*К. Маркс. Нищета философии.
Соч., т. 4, с. 97*

Читатели ознакомились с книгой проф. Г. Шмитца «Проблемы архитектуры и градостроительства. Из работ и писем К. Маркса и Ф. Энгельса». В книге содержатся как непосредственные оценки, данные К. Марксом и Ф. Энгельсом социальным проблемам архитектуры и градостроительства, так и высказывания, наводящие на размышления о влиянии способа производства и классовых интересов на строительство и характер использования архитектурной среды, о воздействии законов товарного производства на потребление жилища. Весьма интересен для нас данный К. Марксом и Ф. Энгельсом анализ тенденций развития производства и потребления при социализме.

Для читателя многие из этих идей будут привлекательны не только глубиной исследования, но и новизной. В ряде случаев может возникнуть вопрос: а почему же мы всего этого до его момента не использовали при оценке острейших современных проблем архитектуры?

И нам бы хотелось, вслед за Г. Шмитцем, помочь советскому читателю углубить и расширить его познания в отношении марксистско-ленинского анализа социальных и художественных проблем архитектуры. Наш коллега из ГДР, будучи политэкономом, наибольшее внимание уделил экономическим проблемам развития архитектуры, действительно широко проанализированным К. Марксом и Ф. Энгельсом. Довольно полно приведя высказывания великих мыслителей о противоречивом развитии архитектуры при капитализме, автор все же недостаточно полно воспроизвел весьма ценные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о проблемах и задачах строителей и архитекторов после социалистической революции.

Сама жизнь, приведя новое общество к необходимости воплощения этих задач, позволила В. И. Ленину во многом развить их анализ. И ныне просто немыслимо говорить о приложении марксизма к анализу социальных проблем архитектуры и градостроительства без учета соответствующих важнейших высказываний вождя международного рабочего движения В. И. Ленина, которые касаются и социально-эстетических проблем архитектуры, 285

и сложных противоречий архитектуры капиталистических стран XX в., и задач социалистической архитектуры, и градостроительства (в отношении последнего, как мы увидим, особое значение имеют ленинские принципы социалистического расселения).

Опираясь на опубликованные в советской печати материалы¹, мы постараемся уделить внимание прорисовке недостаточно полно освещенных в книге звеньев и в связи с этим укажем на три круга проблем.

Первый круг — социально-эстетическая природа архитектуры.

Теоретико-архитектурная традиция² уже с древних времен отражала сложность природы архитектуры: еще Витрувий характеризовал ее как единство качественно разнохарактерных начал — «прочность, польза, красота». Крупный русский теоретик архитектуры, друг В. И. Баженова и А. Н. Радищева, Ф. В. Каржавин, поставив вопрос: «Архитектура, что за вещь?», — оценивал ее как единство материальных и художественных начал: «Она есть строение естественное и художественное».

В работах классиков марксизма-ленинизма фактически дана научная оценка социальной природы всех составных сфер архитектуры. Что касается процессов, то архитектурное проектирование оценивается как вид духовного производства, как закон, определяющий все последующее, а строительство — как вид материального производства, тесно связанный с социально-экономическими отношениями данной формации. Отмечая роль инженерно-конструктивной подосновы сооружений, К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин основное внимание уделили социальным функциям архитектуры, различая назначение производственных сооружений как элементов «средств производства» и жилых и общественных сооружений — как средств потребления, «непосредственных материальных средств к жизни»; при этом подчеркивалась существенная связь социального назначения с характером конкретно-исторической эпохи и с художественными функциями архитектуры.

Следует отметить внимание К. Маркса и Ф. Энгельса, а вслед за ними и В. И. Ленина к проблеме места архитектуры среди других социальных явлений³.

¹ Айзенберг И.П., Рабинович В.И. Некоторые вопросы строительства и архитектуры в произведениях К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина (М., 1957); В.И.Ленин и актуальные социально-эстетические проблемы архитектуры (М., 1969); см. также статьи: «Жилищное строительство», 1970, № 1, «Архитектура СССР», 1980, № 4.

² Характерно, что К.Маркс был с нею знаком, начиная с трудов Витрувия, (Соч., т.47, с.407) и до Пакстона (Соч., т.11, с.76). Имя же одного из родоначальников современной архитектуры У.Морриса более 40 раз встречается в работах Ф.Энгельса.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.1, с.68, 306; т.3, с.26; т.4, с.130; т.12, с.717-718; т.13, с.43; т.19, с.111-112, 350, 390-391, 397; т.20, с.202-208, 357; т.21, с.25-26; т.23,

Социальную характеристику **производственных сооружений**, как элементов **средств производства** дал еще К. Маркс в «Капитале»: «...в более широком смысле к средствам процесса труда относятся все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы процесс мог совершаться... Такого рода всеобщим средством труда является опять-таки сама земля, потому что она дает рабочему locus standi [место, на котором он стоит], а его процессу — сферу действия (field of employment). Примером этого же рода средств труда, но уже предварительно подвергшихся процессу труда, могут служить рабочие здания, каналы, дороги и т. д.»¹.

Что же касается жилых (и общественных) зданий, то их социальную характеристику как «непосредственных *материальных средств к жизни*» дал Ф. Энгельс в речи на похоронах К. Маркса: «Подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслонениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д. ...»².

Обобщая эти определения, отмечая общность всех материальных благ, а вместе с тем и существенные отличия предметов личного потребления (к которым относятся и жилища) от средств производства (к которым относятся и производственные сооружения), В. И. Ленин подчеркивает, что нельзя представлять дело таким образом, «как будто бы существовало одно только *личное* потребление (потребление хлеба, одежды и т. п.), как будто бы покупка машин, орудий и т. п., постройка зданий, складов, фабрик и т. п. не были тоже потреблением, только другого рода, именно: *потреблением производительным*, потреблением не людей, а капитала»³.

Вместе с тем основоположники марксизма-ленинизма высоко оценивали эстетические достоинства архитектуры⁴, подчеркивая, что зодчество — особый вид искусства, «архитектура как искусство»⁵. К сожалению, почти все эти оценки оказались не в поле зрения нашего коллеги — политэконома.

с.189, 191; т.24, с.176, 180-181, 182-183, 509, 519; т.28, с.210; т.46, ч.1, с.470; т.49, с.382-383 и др.

Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.2, с.130; т.3, с.37, 37-38, 530-531, 599; т.33, с.91-92; т.37, с.84, 442; т.38, с.94; т.45, с.209 и др.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.23, с.191.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.19, с.350.

³ Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.2, с.130; т.3, с.37-38 и 599.

⁴ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.2, с.254, 263, 279, 281; т.17, с.98; т.18, с.256-257; т.19, с.340, 397; т.23, с.379, 671-672, 674, 677.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.1, с.33; т.4, с.427; т.12, с.6, 15; т.16, с.509; т.21, с.33, 164; т.23, с.345, 381, 521-522; т.25, ч.11, с.183; т.26, ч.11, с.587; т.31, с.427, т.41, с.413; т.45, с.258.

А ведь само выражение «архитектура как искусство» принадлежит Ф. Энгельсу¹. К. Маркс писал о культовых и общественных сооружениях как о «произведениях искусства»². В «Манифесте Коммунистической партии» можно прочесть о некоторых произведениях архитектуры: буржуазия «создала чудеса искусства, но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы...»³. В. И. Ленин не раз отмечал художественные достижения и задачи архитектуры⁴.

Мысли К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина о необходимости сочетания в архитектуре социальных и идейно-эстетических функций очень актуальны: архитектурная среда всех наших городов и поселений должна не только удовлетворять потребности социалистического образа жизни, но и отвечать «эстетическому чувству», отличаться архитектурно-художественной выразительностью.

Второй круг проблем — социальные противоречия архитектуры капиталистических стран.

В работе Г. Шмитца они охарактеризованы чрезвычайно широко. Особое внимание уделено экономическим аспектам влияния на архитектуру как развития производительных сил, так и капиталистического строя. Широко показан и политический резонанс этих тенденций — то, что класс буржуа не только не может, но и не хочет решать жилищный вопрос⁵.

Как показал анализ, данный В. И. Лениным, в архитектуре и строительстве современных капиталистических стран сталкиваются и переплетаются по крайней мере три объективные тенденции: во-первых, порожденные экономическим строем империализма; во-вторых, порождаемые идущим в рамках капитализма развитием производительных сил и — в-третьих, наиболее прогрессивные демократические и даже социалистические тенденции.

Первая, доминирующая тенденция, предreshающая социальное назначение архитектуры капиталистических стран, определяется влиянием господствующей капиталистической экономики, политики, идеологии.

Капиталистические производственные отношения уже давно безраздельно господствуют в строительной промышленности

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.21, с.33.

² Маркс К. и Энгельс Ф. т.26, ч.1, с.587.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.4, с.427.

⁴ Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.3, с.278 и 530; т.35, с.230-231; т.42, с.189; т.52, с.17; т.54, с.441-442; т.55, с.9, 183, 206.

⁵ Это блестяще показал Ф.Энгельс в своем классическом труде «К жилищному вопросу». Прошедшие с тех пор 100 лет полностью подтвердили выводы Ф.Энгельса: ни в одной, даже самой богатой капиталистической стране жилищная проблема не решена и не решается.

и домовладении. В условиях империализма в строительстве хозяйничает не ветхозаветный подрядчик на лесах, а банки и тресты, стремящиеся «монополизировать все строительное дело»¹. Государство «капиталистических отношений в строительном деле»² определяет его организацию с целью эксплуатации строительных рабочих и массового потребителя. Капиталистический характер распределения предопределяет резкую социальную дифференциацию типов зданий и возможностей их использования различными слоями, что отражается на расселении в городах, а также на эстетических достоинствах предназначенной для них архитектуры³.

Чрезвычайно существенно влияет на строительство и архитектуру основной экономический закон капитализма — забота не о человеке, а о чистогане, о прибыли⁴.

На строительство и потребление архитектурных сооружений, на хаотичный и беспланный рост городов существенно влияет капиталистическая анархия производства и экономические кризисы⁵. Колоссальное изнуряющее бремя ренты (в особенности монопольной) за строительные участки⁶ — одна из главных причин относительного отставания строительной индустрии, взвинчивания квартплаты (до 30% от бюджета трудящихся), вытесняющего пролетариат в самые неблагоустроенные дома и районы (трущобы); влияющего на характер расселения (возникновение городов-спутников, метаболитические проекты и т. п.).

Многообразны проявления в архитектурно-строительной области политических интересов класса буржуа: от строительства репрезентативных зданий парламентов до создания подобных аду городов смерти (типа Освенцима), от создания расовых и социальных гетто до «тонкой» реформистской и филантропической строительной деятельности, маскируемой чуть ли не «социалистическими» лозунгами⁷.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.27, с.323-324; т.28, с.164-165.

² См. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.1, с.215-218; т.3, с.530-534; т.23, с.151-152; т.27, с.304-305, 323-324, 363.

³ См. Энгельс Ф. «Положение рабочего класса в Англии» (Соч., т.2) и «К жилищному вопросу» (Соч., т.18); Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.2, с.89-90; т.3, с.278, 544; т.8, с.181; т.37, с.84.

⁴ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.4, с.431; т.23, с.671-677, 677-681 и др.; Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.4, с.130-131; т.15, с.158-159; т.19, с.343; т.23, с.180; т.27, с.304-305; т.38, с.24.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.3, с.530-531; т.5, с.84; т.23, с.151-152; т.28, с.516, 623-624.

⁶ Маркс К. Капитал, т.3, гл.46. Энгельс Ф. «К жилищному вопросу». Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.15, с.158-159; т.16, с.399-400; т.21, с.405; т.27, с.353-355.

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.1, с.249-250; т.16, с.339-340; т.19, с.350-351; т.32, с.182-183.

Нельзя забывать и о том отрицательном влиянии буржуазной идеологии, которое, по словам В. И. Ленина, оказывали на развитие «...архитектуры мода и прихоти царского двора, равно как вкус и причуды господ аристократов и буржуазии»¹.

Вторая важная объективная тенденция в архитектурной практике капиталистических стран вызвана развитием производительных сил, протекающим в рамках буржуазного строя. Процесс индустриализации строительства закономерно начинается еще при капитализме² и служит причиной совершенствования архитектурных сооружений, появления новых их типов, а косвенно — и изменений в эстетических свойствах архитектуры³.

Технический прогресс непосредственно воздействует на промышленные сооружения⁴. Однако с ним связан и раскрытый В. И. Лениным «закон возвышения потребностей»⁵ рабочего класса, который проявляется и в области жилищного вопроса, требуя улучшения качества массового жилища.

Но каковы бы ни были успехи технического прогресса в строительстве и архитектуре стран капиталистической системы (и как бы ни было интересно, а в ряде случаев и полезно для нас изучение этих достижений), они не могут при господстве частной собственности разрешить имеющиеся в этой области социальные противоречия, решить коренные проблемы градостроительства, устранить жилищную нужду масс. Не умаляя объективного значения технического и научного прогресса в архитектуре капиталистического общества, мы должны помнить, что он всецело подчинен господствующим тенденциям, порождаемым капиталистическим строем. На вопрос о соотношении этих двух тенденций в области инженерии и строительства принципиальный ответ дал В. И. Ленин: «Капиталистическое варварство сильнее всякой цивилизации»⁶.

Третья важная объективная тенденция в архитектурной теории и практике капиталистических стран заключается в том, что в ней начинают сказываться также и новые социальные тенденции, формы, элементы демократического и даже социалистического характера. Так, Ф. Энгельс впервые отметил, что фаланстеры и поселки утопических социалистов — вполне реальная архитектура в Англии и США XIX в.⁷

¹ Цеткин К. Воспоминания о Ленине. М., 1955, с.12.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.3, с.477-478, 525-534; т.5, с.83-84; т.23, с.151-152.

³ Маркс К. Капитал. т.1. гл.23. В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т.3, с.530-531.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.2, с.89-90; т.23, с.94-95.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.1, с.101-102; т.3, с.389, 394, 432-433, 433-434, 550-551.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.24, с.16-17; см. также т.23, с.94-95.

⁷ Энгельс Ф. Описание возникших в новейшее время и ещё существующих коммунистических колоний. Соч., т.42, с.215-225.

Принципиально важным ориентиром при анализе и оценке этих новых социальных тенденций в архитектуре стран капиталистической системы для нас служит указание В. И. Ленина о классовой неоднородности и противоречивости культуры буржуазного общества: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса...»¹.

В. И. Ленин отметил возможность возникновения таких прогрессивных тенденций в архитектурной сфере в условиях еще капиталистического общества² и назвал главную причину, которая их порождает: «Сила рабочего движения»³.

Так, указывая на средства освобождения женщин от мелкого домашнего хозяйства — общественные столовые, ясли и детские сады (становящиеся после революции «ростками коммунизма»). — В. И. Ленин писал: «Эти средства не новы, они созданы (как и все вообще материальные предпосылки социализма) крупным капитализмом, но они оставались при нем, во-первых, редкостью, во-вторых, — что особенно важно — либо *торгашескими* предприятиями, со всеми худшими сторонами спекуляции, наживы, обмана, подделки, либо «акробатством буржуазной благотворительности», которую лучшие рабочие по справедливости ненавидели и презирали»⁴.

Ныне эти демократические и социалистические тенденции сказываются со значительно большей позитивной силой — в программных требованиях братских компартий в области жилищного вопроса, в творчестве левых архитекторов, в строительстве коммунистических муниципалитетов и т. д. Тем более велико значение марксистско-ленинской методологии для их научного анализа.

Третий круг проблем — глубокие и чеканные формулировки генеральных целей и задач архитектуры социалистического общества, которые К. Маркс и Ф. Энгельс, категорически зарекаясь от утопических догадок, только начинали в XIX в. формулировать. Но они их ставили, притом в таких программных документах, как «Принципы коммунизма», «Манифест Коммунистической партии», «Критика Готской программы». В данной книге, к сожалению, далеко не полностью приведены эти важнейшие указания К. Маркса и Ф. Энгельса о первейших

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.24, с.120-121.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.16, с.339-340; т.24, с.369-371; т.32, с.23-26; т.39, с.24.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.24, с.69-72.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.39, с.24.

задачах архитектуры после социалистической революции¹. Отметим, что в книге хорошо и полно изложены мысли К. Маркса и Ф. Энгельса о ликвидации противоположности между городом и деревней².

Из всех вопросов архитектуры и строительства, затронутых в работах основоположников марксизма-ленинизма, наибольшее практическое значение для нас имеют их высказывания относительно социальных проблем и основных задач социалистической архитектуры. Особенно большое внимание им в процессе разработки программы построения нового общества уделял В. И. Ленин, указав на три черты,³ характеризующие цель архитектурно-строительной деятельности при социализме: следует строить архитектурные сооружения для всех трудящихся, для народа; все архитектурные сооружения должны быть решены всесторонне — функционально, технически, экономически и эстетически; следует стремиться к наибольшему удовлетворению социально-эстетических потребностей нового общества в производственных, жилых, общественных сооружениях и комплексах⁴.

В. И. Ленин указывал и на основные пути, ведущие к такой цели: сначала надо передать в руки народа все архитектурные сооружения, а затем организовать широкое массовое индустриальное строительство.

Знаменательно, что В. И. Ленин обосновал ряд специфических социальных задач нашего градостроительства, промышленной архитектуры, строительства жилых и общественных зданий, а также монументальной пропаганды.

Градостроители не могут не задумываться, какими должны быть города и поселения коммунистического будущего. Это тем более актуально, что ныне возводимые города будут стоять многие десятилетия, если не века. И здесь идеи В. И. Ленина о закономерностях развития городов могут предостеречь нас от многих ошибок и подсказать верные пути.

Самое пристальное внимание В. И. Ленин уделял социальным проблемам градостроительства⁵. Его исторической заслугой является прежде всего то, что он сформулировал генеральную руководящую идею о необходимости при социализме принципиаль-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.3, с.28, 245-246; т.4, С.9, 332-333, 446-447; т.16, с.198; т.17, с.343, 354, 362-363, 533-534, 562; т.18, с.207, 221, 231, 238-239, 259, 278-279; т.19, с.16-18, 234-240, 418; т.21, с.78; т.22, с.194, 518-520; т.37, с.380-384; т.45, с.410.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.3, с.50; т.4, с.333, 335-336; т.17, с.556-557; т.18, с.55, 56-57, 221, 238-239, 281; т.19, с.5-6, 344-345; т.20, с.307, 308, 309; т.23, с.514; т.24, с.275, 511-512; т.25, ч.1, с.98; т.34, с.104; т.35, с.374; т.39, с.88-89.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.6, с.232 и др.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.7, с.131; т.38, с.24-25.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.2, с.220-226; т.3, с.24-25, 431-434, 518-525; т.5, с.441-456; т.36, с.228-231.

по «нового расселения»¹, которая легла в основу советской градостроительной науки и практики. Развивая и конкретизируя эту идею, В. И. Ленин по существу охарактеризовал три основных принципа этого расселения.

Первый — закон роста индустриального населения и индустриальных центров², проявившийся в условиях общественного производства (т.е. и при капитализме, но в особенности при социализме), поскольку именно он отражает действие основных градообразующих факторов. Эту тенденцию закономерности роста городов при общественном производстве зафиксировали еще основоположники марксизма³. Сущность этого закона («именно закона») состоит, по мысли В. И. Ленина, в том, что развитие общественного производства неизбежно порождает рост индустриального населения и концентрацию его в индустриальных центрах разных размеров и типов (города, поселки и т.п.). В. И. Ленин писал: «Известно, что города во всех современных государствах... растут гораздо быстрее, чем деревня, что города представляют из себя центры экономической, политической и духовной жизни народа и являются главными двигателями прогресса»⁴. Данные о росте городов и поселков в СССР целиком и полностью подтверждают ленинские выводы о закономерном развитии индустриальных центров при социализме.

Другим важнейшим принципом социалистического расселения В. И. Ленин вслед за Ф. Энгельсом⁵ считал относительно равномерное, более пропорциональное размещение промышленности и населения в масштабе всей страны⁶, понимая это не только как научную идею, но и как руководство к действию. В. И. Ленин давал Академии наук поручение принять меры «... для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России. В этот план должно входить: рациональное *размещение* промышленности в России...»⁷. Исходя из его указаний, партия и правительство провели, как известно, большие работы.

Третий важнейший принцип социалистического расселения, о котором говорили К. Маркс и Ф. Энгельс, — уничтожение противоположности между городом и деревней, а затем и существ-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.26, с.74.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.2, с.83, 87-88, 179-180, 203, 220-226; т.3, с.24-25, 306-307, 549-551, 558-563, 581; т.4, с.144-146; т.5, с.150-151; т.17, с.137; т.21, с.404-406; т.23, с.339-342; т.27, с.143-144, 208-210.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.4, с.428; т.8, с.568-569; т.13, с.39; т.25, ч.11, с.187, 201-202, 378, 378-379; т.26, ч.11, с.253.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.23, с.341.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.20, с.308 и др.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.5, с.150-151; т.16, с.227; т.36, с.228-231; т.40, с.62. См. также т.38, с.359; т.42, с.30-32, 227, 341; т.52, с.38.

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.36, с.228-231.

венного различия между ними¹. В. И. Ленин писал: «...решительное признание прогрессивности больших городов в капиталистическом обществе нисколько не мешает нам включать в свой идеал (и в свою программу действия...) уничтожение противоположности между городом и деревней»². В Программу РКП были включены ленинские слова: «Ввиду того, что противоположность между городом и деревней является одной из самых глубоких основ хозяйственной и культурной отсталости деревни... РКП видит в уничтожении этой противоположности одну из коренных задач коммунистического строительства...»³.

При социализме не должно быть двух уровней градостроительной культуры: один — для городских поселений, иной — для сельских. В беседе с Г. Уэллсом Владимир Ильич утверждал: «Будут перестроены не только города; деревни тоже изменятся до неузнаваемости».

У нас уже ликвидирована антагонистическая противоположность между городом и деревней; ныне Программа КПСС нацеливает нас на устранение существенных социально-экономических различий между ними, в том числе и в архитектурно-градостроительной области.

Вместе с тем В. И. Ленин считал целесообразным учитывать при решении градостроительных задач и «эстетическое чувство»⁴. Один из его соратников, В. Д. Бонч-Бруевич, вспоминал: «Владимир Ильич придавал огромное значение украшению города, и он радостно мечтал о том, что «наша Москва», «наш Питер» и другие наши большие города должны украситься, зазеленеть, должны иметь всюду и везде парки и площади, на которых могли бы гулять и отдыхать огромные массы народа».

В. И. Ленин обосновал задачи социалистической архитектуры в области производственных сооружений⁵, понимая под этим не только промышленные, но и сельскохозяйственные постройки, здания для научных институтов, вычислительных центров и т. п.

Он активно участвовал в разработке плана созидательных работ ГОЭЛРО и руководил строительством первых электростанций.

В этой сфере наиболее интересно существо мыслей В. И. Ленина о коренных задачах строительства производственных сооружений при социализме. Он указал на две группы задач строительства производственных сооружений: задачи, связанные с требованиями

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.2, с.223-224, 494; т.3, с.431, 434, 536-541, 546-547; т.4, с.141-144, 155; т.5, с.141, 149-153; т.26, с.74; т.33, с.57, 203; т.38, с.98-99, 123-124; т.39, с.15; т.40, с.108-110; т.42, с.15.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.5, с.150.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.38, с.123-124 и 439.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.5, с.151.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.23, с.93-95; т.24, с.369-371; т.32, с.156-159; т.40, с.108-110; т.42, с.29-32, 156-161; т.44, с.10, 50-52; т.45, с.209, 405.

технологии и технологического прогресса, и задачи по удовлетворению потребностей свободного труда. Он выдвинул идею о технически передовых и вместе с тем гуманных и прекрасных заводах-лабораториях будущего. «При социализме... — подчеркивал В. И. Ленин, — «Электрификация» всех фабрик и железных дорог сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории»¹.

В высказываниях В. И. Ленина о социально-эстетических проблемах жилищного строительства² четкими штрихами обрисована суть этого строительства — устройство удобных, технически совершенных и экономичных квартир для всех трудящихся в сочетании с сетями учреждений общественного обслуживания быта.

В. И. Ленин сформулировал программные требования в области жилищного вопроса: «...только уничтожение частной собственности на землю и устройство дешевых и гигиеничных квартир может разрешить жилищный вопрос»³. При этом он предупреждал о неизбежности жилищной тесноты «на время, пока мы при помощи инженеров... не построим хороших квартир для всех...»⁴.

Интересны и ценны мысли В. И. Ленина, освещающие роль общественных сооружений в организации коммунистического быта⁵, а также в развитии культуры.

В. И. Ленин отмечал влияние технического прогресса в области строительства на преобразование быта: «При социализме... электрическое освещение и электрическое отопление каждого дома избавят миллионы «домашних рабынь» от необходимости убивать три четверти жизни в смрадной кухне»⁶.

Но особенно подчеркивал В. И. Ленин огромное значение преобразования быта на общественной основе (а следовательно, и неразрывно с этим связанного строительства бытовых учреждений), столь необходимого для полного торжества новых общественных отношений: «Настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, *массовая перестройка* его в крупное

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.23, с.93-95.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.7, с.131; т.31, с.44, 255; т.32, с.159; т.33, с.56-59; т.34, с.212, 313-316, 329-330; т.35, с.203-205; т.37, с.494-495; т.38, с.321-322; т.39, с.24-26; т.42, с.5-6, 262-263; т.51, с.185, 312-313; т.52, с.65.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.32, с.159.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.34, с.314.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.23, с.94-95; т.32, с.156-157; т.36, с.75; т.37, с.186; т.39, с.23-26, 201-203; т.40, с.193; т.42, с.368-369; т.43, с.283.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.23, с.94-95.

социалистическое хозяйство... Общественные столовые, ясли, детские сады... — ростки коммунизма, и уход за этими ростками наша общая и первейшая обязанность»¹.

Составленная под руководством В. И. Ленина программа РКП включала в себя и требования широкого культурного строительства, — «создание сети учреждений внешкольного образования: библиотек, школ для взрослых, народных домов и университетов, курсов, лекций, кинематографов, студий и т. п.»².

Большую роль в идейно-эстетическом воспитании масс имеет, как указывал В. И. Ленин, искусство, а в частности, и архитектура как искусство. На то же ориентирует художников и зодчих ленинский план монументальной пропаганды³. Сущность этой идеи состоит в том, что Владимир Ильич предлагал широко и систематически использовать художественные средства сотрудничества всех видов искусства — архитектуры и монументальной скульптуры, мозаики и декоративного оформления, патетических надписей (художественного слова) и музыки для пропаганды идей коммунизма среди миллионных масс трудящихся.

При этом следует помнить, что архитектура является материальной и композиционной основой предполагаемого синтеза искусства, играя в создаваемом единстве роль синтезирующего начала.

Характерно и то, что воплощение ленинской идеи монументальной пропаганды связано, в частности, с созданием ряда выдающихся памятников как Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу, так и самому Владимиру Ильичу. Это не только памятники историческим делам великих людей, это призывные символы нашей борьбы за полную победу коммунизма. Именно в таком духе трактовал роль памятника К. Марксу сам В. И. Ленин.

«И я уверен, что памятник, закладываемый нами великому учителю, послужит призывом к тому, чтобы все наше внимание было обращено на необходимость долго трудиться, чтобы создать то общество, при котором не будет места эксплуатации»⁴.

Мысли К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина об архитектуре и строительстве оказывают огромное влияние на архитектурно-строительную практику нашего общества. Они остаются боевой программой деятельности советских строителей и архитекторов, активно участвующих в создании светлого здания коммунизма.

В. И. Рабинович, доктор философских наук

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.39, с.24-25; т.38, с.425.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.38, с.432.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.37, с.169-170, 171-172; т.38 с.325, 326; т.41, с.105, 106, 158; т.45, с.298; т.50, с.68-69, 73, 101, 120, 150, 182, 191-192, 437; т.51, с.99-100, 182; т.52, с.177, 396; т.54, с.401.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.41, с.105.

БИБЛИОГРАФИЯ

(Предметный указатель социальных проблем архитектуры
в Сочинениях К.Маркса и Ф.Энгельса)

Как уже было указано в Предисловии, данная Библиография предназначена для дальнейшей творческой работы читателей по кругу вопросов, охарактеризованных в книге «Проблемы архитектуры и градостроительства. Из работ и писем К.Маркса и Ф.Энгельса».

Библиография построена по тематическому принципу и включает указания на разделы и фрагменты Сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса, связанные с кругом социальных проблем архитектуры. Указания даются вне зависимости от того, приведена или не приведена интересующая нас мысль К.Маркса и Ф.Энгельса об архитектуре в данной книге: в некоторых случаях экономические обоснования таких мыслей в данной книге представлены шире, в ряде же случаев Библиография дает отсылки к более широкому кругу положений Сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса об архитектуре, ибо читатель ориентируется на дальнейшую самостоятельную работу с текстом их Сочинений.

Вместе с тем при составлении Библиографии мы старались учесть структуру самой книги. Нам пришлось, правда, ввести в Библиографию вводяный раздел («Социально-эстетическая природа архитектуры») и заключительный раздел («Задачи архитектуры и градостроительства при социализме»), но в остальном структура и основные позиции Библиографии соответствуют структуре и содержанию глав 1,2,3,4 книги (они лишь несколько обогащены рядом новых ссылок). Краткая библиографическая справка о наличии в Полном собрании сочинений В.И.Ленина характеристик социальных проблем архитектуры приведена в После словии.

В данной Библиографии все указания даются только на второе издание — К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, тт.1-50 — поэтому в рубриках оказалось возможным ограничиться только отсылками на соответствующие тома и страницы Сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса.

Введение. Социально-эстетическая природа архитектуры

1. Социальная природа архитектуры и города

Архитектура:

— общие положения — 4, 130; 12, 717-718; 13, 43; 19, 334; 20, 357; 23, 189, 191; 24, 169, 180-181, 182-183, 509, 519; 26, ч.1, 252, 294; 28, 210; 46, ч.1, 27-28; 49, 382-383; 50, 389;

— происхождение и развитие — 18, 214; 19, 403, 418; 20, 493, 500, 507-508; 21, 28, 29-30, 30-31, 53, 159; 25, ч.1, 182; 42, 137; 45, 227, 228, 245-246, 258, 275, 317, 320-321, 352;

— социальное место промышленных сооружений — 19, 234; 23, 191; 24, 139-140, 157, 160, 164, 176-177, 180, 182-183, 445-446, 478-479; 26, ч.1, 252; 49, 382-383;

— историческая роль жилища — 3, 26; 8, 211; 18, 207-209; 19, 111-112, 350-351, 390-391; 20, 493; 21, 25-26; 23, 182-183, 667-668; 24, 519; 26, ч.1, 252;

- общественные сооружения — 3, 28; 11, 76; 12, 6, 15; 16, 509; 18, 209; 23, 345, 521-522; 25, ч.II, 183; 26, ч.II, 587; 31, 427, 501-508;
 - архитекторы, архитектурное проектирование — 1, 68; 11, 76; 20, 202-206, 309, 346-347; 23, 189; 31, 501-508; 37, 380-381; 39, 98; 42, 222-224; 47, 408.
- Город:**
- общие положения — 1, 306, 452-455, 3, 28, 50; 19, 397; 28, 210; 45, 338; 46, ч.1, 470; 48, 429;
 - город как система — 46, ч.1, 470;
 - проблема расселения — 19, 397;
 - город и деревня (см. разделы 1.3, 3.1, 3.2, 3.3, Заключение, разд. 3).

2. Эстетические и художественные проблемы архитектуры

Эстетические достоинства архитектурной среды:

- эстетизация жилой среды — 1, 451-455; 2, 254, 263, 272-273, 278-279, 281, 285; 5, 499-502, 507, 516-518; 188, 252; 19, 340, 397;
- «похорошение» городов — 12, 450-451; 15, 533; 17, 98; 18, 256-257; 21, 334; 23, 379, 381, 671-672, 673-677; 31, 427; 39, 98, 103, 113, 115; 46, ч.1, 470; 50, 389-390.

Художественные проблемы архитектуры:

- общие положения — 1, 33; 31, 427;
- «архитектура как искусство» — 4, 427; 21, 33, 164; 23, 379; 41, 113; 45, 258;
- архитектурные памятники — 12, 6, 15; 16, 509; 17, 362-363; 23, 345, 381, 521-522, 697; 25, ч.II, 183; 26, ч.II, 587; 28, 210; 31, 427;
- архитектурные стили — 1, 451-452; 2, 282; 31, 427; 41, 113; 50, 475;
- архитектурное искусство в буржуазном обществе — 2, 263, 279, 281, 285; 4, 427; 23, 345; 39, 98; 50, 389-390.
- памятники архитектуры и пролетарская революция — 17, 351, 362-363.

1. Общество и искусственная среда обитания

1.1. Влияние развития производительных сил и производственных отношений на архитектурно-градостроительную среду

Влияние способа производства на архитектуру и город:

- общие положения — 12, 726; 21, 163; 24, 262-265; 35, 374; 46, ч.III, 16-17, 23;
- влияние развития производства на рост городов — 2, 12-13, 249, 253, 256-257, 261-262, 362-363; 3, 60-61; 4, 183; 9, 92-93; 13, 39; 18, 207-208; 19, 299; 23, 768; 35, 374;

Промышленная архитектура:

- ее социальная природа — 3, 56-57; 19, 234; 23, 191; 24, 139-140; 157, 160, 164, 176-177, 180, 182-183, 445-446, 478-479, 26, ч.1, 252, 294; 49, 382-383;
- возникновение в докапиталистическом обществе — 4, 155; 38, 169-170; 47, 408, 411, 415;
- капиталистический строй и промышленная архитектура — 2, 283-285; 4, 431; 18, 239, 302; 19, 212, 233-236; 20, 331; 23, 286, 437-438, 493, 500-501; 25, ч.1, 98-99, 103-104; 25, ч.II, 342; 38, 397-401; 48, 410;
- влияние технического прогресса на ее развитие — 2, 413; 18, 281, 302; 19, 212, 233; 23, 390, 437-438; 25, ч.1, 98-99; 25, ч.II, 342; 35, 374; 46, ч.II, 203; 47, 388, 403-404, 438, 503, 504;
- промышленная архитектура и социализм — 4, 333, 446-447; 17, 533, 556; 18, 54-57, 239, 278, 281; 23, 500-501; 47, 504.

1.2. Классовая структура общества в городах

Классы и архитектура:

- общие положения — 2, 517; 15, 533-536; 16, 452, 454; 17, 98, 362-363; 18, 209-212, 228-238, 243-245, 245-250, 257-259, 260, 263-264, 274-275; 19, 233-240

296-299; 21, 338, 341-344; 23, 244-246, 718-719; 24, 587-589; 25, ч.1, 98-99, 103-104, 26, ч.11, 242; 26, ч.111, 303;

- социальная структура докапиталистического города — 3, 50-53, 39, 399;
- классовая структура буржуазного города — 1, 625; 2, 263-264, 270-302;
- 3, 54-57, 59, 61; 4, 46-50; 18, 213-215; 22, 139, 275, 329-330; 23, 671-672;
- классовая дифференциация и архитектура — 2, 266-269, 270-302; 6, 432;
- 22, 275; 23, 671-677; 24, 587-589; 36, 242; 38, 50; 42, 87-90; 49, 136;
- лицемерная система застройки — см. раздел 1.3;
- концентрация рабочего класса в городах — 2, 256-257; 4, 326; 16, 71;
- 18, 214-215; 23, 513-515.

Национальное и интернациональное в архитектуре:

- 2, 272, 326-327; 3, 61; 35, 136; 38, 273-274; 50, 388-390, 475-476.

1.3. Жилищное строительство и градостроительство

Жилищный вопрос:

- общие положения — 3, 28; 8, 132, 228, 230; 9, 481; 12, 717-718; 18, 203-284; 19, 418; 21, 53; 27, 269-270; 31, 201-202; 33, 384, 392, 417-418; 36, 437;
- жилище в докапиталистическом обществе — 3, 28; 8, 211; 18, 207, 214-215;
- 19, 88-89, 341; 22, 555; 23, 691; 25, ч.11, 371-372;
- жилищный вопрос при капитализме — 1, 434, 455-456; 2, 266-269, 270-285, 286-302, 309-310; 4, 431; 9, 481; 18, 207-208, 209-212, 237-238; 21, 334-335;
- 22, 139; 23, 694-705, 718-719; 36, 242; 49, 136;
- высокий уровень квартплаты — см. разд. 2.2;
- благоустроенные дома для богатых — 2, 267, 282-283;
- трущобы для рабочих — 2, 266-269, 272-285, 286, 289-291, 296-302, 326-327;
- 12, 552-553; 18, 207-208, 228-229, 231; 19, 197-198; 20, 271-272, 671; 23, 278-280, 500-501, 671-677, 26, ч.111, 303; 29, 280; 31, 206; 39, 103-104, 115; 42, 137;
- бездомные низы общества — 1, 455-456; 2, 270-272; 19, 198; 23, 667, 678;
- 49, 136;
- жилищное строительство при капитализме — 2, 279, 285, 413; 18, 209, 218-219, 240, 242-243; 23, 671-675; 24, 262-264; 25, ч.11, 325, 334-336; 39, 103-104;
- система постройки коттеджей — 2, 281-282, 291-295, 409-410, 411, 413;
- 18, 234-238, 240, 242-254; 21, 263, 338, 340-344; 22, 276, 330; 23, 588-589, 679-681; 24, 587-589; 26, ч.11, 250;
- лицемерная система застройки — 2, 282-283, 413; 8, 175-176; 12, 450-451;
- 16, 533-536; 18, 209, 239, 245, 252-253; 21, 262-263; 22, 275, 329-330; 24, 587-589;
- невозможность решения жилищного вопроса при капитализме — 2, 517;
- 18, 208, 214, 221, 231, 246, 253-254, 255, 259; 21, 338, 340-342, 343-344;
- решение жилищного вопроса после победы пролетариата — 3, 28; 4, 9, 333; 17, 534, 562; 18, 207-208, 214-215, 221, 231, 238-239, 259; 21, 78; 22, 194; 45, 470.

Развитие городов:

- общие положения — 2, 261-262; 3, 28, 50; 10, 536; 18, 207-208;
- отделение города от деревни — см. раздел 3.1;
- противоположность между городом и деревней — см. разд. 3.1;
- города в рабовладельческом обществе — 7, 360; 19, 459, 469, 472; 20, 239, 644, 647; 21, 104, 114, 153; 23, 379; 25, ч.1, 363, 365; 28, 210;
- города в средние века — 3, 50-53; 4, 148, 472, 475; 7, 347, 352-356, 360, 418; 8, 357; 10, 432; 11, 308; 14, 28; 16, 386; 18, 571; 19, 111, 336, 340;
- 20, 279, 647; 21, 406-407; 23, 727-728, 730; 25, ч.1, 367; 26, ч.11, 256-257;
- 26, ч.111, 432; 28, 210, 322-324, 39, 399; 47, 419; 48, 355;
- рост больших городов при капитализме — 1, 542; 2, 12-13, 253, 256-257, 261-262, 263-264, 272-309, 352-353; 3, 50, 54-57, 60-61; 4, 428; 5, 42; 11, 280;
- 17, 586; 18, 209, 220, 238-239, 243; 19, 397; 20, 152-153, 272, 671; 21, 201, 312, 334-335; 22, 280-281, 335; 23, 278-280, 513-515, 672; 25, ч.11, 202, 457; 26, ч.11, 328; 35, 216; 36, 199;
- рост городского населения за счет сельского — 1, 617; 2, 256-257, 290;
- 4, 428; 8, 568-569; 13, 45; 18, 54-57; 19, 198-199, 344-345; 20, 307, 671; 22, 299

- 280-281, 335; 23, 657, 704-705, 757, 25, ч. II, 187, 201-202, 378;
— благоустройство и «похорошение» городов при капитализме — 12, 450-451;
15, 533-536; 17, 98, 351, 362-363; 18, 209, 256-259; 23, 672, 673, 675; 25, ч. I, 146-147;
35, 374; 39, 98, 103, 113, 115; 50, 388-390, 475-476;
— город и пролетарское движение — 1, 530; 2, 256-257, 354-355; 3, 350;
4, 272, 328; 8, 569; 16, 71, 74, 298; 18, 214-215; 20, 508; 21, 405; 28, 255, 322-324;
— уничтожение противоположности между городом и деревней при социализме — см. разд. 3.3 и Заключение, разд. 3

1.4. Фабрика, жилище, город и образ жизни

Образ жизни как категория научной социологии — 3, 19; 16, 147; 18, 215-216; 23, 274-275; 26, ч. III, 264-265, 265-266.

Капитализм и образ жизни:

— труд и фабрика — 2, 243-245, 378, 413; 19, 233-240; 23, 244-246, 500-501; 25, ч. I, 98-99, 103-104;

— быт и жилище — 2, 270-285, 313, 326-327, 354-355, 375, 413, 426-427, 485-486, 507-509; 18, 203-284; 19, 237-238; 20, 271-272, 671; 23, 667-668; 26, ч. II, 242; 38, 50; 42, 52, 71, 87-90;

— образ жизни и общественные сооружения — 1, 518-519; 2, 413; 4, 447;

— город и образ жизни — 1, 607; 2, 263-264, 413; 5, 507; 8, 11-12; 20, 271-272, 671; 21, 312, 405; 23, 513-515; 26, ч. II, 253; 35, 216; 36, 199.

Тенденции развития социалистического образа жизни — 4, 447; 18, 238-239, 276-277; 19, 233-240; 23, 500-501, 513-515; 26, ч. III, 264-265, 265-266.

2. Экономические законы и строительство

2.1. Потребительная стоимость, стоимость, цена и строительство

Строительство как вид материального производства:

— 24, 78-79, 258, 264.

Экономика и строительство:

— социальные отношения и строительство — 20, 507-508; 21, 63, 202-203; 22, 555; 23, 474-475; 24, 262-265;

— при капитализме — 13, 14-15; 16, 72, 452, 454; 17, 98; 18, 540; 23, 244-246, 672, 673, 675, 678; 24, 209, 262-265, 541-542; 25, ч. I, 98-99. См. также разделы 2.2 и 2.3.

Технический прогресс в строительстве:

— 23, 672; 24, 264; 25, ч. I, 90, 93, 94; 25, ч. II, 325, 335; 38, 397-401; 50, 388.

Ремонтно-строительные работы:

— 2, 295-296; 19, 237; 24, 189-191, 193-194, 196-197, 198-199, 202-203; 37, 219; 49, 378.

2.2. Жилище как товар и квартирная плата

Жилищный вопрос при капитализме:

— общая характеристика — 1, 434; 4, 431; 18, 203-284; 19, 237-238.

Социально-экономическая сущность квартирной платы при капитализме:

— 2, 409-410, 413; 4, 431; 18, 210-211, 213-214, 216-217, 218-219, 221-222, 224-225, 231, 246, 265-268; 19, 237-238; 23, 186, 673-674; 24, 169, 511, 541-542, 542-543; 25, ч. II, 331, 334-336; 26, ч. III, 381; 42, 71. См. также разд. 2.3.

Товарные отношения в сфере архитектуры при социализме:

— 18, 278-279, 280; 24, 511-512.

2.3. Земельная рента на строительные участки и цена земли

Земельная рента в городах:

— 8, 354; 18, 207-209; 19, 397; 25, ч. II, 334-335.

Земельная рента на строительные участки и строительство при капитализме:
 18, 209-214, 218, 221, 224-225, 265-268, 275-279; 23, 671-674; 24, 263-265, 542-543; 25, ч.II, 167-168, 169, 170-171, 175, 183, 316-317, 325-331, 334-336, 342, 365; 26, ч.II, 22, 30, 74, 265, 402-403; 26, ч.III, 381; 42, 75, 75-77; 48, 207-208, 410, 496-497.

Земельная рента и архитектура в буржуазном обществе:
 рента и жилищный вопрос – 18, 209-214, 214-215, 216, 219, 221, 224-225, 265-268, 279-280; 26, ч.II, 22;

влияние ренты на вздорожание квартирной платы – 18, 209, 211, 279-280; 23, 671-674; 25, ч.II, 331, 334-335; 26, ч.III, 381; 42, 75-77; 48, 207-208;

барьер ренты и спекуляция земельными участками в городах – 18, 209; 24, 263-265; 25, ч.II, 321, 324-325, 335-336, 365; 48, 496.

Рентные отношения при социализме в сфере архитектуры:
 – 18, 278-279, 280; 24, 275.

3. Город и деревня

3.1. Различия и противоречия между городом и деревней

Социальные различия между городом и деревней:
 – 1, 617; 3, 20-24, 49-50, 372, 400; 12, 726, 733; 18, 276; 19, 5-6; 20, 301-302, 303; 21, 114, 165-166, 168, 176; 23, 365; 26, ч.II, 202, 365, 369; 34, 104; 36, 214-215.

Противоположность между городом и деревней:
 – в докапиталистические эпохи – 3, 21; 6, 267-268; 12, 733; 21, 114, 165-166, 176; 25, ч.II, 365, 369;

– обострение противоположности между городом и деревней при капитализме – 3, 46; 4, 428; 6, 267-268; 8, 376; 16, 74, 298; 17, 556; 18, 238, 276-277; 20, 152-153, 168, 301, 303, 304, 307; 25, ч.II, 378-379, 26, ч.II, 528;

рост городского населения за счет сельского – см. разд. 1.3.

город и пролетарское движение – см. разд. 1.3.

Уничтожение противоположности между городом и деревней при социализме – см. разд. 3.3 и Заключение, разд.3.

3.2. Города и ландшафты

Городские ландшафты:
 – 1, 451-456; 2, 263-264, 266-267, 268-269, 270-285, 285-302; 5, 500-502; 21, 16-17; 22, 429-430; 33, 408-409; 34, 20; 36, 331-332; 37, 358; 39, 98, 103, 113, 114-115; 45, 3, 6-7; 50, 388-390, 475-476.

Сельские ландшафты:
 5, 499, 507, 516-518; 33, 258; 37, 74-77; 45, 4-6

Город и экологическая среда:
 – 2, 296, 330-335, 391, 413; 18, 228, 257; 20, 307-308, 357, 497; 23, 513-515, 671; 33, 258; 34, 104; 39, 108.

3.3. Уничтожение противоположности между городом и деревней при социализме

Необходимость уничтожения социальной противоположности города и деревни: – 3, 28, 50; 4, 333, 335-336, 447, 456; 17, 556-557; 18, 54-55, 221, 276-277; 19, 5-6; 20, 307-308; 23, 513-514; 25, ч.II, 371-372; 27, 404; 34, 104.

Пути уничтожения противоположности между городом и деревней при социализме: – 3, 28, 50; 4, 333, 447; 18, 56-57, 238-239; 19, 344-345; 20, 308, 309; 21, 405; 22, 518-520; 23, 513-515; 35, 374; 37, 380-381, 39, 88-89;

– закономерный рост индустриальных центров – 3, 28; 8, 568-569; 18, 209; 25, ч.II, 201-202; 26, ч.II, 528. См. также разд. 1.3;

– планомерное, более равномерное размещение населения в масштабе страны – 4, 447; 18, 238-239; 20, 305-307; 35, 374.

4. Производство, потребности, развитие личности

4.1. Дифференциация потребностей при капитализме: дворцы и жилища рабочих:

— 2, 266-269, 270-302, 326-327, 517; 6, 432; 12, 552-553; 19, 237-238; 23, 278-280, 584-585, 718-719; 24, 587-589; 26, ч.II, 586-587; 26, ч.III, 303; 42, 52, 129-130, 130-131, 131-132, 133-134, 137.

См. также разделы 1.2 и 1.3.

4.2. Потребительная стоимость и удовлетворение потребностей:

— 12, 717-718; 17, 586; 18, 257; 19, 390-391; 20, 493; 21, 168; 23, 182, 183, 185-186, 244-245, 584-585; 24, 587-589; 26, ч.I, 294.

4.3. Относительный характер общественных потребностей и архитектура:

— 6, 446; 26, ч.I, 98-99; 25, ч.I, 264-265, 265-266, 294; 46, ч.I, 27-28, 28-29, 386.

4.4. Социалистическое общество, потребности, личность:

— 1, 518-519; 3, 245-246, 542; 17, 562; 18, 215-216, 276-277, 412-414; 19, 5-6; 16-17, 20, 233-240; 23, 274-275, 500-501, 513-515; 26, ч.III, 264-265, 265-266; 42, 120.

Заключение. Задачи архитектуры и градостроительства при социализме

1. Утопический социализм об архитектуре и городе будущего:

— 1, 531-532, 596; 2, 541-543; 4, 455-457; 13, 46-47; 14, 459-460; 17, 562; 18, 221, 238-239, 275-277; 19, 198-199, 200; 20, 272, 273-274, 275-276, 304-305; 23, 86; 27, 8; 42, 215-225; 49, 178.

— критика мелкобуржуазного индивидуализма утопического социализма и «казарменного коммунизма» — 4, 9; 18, 214-215, 217-219, 237, 239, 412-415;

— его стремление «предуказывать форму» архитектуры — 4, 455-457, 14, 460; 17, 562; 18, 275, 277, 278-279, 283-284, 414.

2. Задачи архитектуры после социалистической революции:

— 3, 28, 245-246, 542; 4, 9, 332-333, 446-447; 16, 198; 17, 343, 351, 362-363, 533, 534, 562; 18, 207, 221, 231, 238-239, 259, 276-279, 281-284; 19, 16-18, 233-240, 418; 21, 78; 22, 194, 518-520; 23, 500-501; 37, 380-381; 45, 470;

— рабочий контроль и национализация — 4, 332, 446; 17, 351, 533; 18, 221, 278; — в области промышленной архитектуры — 4, 333, 446; 17, 533, 556; 18, 239, 278, 281; 19, 233-235, 344-345; 23, 500-501;

— жилищный вопрос — 3, 28; 4, 9, 333; 17, 534, 562; 18, 207-208, 221, 231, 238-239, 259, 274, 278-279; 22, 194; 45, 470;

— организация обобщественного домашнего хозяйства — 3, 28; 4, 333; 19, 418; 21, 78;

— школы — 4, 333, 447; 16, 198; 19, 16-18;

— отношение к памятникам архитектуры — 17, 351, 362-363;

— социализм и архитектура — 37, 380-381;

— градостроительство — 3, 28; 4, 333, 447; 17, 343; 18, 276-277, 278; 19, 344-345; 21, 308, 309; 34, 104; 35, 374. См. также Заключение, разд.3.

3. Уничтожение противоположности между городом и деревней при социализме:

— 3, 28, 50; 4, 333, 335-336, 447; 17, 556-557; 18, 54-55, 56-57, 221, 238-239, 276-277, 278, 281; 19, 5-6, 233, 344-345; 20, 307, 308, 309; 23, 513-515; 24, 275, 511-512; 25, ч.I, 98; 27, 404; 34, 104; 35, 374; 37, 380-381; 39, 88-89.

4. Коммунизм и архитектура:

— 4, 447; 19, 20.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому изданию	5
Предисловие	10
1. Общество и искусственная среда обитания	
1.1. Влияние развития производительных сил и производственных отношений на архитектурно-градостроительную среду	15
1.2. Классовая структура общества в городах	47
1.3. Жилищное строительство и градостроительство	70
1.4. Фабрика, жилище, город и образ жизни	105
2. Экономические законы и строительство	
2.1. Потребительная стоимость, стоимость, цена и строительство	130
2.2. Жилище как товар и квартирная плата	144
2.3. Земельная рента на строительные участки и цена земли	155
3. Город и деревня	
3.1. Различия и противоречия между городом и деревней	171
3.2. Города и ландшафты	186
3.3. Уничтожение противоположности между городом и деревней при социализме	203
4. Производство, потребности, развитие личности	
4.1. Дифференциация потребностей при капитализме: дворцы и жилища рабочих	218
4.2. Потребительная стоимость и удовлетворение потребностей	238
4.3. Относительный характер общественных потребностей и архитектуры	251
4.4. Социалистическое общество, потребности, личность	260
Послесловие	285
Библиография (Предметный указатель социальных проблем архитектуры в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса)	297

Научное издание

ГЕРХАРД ШМИТЦ

ПРОБЛЕМЫ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА.

Из работ и писем К. Маркса и Ф. Энгельса

Редакция переводных изданий

Зав. редакцией Р. Л. Рощина

Редактор И. А. Городецкая

Мл. редактор С. В. Петрашова

Технические редакторы О. С. Александрова, Т. Ф. Александрова

Корректоры Е. А. Степанова, Г. Г. Морозовская

ИБ № 3191

Сдано в набор 18.06.86. Подписано в печать 24.09.87. Формат 60×90 1/16. Бумага типографская №1. Гарнитура Обыкновенная левая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19. Усл.кр. отт. 27.84, изд. л. 19,58. Тираж 3 200 экз. Изд. № АУШ 178. Заказ 0866. Цена 4 р. 20 к. В суперобл. 4р. 30к.

Стройиздат. 101452, Москва, Калужский, 23а

Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 7 «Печать Революция»
Совзнамтиграфизма Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии
и книжной торговли. Москва, 103001, Грехирудный пер. 9

Г. Шмитц

**ПРОБЛЕМЫ
АРХИТЕКТУРЫ
И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА**

МОСКВА
СТРОЙИЗДАТ

